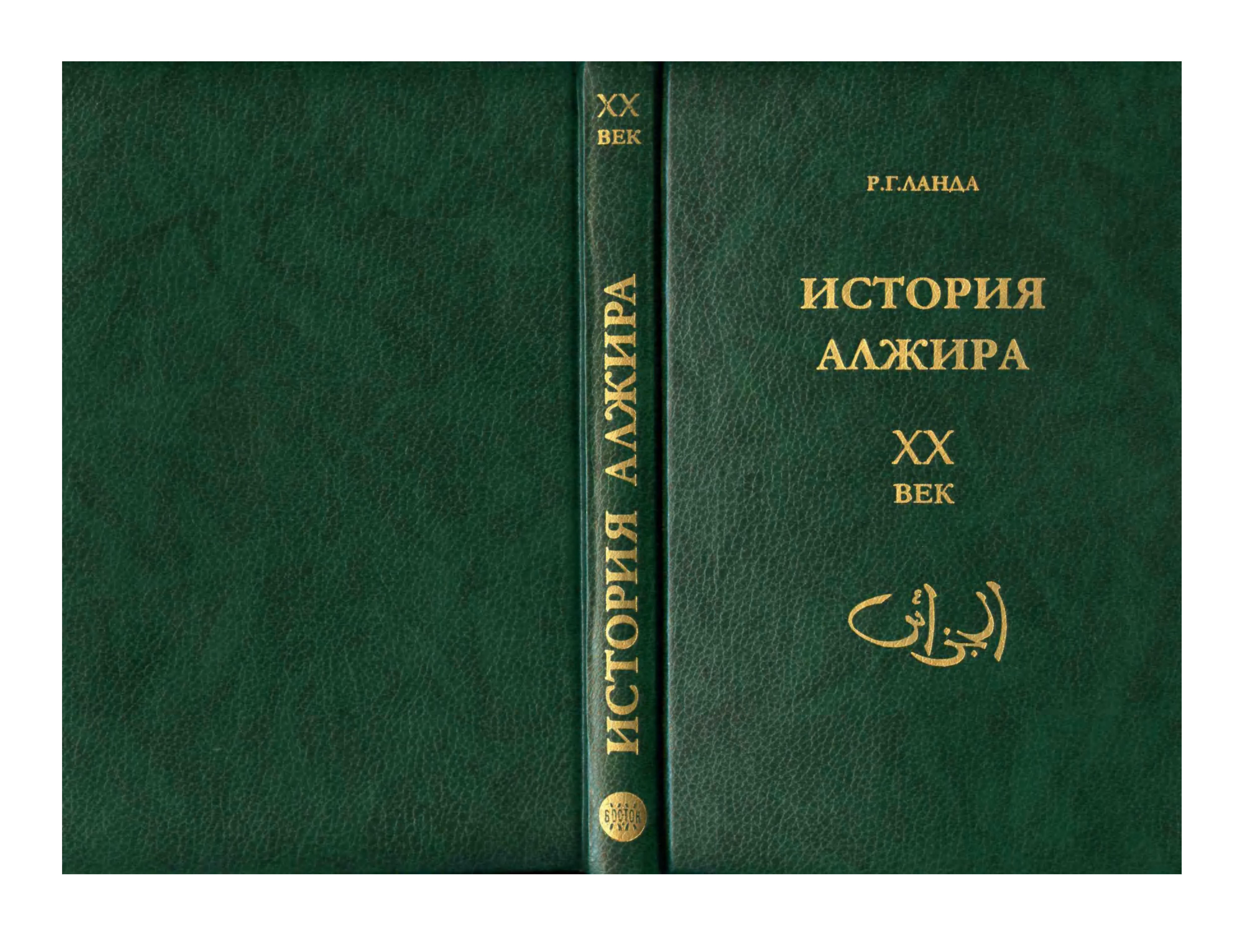

XX
ВЕК
ИСТОРИЯ АЛЖИРА
ВОСТОК
Р.Г.ЛАНДА
ИСТОРИЯ
АЛЖИРА
XX
ВЕК
الجزائر

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

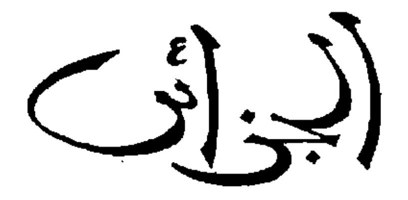
ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА
XX ВЕК

Серия основана в 1998 г.

الجزائر الجزائر الجزائر الجزائر الجزائر

Р.Г.ЛАНДА

ИСТОРИЯ АЛЖИРА
XX ВЕК

Москва
ИВ РАН
1999

الجزائر الجزائر الجزائر الجزائر الجزائر

ББК 63.3(5) (6Ал)
Л22

Отв. редактор тома
А.З.Егорин

Редактор издания
Г.В.Миронова

Л22 **Ланда Р.Г.**
История Алжира. XX век.
М.: Институт востоковедения РАН, 1999. - 308 с.

ISBN 5-899282-101-3

В монографии проанализированы основные этапы развития Алжира в XX веке от "младоалжирского периода" 1900-1914 гг. до "политической весны" 1988-1991 гг. и гражданской войны 1992-1996 гг. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Может быть использована для преподавания в вузах курсов всеобщей истории и новейшей истории Востока

Автор монографии - известный востоковед, специалист по новейшей истории арабских стран и социально-политической проблематике современного афро-азиатского мира. Его перу принадлежат 20 книг, в том числе "Средиземноморье глазами востоковеда" (М., 1979), "История алжирской революции. 1954-1962" (М., 1983), "Управленческие кадры и социальная эволюция стран Азии и Африки" (М., 1985), "Ислам в истории России" (М., 1995).

ББК 63.3(5) (6Ал)

ISBN 5-8282-101-3

ВВЕДЕНИЕ

Алжир – государство на севере Африки. Территория – 2381,7 тыс. кв. км [1]. Население (по приблизительной оценке на июль 1993 г.) – 27,3 млн. человек, в том числе 44% моложе 15 лет и 56% моложе 20 лет. Из них около 1,2 млн. кочевников и примерно 1 млн. мухаджиров, т.е. эмигрантов, постоянно живущих в основном во Франции, а также в Бельгии, ФРГ, Швейцарии. Впрочем, ныне немало алжирцев разбросано по всему миру от США до Боснии и Афганистана. Среди алжирцев большинство (свыше 17 млн.) говорит по-арабски, но значительная доля жителей страны (около 4 млн.) говорит также на различных диалектах берберского языка или только по-берберски (до 13% всех алжирцев) [2]. В то же время среди горожан определенная часть говорит по-французски, что является следствием 132 лет (1830-1962 гг.) французского господства в стране.

Почти все алжирцы – мусульмане, за исключением нескольких тысяч берберов-христиан [3]. Христианами являются также проживающие в стране французы, испанцы, итальянцы, мальтийцы, греки и другие европейцы, до 1962 г. составлявшие до 10% населения Алжира. Ныне их гораздо меньше, но они сохраняют влияние ввиду раннее завоеванных позиций в экономической и социальной жизни, а также ввиду продолжающегося, несмотря на неблагоприятные условия последних лет, процесса модернизации и относительной культурной вестернизации алжирского общества, особенно – городского.

Основу алжирского народа составляют потомки берберов, которые более 25 веков назад вышли на историческую арену и назвали себя, как подчеркнул в 1983 г. президент Алжира, "амазиг, т.е. свободные люди" [4]. Однако решающую роль в формировании национальной культуры Алжира сыграла арабо-исламская цивилизация. Первые арабы появились здесь в VII веке и застали на севере Африки зону обширного влияния финикийской и латинской цивилизаций. Берберы к тому времени обогатились политическим опытом Карфагена (с VIII века до н. э.) и Рима (со II века до н. э.), частично приобщились к христианству и иудаизму, а в городах тогда, наряду с ними проживали потомки карфагенян, греков, римлян, вандалов, среди которых были распространены пунический и

латинский языки. Вследствие этого процесс исламизации и арабизации местных жителей растянулся на многие века.

Особенно интенсивно он шел в XI–XVII вв., когда сельская местность подверглась нашествию из Египта бедуинских племен бану хиляль, а в города переселилось много мавров из аль-Андалуса (т.е. с Иберийского полуострова), отступавших под напором Реконкисты. Бедуины арабизировали алжирскую деревню, уничтожая, ассимилируя или оттесняя в горы местных берберов. Мавры аль-Андалуса в городах делали тоже самое, но – мирным путем социальной аккультурации, ибо они намного превосходили берберов и прочих жителей Магриба в сферах науки, литературы, медицины, теологии, садоводства, ремесел. Впрочем, по мнению французского историка Роже Ле Турно, "основными проводниками арабизации были сами берберы" [5]. Для них арабский язык был языком религии, литературы (у берберов нет своей письменности), науки, торговли, управления и т.д. Тем не менее, арабизация берберов шла крайне медленно. В частности в 1830 г. около половины алжирцев продолжали говорить по-берберски [6].

Важным фактором сплочения разных этнических групп алжирцев стал ислам. Он довольно быстро вытеснил прочие верования: христианство – среди горожан, анимизм и иудаизм – среди берберов. Арабы не навязывали местным жителям своей религии. Однако исламизация явно обгоняла арабизацию. Разноплеменные жители "Среднего Магриба" (так называли Алжир в середине века, в отличии от "Дальнего Магриба" – Марокко и "Ближнего" – Туниса), говорившие на латыни, на пуническом, по-берберски и по-гречески, добровольно принимали ислам, так как это избавляло их от уплаты джизьи (подушной подати с немусульман), освобождало от всех форм рабства (мусульманин не мог быть рабом) и зависимости от лиц других религий, открывало путь к политической карьере. Тесная связь ислама с арабским языком (языком Корана и основанного на нем шариата, т.е. мусульманского законодательства) и арабской культурой, переживавшей в VIII-XIII вв. пору своего расцвета, также сыграла определенную роль. Став мусульманином, магрибинец любого происхождения фактически становился полноценным членом общества, формировавшегося в эпоху арабских завоеваний от Пиренеев до Гималаев. Поэтому и последующие включения в это общество иноязычных чужеземцев с Востока или Запада, будь то бедуины бану хиляль, турецкие завоеватели XVI в. или мавры аль-Андалуса, особых проблем этнокультурного и психологического плана не

создавали, так как все они (как и появившиеся в XI в. берберы санхаджа, прикочевавшие из Сахары) были мусульманами.

Помимо всего, ислам объединял всех алжирцев под лозунгом защиты от "неверных". Особую роль при этом играл "народный" ислам, в котором, наряду с почитанием Корана и шариата, был очень силен восходивший к доисламским временам культ местных святых и сил природы. Возникшие в Магрибе, как и во всем мире ислама, религиозные братства руководились марабутами (т.е. "людьми рибатов" – появившихся в XI в. укрепленных крепостей – обителей). Марабуты считались носителями ниспосланной на них божественной благодати ("барака"). Часть их была странствующими мистиками – суфиями (от араб. "суф", т.е. шерсть, так как они носили плащи из грубой шерсти). Из них состояло руководство религиозных братств, располагавших в Алжире особыми центрами ("завиями"), обычно соединявшими в себе крепость, мечеть, хранилище рукописей, школу и куббу, т.е. мавзолей, марабута-основателя. Таких завий к началу XIX в. в Алжире было 400 [7].

Благодаря марабутам, многие из которых причисляли себя к шерифам (потомкам пророка Мухаммеда), Алжир имел в Европе репутацию крайне воинственной страны, хотя фактически был раздроблен на множество феодальных эмиратов (княжеств) и городов-государств. На силе марабутов и вооруженных племен во многом основывалась мощь наиболее значительных династий, правивших Алжиром в XI-XVI вв. Им приходилось постоянно отбивать вторжения кочевников и нападения каталонских, генуэзских и сицилийских корсаров. Корсары Магриба, особенно Алжира, также не оставались в долгу. Впрочем, по мнению Жана Монлау, "корсарство было всего лишь формой священной войны на море" [8]. Особенно воинствующий характер корсарство Алжира приняло после его включения в состав Османской империи. Бесконечные войны постепенно привели в упадок торговлю, земледелие, ремесла и градостроительство. Начавшаяся в XVI в. экспансия Испании вынудила алжирцев обратиться за помощью к османским "гази", т.е. борцам за веру. Овладевший страной гази Арудж повел решительную борьбу с испанцами. Но в 1518 г. он был убит; а его брат Хайраддин Барбаросса признал себя вассалом турецкого султана. С помощью турок Хайраддин организовал семь военно-морских экспедиций против Испании, в ходе которых сжег много селений, захватил много пленных и вывез в Алжир десятки тысяч морисков, т.е. насильно обращенных в

католичество испанских мавров. Все попытки испанцев уничтожить "гнездо корсаров" в Алжире кончались неудачей, включая мощную экспедицию во главе с королем Испании Карлом Габсбургом в 1541 году. Иногда в Алжире скапливались до 35 тыс. пленных. Наибольших успехов в борьбе с алжирскими корсарами добивались мальтийские рыцари, обычно державшие в плену на Мальте около 10 тыс. мусульман [9]. Но в целом европейцы ничего не могли противопоставить быстроходным, маневренным и хорошо оснащенным кораблям Алжира. Поэтому восемь государств Европы, включая будущую "владычицу морей" Англию, регулярно платили Алжиру ежегодную дань [10].

Ливийский автор Абдаллах Омар считает, что "капитанами корсарских кораблей в основном были не местные жители и турки, а европейцы – ренегаты, принявшие ислам, выходцы из других регионов Средиземноморья", которые и "обучили корсаров – мусульман новому искусству кораблестроения и навигации". Он указывает на то, что в XVII в. "в столице Алжира четверть всех жителей составляли пленники – христиане" [11]. Действительно, многие ренегаты (турки их называли "мевлед – руми", т.е. "урожденные христиане") играли видную роль в корсарском деле – калабриец Ульдж Али (бейлербей Алжира в 1568-1571 гг.), венецианец Хасан Венециано, дважды управлявший Алжиром (1577-1580 гг., 1582-1588 гг.) и громивший Геную и Барселону, корсиканец Хасан Корсо, венгр Джафар и другие. Однако не меньшую роль играли и мориски. В 1615 г. в столице страны их было 6 тыс., и они владели 1 тыс. домов [12]. Кроме того, значительные их общины проживали в 14 алжирских городах, включая главные порты Аннаба, Арзев, Беджайя, Мостаганем, Рашгун, Хонейн. Обуреваемые жаждой мести за изгнание с родной земли, мориски много сделали для укрепления побережья Алжира, для строительства и оснащения военных кораблей, снаряжения морских экспедиций, тем более, что среди них было немало бывших моряков и артиллеристов, хорошо знавших побережье Испании и принадлежавших ей тогда южной Италии и Сицилии [13].

Постепенно Алжир становился все более самостоятельным в рамках Османской империи. С 1671 года им стал управлять дей (от турецкого "дайи" – дядя), пожизненно избиравшийся диваном (советом) из янычарских начальников (ага) и корсарских капитанов (раисов). Дей был фактически независим, хотя регулярно посылал султану подарки, в обмен получая оружие и разрешение на вербовку в Турции янычар. Турки старались

послать в Алжир самых буйных и непокорных, которых алжирцы называли "анатолийскими быками". Сами же янычары называли себя "йолдаши" ("товарищи"), были смелы, жестоки и склонны к мятежам, во время которых нередко убивали неугодных им деев.

К концу XVIII в. государство деев пришло в упадок: дею перестали подчиняться правившие провинциями беи, население уменьшилось вследствие потерь от эпидемий чумы и прочих стихийных бедствий, в частности засух и неурожаев, участились мятежи отдельных племен и областей. Резко сократились доходы от корсарства вследствие ударов, нанесенных алжирскому военно-морскому флоту эскадрами Англии, Франции и Голландии. Сказалось и сокращение помощи от переживавшей в конце XVIII в. серьезный кризис Османской империи, из которой почти прекратился приток свежих пополнений янычарского войска, оружия и снаряжения. Почти 300-летний "османский период" подходил к концу.

Но именно тогда Алжир возник, как государство: впервые сформировались его границы в их современном виде (ранее они были достаточно размытыми и неопределенными), единство его территории (в предшествовавшие периоды неоднократно нарушавшееся более могучими соседями с запада и с востока), сложная система управления — "дар ас-султан" (т.е. подчиненный непосредственно дею столичный округ), три бейлика с центрами в Маскаре (с 1792 года — в Оране), Медеа и Константине, делившиеся в свою очередь на округа ("ватан") во главе с каидами (вождями) из шейхов племен или наиболее влиятельных в той или иной местности феодальных владык. Но поскольку многие племена, особенно в горах или пустынных областях Сахары, традиционно не подчинялись деям, последним удавалось контролировать не более 1/6 всей территории страны. Однако, имея в своем распоряжении около 30 тыс. янычар, да еще 20 тыс. кулоглу (буквально — "сын раба", так называли потомков турок от браков с алжирскими женщинами), деи и беи ухитрялись держать в повиновении трехмиллионное население страны [14].

Это удавалось им благодаря использованию многообразных различий, противоречий и конфликтов в среде коренных жителей, делившихся на арабов и берберов, кочевников и оседлых, сельчан и горожан, свободные и податные племена, приверженцев соперничавших между собой марабутских братств и сторонников ортодоксального ислама, наконец — мусульман и представителей иных конфессий (христиан, иудеев, анимис-

тов). К тому же, разные религиозные общины держались обособленно, имея свое самоуправление, бытовые и психологические особенности. Отгораживались друг от друга даже соседние племена и сельские общины. Вместе с тем турецко-янычарская олигархия, опираясь на ту часть племен, которой поручался сбор налогов с остальных и предоставлялись другие привилегии ("ахль аль-махзен", т.е. людей правительства), умела внушить всем мусульманам Алжира чувство религиозной солидарности перед угрозой со стороны "неверных" испанцев, французов и других европейцев, а также чувство превосходства над представителями других конфессий, проживавших в Алжире, особенно над рабами, которыми были, как правило, захваченные в плен христиане и африканцы ("генауа").

Разумеется, равновесие между различными составными частями алжирского общества в "османский период" было весьма зыбким. Внутренние неурядицы вследствие неудачных войн, стихийных бедствий и ослабления помощи извне окончательно подорвали государство деев, чем и воспользовалась одна из европейских держав – Франция, положившая конец существованию этого государства. С вступления французской армии 5 июля 1830 года в столицу Алжира открылась совершенно иная эпоха в жизни страны – эпоха ускоренной модернизации и "европеизации" жизни общества, но, в тоже время, также и ожесточенного сопротивления колониальной экспансии. Из взаимодействия этих двух принципиальных тенденций новой эпохи постепенно возникло, оформилось и утвердилось алжирское общество XX в. Процесс становления этого общества был, однако, долгим, мучительным и неоднозначным.

АЛЖИР НАКАНУНЕ XX ВЕКА

Слабое войско дея, насчитывавшее 50 тыс. человек, было дважды разбито 37-тысячным французским корпусом [1]. В боях с французами оно потеряло 10 тыс. человек, в то время, как противник — лишь 400 человек [2]. Осадив столицу страны, французы 4 июля захватили ее главный укрепленный форт. 5 июля последний алжирский дей Хусейн вынужден был капитулировать. Но в подписанном им акте говорилось только о сдаче города Алжир и его цитадели — Касбы. Вместе с тем командующий французской армией генерал де Бурмон обязывался гарантировать всем жителям города, в том числе — янычарам, сохранение жизни, а также — "уважение их свободы, религии, собственности, торговли и жен" [3].

Захватив город Алжир, французское правительство никак не могло сделать окончательный выбор между четырьмя вариантами предполагаемого решения будущей судьбы Алжира: установлением протектората Франции, возвращением страны под власть турецкого султана, превращением ее в колонию или ее разделом между Бурбонами и турками. Всегда стоявшая в оппозиции к королю Карлу X промышленная буржуазия и ее депутаты в парламенте воспользовались случаем, чтобы подвергнуть резкой критике алжирскую авантюру. "Сам король — пишет французский историк Марсель Эгрето — не имел ни средств, ни желания захватывать регентство. Экспедиция имела своей задачей достигнуть лишь ограниченного военного успеха, способного покрыть новой позолотой герб монархии" [4]. Поэтому, свергнув дея, генерал де Бурмон даже подтвердил полномочия беев, объявив, что он намерен "создать правительство из образованных и интеллигентных мавров", которых он не намеревался "вновь отдать под господство турок" [5]. 23 июля 1830 года дей Хусейн был выслан в Неаполь, а часть янычар — в Турцию и Сирию.

Июльская революция 1830 г. изменила власть во Франции и французское командование в Алжире, но не алжирские планы Франции. "Это завоевание, — писал военный министр нового правительства генерал Жерар — отвечает самой настоятельной необходимости, тесно связанной с интересами поддержания общественного порядка во Франции и даже во всей Европе:

оно даст выход нашему избыточному населению и обеспечит рынки, куда мы сможем направить товары наших мануфактур в обмен на недостающие нам продукты" [6]. В 1834 г. в соответствии с рекомендациями "Комиссии по Африке" король Луи-Филипп объявил о присоединении Алжира и организовал гражданскую администрацию "французских владений в Северной Африке". Однако гражданского правления в Алжире фактически не было. Страну еще надо было завоевать. Вследствие этого, как справедливо заметил лучший знаток Алжира во Франции Шарль-Робер Ажерон, "на деле в течение 40 лет, с 1830 года по 1870 год, Алжир стал полигоном и владением армии" [7]. Даже королевская "Комиссия по Африке" вынуждена была признать в 1833 г.: "Мы присоединили к государственному имуществу все владения религиозных учреждений, мы наложили секвестр на имущество той части населения, которую обещали не трогать; осуществление нашего владычества мы начали с вымогательства... Мы убивали людей, которым выдавали охранные грамоты; мы по простому подозрению уничтожали целые группы жителей, которые впоследствии оказывались невиновными... В варварстве мы превзошли тех варваров, которых пришли приобщить к цивилизации" [8].

Сопротивление оккупации началось вскоре после капитуляции дея. 23 июля 1830 г. де Бурмон лично возглавил экспедицию в богатую долину Митиджа к югу от столицы, но потерпел неудачу под Блидой и вынужден был отступить, потеряв 15 убитых и 50 раненых [9]. В течении двух лет против французов сражались в основном отдельные племена, братства марабутов, а также наиболее авторитетные беи. Бей Константины аль-Хадж Ахмед даже претендовал на положение формального преемника власти свергнутого дея. У себя в Константине он сохранил прежний порядок и структуру власти, но значительно укрепил армию, основой которой стала уже не янычарская милиция, а племенные арабо-берберские ополчения. Однако власть Ахмед-бея не признавалась за пределами его бейлика. К тому же, Ахмед-бей продолжал в отношении племен традиционную турецкую политику "равновесия", заключавшуюся в поддержке более слабого племени против более сильного и восстановлении тем самым "блока сил" в пользу бейской власти [10].

В 1832 г. борьбу народа Алжира на западе и в центре страны возглавил 24-летний эмир Абд аль-Кадир, сын Махиддина-шейха племени Хашим и главы братства Кадырийя. Абд аль-Кадир нанес французам ряд поражений, дважды заставив

французских генералов заключать с ним мирные договоры (т.н. "договор Демишеля" в 1834 г., Тафнский договор 1837 г.) и признавать независимость созданного им государства. Мирными передышками эмир пользовался для осуществления административной, судебной, налоговой и монетной реформ, улучшения системы управления, возведения крепостей, борьбы с мятежными феодалами и шейхами племен. Значение только административно-организаторских функций государства Абд аль-Кадира трудно переоценить хотя бы потому, что его власть распространялась на 2/3 территории Алжира (в его нынешних границах, но без Сахары), в то время, как власть дея – всего на 1/6 этой территории. Таким образом, многие жители страны впервые почувствовали свою связь с остальными соотечественниками, тем более – не под властью турецких янычар, а под руководством выдающегося арабского вождя, талантливого полководца и государственного деятеля, много сделавшего для преодоления былой разобщенности и взаимной враждебности различных племен Алжира. "Турки разделяли арабов, Абд аль-Кадир пытался объединить их", – писал один французский историк [11]. "Примеры правильного, согласованного участия туземцев в борьбе против общего врага весьма редки и встречаются только в действиях Абд эль-Кадира", – отмечал русский военный наблюдатель полковник Богданович [12]. Борьба с предательством феодалов, часто перебегавших к французам, ограничение произвола шейхов, опора на бедуинскую массу и упорнейшее сопротивление завоевателям прославили Абд аль-Кадира, ставшего национальным героем алжирского народа. Феодалы же считали период его правления "временем пастухов и марабутов" [13].

Назначенный в 1840 г. генерал-губернатором Алжира маршал Бюжо сосредоточил против Абд аль-Кадира 86-тысячную армию, вдвое превышавшую силы эмира [14]. Прибегая к бесчеловечным методам тотальной войны на уничтожение, применяя тактику всеобщего разрушения и разорения, Бюжо повел в 1842-1843 гг. решающую кампанию по ликвидации государства Абд аль-Кадира. Эмир, добившийся в 1839-1841 гг. некоторых успехов, ожесточенно сопротивлялся. Однако подавляющее численное и военно-техническое превосходство французов вынудило его в 1843 г. отступить в Марокко. Разбив в 1844 г. при Исли войска марроканского султана Абд ар-Рахмана, Бюжо заставил его отказаться от предоставления убежища Абд аль-Кадиру. Эмир вынужден был уйти в Сахару, откуда время от времени предпринимал партизанские налеты на оккупантов.

Но в это время по всему западному Алжиру вспыхнуло восстание в якобы "умиротворенных" областях во главе с простым пастухом Бу Мазой. Призвав Абд аль-Кадира, Бу Маза передал ему командирование. Но 110-тысячная армия французов сумела в конце концов одолеть эмира, у которого больше не было ни постоянной территории, ни регулярной армии. Возобновив в 1845 году неравную борьбу, Абд аль-Кадир был пленен в 1847 г. В следующем году французы захватили и Ахмед-бея, возглавлявшего борьбу на востоке страны.

В последующие годы французы занялись покорением труднодоступных областей Сахары, периодически подавляя часто вспыхивавшие восстания, наиболее значительными из которых были: сопротивление свободолюбивых берберов в горах Кабилии в 1851-1857 гг., восстание в оазисах Зааджа (1848 г.), Лагуат (1852 г.), Туггурт (1854 г.). На западе опасными для колонизаторов были восстания племенных союзов Бану Снассен (1859 г.) и Улад Сиди Шейх (1864-1867 гг.). Все эти движения были подавлены с исключительной жестокостью. Алжир стал кровавой школой колониального варварства для французских генералов (Пелисье, Сент-Арно, Бюжо, Кавеньяка, Рандона, Мак-Магона и других), впоследствии и во Франции "прославившихся" в качестве карателей и душителей народной свободы. Но для алжирских патриотов героическое сопротивление 1830-1870 гг. составило целую эпоху народного героизма, стойкости и самоотверженности. Вожди народного сопротивления эмир Абд аль-Кадир, его "халифы" Бен Аллаль и Бен Салем, выдвинувшийся из низов скромный герой Бу Маза, предводитель зааджийских повстанцев Бу Зиян, глава кабилов Бу Багла, народная героиня кабилов Лалла Фатима и Си Слиман (погибший в неравном бою вождь борцов Улад Сиди Шейх) стали легендарными персонажами произведений фольклора, образцом для патриотов последующих поколений.

Последние восстания против французского гнета, своего рода "лебединая песня" освободительной борьбы племен под руководством феодальных вождей и марабутов, произошли после поражения Франции во франко-прусской войне 1870 года. Это — крупнейшее восстание 250 арабских и кабильских племен под руководством Мухаммеда Мукрани и его брата Ахмеда Бу Мезрага (март 1871 г. — январь 1872 г.), в организации которого большую роль сыграло братство Рахманийя во главе с престарелым шейхом Хаддадом, ряд восстаний в горных районах Ауреса в 1876-1879 гг., героическое сопротивление Мухаммеда Бен Туми в Аль-Голеа и Метлили, в 1870-1873 гг.

преграждавшего французам путь в Сахару (раненый Бен Туми, попав в плен, был казнен в 1875 г. после жестоких пыток) и второе восстание Улад Сиди Шейх во главе с марабутом Бу Амамой в 1881-1883 гг. После их подавления в стране, истощенной почти полувековым сопротивлением завоевателям (краткая передышка 1859-1864 гг. была временным затишьем), наступило относительное "умиротворение", связанное с разрывом во времени между завершением феодального этапа освободительной борьбы и еще не начавшимся вследствие незрелости или, скорее, практического отсутствия капитализма национально-буржуазным этапом этой борьбы.

Выступления племен и марабутских братств против завоевателей были вызваны как насилиями французской военщины, так и боязнью марабутов и арабо-берберских феодалов (представлявших собой как бы второй после янычарских беев и ага наиболее солидный слой алжирского феодального класса) утратить власть и богатства. При этом, конечно, феодалы в первую очередь использовали веками внедрявшиеся в сознание простых людей Магриба традиции асабийи (племенной солидарности) и джихада (священной войны против неверных). Именно на эти, внешне реакционные, формы освободительной борьбы алжирцев обращали внимание в первую очередь западные историки, игнорирующие при этом патриотизм освободительных идеалов Абд аль-Кадира, справедливость защиты племенами своего имущества, образа жизни и просто человеческого достоинства.

Только за 15 лет борьбы с Абд аль-Кадиром завоеватели потеряли около 40 тыс. человек и вынуждены были держать в стране не менее 1/3 всей армии Франции [15]. Даже отдельные уцелевшие участники разгромленных восстаний сражались до конца: например, второе восстание Улад Сиди Шейх, официально прекратившееся в 1881 г., на деле продолжалось до 1883 г. Дальнейшее продвижение французов вглубь Сахары, происходившее в основном без открытого сопротивления со стороны кочевников, на деле не означало утверждения власти Франции: французские военные и научные экспедиции, отдельные чиновники и служащие гибли в Сахаре под ударами бедуинов и туарегов вплоть до 1900 г.

Колониальное завоевание в экономическом плане означало прежде всего захват Францией земель и владений дея, беев, племен, "поднявших оружие против Франции". Отбирались заодно и т.н. "бесхозные" земли, т.е. те, право владения которыми (как это часто и было) не фиксировалось в официальных

документах. Только в районе города Алжир таким путем были конфискованы 3/4 всех земель. Всего к 1846 г. у племен было отобрано 300 тыс. га [16]. К 1870 г. 370 племен Алжира, ранее владевшие 6680 тыс. га земли, были лишены 1190 га в пользу колониальной администрации и 1336 тыс. га в пользу коммун, т.е. – в пользу созданной европейскими колонистами в коммунах гражданской власти [17].

В 1863 г. император Наполеон III, опасавшийся катастрофических последствий слишком быстрого обезземеливания племен, в частности – подрыва таких способом позиции сотрудничавшей с колонизаторами феодальной аристократии, а также – недоверчиво и подозрительно относившийся к европейским колонистам (среди которых было немало его политических противников 1849-1851 гг.), провозгласил Алжир "арабским королевством". В связи с этим сенат Франции объявил алжирские племена "несменяемыми владельцами их земель". Но одновременно племена были разделены на дуары (буквально – "круги палаток"), дабы точнее подсчитать их богатства и ресурсы, а также – учредить в них "где возможно, частную собственность". Этот принцип должен был в дальнейшем послужить окончательному подрыву коллективного землевладения племен. Их угодья, как и неотчуждаемая по шариату собственность "хабус" (религиозных общин, мечетей, братств), стали объектом купли – продажи. В целом общая площадь земель, перешедших в собственность европейских колонистов, возрастала следующим образом [18]:

Таблица 1

Годы	Площадь земель, в тыс. га
1850	115
1860	365
1870	765
1900	1682
1904	1622
1910	1847
1914	2200
1917	2317
1929	2344
1934	2463
1940	2720

По очень грубым и приблизительным расчетам, в результате завоеваний и колонизации в собственности коренных жителей Алжира осталось не более 47,3% всей территории страны. Остальная часть перешла во владения колонистов, крупных концессионеров и французского государства. Ими была начата также разработка природных ресурсов Алжира (угля, фосфоритов, металлических руд), выстроены шоссейные и железные дороги, созданы современные средства транспорта и связи, налажена переработка продукции сельского хозяйства.

Но сколь ни значительны были масштабы экономического освоения и закабаления Алжира, главным результатом французского завоевания следует признать **переселенческую колонизацию**. Наводнившие страну заморские поселенцы, составив прочную опору колониального режима, тем самым придали особую весомость и надежность экономической экспансии французского капитализма в Алжире. Не менее значительны были последствия их укоренения на алжирской почве и в политическом, культурно-этническом и других отношениях.

После высадки в Алжире французской экспедиционной армии число европейцев стало быстро увеличиваться. Вначале это были главным образом следовавшие за армией всякого рода авантюристы и спекулянты, надеявшиеся поживиться за счет грабежа коренного населения страны. За ними хлынул поток обнищавших горожан или разорившихся крестьян из Франции, Испании, Италии, с островов Мальта и Корсика. В Алжир ехали немцы, швейцарцы, греки, даже ирландцы.

В результате всех этих последовательных "нашествий" разноязыкой и разношерстной массы европейцев число их в Алжире возрастало следующими темпами: в 1833 г. — 7.800 чел., в 1840 г. — 27 тыс., в 1847 г. — 110 тыс. чел. В число этих последних входило 47 тыс. французов, 31 тыс. испанцев, 8.500 итальянцев, 8.600 немцев и швейцарцев, 8.700 мальтийцев [19]. Из них европейцев нефранцузского происхождения было 63 тыс., т.е. на 16 тыс. больше, чем французов. Между ними произошел своеобразный раздел как географических районов населения, так и круга профессий. Французы, преобладавшие среди военных и чиновников, населяли преимущественно центральную часть страны вокруг города Алжир. Испанцы, сосредоточившись на западе, ближе к городу Оран, становились преимущественно средними и мелкими садоводами, зеленщиками и рыбаками, а в городах — ремесленниками и рабочими. Среди мальтийцев, концентрировавшихся в зоне

порта Бон (ныне Аннаба), главным занятием были торговля и скотоводство. Говорившие на языке, близком к арабскому, но — будучи католиками, они сравнительно быстро ассимилировались с французами: в 1833 г. их было 1213, в 1886 г. — 15 553, в 1948 г. — только 214 (т.е. не оформивших французского гражданства). Близки к ним были как по районам расселения (Константина, Бон, Филиппвиль), так и по роду занятий эмигранты из Италии, среди которых насчитывалось также немало рыбаков. П.А.Чихачев в 1878 г. побывал на восточном побережье Алжира в сплошь "генуэзско-неаполитанских" деревнях, специализировавшихся на ловле сардин, вязании сетей, обработке рыбы и ее отправке в Марсель, Неаполь и Ливорно. Только в пограничном с Тунисом городе Ла-Калле тогда жило 4 тыс. итальянцев, монополизировавших, в частности, чрезвычайно доходный сбор кораллов [20].

Основная масса европейского населения была относительно бедной. Вообще европейцы довольно долго чувствовали себя в Алжире "неуютно". Многие из них гибли от рук алжирцев, от болезней и лишений. В образованной ими пестрой мозаике языков, нравов, обычаев и жизненных устремлений единственным цементирующим звеном было общее желание удержать свое положение новых хозяев этой еще не покоренной страны. Это положение укрепилось после уравнения французов Алжира и Франции в политических правах после 1871 г.

В 1870 г. в ряды европейцев были включены алжирские евреи, подавляющее большинство которых проживало в Алжире с давних пор, еще до прихода в Магриб арабов. После издания в 1889 г. декрета об автоматическом предоставлении французского гражданства всем алжирским европейцам, родившимся в Алжире и достигшим 20 лет, стало весьма трудно учитывать точное соотношение между французами и нефранцузами по происхождению, так как любой европеец или еврей, родившийся в Алжире, во всех статистических сведениях числился под рубрикой "француз". Прибывшие же в страну иммигранты из Европы также торопились оформить получение французского гражданства, стремясь воспользоваться соответствующими преимуществами. Поэтому число европейцев - "иностранцев" в Алжире относительно уменьшилось после 1889 г. и абсолютно — после 1911 г., когда началось сокращение иммиграции [21]:

Таблица 2

Год	Число французов (тыс. чел.)	Число иностранцев (тыс. чел.)	Всего (тыс. чел.)
1871	130	115	245
1881	230	182	412
1911	563	189	752
1936	819	127	946
1954	913	71	984

На самом деле, конечно, число "иностранцев" не уменьшалось, а увеличивалось. По некоторым подсчетам, в 1906 г. три четверти европейцев были либо полностью, либо в значительной мере "иностранного происхождения" [22]. Они сохраняли во многих случаях свои национальные черты. В частности, на западе Алжира до сих пор среди немногочисленных европейцев бытует испанский язык. Смешанные браки между французами и "неофранцузами", а также между "неофранцузами" различного происхождения, в значительной степени способствовали формированию особого типа алжирского европейца, на облике которого сказались доминирование "неофранцузского" элемента, влияние на его быт, нравы и образ жизни окружающей алжирской природы и коренного населения страны. Во французском языке в Алжире исчезли некоторые грамматические формы и появились новые слова и обороты — испанские, итальянские, мальтийские, арабские и кабильские. Некоторые колонисты говорили также по-арабски или же на языке своих предков. У них появилось словечко "франкауи" (по-арабски "франк", "француз"), каковым они стали называть жителей метрополии, приписывая им "скаредность, бессилие, умствования, аскетизм и т. д.", а себя считая воплощением "благородства, мужества, культа тела, т.е. наслаждения, силы и физической красоты". В то же время арабы для них символизировали "жизнь согласно инстинкту, бескультурье, невежество, рутину и т. п." [24].

Иммиграция основной массы европейцев в Алжир была вызвана не жаждой наживы, а экономическими и социальными причинами (разорением, обнищанием, стихийными бедствиями) или же - политическими событиями (таковы были переселение парижских рабочих в 1848 г., высылка Луи Бонапартом республиканцев в 1851 г., вынужденное бегство из родных мест уроженцев Эльзас-Лотарингии в 1871 г.). Поэтому европейцы Алжира, в отличие от французов в других колониях,

образовали довольно многочисленную и социально разнородную группу населения с исторически сложившимися в ходе смешения различных национальностей специфическими чертами этнического происхождения, языка, культуры и психического склада. Но именно многочисленность и длительность проживания в стране этого меньшинства породила у него совершенно превратное представление об истинном положении вещей. Лозунг "Алжир – это Франция" настолько глубоко засел в сознании подавляющего большинства алжирских европейцев, что от некоторых из них, в том числе – от рабочих, можно было услышать, например, в 1955 г. совершенно серьезные утверждения типа: "Прежде всего, каждому – своя страна. Арабам – Аравия!" [25].

Популярные среди европейцев Алжира в первые десятилетия XX в. писатели и публицисты Луи Бертран и Робер Рандо были крупными идеологами "алжиро-европейства". Первый из них утверждал, что "душа" Алжира якобы никогда не была "мусульманской", оставаясь с античных времен "греко-римской", а второй к этому добавлял, что ныне эта "душа", хоть и представляет собой "синтез" различных влияний, доминирует в нем все же "французский элемент" [26]. Особенно реакционно настроен был Луи Бертран, член французской Академии, воспевавший в своих литературных произведениях "совместное латинское или средиземноморское наследие", рационализм и "солидный патриотизм" европейцев Алжира, которых он называл "новой алжирской расой" [27]. Подобные настроения особенно были сильны среди верхушки европейцев – "сотни сеньоров" Алжира, среди которых немало было либо иностранцев (итальянцев, испанцев, швейцарцев), либо лиц смешанного происхождения, либо аристократов-роялистов, ненавидевших не только III республику во Франции, но и предшествовавшую ей империю Наполеона III. Все эти латифундисты, судовладельцы, фабриканты и коммерсанты хотели быть полновластными хозяевами страны, которой бы они распоряжались по-своему.

Однако сепаратизм и разговоры о "самобытности" алжироевропейцев имели свои пределы. Колонисты, часто оказываясь в сельских районах лицом к лицу с ограбленными ими крестьянами, всегда их опасались и, уповая на помощь французской армии и полиции, вынуждены были выступать за сохранение и даже укрепление власти Франции над Алжиром. Эта власть играла роль необходимой политико-административной и военно-полицейской крыши их господства в стране,

нужна была не для закрепления их обязанностей по отношению к метрополии (что официально провозглашалось), а для закрепления обязанностей метрополии по отношению к ним (что на деле подразумевалось). А "сеньоры" даже в лучшие времена "золотого века" колонизации нуждались во французских капиталовложениях, товарах, технике, кадрах и т.п., а после 1900 г. — в систематических дотациях "специальному" бюджету Алжира, дефицит которого всегда покрывался за счет французского бюджета. Но особенно они нуждались в штыках французской армии, которые одни лишь служили гарантией их господства.

Политико-административное устройство Алжира окончательно оформилось к 1902 г. Генерал-губернатор был одновременно представителем Франции и главой местной администрации (в большинстве своем состоявщей из алжиро-европейцев или тесно с ними связанных лиц во главе с генеральным секретарем губернаторства, как правило — доверенным лицом "сеньоров"). Гражданская территория страны делилась на 3 департамента (Оран, Алжир, Константину), в каждом из которых европейцы избирали двух депутатов и одного сенатора, а также — генеральный совет (в него, кроме 24 европейцев, входили с 1908 г. также 6 алжирцев, избиравшихся ограниченным числом подобранных властями лиц — всего пятью тыс. чиновников и каидов). Департаменты делились на "полноправные" коммуны (всего их было 296 в 1902 г. с 2 млн. жителей на территории в 2,5 млн. га) и "смешанные" коммуны (их было 78 с 3,5 млн. жителей на 18 млн. га) [28]. Кроме того, режим "бюро по туземным вопросам", учрежденных еще до 1870 г., был сохранен в Сахаре на четырех "военных территориях" Юга (Айн-Сефра, Оазис, Гардайя, Туггурт). Хотя к 1902 г. "умиротворение" Сахары было в основном завершено, в течение всего первого десятилетия нашего века "великий колонизатор" генерал Лиотэ усмирял племена в примыкавших к марокканской границе южных областях Орании. Практически "режим сабли" для большинства алжирцев сохранялся даже в "полноправных" коммунах, в которых право участия в выборах "туземных" членов муниципалитета (от 2 до 6, но не более одной четверти общего числа муниципальных советников) имели по закону 1884 г. только землевладельцы, фермеры, служащие колониальной администрации или обладатели французских наград.

Положение в северном Алжире, несмотря на относительное затишье после последних восстаний 1879-1883 гг. тем не менее, не было абсолютно спокойным:

Покушения алжирцев на личную безопасность и собственность европейцев:

Таблица 3

Годы	Количество	Годы	Количество
1884-1885	3 975	1890-1891	5 327
1885-1886	2 623	1891-1892	6 557
1886-1887	3 961	1892-1893	7 568
1887-1888	4 998	1893-1894	9 397
1888-1889	5 632	1894-1895	8 389
1889-1890	5 014	1895-1896	5 720

Скрывавшиеся от властей "бандиты чести", т.е. кровные мстители, нередко превращались в партизан, настроенных антифранцузски, и действовали в лесах и горных массивах, иногда до 3 лет. Число наказаний только за нарушение "туземного кодекса" (штрафов и арестов) непрерывно росло: 18 630 в 1890 г., 24 030 – в 1894 г., 23 813 – в 1900 г. Только в 1903-1913 гг. "репрессивные трибуналы" осудили 227 546 алжирцев [29].

Отсутствие покорности коренного населения и развивавшееся вследствие этого у колонистов ощущение непрочности своего господства иногда не только не преуменьшалось, но даже рекламировалось агентурой "сеньоров" колонизации. В одном из французских журналов в 1908 г. приводились следующие данные о "прогрессе преступлений" в Алжире: 23 329 осужденных алжирцев в 1905-1906 гг., 28 200 – в 1906-1907 гг. [30]. Подобная информация имела целью разжечь антимусульманские настроения во Франции и возбудить сочувствие к "сеньорам" колонизации.

Согласно "туземному кодексу" 1881 г., представители французских властей (от генерал-губернатора до администратора "смешанной" коммуны) имели право приговаривать "туземцев" к штрафам до 2 тыс. франков, арестовывать и высылать без суда "подозрительных" алжирцев, заключать их в тюрьму сроком от 5 дней до 2 лет, конфисковывать их имущество, запрещать им передвижение по территории страны, а так же – выезд за ее пределы, в том числе – в целях совершения "хаджа" (паломничества в Мекку). "Туземный кодекс" обрекал алжирцев, экономически разоренных и обездоленных

колонизацией, также на полное политическое и всякое иное бесправие. Достаточно сказать, что многие запреты этого "кодекса" (41 – в 1881 г., 21 – 1890 г., дополнявшиеся в 1904 г. и 1914 г.) были сформулированы нарочито туманно: "совершение безответственных актов", "отказ послать на учебу ребенка школьного возраста", что в условиях произвола властей и отсутствия школ полностью отдавало алжирцев на милость колониальной администрации [31]. Коренным жителям было запрещено создавать свои партии, даже состоять в организациях, образованными европейцами. Им был закрыт доступ к административным должностям. Это был, по мнению французских демократов и либералов, законченный "кодекс рабства" [32].

Большинство крестьян, особенно – горцев и оседлых земледельцев глубинных, а также прибрежных районов (из тех, кто не был изгнан колонистами) сохранили традиционный образ жизни, привычный социальный быт и верность обычаям (в том числе - обычаям повиновения шейху племени, каиду округа, чиновнику-аге и "святому" марабуту). Но и они были затронуты ветром общественных перемен: многие посылали в города своих детей, которым не было места на урезанной колонизаторами земле отцов, другие сами были вынуждены, чтобы свести концы с концами, периодически батрачить у колонистов. По данным алжиро-европейского историка Ксавье Яконо, среди мусульман "колонизация не только изменила старые классы, но и создала новые", к числу которых он относит, кроме сельскохозяйственного пролетариата, промышленных рабочих, мелкую буржуазию, крупных земельных собственников (не исчезнувших, а "замененных другими, более многочисленными, но не менее богатыми"), "средние классы недавней формации" (т.е. примерно одну десятую сельского населения, владельцев менее 50 га, представлявших собой "буржуазию в широком смысле слова") [33].

Однако формирование этих новых классов происходило в основном несколько позже. "За исключением быть может, Индии, ни одна страна – писал в 1879 г. известный русский социолог М.М.Ковалевский, – не удержала в себе доселе больше следов архаических порядков землевладения, как Алжир. Родовая и нераздельная семейная собственность остаются здесь господствующими типами поземельного владения". Тогда же он отмечал, что если, например, "кабилам и известна частная собственность на землю, то не более, как на правах исключения. Как и повсюду она является у них

продуктом медленного процесса распадения родовой, сельской и семейной" [34]. Но действие этих внутренних причин было намного ускорено политикой земельного грабежа, результаты которого четко выступили после того, как алжирская деревня едва смогла преодолеть гигантскую депрессию 1873-1896 гг. Тогда с наибольшей остротой сказались последствия массового обезземеливания и обнищания сельских жителей мусульманского Алжира. К концу этого трудного для коренных алжирцев периода неуклонно процветавшая колонизация, набрав силы, стала особенно интенсивно втягивать мусульман в орбиту своего экономического воздействия. Лишь после 1903 г. можно говорить о постоянном аграрном пролетариате из алжирцев (до этого времени колонисты предпочитали импортировать рабочих-иностранцев). "Арабское крестьянство, задавленное вплоть до 1919 г. специальными налогами, лишенное всякого сельскохозяйственного кредита, жило вне европейских экономических связей", – считает Ажерон [35]. Отношения между колонистами и алжирцами долго, фактически вплоть до первой мировой войны, оставались отношениями воюющих сторон.

Алжирские крестьяне, оттесненные на малоплодородные земли горных и пустынных районов (60% из них лишились своей земли, захваченной колонистами), систематически разорялись. Алжирские феодалы, в том числе шейхи марабутских братств, в большинстве своем примирившиеся с колонизаторами, сохранили земли и привилегии, а во многих случаях – стали чиновниками колониальной администрации, сохранив старые турецкие звания (ага, башага). Кое-где они стали переходить (особенно в начале XX в.) к капиталистическим методам ведения хозяйства. Однако в целом алжирская деревня оставалась многоукладной: у кочевников и горцев преобладала патриархальная община, особенно у берберов (более 35% алжирцев), на равнинах и в долинах – полуфеодальная аренда и господство традиционных "великих семейств" феодалов, марабутов или вождей племен. Даже в 1935 г. в Алжире наряду с 1196 дуарами (крупными селениями), ставшими еще в XIX в. основными территориальными единицами, насчитывалось 709 племен, территория которых не была поделена по причине неполного оседания или крепости патриархальных связей [36]. Тем не менее алжирские крестьяне с 1859 г., получив освобождение от ряда феодальных повинностей, стали наниматься в батраки к европейским колонистам. В дальнейшем ряды сельского пролетариата пополнялись пришельцами из

разоренных колониальными репрессиями областей или распавшихся племен.

Коренное население с 1870 г. официально именовалось не гражданами, а "подданными" Франции и с 1881 г. подчинялось т.н. "туземному кодексу", согласно которому оно было обречено на политическую пассивность и полный произвол колониальных властей. Тем не менее, колониальное завоевание, растянувшееся на полвека (1830-1883 гг.) и сопровождавшая его колонизация взорвали традиционное алжирское общество и вызвали к жизни новые процессы и социальные силы в Алжире.

Под воздействием этих процессов менялась не только социальная структура, но и национально-этническая характеристика коренного населения. Арабы Алжира, составляя этническое большинство, постепенно поглощали все прочие группы — мавров, турок и кулоглу (и ранее говоривших по-арабски), быстро арабизировавшихся в городах и на равнинах мигрантов-кабилов и прочих берберов (шавийя Ауреса, жителей массивов Дахры и Уарсениса, не говоря уж о мзабитах, сектантах-ибадитах сахарской области Мзаб, берберах по происхождению, но культивировавших в своей среде арабский язык еще с раннего средневековья). Тем самым арабское население Алжира приобретало характер все более сложного, широкого и многоликого культурно-лингвистического и социально-этнического комплекса. На этой основе формировалась в ходе противодействия экономическому гнету колонизации и французской политике ассимиляции арабоязычная алжирская нация с общим языком в форме алжирского диалекта (междугородской койнэ) арабского языка при сохранении других форм лингвистического общения (французского языка — для большинства горожан, берберских диалектов — для соответствующих регионов), общими традициями антиколониального сопротивления и защиты культурного населения предков от угрозы национального обезличивания.

Освободительная борьба, как таковая, с ее объединительными тенденциями и культом воинственных традиций свободолюбивых племен, романтизацией былой мощи арабо-берберских государств Магриба, державших в трепете всю средиземноморскую Европу, упором на ислам как важнейший фактор социально-идеологического единения всех алжирских мусульман независимо от их этнического происхождения, были основным руслом формирования алжирского национального

самосознания. Ломка племенных, региональных и иных барьеров между различными областями и группами населения в результате административно-хозяйственного объединения страны (пусть и в интересах колонизации в первую очередь) объективно этому способствовала.

ГЛАВА 2

АЛЖИР В 1900–1914 гг.

Экономические, социальные и политические успехи европейской колонизации, последовавшие вслед за военным завоеванием, способствовали довольно прочному укоренению европейского меньшинства на алжирской земле. 1872-1914 гг. впоследствии были названы "золотым веком" колонизации. Именно в это время широкий размах получили и официальная, т.е. государственная, и "свободная", т.е. частная колонизация. Колонисты впервые по настоящему ощутили себя хозяевами страны, избавившись, с одной стороны, от вечного страха перед восстанием племен и нападением отчаявшихся "туземцев", с другой – от жесткой опеки военных властей, "диктатуры сабли", отличавшейся особенной грубостью и казарменным бюрократизмом в царствование Наполеона III. Почувствовав свободу, колонисты принялись усердно созидать "французский Алжир", что впоследствии дало повод теоретикам колониализма объявить всю страну, как таковую, "творением французского гения". Лихорадочное строительство новых зданий, дорог, мостов, плотин, осушение болот, ирригация засушливых ранее земель, возведение поселков колонистов и крупных городов, напоминавших юг Франции, в общем – интенсивное хозяйственное освоение захваченной территории, коренным образом изменили облик и характер целых областей, особенно вокруг городов Алжир и Оран, а также – вдоль западного побережья. Впоследствии все эти районы интенсивной колонизации получили характерное наименование "полезного Алжира", за пределами которого европейцы не видели никакого иного Алжира, ибо не интересовались жизнью "туземной" периферии.

Тем не менее, колонизация, помимо желания ее творцов, многое дала Алжиру. С ее началом алжирцы стали знакомится с достижениями европейской науки и техники, современными средствами связи на суше и на море, с новейшими орудиями и средствами ведения сельского хозяйства, с возможностями вывоза своей продукции во Францию и получения во Франции образования. Не случайно много позже, в 1947 г., лидер алжирских националистов Фархат Аббас честно признал: "С точки зрения европейца то, что создано французами, может вызывать

у них чувство гордости. У Алжира есть сегодня структура подлинного современного государства: он оснащен, пожалуй, лучше всех североафриканских стран и может выдержать даже сравнение со многими странами Центральной Европы. Со своими 5000 км железных дорог, 30000 км шоссейных дорог, портами Алжир, Оран, Бон, Бужи, Филиппвиль, Мостаганем, своими большими плотинами и водохранилищами, со своей организацией общественных служб, финансов, бюджета и образования, широко удовлетворяющих потребности европейского элемента, он может занять место среди современных государств" [1].

Все это способствовало развитию и модернизации экономики страны и приобщению ее коренного населения к достижения мировой цивилизации, оформлению новых социальных структур, новых классов и социальных слоев в алжиро-мусульманской среде. Достаточно лишь одного примера: несмотря на земельный грабеж и оттеснение коренных алжирцев в малоплодородные районы, общая площадь обрабатываемых земель в Алжире за 1830-1930 гг. удвоилась благодаря общему прогрессу агротехники и применению новейших методов ведения хозяйства. А от этого выиграли не только европейцы, но и алжирцы: наиболее состоятельные — непосредственно, остальные — косвенно.

Колонизация породила среди алжирцев новые социальные типы людей — сельскохозяйственного наемного рабочего, "аграрного буржуа", эмигранта (особенно с 1912 г.) в метрополии, возвращавшегося оттуда на родину совсем другим человеком, своего рода полуевропейцем или, по крайней мере, носителем смешанной, полуалжирской-полуфранцузской, культуры. Как отмечает алжирский историк и социолог Абд аль-Кадир Джеглул, из алжирского ремесленника, "почти исчезнувшего", редко выходил "промышленник или фабричный рабочий, чаще — плебей". Под "плебеем" подразумевался чернорабочий, грузчик, носильщик, мелкий розничный торговец, слуга, нищий и т. п. Однако, отмечает Джеглул, "в сфере культуры возникли учитель, журналист, адвокат, врач, человек театра и алем салафи", т.е. мусульманский богослов нетрадиционного толка, придерживающийся проникавших в Алжир из Египта идей реформации ислама. С 1880-х годов появляются первые сочинения алжирцев на французском языке, в 1883 г. — первая алжирская газета на французском языке. В 1890 г. в Алжире было 10 тыс. школьников алжирцев (менее 2% детей школьного возраста), в 1908 г. — 33400 (4%). Только 6

алжирцев учились в 1884 г. в Алжирском университете, но в 1907 г. — уже 50. Параллельно с французской системой просвещения существовало и традиционное мусульманское образование: в коранических школах учились 27 тыс. детей в 1861 г., более 6 тыс. — в 1879 г. Высшее мусульманское образование (медресе в городах Алжир, Константина и Тлемсен), охватывавшее всего 81 студента в 1899 г. и 216 — в 1907 г., было взято под контроль колониальных властей. Многие предметы там преподавались по-французски. В целом алжирские интеллигенты, независимо от полученного ими образования, ожидали, что Франция, "разрушив старое общество, поможет создать новое", сыграв тем самым роль "просвещенного деспота" [2].

На формировании новой алжирской интеллигенции современного типа особенно благотворно сказалось то обстоятельство, что по мере превращения Алжира в "заморскую новую Францию", общественная, научная и культурная жизнь колонии постепенно интегрировалась в жизнь метрополии. Французскими учеными были хорошо изучены история, быт, нравы и обычаи страны, ее природа, климат, недра, животный и растительный мир. Французские писатели, художники и композиторы подолгу жили в Алжире и посвящали ему свои произведения.

Широко развернувшиеся научные исследования, а также творческие поиски мастеров искусств, сопровождавшиеся повышением общего уровня культуры в стране (развитием подготовки квалифицированных кадров через расширение специального образования, созданием соответствующих учреждений и организаций — институтов, лабораторий, научных обществ и коллективов, театров, музеев и т.п.) во многом способствовали формированию местной творческой элиты, в том числе — из среды коренного населения страны.

В то же время противоречивость воздействия колонизации оставалась ее главным аспектом. По мнению исследовавшего этот процесс Пьера Бурдье, "к естественным и неизбежным последствиям соприкосновения двух культур, глубоко различных в экономической и социальной областях, следует добавить разрушения, вызванные сознательно и методически с целью обеспечить власть господствующей державы и экономические интересы ее граждан" [3]. Именно эта сторона любого колониализма, заключающаяся в создании путем военно-бюрократического насилия и внеэкономического принуждения максимально благоприятных условий для последующей экс-

плуатации, неотделимой от всех форм неравенства (социального, юридического, национального, культурного), лежала в основе многостороннего и сложного процесса влияния европейской колонизации на всю традиционную жизнь мусульманского Алжира.

В сочетании с ранее отмеченным вызреванием алжирского национального самосознания это постепенно превращало сформировавшееся в Алжире колониальное общество в социально-политический пороховой погреб. Но процесс этот был длителен, непрямолинеен и связан с медленным перемещением центра тяжести всей жизни страны, в том числе — освободительных устремлений алжирцев, в города. Горожане-алжирцы на рубеже XIX-XX веков стали догонять по численности горожан-европейцев, ранее доминировавших: общее количество первых в 1886-1906 гг. увеличивается на 143 тыс., вторых — на 149 тыс. человек [4]. Алжирцы начинают занимать видное место среди городских профессий, ранее им недоступных, составив в 1901 г. около половины из 42928 рабочих, занятых на 10327 промышленных, торговых и прочих предприятиях страны [5]. При этом количество алжирцев-рабочих в первое десятилетие нашего века росло чрезвычайно быстро: в 1902 г. 20 тыс., в 1905 г. — 34 тыс., в 1911 г. — 64 тыс. человек [6].

Но в те годы мусульманский пролетариат в стране лишь зарождался, а его политическая активность еще не могла иметь самостоятельного характера ввиду его относительной малочисленности, неорганизованности и сохранившихся, как правило, связей с деревней. К тому же, все силы этого молодого класса были сосредоточены прежде всего на сопротивлении колониальному гнету. В этом были заинтересованы почти все слои алжирского народа, за исключением небольшой кучки феодалов и коллаборационистов. Для пролетариев, эксплуатируемых на предприятиях, принадлежавшим европейцам, капиталистическая эксплуатация отождествлялась с национальным гнетом. Характерно, что даже во время демонстраций и забастовок, организованных совместно с европейцами (например, в г.Филиппвиль в 1910 г.), алжирские рабочие как “символ рабочих требований” поднимали “национальное зеленое знамя со звездой”. В целом же зарождавшееся рабочее движение способствовало общей радикализации обстановки, хотя и шло главным образом в русле французского рабочего движения и скорее объективно, нежели субъективно, усиливало антиколониальную борьбу.

Основной социальной базой алжирского антиколониализма стали широкие слои алжирцев-горожан, прежде всего ремесленников и мелких торговцев (49 тыс. человек в 1901 г., 60 тыс. — в 1912 г.) [7]. Однако они действовали преимущественно стихийно, участвуя в уличных стычках, шествиях и собраниях в мечетях. Им недоставало политической зрелости и опыта. Нередко их активность проявлялась случайно и беспорядочно, под влиянием каких-либо эмоций или внешних влияний.

В 1905 г. насчитывалось всего 4363 алжирских предпринимателей, применявших наемный труд, и 16147 предпринимателей, работавших "самостоятельно" [8]. В большинстве своем это были разбогатевшие ремесленники, вышедшие из низов торговцы овощами и фруктами, владельцы маслобоен, мельниц, отелей, табачных фабрик и мавританских бань. Нередко алжирцы были совладельцами или менеджерами. В 1902 г. только в промышленности было занято 49 управляющих и 97 мастеров из числа алжирцев. Представителей традиционной знати или турецко-мавританского купечества средневекового типа среди мусульман-буржуа осталось очень мало [9]. Нувориши, преимущественно кабилы, неуверенно чувствовали себя в постоянно менявшейся и неустойчивой обстановке деградации традиционного образа жизни городской буржуазии, нарушения и даже исчезновения вековых обычаев.

Ввиду малых размеров капитала, отсутствия машин, опыта и технических кадров, незнакомства с современными методами хозяйствования (в частности, банковскому кредиту предпочитали более "привычного" ростовщика) эта буржуазия почти не имела возможности подвизаться в промышленности и поневоле ограничивалась сферой торговли, услуг и всякого посредничества. Что же касается производства, то здесь масштабы принадлежавших ей предприятий были незначительны. Даже в 1928 г. она владела 4735 маслобойнями (1500 рабочих), 800 корзиночными (1300) и 85 бочарными (1000 рабочих) мастерскими [10].

Как правило, ремесло и предпринимательство оставались тесно слиты: владельцы мастерских оставались одновременно гончарами, ткачами, столярами, ювелирами. Они, конечно, и думать не смели о конкуренции с алжиро-европейской буржуазией, тем более — с буржуазией метрополии, занимаясь в основном мелким накопительством. Ограниченная конкурентоспособность постоянно заставляла алжирскую буржуазию приспосабливаться и соглашаться на вторые роли. Но часть алжирских предпринимателей, связанных с внутренним рын-

ком и сугубо национальной клиентурой, уже в прошлом веке проявляла недовольство колониальным режимом. В еще большей мере это недовольство было свойственно нарождавшейся имущей прослойке деревни, часто не имевшей возможности пустить в дело свои капиталы. К их числу относились ростовщики, дававшие в долг под 365%, а также спекулянты, скупившие только на востоке страны у обедневших колонистов 145584 га земель в период 1880-1909 гг. Эти недовольные сельские богачи также искали решения своих проблем в городе — у администрации, у служивших ей феодальных бюрократов, но чаще всего — в мечетях, редакциях газет, различных обществах и у либералов-европейцев [11].

Постоянный приток в города разоренных крестьян способствовал еще большей радикализации освободительных устремлений горожан. Выразителем этих чувств и настроений всех алжирцев стала национальная интеллигенция, которая фактически родилась как социальная группа именно на рубеже XIX-XX веков. Ежегодное число алжирцев — выпускников средней школы после 1900 г. возросло почти вдвое, составляя в среднем 84 человека до 1900 г. и около 150 человек до 1914 г. Из них лишь ничтожная часть получила высшее образование (всего 46 человек в 1914 г.) [12]. Колониальные власти до первой мировой войны насчитывали в Алжире не более 450 мусульманских интеллигентов. Но они учитывали лишь тех, кто получил образование на французском языке: 240 учителей (в основном — выпускников открывшегося в 1882 г. педучилища в Бузареа), 25 врачей и 65 фельдшеров с французскими дипломами и т.п. С учетом же окончивших французскую школу, но нигде не работавших, количество интеллигентов-алжирцев к 1914 г. достигло примерно 1 тыс. человек [14].

Гораздо более многочисленны были традиционные мусульманские интеллигенты (вернее грамотеи) — служители ислама (имамы мечетей, хатибы-проповедники, хаззабы-чтецы Корана), шариатские судьи-кадии, "укили" (нотариусы), "ходжи" (секретари смешанных коммун и "арабских бюро" на территориях юга, сохранявшихся под военным управлением). К ним относились также богословы-улемы, арабоязычные писатели и поэты, преподаватели медресе, талебы (учителя начальных коранических школ). Учесть их было невозможно, так как большинство из них получали образование за границей (в мусульманских университетах Каира, Туниса и Феса) или в завиях (обителях) марабутских братств. Официально же в г.Алжире студентов медресе было мало: в 1901 г. — 32, в 1904 г. —

46, в 1907 г. — 66 [15]. Многие предметы они изучали на французском языке. Принадлежность многих из них к "традиционным мусульманам" была сомнительной.

Периодические исходы на Ближний Восток, экономические трудности, ликвидация колониальными властями цехового ремесла в алжирских городах долгое время не позволяли сформироваться новой городской элите преимущественно из получивших французское образование и связанных с современной экономикой берберов-кабилов, в большинстве случаев вытеснивших с господствующих позиций турок и мавров. Однако, исключением среди всех городов Алжира явилась Константина, верхушка которой (в основном алжиро-турецкая военная аристократия и традиционные наследственные правители сопредельных областей) после изгнания французами бея Ахмеда (кстати, непопулярного среди местных арабов, несмотря на его последовательную антифранцузскую позицию) вынуждена была пойти на компромисс с колонизаторами. Связанный с нею местный торгово-денежный патрициат также смог воспользоваться благосклонностью завоевателей и избежать хотя бы полного разорения.

По иронии судьбы именно мусульманская буржуазия Константины (1700 чиновников, промышленников, торговцев, муфтиев, улемов и муниципальных советников) выступила в 1887 г. с первой в истории Алжира петицией националистического характера, требуя уважения мусульманских законов и учреждений. И если поводом для этого было усиление опасности обезличивания и офранцуживания алжирцев по мере успехов колонизации и роста численности (а также — экономического и культурного влияния) европейцев, то одним из побудительных стимулов следует считать, несомненно, косвенное влияние "сельского патриотизма" разоренных колонизацией крестьян, пополнивших ряды горожан-мусульман на рубеже XIX-XX вв [16].

Социальная рыхлость алжиро-мусульманского общества, его раздробленность на племена, кланы, общины, религиозные братства, этнические группы, малочисленность его дееспособной и подготовленной элиты определили преимущества более динамичного, богатого, технически оснащенного и энергичного европейского меньшинства. Пользуясь этим, "сеньоры" Алжира диктовали свою волю метрополии, умело маневрируя настроениями и массовыми выступлениями европейцев, обычно — при тайном или явном сообщничестве влиятельных кругов Парижа. Так сложилась в Алжире система коло-

ниального двоевластия, служившая интересам прежде всего "сеньоров" колонизации при формальном суверенитете Франции и внешней лояльности по отношению к нему.

Возникла эта система именно к началу XX века, когда под давлением алжиро-европейских магнатов французская администрация в колонии и формально назначавшийся из Парижа генерал-губернатор стали постепенно послушными исполнителями угодной "сеньорам" политики. "Сеньоры" настояли на создании еще в 1894 г. "Высшего Совета Алжира" из 60 главных чиновников администрации и представителей европейцев и всего 7 представителей коренного населения. Впоследствии в него входили 24 чиновника, 31 представитель от выборных учреждений и 9 алжирских нотаблей [17]. На первых же заседаниях этот совещательный орган, явно выражая настроения высшей группы колонистов, объявил алжирцев "низшей расой, не поддающейся воспитанию" и годной лишь "служить у колонистов в качестве батраков, каменщиков, умелых сапожников" [18].

В 1898 г. были созданы Финансовые делегации из 3 секций (колонистов, европейцев — неколонистов и алжирцев по 24 делегата в каждой). Делегатами были избраны представители крупнейших колонистов и европейской буржуазии, а также их подголоски из среды феодальной верхушки коренного населения. Непредставительный и антидемократический характер этих делегаций доказывается следующими цифрами: в выборах делегатов-колонистов формально участвовало 12512 чел., в выборах остальных европейских делегатов — 38593 чел., а в избрании алжирских делегатов — не более 10 тыс. чел. Фактически же в выборах участвовали не более 5 тыс. алжирцев, избиравших всего 9 арабских делегатов. 6 делегатов от Кабилии выдвигались наиболее могучими кланами этой области, а 6 делегатов от территорий Юга просто назначались губернатором [20]. К тому же, делегаты не представляли и европейцев, если учесть, что население Алжира еще в 1896 г. составили 578480 европейцев и 3781098 алжирцев [21].

Практически Финансовые делегации оказались послушным орудием в руках крупных колонистов, которые, помимо голосов своей секции, контролировали также большинство голосов и в других секциях. По свидетельству очевидцев, "секция не-колонистов должна была представлять интересы торговцев, промышленников и чиновников. Но, так как большинство избранных лиц использовало свои прибыли для приобретения земельной собственности, большинство на деле составилось из

колонистов. Что касается арабских и кабильских избранников, тщательно подбиравшихся администрацией, которая ими распоряжалась, то они повиновались приказаниям губернатора или его генерального секретаря" [22]. Достаточно отметить, что из 72 финансовых делегатов в1900-1946 гг. постоянно не менее 50 были земельными собственниками, т.е. колонистами (в том числе — представлявшими интересы "не-колонистов") и послушными им феодалами [23]. Они воспрепятствовали введению в Алжире французской налоговой системы (чтобы сохранить давившие коренное население специальные "арабские налоги"), выпустили автономный "алжирский" заем и добились в 1900 г. специального бюджета для Алжира. Фактически Финансовые делегации, несмотря на их формально консультативный характер, получили решающее значение при рассмотрении и утверждении бюджета. Поэтому-то налоги, доходы и расходы в Алжире с 1900 г. постоянно планировались в интересах европейской верхушки, особенно крупных колонистов.

Финансовые делегации сохранили и 20 лет успешно отстаивали взимание с алжирцев т.н. "коранических" налогов, которое коренное население выплачивало сверх введенных в Алжире (в том числе для европейцев) прямых и косвенных налогов. Это были "ашур" (одна десятая урожая), "закят" (одна десятая поголовья скота), "хокор" (плата за пользование землями "арш" в области Константины), "лезма" (подушная подать или арендная плата, например, за финиковую пальму) в Кабилии и некоторые другие. 40% общей суммы всех этих налогов шли государству (т.е. во многом на содержание колониальной администрации), 40% — в бюджеты департаментов (которыми распоряжались генеральные советы европейцев), 10% - сборщикам (т.е. каидам и шейхам) и 10% — на прочие, в том числе местные нужды. Естественно, "сеньорам" было очень удобно таким образом оплачивать за счет алжирцев расходы на субсидирование своей хозяйственной деятельности (из средств департамента) и на содержание марионеток из "туземного" аппарата, которые присваивали гораздо больше "узаконенной" десятины [24].

Европейцы считали, что их господство в Алжире будет длиться вечно. Убеждение в том, что так и могло бы быть, до сих пор не изжито частью французских историков-колониалистов. Один из них, Марсель Пейрутон (бывший генерал-губернатор Алжира и генеральный резидент Франции в Тунисе и Марокко) в 1966 г. утверждал: "Учитывая ассимиляторский

талант француза, Алжир мог бы стать Гасконью, заморской Берри в полном значении этого слова, если бы этому не мешало одно препятствие: Ислам" [25]. Хотя главное заключалось не в этом, а в самом факте неизбежного порождения колониализмом своего могильщика — антиколониализма. Чем глубже шел процесс колонизации, тем острее реагировало на него алжирское общество.

Колониальное двоевластие в сочетании со всеми ранее упоминавшимися факторами, порождаемыми колонизацией, создавало своеобразные условия, в которых происходило возрождение на новой основе организованного антиколониального движения (в стихийных и неорганизованных формах оно практически не прерывалось). Новый этап освободительной борьбы характеризовался стремлением использовать тактические возможности, прямо вытекавшие из ситуации двоевластия. При невозможности сокрушить твердыню колониализма лобовым штурмом, объективно должна была возникнуть тенденция к использованию противоречий (иногда лишь намечавшихся и второстепенных) в стане колонизаторов, сосредоточению всех усилий на борьбе против засилья "сеньоров" колонизации, как главных противников какого-либо смягчения колониального гнета, при одновременных поисках любой поддержки из метрополии — со стороны левых кругов, либеральной прессы, "арабофилов" в парламенте (среди них выделялся своими призывами к "моральному, интеллектуальному и экономическому прогрессу туземцев" умеренный депутат Альбэн Розэ, сентиментально привязанный к Алжиру) и даже правительства, недовольного строптивостью и автономистскими происками "сеньоров".

Но на первых порах слабость алжирских националистов определялась их малочисленностью, отсутствием связи даже с городскими низами (не говоря уже о сельском населении), боязнью репрессий со стороны колониального режима. Также следует считать одной из причин выявившиеся довольно рано разногласия между разными фракциями городской элиты: традиционалисты ("старые тюрбаны", как их тогда называли) выступали за сохранение алжирцами своей самобытности, религии и образа жизни, а "мусульфранки" (т.е. мусульмане-французы, последовательные сторонники ассимиляционизма) единственный путь к освобождению от колониального гнета видели в слиянии алжирцев с французами и в обретении таким образом политического равноправия с ними.

Впоследствии “мусульфранков” стали называть “младоалжирцами” по аналогии с младотурками и противопоставлять их не столько традиционалистам, сколько мусульманам-коллаборационистам, служившим в колониальной администрации. В новейшей алжирской историографии традиционалистов и “младоалжирцев” иногда называют “консерваторами” и “либералами”, подчеркивая при этом незначительность разницы между ними.

Традиционалисты по настоящему смогли развернуть свою деятельность в самом конце XIX в. после создания в городах Алжир, Константина и Тлемсен частных арабских типографий. Среди первых деятелей их направления было много мастеров культуры: поэты, писатели и теологи Бен Мухуб, Кахуль и аль-Маджауи, художники Омар и Мухаммед Расим. Проблема освобождения Алжира рассматривалась ими сквозь призму популярных идей “Нахды” (т.е. “Возрождения” арабской культуры в Египте, Сирии и Ливане во второй половине прошлого века). Ряд публицистов, религиозных и общественных деятелей, внесших вклад в арабоязычную культуру Алжира, был хорошо известен за пределами страны, поддерживая связи с Арабским Востоком. Таковы были ибадитский шейх Атфия (1819-1913 гг.), автор семитомного свода мусульманского права, Мустафа Ибн аль-Худжа (1865-1915 гг.), писатель-теолог и правовед, первым в Алжире поднявший вопрос о необходимости распространения образования среди женщин-мусульманок. В то же время выступили реформатор завий Кабилии Мухаммед ас-Саид Бен Зикри, пропагандисты религиозной реформы “саляфийя” (т.е. “очищение”) по примеру Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо в Египте шейхи Хамдан Бен Луниси и Абд аль-Кадир аль-Маджауи, часто печатавшийся в Сирии и Египте публицист Абд аль-Халим Бен Смайя, крупнейший филолог, историк и литературовед Мухаммед Бен Шенеб (впоследствии — член Арабской академии в Дамаске).

Оставаясь политически неорганизованным направлением общественного мнения, традиционалисты вместе с тем внесли значительный вклад в развитие антиколониальной борьбы. Так, известный далеко за пределами страны художник Омар Расим, скрывшись под псевдонимом Ибн Мансур ас-Санхаджи, издавал в 1913-1914 гг. еженедельник “Зу-ль-Факар”, который он собственноручно оформлял. Газета была, по мнению сподвижника художника Джамаля ад-Дина Сфинджи, “критической и социалистической”, но одновремен-

но поддерживала идеи реформации ислама. Расим писал и оформлял политические листовки с призывами против политики колониальных властей и издававшихся ими законов. В 1912 г. он лично их распространял с помощью подростков и молодежи из семей традиционной мусульманской элиты г.Алжир. Старшее поколение традиционалистов полностью его поддерживало. Многие его представители давали клятву не брить бороды до изгнания французов из Алжира и возвращения страны под власть турецкого султана, совершали паломничество в Стамбул, как в Мекку, называли своих детей в честь султана и вождей панисламизма [26].

Часть из них была настроена непримиримо и выступала либо за открытое восстание, надеясь на помощь "победоносной армии Ислама" из Османской империи, либо за эмиграцию. Другая часть, трезво оценивая соотношение сил, считала необходимым пассивное, но непрерывное сопротивление с целью сохранения национальной самобытности. Наконец, третья часть соглашалась на переговоры с властями, постоянно направляя им разного рода петиции о "сохранении туземной собственности" от экспроприаций, отмене разорительных для алжирцев законов, перераспределении налогов, развитии образования на арабском языке и т.п.

Традиционалисты издавали свою прессу и участвовали в деятельности многочисленных кружков и культурных ассоциаций. Их двухмесячник "Ал-Ихья" (1906-1907 гг.) имел 200 подписчиков. Издавались также еженедельники "Каукаб Ифрикийя" (1907-1914гг.), "Аль-Магриб" (1903-1913 гг.), "Аль-Фарук" (1913-1914 гг.), имевшие в основном культурно-просветительский характер и пропагандировавшие религиозно-реформаторские идеи основателя панисламизма Джамаль ад-Дина ал-Афгани и великого муфтия Египта Мухаммеда Абдо (сам Абдо посетил Алжир в 1904 г.). В Сирии, где в 1911 г. проживало 20 тыс. алжирцев, не терявших связей с родиной, они издавали ряд газет (например, "Аль-Мухаджир"), в которых резко осуждали политику Франции в Алжире за "превращение алжирцев в рабов и нищих", произвольные аресты, вмешательство в дела мусульманского культа, "уничтожение арабских и исламских традиций" [27].

"Сеньоры" Алжира и их сторонники во Франции не прекращали клеймить мусульман-традиционалистов как "фанатиков и клерикалов", "приверженцев религиозных братств", "поборников интеллектуальной узости". Однако, когда появились младоалжирцы, тон колониалистских идеологов и их

прессы изменился и они не поколебались провозгласить старых тюрбанов "искренними друзьями Франции". Отныне они казались не опасными личностями, а "мирными и практичными людьми", так как заявляли о нежелании натурализоваться в качестве французов и получить политические права, а главное — открыто выражали "свою оппозицию младоалжирцам" [28].

Поколение младоалжирцев появилось на политической сцене Алжира примерно с 1900 г. Но первые упоминания о них относятся к 1892 г., когда бывший премьер Франции Жюль Ферри, прибывший в Алжир во главе сенатской комиссии по расследованию, с изумлением выслушал адвоката Ахмеда Будербу, переводчика Зеррука Бен Брихмата и врача Тайеба Морсли (муниципального советника Константины), требовавших предоставления политических прав всем алжирцам по примеру "жителей Черкессии", которые "являются русскими, сохраняя при этом все свои мусульманские права и законы". Ферри назвал их "партией молодых" [29]. Младоалжирцами (по аналогии с младотурками, младоегиптянами и младотунисцами) их стали называть гораздо позже. Но уже в 90-е годы собеседники Ферри громко заявили о себе. "Почему вы отказываете нам — писал в 1894 г. Т.Морсли — в возможности защищать наши интересы в выборных советах в самой колонии и посылать к вам в Париж представителей по нашему выбору, знающих наши чаяния, интересы и нужды?" [30]. В моменты острой напряженности в отношениях между французским правительством и "сеньорами" колонизации подобные вопросы "новой волны" ассимиляционистов охотно подхватывались "арабофилами" в метрополии. На это и делали ставку младоалжирцы, представлявшие собой, по мнению Б.Саадаллаха, "национальное движение, преследовавшее целью освобождение страны законными политическими средствами и использовавшее в большинстве случаев западные методы" [31].

С 1900 г. требования предоставить право голоса грамотным алжирцам, а также — торговцам и промышленникам, дать муниципальным советникам-алжирцам возможность участвовать в выборах мэра и его "туземного" помощника неоднократно повторялись в многочисленных петициях, направлявшихся в палату депутатов Франции. Лейтмотивом их была просьба к "Республике, всегда верной своим принципам и поддержке слабого", предоставить "необходимые права каждому человеку, а не только французу" [32].

Среди младоалжирцев не было единства: часть их выступала за полное слияние алжирцев с французами и больше против предрассудков мусульман, чем против колониализма, осуждая в первую очередь "фанатизм", "национальную вражду", "оппозицию прогрессу и подлинному исламизму", а заодно — ношение бурнуса и огромной чалмы; другие упирали на необходимость предоставления алжирцам более широких прав и возможностей при сохранении традиционного наследия. Но и те и другие требовали "прогресса" и развития "современного", т.е. франкоязычного, образования в Алжире.

Разумеется, подробная позиция не могла быть одобрена традиционалистами. Поощрение ее со стороны "арабофилов" Франции создавало впечатление колониалистского маневра по расколу антиколониальных сил. Попытки такого маневра имели место. Но суть разногласий заключалась не в этом, а в глубоком различии социально-культурной и политико-идеологической формации тех и других. Младоалжирцы с самого начала столкнулись не только с оппозицией мусульманских националистов, но также и мусульманских коллаборационистов, т.е. "туземных" чиновников колониальной службы — башага, ага, каидов, муфтиев, имамов мечетей и шариатских судей (кади), оплачивавшихся местной администрацией. Поэтому вряд ли был прав Огюстэн Бернар, утверждавший, что традиционалистов и младоалжирцев разделяли "не столько программа, сколько личное соперничество" [33].

Младоалжирское движение развертывалось очень медленно, долгое время оставаясь не более, чем умонастоением, течением общественной мысли. В сущности, о нем всерьез заговорили лишь после 1900 г., когда очередная комиссия парламента Франции ознакомилась с пожеланием "распространить политические права на мусульман с французским образованием" [34]. Постепенно движение младоалжирцев стало приобретать организованный характер. Совместно с либералами-европейцами младоалжирцы основали ряд культурных ассоциаций. Первая из них "Рашидийя" ("Следующая верным путем") — была создана в г.Алжир в 1902 г. учителем Сарруи в целях взаимопомощи выпускников франко-мусульманских школ и дальнейшего просвещения алжирцев. К 1908 г. она оказывала материальную помощь 8 школам, организовывала курсы для взрослых, библиотеки, лекции, кружки. С помощью ряда примкнувших к ней именитых лиц ассоциация в 1910 г. создала свои филиалы в других городах. Только в г.Алжир она насчитывала 251 сторонника, включая известного младоал-

жирского деятеля Бен Брихмата, но также и традиционалистов Бен Смайя, аль-Хафнауи и Бен Раххаля, муфтия г.Алжир Бен Зикри [35].

Вторым подобным обществом стал “Кружок Салах-Бея”, с 1907 г. занимавшийся в Константине литературными, научными, социальными и экономическими исследованиями. В 1908-1910 гг. в его рядах было, по разным сведениям от 700 до 1700 членов (в том числе — 500 слушателей специальных курсов общеобразовательного характера, а также — по изучению искусств и ремесел). Вскоре возникают идентичные ему “Содружество современных наук” (Хеншела), “Кружок молодых алжирцев” (Тлемсен), “Братство” (Маскара), “Полумесяц” и “Кружок прогресса” (Бон), “Исламское общество” и “Садыкийя” (Константина), “Союз” (Паликао). В ряде случаев это были просто кооперативы взаимопомощи или кружки просветителей, поборников трезвости или женской эмансипации. Всего в них состояло, по разным подсчетам, около 1000-1200 чел., из которых активно работало не более 100 энтузиастов [36].

Некоторые из них возникают уже как чисто алжирские организации. Например, ассоциация “Туфикийя” (“Согласие”) в г.Алжир в 1908 г. была объявлена “обществом благотворительности и научно-литературного образования”, а в 1911 г. реорганизована в политический клуб, имевший свыше 250 приверженцев. “Туфикийя” стала наиболее значительной из возникших в то время алжирских ассоциаций. Ее председателем стал один из виднейших младоалжирцев доктор Белькасем Бентами, вице-председателем — этнограф и лингвист Мухаммед Суалах. В уставе ассоциации целью ее провозглашалось объединение всех алжирцев, “жаждущих просвещения, развития научной и общественной мысли” [37].

Созданные младоалжирцами ассоциации и общества через свои отделения по всей стране организовывали занятия и публичные чтения по вопросам науки, литературы, социологии, экономики, истории, субсидировали школы и библиотеки. Постепенно ассоциации просветителей превращались на деле в политические организации и призывали к объединению всех мыслящих алжирцев. С 1903 г. в стране действовал в виде своего рода полупартии “Комитет защиты интересов мусульман” во главе с адвокатом Омаром Будербой.

Наряду с этими обществами, явившимися как бы первичной формой организации младоалжирцев (для традиционалистов такой формой могла быть ближайшая мечеть или завия

марабутского братства), большую роль в идейном оформлении их течения сыграла пресса. С участием или под руководством младоалжирцев выпускались газеты (обычно с параллельным французским и арабским текстом, или только по-французски): "Аль-Мисбах" в Оране в 1904-1905 гг., "Ле Мюсюльман" в Константине и "Л'Ислам" в Боне и г.Алжир — с 1909 г., "Л'Этандар алжерьен" в Боне и "Эль-Хакк" в Оране — с 1910 г., "Рашиди" в Джиджелли с 1911 г., существовавшие до 1914 г. Особым влиянием пользовалась "Рашиди", вслед ствие чего младоалжирцев иногда даже именовали "рашидистами" [38}.

С 1908 г. деятельность младоалжирцев принимает все более политический характер: в мае в муниципалитет г.Алжира были избраны их лидеры Бентами и Бен Брихмат, осенью — направлена в Париж их делегация во главе с Будербой, изложившая премьер-министру Ж.Клемансо требования младоалжирцев. В декабре 1909 г. они созвали в Боне трехтысячный митинг в поддержку предоставления алжирцам гражданских прав и отмены их юридического и налогового неравноправия с французами. В дальнейшем участились их собрания, демонстрации протеста, петиции властям, а также пропаганда в прессе. С 1911 г. усилились и репрессии властей против них. Тем не менее младоалжирцам удалось добиться освещения в прессе метрополии своих требований. В июне 1912 г. делегация девяти младоалжирских лидеров во главе с Бентами вручила премьер-министру Р.Пуанкаре список этих требований, получивших с тех пор наименование "Младоалжирского манифеста". Его текст подписали 100 активистов движения. Соглашаясь на службу алжирцев во французской армии (что было темой ожесточенной полемики в 1908-1912 гг.), младоалжирцы требовали: 1) реформы репрессивного режима (отмены расистского "туземного кодекса", специальных трибуналов и пр.); 2) "справедливого распределения налогов" и "бюджетных средств"; 3) "серьезного политического представительства во всех алжирских ассамблеях" и в парламенте Франции[39]. Лишь первое требование было частично удовлетворено в 1914 г. путем отмены некоторых ограничений прав алжирцев. Второе — выполнено лишь в 1918 г., а третье — так и не было осуществлено.

Неудача младоалжирцев во многом объяснялась узостью их социальной базы, которую довольно точно определил современный французский историк и социолог Ж.-К.Ватэн, долго работавший в Алжире: "Эта озападнившаяся фракция рекрути-

ровалась из городской буржуазии, затронутой и соблазнившейся образцами европейского общества. Обладатели дипломов — доктора медицины и права, лиценциаты, бакалавры, ставшие учителями и переводчикам, или низшие чины администрации, юстиции или просвещения — они образовали вместе с немногими представителями торговой буржуазии, связанной с колониальным рынком, весьма неоднородную элиту" [40]. Малочисленность офранцуженных интеллигентов, к тому же, усугублялась разнобоем их мнений и концепций.

Характеризуя младоалжирцев, известный французский востоковед Вильям Марсэ отмечал, что эта "партия цивилизации и прогресса" во многом состоит из полуинтеллигентов и наивных карьеристов, "жаждущих сблизиться с победителем". Для них уже достаточно одеваться по-европейски и, подобно европейцу, не стесняясь, поглощать алкогольные напитки. Однако среди них были и другие, например, Мухаммед Бен Раххаль, дважды лиценциат Алжирского университета. "Он блистал умом, изысканностью, благородством, — писал о нем А.Фуко — носил смокинг как английский лорд, имел в Париже успех в салонах и будуарах. Но, вернувшись на землю родины, Бен Раххаль, парижанин из парижан, снова надел белую тунику и шнур из верблюжьей шерсти". Его патриотизм не ограничивался выбором костюма, как и у многих других алжирцев, совмещавших, по свидетельству исламоведа и социолога Али Мерада, французский диплом и ношение тюрбана, профессию учителя и членство в религиозном братстве, свободомыслие в чисто французском духе и аккуратное посещение мечети [41].

Слабость и осторожность "мусульфранков", не чувствовавших поддержки народа, от которого они были отгорожены не только своим положением и воспитанием, но и предлагавшимся ими рецептом решения проблемы путем отказа от национальной самобытности, предопределили главную особенность тактики "младоалжирцев" — приспособиться к навязанному колонизаторами соотношению сил и, приняв его, ассимилироваться, уравнявшись тем самым с французами. За это давно выступали либералы и "арабофилы" во Франции. Но против этого всегда были как реакционеры митрополии, так и особенно "сеньоры" Алжира. Даже такой активный идеолог и практик колониализма, как Ж.Ферри, осуждал алжироевропейцев за их пренебрежение "общими интересами Франции и колонии", партикуляризм, желание "эксплуатировать туземца и метрополию" [42].

Ввиду сложившейся в Алжире системы колониального двоевластия шансов на введение равноправия алжирцев и французов почти не было. В этих условиях младоалжирцы старались максимально использовать противоречия (в том числе второстепенные или только намечавшиеся) между метрополией и "сеньорами" колонизации. Но такая тактика, сама по себе способная принести лишь ограниченный успех, наталкивалась на два сильнейших препятствия — солидарность колониалистских кругов Франции с верхушкой алжиро-европейцев и наличие в антиколониальном движении Алжира конца XIX — начала XX в. второго, гораздо более мощного течения — традиционалистов, решительно отвергавших установки младоалжирцев. Вследствие этого лидеры ассимиляционистов постоянно находились как бы между молотом и наковальней.

Вместе с тем примеров сотрудничества младоалжирцев и традиционалистов в 1906-1912 гг. не меньше, чем стычек между ним. Они активно участвовали в ассоциациях "Рашидийя" и "Кружок Салах-Бея", которые имели наибольшее число приверженцев: около 2 тыс. человек, т.е. столько же, сколько все остальные. Они совместно проводили кампании протеста против захвата Францией Марокко, а Италией — Ливии. Некоторые газеты (например "Эль-Хакк" и "Ле Ту у рьен" в Оране) пытались совмещать точки зрения и младоалжирцев, и традиционалистов. Один из алжиро-европейских идеологов, Андре Сервье, писал в 1913 г.: "Следует опасаться слияния этих двух групп — младоалжирцев с их интеллектом, активностью, знаниями и программами, и старых тюрбанов и народа с их численностью" [43]. Однако единство антиколониального движения тогда достигнуто не было. Наметившиеся до 1914 г. расхождения между обоими течениями отразились в дальнейшем развитии двух фракций: традиционно-националистической и умеренно-легалистской.

Младоалжирцы, уступая традиционалистам по численности и влиятельности, представляли, однако, более современную и гибкую ветвь алжирского антиколониализма на рубеже XIX-XX вв. Их профранцузский ассимиляционизм был одновременно и прикрытием антиколониального содержания борьбы за равноправие, и тактическим приемом этой борьбы, вполне оправданным в специфических условиях сложившегося в Алжире колониального двоевластия. Он облегчал поиски союзников как во Франции, так и среди прогрессивной части алжиро-европейцев (что важно было на первых порах для хотя бы некоторого расширения возможностей политического само-

выражения алжирцев и создания более благоприятных условий для их дальнейшей борьбы). Но он же стал в последующие десятилетия источником профранцузских иллюзий и соглашательства. Кроме того, те немногие уступки, которых добились младоалжирцы, были сделаны властями с явной целью ослабить традиционалистов и еще больше разжечь их вражду к младоалжирцам. В целом оба течения, и младоалжирцы, и традиционалисты, имея и заслуги, и слабости, внесли значительный вклад в развитие алжирского антиколониализма на рубеже XII-XX вв. Поэтому они должны рассматриваться не порознь, а во взаимосвязи и взаимодополнении.

ГЛАВА 3

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА АЛЖИР

"Сеньоры" Алжира особенно уверенно чувствовали себя в первой трети XX века. Однако это время кажущейся стабильности колониального режима на самом деле было примечательно нараставшим кризисом якобы утвердившегося "французского мира" в Алжире. Социально-политическое преображение Алжира в первые десятилетия нашего века было особенно заметным, обозначившим прыжок страны из средневековья в современность. И хотя старина и новь до сих пор в Алжире сплетены воедино, рывок к обновлению в начале столетия был несомненен. Значительный импульс ему дала первая мировая война, а также последовавшие за ней революционные события в Европе и на Востоке.

Алжир оказался вовлеченным в войну с самого ее начала: уже 4 августа 1914 г., на второй день объявления Германией войны Франции, немецкий крейсер "Бреслау" выпустил около 60 снарядов по алжирскому порту Бон (ныне — Аннаба), а 6 августа во Франции высадился первый контингент алжирских стрелков численностью в 14 тыс. чел. В последующие дни германские корабли обстреляли также Филиппвиль (ныне Скикда), убив и тяжело ранив до 30 зуавов [1]. Довольно быстро сказались в Алжире и прочие тяготы войны, прежде всего экономические. При этом безденежье, отрыв от производства большинства трудоспособного мужского населения и другие трудности коснулись европейцев в такой же мере, как и алжирцев.

Война привела к вывозу продовольствия из Алжира во Францию, к росту налогов и насильственной мобилизации наиболее трудоспособной части населения. 155 тыс. европейцев и 173 тыс. алжирцев были взяты в армию. 119 тыс. алжирцев (из них 89 тыс. принудительно) были направлены во Францию ввиду нехватки в метрополии рабочей силы [2]. В ходе войны погибли 22 тыс. европейцев и 25 тыс. алжирцев [3] (а по другим сведениям погибли 50 тыс. алжирцев [4]), 82 тыс. алжирцев были ранены [5]. Некоторые алжирские авторы считают, что были мобилизованы 250 тыс. алжирцев, из которых 80 тыс. чел. погибли [6]. Мобилизация значительной части

самодеятельного населения, сокращение товарооборота с метрополией (ввиду переключения французской промышленности на военные нужды, а гражданского флота — на перевозку военных грузов) способствовали кризису экономики Алжира. Потери в людях и падение рождаемости (в 1918 г. смертность в Алжире превысила рождаемость) вызвали резкое уменьшение удельного веса работоспособной молодежи. Бегство от мобилизации (особенно в горы) достигло огромных для Алжира масштабов, охватив не менее 120 тыс. чел. [7].

С каждым годом войны все острее ощущалась нехватка основного топлива — каменного угля (месторождение Кенадза только начало разрабатываться, а импорт угля к 1917 г. сократился на 67% по сравнению 1913 г.). Пустели рынки, останавливались железнодорожные составы, забрасывались ранее обрабатывавшиеся поля (в том числе — у многих колонистов) ввиду нехватки рабочей силы, амортизации инвентаря и отсутствия химических удобрений, ранее импортировавшихся. Стремительному росту цен сопутствовала инфляция (денежная масса в обращении возросла в 1914-1918 гг. почти в 5 раз). По свидетельству очевидцев, в годы войны "торгаши богатели, а земледельцы и ремесленники беднели" [8]. На фоне всеобщего обнищания и разорения особенно нестерпимо было процветание немногих, в первую очередь — наиболее крупных виноделов, выручивших в 1915-1918 гг. от экспорта вина во Францию 930 млн. фр., а также кучки наиболее ловких алжирских буржуа, воспользовавшихся выгодной конъюнктурой для спекуляции зерном и шерстью, скупки табачных плантаций, основания фабрик по консервированию оливок [9]. В селах широко распространилось ростовщичество, разорявшее крестьян и подрывавшее традиционные уклады жизни в деревне.

Военные усилия Франции обусловили расширение спроса на сырьевые запасы ее колоний, а также сокращение вывоза промышленных товаров из Франции в колонии в связи в переводом экономики на военные рельсы. В Алжире это имело следствием развитие горнодобывающей промышленности (расширение добычи железа, фосфоритов) и некоторый рост обрабатывающей промышленности, на время освободившейся от конкуренции метрополии. Особенно много стало различных ремонтных мастерских, табачных фабрик и пивоваренных заводов. В целом, однако, в годы войны промышленность мало прогрессировала. Чуть ли не единственным крупным предприятием, выстроенным за годы войны, был гигантский

холодильник для хранения мяса, предназначавшегося к вывозу во Францию.

Безработица разрасталась вследствие наплыва в города жителей голодающих деревень. Урожаи неуклонно падали. В то же время бедствия войны ускорили процессы, развивавшееся ранее: концентрацию земель в руках крупных и средних колонистов, переселение европейцев в города и продажу многими мелкими колонистами своих земель алжирцам (особенно в кабильских районах, где у многих семей появились средства за счет переводов от рабочих на военных заводах Франции или пособий семьям мобилизованных). Все эти явления, также как и продолжение миграций алжирцев во Францию, начавшихся еще в 1912 г., где они впервые стали приобщаться к революционным идеям, опыту и традициям рабочего движения, составили важную часть последующих социально-политических сдвигов в Алжире. При этом многие процессы носили противоречивый характер: например, эмигранты-кабилы, трудясь во Франции в качестве рабочих, в то же время косвенно содействовали частичному обуржуазиванию оставшихся на родине родственников, часть которых сумела скопить значительные суммы денег от поступавших из Франции переводов: 10 млн. фр. в 1914 г., 12 млн. — в 1915 г., 17 млн. — в 1916 г., 26 млн. — в 1917 г. [10].

В годы войны Франции не пришлось посылать в Алжир солдат для "поддержания порядка". Алжирские марабуты и значительная часть мусульманского духовенства заняли позицию лояльной поддержки метрополии. Они не откликнулись на призыв к "джихаду" — священной войне, провозглашенной в октябре 1914 г. турецким султаном (номинально халифом, т.е. религиозным главой всех мусульман-суннитов) и выступали на стороне Франции против Германии и Турции (единственный во французской армии подполковник-алжирец Кади и еще 8 офицеров-алжирцев были направлены в Египет в 1916 г. для помощи в организации антитурецкого восстания в Хиджазе, а с 1918 г. — участвовали в боях против турок в Аравии). В ряды французской армии вступили многие представители видных мусульманских фамилий. В чине капитана частей "спаги" (иррегулярной "туземной" кавалерии) сражался внук Абд аль-Кадира эмир Халид, который ранее (в 1913 г.) вышел в отставку в знак протеста против дискриминации алжирцев во французской армии, но с началом войны вернулся на военную службу. Другие младоалжирцы в большинстве своем также поддерживали Францию, рассчитывая на уступки

с ее стороны. Но многие из них и во время войны "протестовали против рекрутчины", требовали уравнения в правах алжирских и французских чиновников, представительства в парламенте Франции [11].

В целом "лояльность туземцев" явилась сюрпризом для колониальных властей. Младоалжирцы в муниципалитетах и члены совета общества "Рашидийя" заверили губернатора в их "полной приверженности к Франции". "Туфикийя" и "Франко-туземный союз" также призвали алжирцев "сражаться на стороне Франции". Лишь небольшая группа традиционалистов возлагала надежды на победу Германии и Османской империи. Они распространяли панисламистские листовки, призывавшие в священной войне, саботировали военные усилия Франции, агитировали за отказ от военной службы. Но деятельность этой группы традиционалистов постепенно угасла после начала антитурецкого восстания в 1916 г. шерифа Мекки Хусейна, выступившего в союзе с Англией и Францией, под давлением которых он выслал из Мекки и Медины тысячи эмигрантов из Магриба. Воззвание Хусейна, в котором он обвинял турок в "пренебрежении и враждебности благородному и благочестивому эмиру Абд аль-Кадиру Алжирскому", имело в Алжире определенный отголосок. То же самое можно сказать и о заявлении эмира Халида, еще раньше, в 1915 г., подтвердившего, что все арабы выступают против турок, как своих угнетателей [12].

Алжирцы сочувствовали движению за изгнание итальянцев в соседней Ливии, проходившее под руководством марабутского братства Сенусийя. Германия уже в 1914 г. обратилась непосредственно к сенуситам с демагогическим призывом "освободить мусульман от рабства" и вернуть им "честь". Под влиянием сенуситов шейхи Хоггара (Южной Сахары) Ахмед Султан и Абд ас-Салям объявили Франции "джихад" в 1915 г. и с февраля 1916 г. начали осаду французских опорных баз. Франция была вынуждена направить против них корпус генерала Ляперрина, усмирявшего туарегов вплоть до конца 1917 г. [13]. Открытые выступления против французов имели место в Алжире в 1914 г., в районах Бени Шугран (близ Маскары) и Милианы. Оплотом повстанцев были завия Сиди Мифтах. Целую неделю они отбивались от посланных против них карателей, сжигавших деревни и окрестности Маскары, применявших пушки и бронемашины. Повстанцев возглавляли шейхи племен, не пожелавшие подчиняться приказам о мобилизации. Один из них сказал: "Можно увеличить налоги и

забрать у нас имущество, но мы не дадим своих детей". В то же время многие крестьяне, не ограничиваясь этим, с декабря 1914 г. стали требовать возвращения земель, конфискованных у них после 1871 г. [14].

В горном массиве Аурес в 1915 г. восстало племя Улад Султан. Эхо восстания докатилось до Уарглы и Туггурта в Сахаре. В 1916 г. волнения среди крестьян и молодежи, подлежавшей мобилизации или отправке на военные заводы метрополии, происходили в Батне и Белезме, где убивали чиновников (например, супрефекта Батны) и колонистов, даже сожгли их поселок Мак-Магон, в разгроме которого участвовали 500-700 повстанцев. При подавлении волнений (окончательно — лишь к ноябрю 1917 г.) было убито до 300 чел., осуждено — 1200 чел. Однако всеобщее восстание мусульман Магриба, на которое уповало германо-турецкое командование, так и не произошло, хотя партизанские налеты с 1915 г. отмечались по всему востоку страны от Тебессы до Бужи на севере, а также в Тенесе на западе, где бунт солдат-алжирцев был поддержан рабочими, по словам Белькасема Саадаллаха, "как в России 1917 года" [15].

Некоторое представление об ущербе, нанесенном колонизаторам алжирцами в годы войны, дает следующая статистика "антифранцузских" актов в Алжире в 1916-1918 гг.: покушения на личную безопасность — 921; покушения на собственность — 3463; другие враждебные акты — 4992 [16]. Некоторое влияние на алжирцев в годы войны прогерманская и панисламистская пропаганда все же оказала: распространялись легенды о "Хадж Гийуме" (т.е. кайзере Вильгельме), которого воспевали, как "сражающегося со звездами", и открыто желали ему победы; панисламисты в Константине уверяли, что халиф (т.е. турецкий султан) может сжечь весь мир, стоит ему "лишь поднять знамя пророка" [17]. В Алжире ходили антифранцузские листовки и памфлеты, написанные алжирскими эмигрантами в Турции или военнопленными в Германии.

Активен был и образованный в Берлине в январе 1916 г. Комитет за независимость Алжира и Туниса во главе с тунисскими шейхами Салахом аш-Шерифом и Исмаилом ас-Суфайхи. От Алжира в его состав был включен сын Абд аль-Кадира эмир Али-паша и внук Абд аль-Кадира эмир Саид. Комитет вел патриотическую агитацию среди пленных алжирских солдат французской армии, многие из которых потом тайно забрасывались в Алжир с диверсионными целями или поступали в турецкую армию [18]. В первом воззвании от

имени комитета (в 1916 г.) аш-Шариф обвинил страны Антанты в "намерении подчинить другие народы, похитив их самостоятельность и личную свободу". Вместе с ас-Суфайхи аш-Шариф подробно описал тяготы жизни алжирцев и тунисцев под властью Франции: налоговый гнет, юридическое бесправие, земельный грабеж, принудительный труд, подавление всех свобод и национальной культуры. Предлагалось сорвать "дьявольские планы" Антанты путем мобилизации "материальных и духовных сил стран Ислама" и "братского союза Турецкого государства" с Германией и Австро-Венгрией. В том же 1916 г. эмир Али-паша опубликовал в Берлине на арабском языке "Призыв к мусульманам, служащим в союзных армиях, встать на защиту Халифата, спасти ислам и святые города, освободить Алжир, Тунис и Марокко" [19].

В этих условиях оживилась деятельность алжирской политической эмиграции, особенно — в Европе. Эмигранты (в основном традиционалисты) устанавливали связи с младотунисцами (в Швейцарии), издававшими в Женеве журнал "Ревю дю Магреб", и изгнанниками из Марокко (в Испании), пытавшимися из Барселоны поднять восстание от имени бывшего султана Мулая Хафида, низложенного французами в 1912 г. На международных конференциях младотунисцы выступали в защиту Алжира, обращались от имени алжирского народа к Германии, Австро-Венгрии и Турции за поддержкой.

С целью нейтрализации всей этой деятельности в парламенте Франции по инициативе депутата — "мусульманофила" Альбэна Розэ, давнего друга младоалжирцев, было выдвинуто к 1917 г. 5 проектов расширения прав "туземцев Алжира" В эту кампанию включился ряд влиятельных сенаторов и депутатов, образовавших в июне 1916 г. "Североафриканский комитет франко-мусульманского действия". Был выдвинут план Ж.Клемансо и Ж.Лейга, которые направили в ноябре 1915 г. премьер-министру Бриану письмо, указывая на "лояльность и глубокую привязанность" алжирцев к Франции и на необходимость в связи с этим осуществления обещанных реформ, "давно назревших, изучаемых много лет и полностью подготовленных к настоящему времени". Они предлагали ввести "натурализацию" алжирцев, (т.е. дать им права французских граждан) без их отказа от статуса мусульман, расширить избирательные права и нормы представительства, в том числе — в Париже, ввести новые гарантии прав алжирцев в органах самоуправления и их участия в выборах мэров, реформу арабских налогов и обеспечение "туземной" собственности [20].

Однако, даже слухи об этих проектах вызвали ярость "сеньоров" колонизации. Они не желали никаких перемен.

Подлинный подъем антиимпериалистического движения начался в Алжире в 1919-1920 гг. по мере общего сдвига влево в рядах рабочего движения Франции (с которым был связан и европейский, и арабо-берберский пролетариат Алжира) и после возвращения (уже к марту 1918 г.) около 260 тыс. алжирцев (в том числе 115 тыс. рабочих) из Франции, где большинство их прониклось революционными настроениями [21]. Вести о событиях в Турции, Египте, Сирии, Ираке, соседних Тунисе и Ливии в 1918-1920 гг. также способствовали политической активизации алжирцев. Большое значение имело братание алжирцев-солдат французских войск, брошенных в 1919 г. против Советской России и Венгерской советской республики, с русскими и венгерскими революционерами. Участие алжирцев и вьетнамцев в восстании французских моряков в Одессе в апреле 1919 г. было одним из первых результатов влияния событий 1917 г. в России на представителей колониальных народов Азии и Африки.

Весной 1919 г. в Алжире вспыхнули крестьянские волнения, особенно сильные в долине реки Шелиф — богатой зоне колонизации. Сосредоточение здесь значительных масс горцев, прибывших из пораженных неурожаем соседних областей, ставшее для них обычным систематическое недоедание и вспыхнувшая вдобавок эпидемия тифа вызвали социальный взрыв небывалой силы. Доведенные до отчаяния бедняки нападали на фермы европейцев, захватывали их земли, имущество. Таких нападений в 1919 г. было на 3390 больше, чем в 1918 г. Все тяжбы и конфликты, как писал очевидец, "стали разрешаться стрельбой" [22]. Усиленные подкрепления войск и полиции, перебрасываемые в районы наиболее интенсивных нападений, через некоторое время восстанавливали "порядок и безопасность". Однако сохранение нетерпимой ситуации в деревне порождало все новые выступления, в ходе которых "почти ежедневными" становились "покушения на безопасность личности и имущества". Число различных инцидентов и "правонарушений" (включая покушения на жизнь и собственность европейцев, а также беспорядки и стычки с полицией) было довольно высоким в 1920 г. (27422 только с апреля по октябрь), но затем стало снижаться: 21136 в апреле-октябре 1921 г., а в январе-апреле 1922 г. — на 2683 случая меньше, чем за тот же период 1921 г. [23].

В городах социальные выступления с требованием повысить заработную плату в связи с ростом цен и общим ухудшением условий жизни произошли осенью 1919 г. Европейская колония была крайне шокирована стачками докеров и моряков, преимущественно — европейцев, похоронивших столь пропагандировавшийся в годы войны миф о "национальном мире". Только в г.Алжир в 1919 г. имели место 53 стачки с 7836 участниками. Колонисты очень встревожились ввиду угрозы их прибылям: стачки портовиков подрывали экспорт продуктов питания в метрополию. Новые стачки докеров и моряков, вслед за которыми забастовали железнодорожники, охватили страну весной 1920 г. К рабочим и служащим присоединились также ремесленники и батраки. В Оране, Сук-Ахрасе и других местах в забастовках активно участвовали тысячи алжирцев. Именно поэтому большой отклик в Алжире получили грандиозные майские стачки 1920 г. во Франции: 6250 забастовщиков в г.Алжир, манифестации, стычки с полицией [24]. На участников событий обрушились аресты, увольнения, судебные преследования. Мэры городов призывали торговцев ничего не продавать стачечникам и их семьям.

Особенно власти всполошились в связи с активной поддержкой выступлений европейцев алжирскими рабочими. Было известно, что некоторые националисты Алжира направили по окончании войны петицию президенту США Вильсону с требованиями "автономии" страны и "изгнания французов". С окружением Вильсона установил связь эмир Халид, по демобилизации из французской армии ставший, по мнению многих историков, "вождем национального движения" [25]. В этом же направлении действовал Алжиро-тунисский комитет в Женеве, направивший в начале 1919 г. меморандум мирной конференции в Версале в котором потребовал "полной независимости" Алжира и Туниса и "признания своих прав мировым общественным мнением" [26].

Встревоженное ростом антиколониальных настроений и социальной напряженности в Алжире, французское правительство пошло на некоторые уступки в виде так называемых реформ 1919 г., суть которых заключалась в отмене налоговых различий между европейцами и алжирцами с одновременным расширением их представительства в муниципалитетах и предоставлением избирательных прав алжирским землевладельцам, купцам и чиновникам, военнослужащим, обладателям наград, дипломов и т.д. Всего число алжирцев-избирателей увеличилось с 15 тыс. до 103 тыс., а на муниципальных

выборах — даже до 421 тыс. [27]. Но они все равно могли выбирать лишь одну треть муниципальных и одну четверть генеральных советников, независимо от соотношения голосов в любом округе. Кроме того, избиратели-алжирцы составляли всего одну двенадцатую общего числа коренных жителей и не имели полных прав французских граждан (в частности, не выбирали депутатов в парламент Франции). Тех же, кто получил такие права (обычно ценой полного офранцуживания, отказа от своей религии и даже языка), в 1919 г. было всего 1,5 тыс. чел., совершенно "незаметных" среди 180 тыс. избирателей-европейцев. Неудивительно, что современные алжирские историки оценивают законы 1919 г. как "антидемократические, антинациональные и нереалистические" [28].

Половинчатый характер реформ 1919 г. вызвал недовольство не только народных масс, но и демократически настроенных кругов национальной буржуазии и интеллигенции. Поэтому почти сразу весной 1919 г. начался новый подъем деятельности антиколониалистов, связанный с именем эмира Халида, который "доминировал в алжирской политической жизни между 1919 г. и 1923 г. и даже вплоть до 1925 г." [29].

Хотя с 1913 г. Халид сближался с младоалжирцами, фактически его, по мнению изучившего эту тему Н.Н.Дьякова, "следует рассматривать как связующее звено между двумя периодами развития алжирского антиколониализма: периодом разрозненных выступлений буржуазных ассимиляционистов — младоалжирцев и мусульманских традиционалистов и начавшимся после первой мировой войны периодом подъема революционно-демократического национализма" [30]. Отстаивая национальную и религиозную самобытность Алжира, эмир Халид в то же время стремился действовать легально, в рамках официальных французских учреждений и законов. Поэтому, как отмечалось позже в программе алжирских революционеров, деятельность Халида "открыла путь другим алжирским организациям" [31]. При этом, как считает Каддаш, "популярность эмира вышла за пределы Алжира" [32]. Наилучшее представление о значении Халида в истории Алжира дает следующее определение, высказанное еще в 1924 г.: "Халидист в Алжире означает то же самое, что заглулист в Египте и гандист в Индии, т.е. борец за освобождение народов" [33]. Эта параллель с Саадом Заглулом и Махатмой Ганди говорит сама за себя.

Несмотря на яростное сопротивление властей, Халид избирался в 1919-1920 гг. в муниципалитет в г.Алжир и

г.Блида, был генеральным советником и членом Финансовых делегаций. В 1921 г. он возглавлял газету “Икдам” (“Отвага”), в которой вел систематическую агитацию против властей, разоблачая колониальный гнет и защищая демократические свободы и права алжирцев, в том числе — их право на юридическое и политическое равенство с французами. В 1922 г. эмир Халид попытался создать политическую ассоциацию “Алжирское братство”. Программа действий Халида наиболее полно была изложена в июне 1924 г. в письме к премьер-министру Франции, в котором, помимо ставших традиционными для алжирцев с конца XIX в. требований (представительство в парламенте Франции, отмена “туземного кодекса”), излагались и новые: применение в Алжире закона об обязательном обучении, равноправие с французами при прохождении военной службы, гарантия свободы прессы и объединений, применение к мусульманскому культу закона об отделении церкви от государства, распространение на мусульман французского социального и рабочего законодательства [34]. Большинство этих требований не было выполнено. Лишь в 1927 г. был отменен “туземный кодекс” и несколько облегчены условия выезда мусульман на заработки во Францию. Сам Халид был выслан (из Алжира в 1923 г., из Франции — в 1924 г.) сначала в Египет, затем в Сирию, где и умер в 1936 г.

Движение Халида, во многом верхушечное (объединявшее преимущественно патриотов из числа интеллигенции и бывших военных) и не лишенное идейно-организационной аморфности, оставило, однако, заметный след в истории антиколониальной борьбы в Алжире. В 1923-1925 гг. деятельность Халида и его сторонников поддерживали самым активным образом коммунисты Франции и Алжира, многие демократы — антиколониалисты как алжирского, так и европейского происхождения. Мужество, стойкость и принципиальность Халида вызывали восхищение и любовь алжирцев. Его имя оставалось для патриотов знаменем всех антиколониальных демонстраций вплоть до конца 20-х гг.

Одним из последствий первой мировой войны и послевоенной радикализации обстановки во Франции и колониях явился раскол левых сил и зарождение в Алжире коммунистического движения. Немногочисленные и почти никогда не игравшие в Алжире самостоятельной роли (будучи скованы установками Коминтерна и инструкциями руководства компартии Франции), коммунисты Алжира, тем не менее, постепенно стали силой, оказывавшей значительное влияние на

формирование, идеологию и практику антиколониального движения в стране. Однако до этого они прошли довольно непростой путь от революционно-анархических секций, покинувших в декабре 1920 г. социалистическую партию Франции ради присоединения к Коминтерну, до оформления в 1936 г. в самостоятельную партию.

Вначале их было не более 400 активистов, сгруппировавшихся вокруг газеты "Социальная борьба". При этом среди них алжирцев было всего 2 (!) человека [35]. А один из этих алжирцев, секретарь профсоюза учителей С.Фаси, считал восстание против колониального режима "лекарством, в тысячу раз худшим, чем сама болезнь". О взглядах же его европейских коллег, не свободных от худших предрассудков их среды, говорят следующие выдержки из резолюций их секций в 1921 г.: "Победив, мусульмане не поколебались бы ... обречь на рабство женщин и детей" (секция Эль-Аффрун); "в случае успеха туземного движения последовали бы резня или высылка всех немусульман" (секция Блиды); "туземцы ввиду недостатка образования и воспитания не могут ни понять, ни усвоить коммунистическое учение" (секция Орана) [36]. Некоторые из этих секций были за подобные проколониалистские взгляды исключены из партии в полном составе. Впрочем типичным для деятельности этих секций было стремление ограничиться "усилением пропаганды синдикализма, коммунизма и кооперации" в ожидании "победы революции во Франции" [37]. Это заранее установленная зависимость от развития событий во Франции лишала коммунистов Алжира многих возможностей политического самовыражения.

На частичных выборах в парламент Франции от города Алжир осенью 1921 г. кандидат партии собрал 8500 голосов. То же самое повторилось в 1922 г. на выборах в Финансовые делегации [38]. Партия организовала протесты учителей в Боне против визита в Алжир французского президента Мильерана, забастовку портовых рабочих Орана против антисоветской политики правительства Пуанкаре, саботаж железнодорожников Константины, имевший для колониальной экономики "губительные последствия" [39]. Активность коммунистов способствовала росту руководимых ими прогрессивных союзов Унитарной Всеобщей конфедерации труда (УВКТ), объединявшей 6 тыс. из 15 тыс. организованных рабочих страны к 1926 г. Из них 2-3% составляли алжирцы. Благодаря усилиям УВКТ в Алжире не спадала волна стачечной борьбы: из 23 забастовок в 1924 г. 10 закончились победой стачечников

(повышением заработной платы или введением 8-часового рабочего дня). Характерно, что в 3 стачках, несмотря на запрет (в соответствии с "туземным кодексом"), участвовали алжирцы (докеры, горняки, чернорабочие). В марте 1924 г. 8-часовой рабочий день был введен во многих отраслях промышленности, но лишь для рабочих-европейцев [40]. Малочисленность коммунистов и наличие у них в 20-е годы связей главным образом с рабочими — испанцами, итальянцами и другими представителями меньшинств не способствовали разнообразию применившихся ими средств и методов массовой борьбы. Ввиду ограниченных возможностей такой борьбы в конкретных условиях Алжира, от нее трудно было ожидать значительных результатов.

Мешали алжирским коммунистам и скопированные у французской компартии (ФКП) "нигилизм и беззаботность в национальном вопросе" [41]. Если для ФКП это было большой бедой ввиду необходимости работать в условиях этнически пестрой колониальной империи, то для ее алжирских секций это было подлинным несчастьем, так как всегда давало повод с недоверием относиться к их политике. Кроме того, неспособность коммунистов-европейцев найти общий язык с рабочими-алжирцами лишала первых естественной социальной опоры, а вторых — необходимой им теории и классово ориентированного политического авангарда.

И тем не менее, как это признает даже осуждающий действия Коминтерна Белькасем Саадаллах, "коммунисты и националисты равным образом нуждались друг в друге в двадцатые годы". Ему вторит французский историк и политолог Жан-Клод Ватэн, считающий, что движение национализма в Алжире (в том числе современное) "многим обязано антиколониальному интернационализму 1920-1930 гг." [42] Революционный национализм алжирских рабочих и непролетарских трудовых слоев оказался в Алжире моложе всех теорий социализма, но развивался под их влиянием и многим был им обязан. Алжирские патриоты именно у социалистов и коммунистов научились искусству подпольной борьбы, строгой дисциплине, организации массовых стачек и демонстраций (нередко проводившихся коммунистами и националистами совместно, несмотря на идейные разногласия). Именно благодаря ФКП алжирцы постепенно добивались расширения своих прав, удовлетворения экономических и социальных требований, освобождения политзаключенных.

Под эгидой ФКП в марте 1926 г. алжирскими эмигрантами в Париже была создана рабочая ассоциация “Северо-африканская Звезда” (САЗ), объявившая своей целью “защиту материальных, духовных и социальных интересов североафриканских мусульман” [43]. Ее почетным председателем стал эмир Халид, но практически возглавил ее член ЦК ФКП алжирский инженер Абд аль-Кадир Хадж Али. В исполком САЗ из 10 человек входили постоянно 6-8 алжирцев; 8 тыс. алжирцев в составе САЗ и 16 человек из 28 членов ее ЦК были членами ФКП [44]. В 1929 г. САЗ была официально запрещена французскими властями. Однако САЗ сумела укорениться как среди алжирцев во Франции, так и (позднее) в самом Алжире. Успеху ее во многом способствовала поддержка со стороны ФКП и Антиимпериалистической Лиги, созданной 137 организациями из 37 стран Европы, Азии, Африки и Америки [45]. В феврале 1927 г. генеральный секретарь САЗ Ахмед Мессали Хадж, выступая на учредительном Конгрессе Лиги, изложил “алжирские требования”, сводившиеся к следующему: независимость Алжира; вывод французских оккупационных войск; создание национальной армии, конфискация крупной земельной собственности, захваченной феодалами, колонистами и частнокапиталистическими компаниями; передача крестьянам конфискованных земель, отобранных у них ранее; уважение мелкой и средней собственности; возвращение Алжирскому государству земель и лесов, захваченных Французским государством; увеличение сельскохозяйственного кредита для бедных феллахов; немедленная отмена “туземного кодекса” и исключительных мер; амнистия заключенным, поднадзорным или высланным за нарушение “туземного кодекса”; свобода прессы, собраний и объединений; равные политические и профсоюзные права с французами Алжира; замена избираемых узким кругом лиц Финансовых делегаций алжирским парламентом, избираемым на основе всеобщих выборов; выборы муниципалитетов путем всеобщего голосования; допуск алжирцев к образованию всех ступеней и создание арабоязычных школ; применение социального законодательства [46].

В определенной степени эта программа была не только повторением алжирских установок ФКП, но и первым шагом к развернутой и детальной программе революционно-демократического алжирского национализма, имевшего точный общественный адрес: широкие массы алжирских трудящихся, включая мелкособственнические слои (кстати, пункт “об уважении мелкой и средней собственности” появился у

алжирских антиколониалистов впервые именно в этой программе).

Характерно, что колониалистская пресса воспринимала все выступления и патриотические акции САЗ как дело рук ФКП и сообщала о них не иначе, как под рубрикой: "коммунистическая пропаганда", "компания коммунистов" и т.п. Действительно, в трудную пору своего становления алжирский революционный национализм был не мыслим без поддержки ФКП, без союза с ней и учебы у нее. Вместе с тем приклеивание САЗ, а потом ее наследникам ярлыка коммунизма сыграло с колониальными властями довольно злую шутку: с одной стороны, они сами себя запугали собственным же назойливо повторявшимся штампом, оправдывая свое нежелание какого-либо компромисса с алжирскими антиколониалистами, с другой — они проглядели гораздо более широкую социальную базу национал-радикализма в Алжире, усиление которого с явным выходом за пределы только пролетарской массы было во многом реакцией алжирцев на жесткую непримиримость колониальной политики.

ГЛАВА 4

СТРАНА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Хотя последствия первой мировой войны и подъем национально-революционного движения на Востоке достаточно четко проявились и в Алжире (пусть и с меньшей силой, чем в Египте, Сирии и Марокко), в целом европейская колонизация в Алжире все еще переживала свой "золотой век". Об этом свидетельствовало и триумфальное празднование в июле 1930 г. 100-летия завоевания Алжира. Но по иронии судьбы торжества в 1930 г. совпали с началом кризиса колониального режима. Свертывание производства и снижение жизненного уровня, связанное с резким спадом 1929-1933 гг. в мировой экономике, обострили и без того трудное положение в стране, социальную напряженность и противостояние двух этнополитических блоков — европейских господ и угнетенных алжирцев.

Процесс разорения и социальной поляризации алжирской деревни, ежегодно превращавший в маргиналов все новые группы обездоленных пауперов, способствовал общей радикализации настроений и поведения большинства алжирцев. Первая мировая война и экономические кризисы 1920-1921 гг. и 1930-1933 гг. ускорили обнищание алжирского крестьянства. В то же время шел процесс концентрации земель в руках крупных и средних колонистов-европейцев: в 1929 г. на каждого колониста земли приходилось в 4 раза больше, чем на каждого владевшего землей алжирца, а в 1940 г. — в 7 раз больше. За этот же период число алжирцев-землевладельцев уменьшилось на 88 тыс. чел., а общая площадь их земель — на 650 тыс. га [1]. Большинство сохранивших землю фактически стали малоземельными бедняками и не имели возможности прожить, только используя свои участки. Вследствие этого они вынуждены были временно наниматься батраками на фермы колонистов, а еще чаще — идти в хаммасы (издольщики) к феодалам или просто более состоятельным односельчанам. Вплоть до 1954 г. хаммасов эксплуатировали не только крупные и средние, но и мелкие землевладельцы, иногда имевшие менее 10 га земли. Бедняки составляли (по крайней мере на 70-80%) вместе с полностью обезземеленными батраками и хаммасами единый слой сельских полупролетариев, постоянно

охватывавший не менее двух третей коренного населения алжирской деревни [2].

В алжирской деревне развивался капитализм, приводивший к расслоению: в 1930 г. в Алжире насчитывалось 600 тыс. алжирцев, имевших землю, 713 тыс. хаммасов и 467 тыс. батраков [3]. Число хаммасов впоследствии медленно уменьшалось, а батраков — росло (до 820 тыс. в 1936 г.) [4]. Многие крупные и средние алжирские землевладельцы переходили к капиталистическим методам хозяйства. Несколько окрепли и позиции зажиточных крестьян, а также городских богачей, скупавших землю. В результате образовалась весьма внушительная (30-40 тыс. чел. в 1930-1940 гг.) прослойка национального агропредпринимательства в Алжире [5]. Именно она вместе с буржуазной интеллигенцией (тоже в основном вышедшей из ее среды) придала гораздо больше смелости выступлениям алжирской буржуазии в 30-е годы. Однако ее активность была ограничена. В 1927 г., например, в 166 аграрных синдикатах состояли 19272 европейца и 7523 алжирца [6]. Налицо был слабый уровень организации и сплоченности алжирской агробуржуазии.

Городские низы Алжира в 30-е годы все более росли за счет наплыва в города раскрестьяненных бедняков. Вместе с пролетариатом и неимущими полупролетарскими слоями они поставляли основной "горючий материал" в алжирской политике, играя роль массовой базы антиколониальных выступлений в городах. Формирование рабочих кадров из бывших крестьян шло медленно. Быстрее рабочими становились те, кто побывал во Франции в качестве поденщика, солдата, учащегося. Постепенно алжирская эмиграция в метрополии стала мощным источником формирования национального промышленного пролетариата, которого до войны было очень мало. В 1917 г. на промышленных предприятиях Алжира было занято около 24 тыс. рабочих, в 1924 г. — 160 тыс., в 1929 г. — уже 180 тыс. рабочих, включая 108 тыс. алжирцев [7].

Несмотря на относительную малочисленность, алжирский пролетариат рос быстрее национальной буржуазии. Он был занят главным образом на предприятиях европейских хозяев, в том числе колонистов, основывавших (особенно после окончания войны) предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства. Лишь отдельные мусульманские предприниматели рисковали вкладывать капиталы в промышленность (в основном — табачную и консервную). Основная же их часть подвизалась в коммерции, посредничестве, ростовщичестве,

скупке земель обедневших колонистов, спекуляциях зерном и шерстью, сфере услуг. Характерно, что по данным 1927 г., в 9 синдикатах промышленников Алжира состояли 602 европейца и 4 алжирца, а в 30 торговых синдикатах — 1481 европеец и 118 алжирцев [8]. Таким образом, алжирская городская буржуазия, уступавшая по темпам роста, влиятельности и социальной активности как алжирскому пролетариату, так и европейской буржуазии, была слаба и численно, и экономически.

В 30-е годы алжирцы постепенно стали преобладать в городах, в современных отраслях промышленности. В 1936 г. в стране насчитывалось уже 243 тыс. алжирцев и 173 тыс. европейцев среди рабочих и служащих [9]. В это же время расширились масштабы эмиграции алжирцев во Францию: в 1930-1934 гг. выехало в метрополию 105 тыс. алжирцев (а вернулось 121 тыс.), в 1935-1939 гг. — 145 тыс. (85 тыс.) [10]. Возвратившиеся на родину обычно пополняли ряды пролетариата, средних слоев (интеллигенции, служащих, студенчества) и мелкой буржуазии современного типа. Среди алжирских эмигрантов во Франции многие испытали на себе влияние французского рабочего движения, политической и профсоюзной борьбы в условиях развитой капиталистической страны. Именно в метрополии они знакомились в большинстве случаев с идеями социализма и коммунизма, с различными либеральными, радикальными или эгалитаристскими учениями.

Политическую культуру метрополии, пусть не полностью, с оговорками и искажениями, но все же усваивали как низы, так и особенно верхи алжиро-мусульманского общества. Особенно рьяно стремились к этому наследники младоалжирцев, объединившиеся в Федерацию туземных избранников (ФТИ), формально провозгласив при этом верность делу эмира Халида. Но реально это было объединение "старых" младоалжирцев и их последователей. Они не понимали, что их время уже прошло. Как справедливо указывают Ахмед Кулаксис и Жильбер Менье, "младоалжирцы — ещё не националисты, выбора не сделали, но колониальное господство иного рационального выбора им и не оставляло" [11]. Поэтому алжирские буржуазные интеллигенты 20-х годов, субъективно оставаясь сторонниками ассимиляции, объективно все время двигались в сторону национализма, хотя и отрицали это. Выразителями этой позиции и стали 150 представителей алжирцев в Финансовых делегациях, генеральных и муниципальных советов. Программу Халида они дополнили рядом пунктов,

касавшихся демократизации местного самоуправления. Лидеры ФТИ Белькасем Бентами и Мухаммед Бен Джаллул всегда повторяли, что они — слуги Франции, думают и говорят по-французски [12].

Но колониальные власти, выражая в основном желание "сеньоров" Алжира сохранить привилегии европейцев, не хотели ни ассимиляции алжирцев, ни их равноправия с французами. Даже в середине 40-х годов из 2 тыс. чиновников колониальной администрации Алжира только 8 были алжирцами. Среди работавших в стране врачей алжирцами были 5%, среди учителей — 8% и т.д. Иными словами, образованным алжирцам не было дороги в собственном отечестве. Поэтому даже профранцузски настроенные выпускники университетов Франции, т.н. алжирцы-франкофоны, добиваясь вроде бы ограниченных прав лишь для себя, невольно шли дальше, чем хотели. Эта вынужденная тактика заставляла и лидеров ФТИ выступать более остро, чем им хотелось бы, возглавляя демонстрации и выступления, нередко приводившие к "нежелательным" стычкам с полицией и конфликтам с властями [13].

Частично ФТИ опиралась на активизацию в 30-е годы алжирской интеллектуальной элиты, объединявшейся в 110 культурных, просветительских, спортивных и других ассоциациях в 24 городах страны [14]. Важную роль играла и национальная пресса: в 30-е годы издавалось около 60 алжирских газет и журналов на французском и арабском языках [15]. Большинство их выходило 2-4 года, а тираж не превышал 1-3 тыс. экземпляров [16]. Дольше всех существовал журнал "Ля вуа дез юмбль" ("Голос обездоленных") — орган Ассоциации туземных учителей, выходивший в 1922-1939 гг. под редакцией убежденного ассимиляциониста и члена ФТИ Рабиа Зенати. Имея до 367 корреспондентов (включая 98 постоянных) из учителей, журнал выходил 1-2 раза в месяц тиражом до 3 тыс. [17] и был очень популярен среди франкоязычной (особенно кабильской) интеллигенции Алжира.

Кроме статей, брошюр, петиций властям, лекций и выступлений в различных кружках и обществах, наиболее молодые лидеры ФТИ (Ф.Аббас, М.Кессус, А.Урабах и др.) нередко прибегали к "доверительным" беседам с представителями властей, заверяя их в "солидарности с французами Алжира и метрополии". Но они постоянно подчеркивали: " ничто не мешает этому, кроме колонизации". Ассимиляцию они рассматривали как "победу над колонизацией" [18]. Часть актива ФТИ, потеряв надежду на диалог с властями, начинала уповать на

помощь со стороны Германии. Уже в августе 1933 г. в ряде городов Алжира прошли демонстрации под лозунгами: "Да здравствует Гитлер! Долой Францию!" Это повторялось в 1934-1935 гг. (при этом имя Гитлера часто соседствовало с именем Бен Джаллула, наиболее известного из лидеров ФТИ).

Начавшиеся с 1932 г. массовые демонстрации и забастовки трудящихся, походы отчаявшихся крестьян в города перепугали буржуа из ФТИ не меньше, чем "сеньоров" колонизации (особенно грозными были совместные демонстрации более 100 тыс. алжирцев и европейских рабочих в мае 1934 г.). В результате совместных усилий властей и финансируемых "сеньорами" фашистских лиг, пустивших слух о якобы "убийстве евреями" Бен Джаллула, 5 августа 1934 г. было убито 27 и ранено 200 чел. при разгроме мусульманской беднотой еврейских магазинов в г.Константина. Полиция и войска вмешались лишь на третий день, когда беспорядки стали перерастать в выступления против властей и колонистов [19].

Репрессии против участников событий в Константине (или тех, кому это участие было приписано) не смогли, однако, сбить волну массового недовольства. В 1934-1935 гг. забастовки, митинги безработных, походы крестьян в города, столкновения коммунистов и алжирских патриотов с боевиками фашистских лиг развивались по нарастающей. Все более частыми становились примеры антиколониального единства трудящихся алжирцев и европейцев.

Часть алжирского предпринимательства и мусульманской интеллигенции не примкнули, особенно в условиях антиколониального подъема 30-х годов, к ФТИ и встали на позиции патриотизма, отвергая соглашательскую позицию ассимилиционистов. Так поступила основанная в 1931 г. Ассоциация алжирских улемов (мусульманских ученых-богословов). Целями Ассоциации, объединившей в своих рядах известных арабоязычных писателей, поэтов, публицистов и религиозных деятелей, были защита национальной культуры алжирского народа от офранцуживания и распространение просвещения на арабском языке. Для этого улемы создавали собственные школы с более высоким и современным уровнем преподавания, нежели в схоластических "мсидах" (начальных коранических школах). Одновременно они боролись с влиянием марабутских братств. Официально это делалось во имя "очищения" ислама от "магии и суеверия", во имя его "обновления". На самом деле борьба улемов с марабутами отражала борьбу национальной буржуазии, особенно ее патриотически настроенных

кругов, против консервативной феодальной аристократии. Прогрессивный характер носила также борьба улемов против официального духовенства, вопреки традициям ислама назначавшегося и оплачивавшегося колониальными властями, и против вмешательства последних в дела мусульманского культа. В конкретных условиях Алжира улемы пытались применить принципы мусульманской реформации, давно осуществленные в Египте, в связи с чем их нередко называли "улемы-реформаторы" (в отличие от консерваторов-традиционалистов).

Улемы выдвинули лозунг: "Алжир — моя родина, ислам — моя религия, арабский язык — мой язык" [20]. Проповеди, речи, стихи и статьи таких видных ораторов и литераторов, стоявших во главе ассоциации, как Абд аль-Хамид Бен Бадис (первый президент ассоциации, выдающийся теолог и педагог, прозванный "отцом алжирского возрождения"), Тайеб аль-Окби, Башир аль-Ибрахими производили сильное впечатление на патриотическую молодежь. Они регулярно выступали на страницах ежемесячника ассоциации "Аш-Шихаб" (тираж — 2 тыс.), еженедельника "Аль-Ислах" (3 тыс.) и ежедневной газеты "Аль-Магриб" (2,5 тыс.) и еще около 10 арабоязычных изданий [21]. Опубликованные лидерами улемов Мбареком аль-Мили и Тауфиком аль-Мадани книги, воспевавшие героическое прошлое алжирцев, пробудили в 20-30 гг. национальное чувство у значительной части ранее политически инертных людей. Авторитету ассоциации во многом способствовали пребывание в ее рядах "эмира поэтов" Алжира Мухаммеда аль-Ида, автора национального гимна Муфди Закария, известного журналиста Ламина Ламуди и многих других. Выдвинутая основателем ассоциации Бен Бадисом идея самобытности "алжирской мусульманской нации", которая "не является Францией, не может и не хочет ее быть" [22], встретила поддержку всех патриотов Алжира.

В целом антиимпериалистическая и антифеодальная деятельность улемов пользовалась большой поддержкой коренного населения страны. Под их руководством работали до 50 культурных ассоциаций [23]. Все попытки противодействовать им (создание в 1932 г. Общества улемов-суннитов наиболее консервативными традиционалистами, пропаганда в оплачивавшихся властями газетах, использование авторитета мукаддамов, т.е. глав марабутских братств) ни к чему не привели. Встревоженные ростом популярности улемов, власти издали в феврале 1933 г. циркуляр Мишеля (секретаря префектуры),

запрещавший улемам выступать в мечетях с проповедями. Это вызвало волнения в ряде городов, демонстрации и стычки с полицией весной 1933 г. В сентябре 1933 г. верующие изгнали из мечети г.Бон противника улемов шейха аль-Хафиди, объявив его "врагом аллаха", за что 60 человек были арестованы [24]. В начале 1934 г. улемы создали Комитет защиты мусульманских свобод, который провел в мае массовые демонстрации (5 тыс. чел. в Тлемсене, 10 тыс. чел. — в Константине) с требованием отменить циркуляр Мишеля [25].

Оставаясь формально вне политики, улемы-реформаторы на деле проводили весьма гибкую политику. Они участвовали в 1931 г. в Арабо-исламском конгрессе в Иерусалиме и пользовались поддержкой его председателя муфтия Амина аль-Хусейни. Постоянны были их связи с Панарабским комитетом в Каире и лидером египетских реформаторов ислама шейхом Рашидом Ридой. Они пользовались и содействием главы сиро-палестино-магрибского комитета в Женеве друзского эмира Шакиба Арслана (но отклонили инспирированное им приглашение на "Восточный конгресс" в Рим, ибо осуждали политику Италии в Ливии). Внутри Алжира они старались не ссориться ни с одной партией. Нередко, например, Бен Бадис и Бен Джаллул выступали на митингах вместе, хотя улемы и осуждали ФТИ за ассимиляторство.

Постепенно к улемам стали тяготеть и другие искренние антиколониалисты, в том числе из САЗ, после 1929 г. ушедшей в подполье, но искавшей путей к распространению своего влияния в Алжире. Некоторые члены Ассоциации улемов (например, Муфди Закария) одновременно были и членами САЗ. Однако более тесному сближению этих организаций помешал субъективный фактор — характер и особенности личности Ахмеда Мессали Хаджа, генсека, а затем и председателя САЗ. Способный, но малообразованный, волевой, но импульсивный и упрямый, незаурядный оратор, склонный к импровизации, одаренный организатор и конспиратор, этот сын сапожника из Тлемсена, выходец из семьи турецкого происхождения, был фанатиком алжирского национализма. Хотя он и был до 1930 г. членом ФКП, среди его идейных наставников преобладали троцкисты(например, один из лидеров САЗ Си Джилани), а также Жак Дорио, проделавший путь от члена ЦК ФКП, ведавшего колониальными вопросами, до основателя профашистской ППФ (Партии французского народа). Явно от Дорио Мессали позаимствовал склонность к насилию, демагогии,

авантюризму и экстремизму в подходе к решению любой проблемы.

Сохранив и даже усилив социальный радикализм своих требований, САЗ тем не менее, благодаря усилиям Мессали, быстро эволюционировала в чисто националистическую организацию. Восстановленная в 1932 г. под именем "Славная Северо-африканская Звезда", она стала довольно популярной. Тираж ее газеты "Аль-Умма" (Нация) вырос с 12 тыс. в 1932 г. до 44 тыс. в 1934 г, Вновь запрещенная в 1934 г., она стала действовать как Национальный союз североафриканских мусульман, совершенно независимый от ФКП: еще в 1931 г. политбюро САЗ выступило против двойного членства, ранее бывшего правилом, и "против всякого вмешательства в наши внутренние дела" [26].

Мессали Хадж, арестованный осенью 1934 г. и освобожденный в июне 1935 г. по амнистии, уехал в Швейцарию, где сблизился в Женеве с Шакибом Арсланом, проповедовавшим идеи панарабизма. Он не обращал внимания на упреки ФКП в том, "что он добивался личного успеха и дополнительной рекламы", на клеившиеся ему ярлыки "богача, вульгарного буржуа и авантюриста". Считая Арслана "самым великим лидером арабского мира", Мессали не только полностью воспринял от эмира лозунги панарабизма и панисламизма, но и его восхваление марабутов, "распространяющих слово Аллаха в трудных условиях гор, пустынь и недоступных районов" [27]. Естественно, что когда Мессали вернулся через год из эмиграции, уроки Шакиба Арслана сказались и на его практической деятельности, и на идеологической ориентации.

Примечательно, что 1934-1936 гг. были временем активного сотрудничества ФКП и САЗ, организации совместных митингов, демонстраций и забастовок под общими лозунгами, кампаний протеста, усилий по освобождению политзаключенных (включая и Мессали). Но, наладив взаимопонимание в социальном и политическом плане (их программы-минимум были почти идентичны), они не находили общего языка в национальном вопросе. Через полвека видный алжирский журналист, историк и писатель Анри Аллег так определил социальную основу САЗ: "Эти сельские пролетарии, покинувшие родину жители колонии, учились политическому ремеслу во Франции и в послевоенном мире, потрясенном русской Октябрьской революцией... Под воздействием их опыта они одновременно открывали для себя и национальное, и классовое сознание. Весьма логично, что среди них гораздо

быстрее и сильнее, чем в самом Алжире, проявилось и утвердилось требование независимости" [28]. Ошибка ФКП заключалась в недооценке силы этого требования, в попытке ограничить самосознание алжирцев исключительно классовыми рамками.

И, тем не менее, САЗ постоянно испытывала большое влияние ФКП (даже враждуя с ней), многое заимствовала у нее, а также пользовалась ее поддержкой. В Алжире 1934-1936 гг. были случаи, когда тысячи алжирцев и европейцев шли единой манифестацией с пением "Интернационала", но под зеленым флагом с полумесяцем. Европейцы-коммунисты и мусульмане-патриоты вместе отбивались от фашистских террористов и от полиции, вместе отстаивали экономические и социальные требования, совместно работали в союзах УВКТ. Сама жизнь толкала коммунистов и революционных националистов к единству действий, не взирая на их разногласия.

Народный фронт, возникший в результате сплочения всех антифашистских сил Франции в 1934-1936 гг., во французских заморских владениях имел целью прежде всего преградить путь колониальной реакции (включая ее союзников из лагеря фашизма), защитить и расширить демократические свободы. Победа Народного фронта привела к власти в Париже совершенно новый тип общедемократического движения, давшего возможность использовать буржуазную демократию в интересах народных масс. В Алжире, как и во Франции, главными борцами за Народный фронт стали коммунисты. В 1931-1936 гг. их численность в Алжире возросла со 150 чел. до 5000 чел., из которых уже не два, как в 1921 г., а 750 чел. были коренными алжирцами [29]. А ведь еще в 1934 г., когда они попытались выступить как самостоятельная партия, их было не более 100 чел. Но выработанная при помощи ФКП достаточно детальная программа, предусматривавшая предоставление коренному населению демократических свобод, отмену "туземного кодекса", введение в стране социального законодательства, роспуск фашистских лиг, прекращение репрессий и налогового грабежа трудящихся во многом привлекла симпатии алжирцев [30]. Программа-максимум компартии включала требования национальной независимости, прекращения колонизации и эвакуации французских войск из Алжира, т.е. повторяла так и не выполненные решения конференции ФКП по Алжиру в 1930 г. [31].

Деятельность компартии была тесно связана с подъемом рабочего движения в Алжире: в 1936 г. в объединенной ВКТ

(слившейся в 1935 г. с УВКТ) из 80 тыс. чел. алжирцы составляли уже 40% [32]. Из вступивших в ВКТ в 1936 г. 25 тыс. новых членов большинство также составляли алжирцы [33]. Однако основная масса алжирских рабочих (в среднем их было около шести на каждое предприятие) оставалась неорганизованной. Тем не менее профсоюзы, руководимые коммунистами, нелегально вовлекали алжирцев в свою работу, несмотря на запреты "Туземного кодекса".

Ухудшение положения коренного населения вследствие кризиса способствовало обострению всех общественных противоречий в стране. Резко сократился экспорт, упали цены на продовольствие, что ударило по алжирским крестьянам. Сокращение посевных площадей и добычи минерального сырья, безработица, разорение деревни вызвали забастовки и крестьянские выступления. Многие из них проходили в 1932-1935 гг. под руководством местных секций ФКП. Особенно большое внимание активисты партии уделили организации батрацких стачек и агитационной работе среди алжирцев, трудившихся на фермах колонистов. На этой основе наметилось сближение с другими национальными организациями, что усилило, несомненно, антиколониальное движение.

Однако в Алжире также активизировались, особенно — после неудачи ультраправого мятежа во Франции в 1934 г., различного рода фашистские группировки, пытавшиеся даже, совместно с германо-итальянской агентурой, распространять свое влияние среди части мусульман Алжира. С другой стороны, против патриотов Алжира правительство Франции применяло с марта 1935 г. так называемый "декрет Ренье", грозивший штрафом и тюремным заключением "за провоцирование туземцев французских колоний к беспорядкам и демонстрациям против французского суверенитета" [34].

В июне 1936 г. алжирские коммунисты вместе с улемами, ФТИ и другими национальными организациями образовали Мусульманский Конгресс, стоявший на платформе Народного фронта Франции. Победа Народного фронта на выборах привела к предоставлению алжирцам демократических свобод, в частности — права организовываться в собственные политические партии и объединения. Как отмечало впоследствии руководство ФКП, "благодаря Народному фронту трудящиеся Алжира добились признания профсоюзных прав и 40-часовой рабочей недели во многих сферах экономики", оплачиваемых отпусков и других социальных прав. "Не упраздняя капи-

талистического угнетения и эксплуатации, все это создавало лучшие условия для борьбы алжирских трудящихся" [35].

На сессии Мусульманского Конгресса 4-7 июня 1936 г. был избран исполком, в который вошли Бен Джаллул (председатель), Бен Бадис (вице-председатель), Амар Узган (один из лидеров коммунистов), представители улемов, ФТИ, социалистов, профсоюзов, беспартийных демократов и других. Всего в нем участвовало до 5 тыс. делегатов со всех концов страны, вследствие чего многие алжирцы называли его впоследствии "собранием Генеральных штатов Алжира" [36]. Сессия выработала "Хартию требований алжирского мусульманского народа", в которой предусматривались: 1) отмена всех чрезвычайных мер; 2) упразднение генерал-губернаторства, Финансовых делегаций, режима смешанных коммун; 3) сохранение личного статуса мусульман с возвращением мусульманской общине ее имущества и учреждений; 4) свобода преподавания арабского языка и издания арабоязычной литературы; 5) введение всеобщего обязательного образования; 6) равенство при оплате за равный труд и при назначении на должности; 7) всеобщая политическая амнистия. Особо оговаривалось полное уравнение алжирцев в политических правах с французами, включая их участие в выборах парламента Франции [37].

Однако из всех этих требований было удовлетворено лишь одно — отмена исключительных мер и сохранявшихся еще ограничений формально отмененного "туземного кодекса". Остальные пункты Хартии, в частности предоставление алжирцам французского гражданства и представительства в парламенте Франции, не были приняты. Сенаторы и депутаты от правых партий, вся пресса "сеньоров" Алжира и контролируемые ими ассоциации вроде Федерации мэров Алжира повели, в частности , ожесточенную борьбу против любых уступок алжирцам. Особенно упорно они сопротивлялись в 1936-1938 гг. даже рассмотрению законопроекта Блюма-Виолетта, предусматривавшего наделение политическими правами французов значительной части алжирцев. Непоследовательность, колебания и малодушие радикалов и социалистов, входивших в правительство Народного фронта, закономерно привели к успеху реакции в алжирском вопросе (как и в других вопросах).

В связи с расколом Народного фронта во Франции и его неспособностью удовлетворить чаяния алжирцев, Мусульманский Конгресс в 1938 г. распался. Еще в 1936 г. из его состава фактически вышла САЗ, недовольная "ассимиляторской" по-

зицией Конгресса. Ранее Мессали согласился поддержать программу Мусульманского Конгресса, но резко выступил против присоединения к Франции, высказавшись за “алжирский парламент, избираемый всеобщим голосованием без различия расы или религии” [38]. К осени 1936 г. САЗ уже насчитывала только в Алжире, где она создала 30 новых секций, 11 тыс. человек [39]. Резкие нападки Мессали на коммунистов и на других участников Конгресса, его объективное смыкание с фашистскими группами (особенно с активными в Алжире сторонниками Дорио) повлекло роспуск САЗ правительством Народного фронта. На базе САЗ в марте 1937 г. возникла “Партия алжирского народа” (ППА). Вскоре Ахмед Мессали и другие лидеры ППА были арестованы. Однако последовательный антиколониализм ППА находил широкий отклик у политически активной части алжирцев, особенно после окончательного краха в 1938 г. всех надежд на законопроект Блюма-Виолетта. Лидеры ППА, выступавшие за разрыв с Францией и брошенные за это в тюрьму (Ахмед Мессали, Мухаммед Дуар, Кахель Арезки), собирали все больше и больше голосов на выборах в 1937-1939 гг. Наиболее влиятельны они стали среди городской мелкой буржуазии, учащейся молодежи и части рабочих-алжирцев.

Успеху ППА во многом способствовали неудачи Мусульманского Конгресса. Его 2-я сессия в июле 1937 г. уже не была столь впечатляющей как предыдущая. ППА открыто ставила под вопрос его “алжирский и мусульманский характер”, поскольку не получила на него приглашения. Практически выбыли из него и все филиалы ФТИ после отставки Бен Джаллула с поста председателя конгресса еще осенью 1936 г. после его стычек с коммунистами и разоблачения ими его связей с профашистской организацией крайне правых “Боевые кресты”. Фактически начавшаяся во Франции сдача позиций Народного фронта также не усиливала Конгресс. Временно возглавивший его Бен Бадис писал в ноябре 1937 г.: “Правительство еще сохраняет вывеску Народного фронта, но все места заняты лицами, враждебными его идеалам... Поэтому мы говорили народу, что отныне должны полагаться лишь на самих себя и на Бога” [40]. После отказа Бен Бадиса от руководства Конгресс медленно агонизировал.

Дольше всех боролась за сохранение Конгресса (как и Народного фронта) Алжирская коммунистическая партия (АКП), формально образованная на своем 1-м съезде осенью 1936 г. Но АКП в 1937-1939 гг. в основном сосредоточила свои

силы на борьбе с колониальным фашизмом — "Партией французского народа" (ППФ) Жак Дорио и "Французской социальной партией" (ПСФ) полковника Казимира де Ля Рокка, пользовавшихся широкой поддержкой богатейших "сеньоров" европейской колонизации и значительной части европейской мелкой буржуазии. Коммунисты пресекали попытки активистов ППФ и ПСФ разжечь национальную рознь в стране, разоблачали их связи с режимом Муссолини, претендовавшим на Тунис и восток Алжира, с режимом Франко, проводившим подрывную работу среди живших в Алжире испанцев и обманом пытавшимся вербовать алжирцев в свои войска. Две тысячи активистов АКП (и алжирцев , и европейцев) сражались в 1936-1939 гг. против франкистов в Испании [41]. Но распад Народного фронта во Франции и Мусульманского Конгресса в Алжире сильно осложнил положение АКП. Ее участие в Алжирском франко-мусульманском объединении (блоке самых разных организаций во главе с М.Бен Джаллулом) в 1938-1939 гг. было последней попыткой возродить единство антиколониальных сил Алжира. В сентябре 1939 г., после начала войны с Германией, французское правительство запретило АКП и ППА.

Неудача Народного фронта во Франции и Мусульманского конгресса в Алжире оказала негативное влияние на дальнейшее развитие антиколониального движения в стране и особенно на психологию алжирской патриотически настроенной молодежи. Как пишет Омар Карлье, молодые люди "становились маккиавелистами, убедившись, что демократия — это жульническая игра, в которой их противник заранее получает инициативу и выбор оружия". Поэтому в их сознании "демократическая модель потерпела фиаско, убитая роспуском (*ППА — Р.Л.*), арестами, предательством, разочарованием". Карлье считает, что вследствие всего этого молодежь решила, что "демократия — это блеф, ложь, иллюзия, разделяемая и поддерживаемая теми, кто учился за рубежом (*т.е. во Франции — Р.Л.*) и чья политическая культура чужда алжирской реальности. С 1938 г. лозунгом стал возврат к секретности, к малой группе, к тайному сборищу". Это способствовало перегруппировке политически активной молодежи, которая от "естественного" объединения "по кварталам, профессиям", кучкам постоянных посетителей одного и того же кафе перешла к сплочению в "организованные" и "идеологические группы партийного движения". От этого особенно выиграла ППА, так как к тому

времени “культурная социализация интеллигентов уступила место политической социализации сторонников независимости”, сменивших “просветительство” на “плебейский активизм”, идейно чуждый как “марксизму, так и либерализму”. Этот “активизм” и вообще самостоятельность молодежи в дальнейшем только росли по мере убыстрявшейся урбанизации Алжира и обострения проблем увеличивавшегося населения городов [42].

ГЛАВА 5

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

Вторая мировая война в зоне Средиземноморья фактически началась раньше 1939 г. а именно — с агрессии Германии и Италии в июле 1936 г., вмешавшихся в гражданскую войну в Испании на стороне генерала Франко. В этой войне активное участие приняли также марокканские "таборы" (полки) армии Франко, постоянно пополнявшиеся за счет наборов в северном Марокко, которое контролировал Франко, а также — в остальном Марокко, где французские власти сквозь пальцы смотрели на платную вербовку наемников в войска испанского "каудильо". Владевшая тогда Ливией Италия по мере успехов фашистов в Испании предъявляла претензии чуть ли не на весь юг Средиземноморья: на Египет и Тунис, где проживало значительное итальянское меньшинство, на Алжир, где были очень сильны профашистские настроения среди колонистов не только итальянского происхождения. После сговора Англии и Франции с Германией и Италией в Мюнхене в сентябре 1938 г. Муссолини особенно стал настаивать на применении "мюнхенского метода" для разрешения "еще остающихся проблем". Сосредоточив осенью 1938 г. войска на границах Ливии с Тунисом и Алжиром, он организовал в Италии манифестации под лозунгами: "Тунис — наш! Корсика — наша!" Он также требовал отдать ему Ниццу, Савойю и контроль над Суэцким каналом [1].

Муссолини, Франко и даже Гитлер (несмотря на антиарабские выпады в его книге "Моя борьба") объявили себя "покровителями ислама". Лучше всего это "покровительство" характеризовалось колониальной эксплуатацией Ливии и оккупацией войсками Муссолини в апреле 1939 г. мусульманской Албании. Тогда же Гитлер разработал план "Изабелла — Феликс", главной задачей которого было: "Осенью 1941 г. — захват Гибралтара (с согласия Франко или без него), закрытие Средиземноморья с запада, затем создание немецкого бастиона в Северо-Западной Африке, нацеленного против Америки" [2]. Фактически этот бастион стал создаваться с началом войны в Испании, когда Сеута и Мелилья на севере Марокко стали фактически германскими военными базами.

Радиостанции Бари (в Италии) и Тетуана (испанская зона Марокко) интенсивно вели фашистскую пропаганду на Алжир, рассчитанную прежде всего на испанцев Орании и итальянцев северо-востока страны, а также (на арабском языке) — на коренных алжирцев. Особенно изощрялись франкисты, изображавшие своих противников "безбожниками и "врагами аллаха" [3]. Однако эти усилия оказались тщетными. "Североафриканские мусульмане сплачиваются против любых домогательств" — писала в декабре 1938 г. газета "Аль-Умма", а руководство ППА в ответ на претензии фашистов призвало "не отдавать ни пяди земли Северной Африки" [4]. Гораздо больших успехов фашисты добились среди алжиро-европейцев. В частности ППФ Дорио, поддерживавшая связи с Франко и Муссолини, вела в Алжире яростную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию, организовывала убийства, избиения, драки, провокации, пользуясь сообщничеством колониальных чиновников, "которые поголовно были фашистами" [5]. С помощью некоторых крайне правых из ФТИ и колонистов фашистам все же "удалось завербовать в свои организации несколько тысяч мусульман" [6]. На съезде ППФ в Алжире в 1938 г. Дорио выступил за создание "Фронта средиземноморских стран" в составе Франции, Северной Африки, фашистской Италии и франкистской Испании, подчеркнув "антибольшевистскую" направленность этого фронта [7].

Другая фашистская партия – ПСФ — совсем не пользовалась у алжирцев кредитом, зато щедро финансировалась "сеньорами" колонизации. Накануне войны она издавала в Алжире две газеты и имела даже свою авиацию (до 30 самолетов). ПСФ и ППФ были настолько сильны в Алжире среди европейцев, что реакционеры метрополии, выдвинувшие лозунг "Лучше Гитлер, чем Народный фронт", всерьез ждали "освобождения из Северной Африки" [8]. Это казалось соблазнительным, так как и "сеньоры" колонизации в Алжире, и многие правители Франции, особенно поборники сговора в Мюнхене, исповедовали иллюзорную формулу Дорио: "Наши интересы — на Средиземном море, и это значительно облегчает окончательное примирение с Германией, чья естественная экспансия направлена на восток Европы" [9]. Эта иллюзия дорого обошлась Франции.

Франция была крайне заинтересована в использовании Алжира в военных целях. Людские ресурсы колонии, обилие хороших гаваней, близость к метрополии, выгодное стратеги-

ческое положение, позволявшее контролировать запад Средиземноморья, учитывались генштабом Франции. В 1938 г. в Алжире дислоцировался 19-й корпус французской армии (55 тыс. чел., 350 самолетов, полк артиллерии, броневики). Здесь же размещались вспомогательные (в том числе иррегулярные мусульманские) части и "территориальные" войска (род ополчения местных европейцев), а также — штаб всех вооруженных сил Франции в Магрибе, в рядах которых преобладали арабы и берберы (78 тыс. из 147 тыс. чел.) [10].

Использование алжирцев и ресурсов Алжира в войне явилось для метрополии "естественным" продолжением колониальной эксплуатации. Однако вовлеченность Алжира в годы войны в международные конфликты и противоречия, участие его в событиях, далеко вышедших за привычные рамки Магриба, Средиземноморья и даже Франции (алжирцы участвовали в боевых действиях в Тропической Африке, Ливии, Тунисе, Италии, Франции, Германии, Австрии) в огромной мере способствовали расширению политического кругозора, обогащению социального опыта, росту чувства национального самосознания и национального достоинства алжирцев. Это имело далеко идущие политические результаты, тем более, что война уже "застала Алжир в состоянии полного кризиса: колонисты все более ориентировались на фашизм, алжирцы — на радикальный национализм" [11].

Вступление Франции в войну в сентябре 1939 г. означало для Алжира всеобщую мобилизацию, подчинение экономики военным нуждам, но прежде всего — разгул репрессий и прекращение легальной деятельности национальных партий. Были закрыты газеты и помещения АКП, арестован почти весь состав ее ЦК, Политбюро и руководства на местах. Некоторые из них погибли (в том числе секретарь ЦК АКП Каддур Белькаим), другие — отреклись, подобно секретарю ЦК АКП Бен Али Букхорту, вышедшему из партии в январе 1940 г. и впоследствии примкнувшему к националистам. Но основная масса активистов АКП разделила судьбу своих французских товарищей, брошенных в тюрьмы и концлагеря. Нескольким членам ЦК удалось уйти в подполье, где они создали нелегальное Политбюро во главе с Т.Ибаньесом, а после его ареста в январе 1941 г. — новое руководство во главе с Ф.Серрано (вскоре погибшим) и П.Кабаллеро.

Репрессии обрушились и на ППА. Обе газеты партии ("Аль-Умма" и франкоязычная "Ле парлеман алжерьен") были закрыты еще в августе 1939 г.; 4 октября Ахмед Мессали и еще

28 лидеров ППА оказались в тюрьме [12]. После захвата полицией архивов ППА в конце 1939 г. были арестованы тысячи активистов партии, а ее деятельность временно прекратилась. Другие организации фактически самораспустились, а их лидеры (М.Бен Джуллул, Ф.Аббас и др.) добровольно вступили во французскую армию.

Ассоциация улемов также вынуждена была замолкнуть. Ее пресса была запрещена, а лидеры (Бен Бадис, умерший в апреле 1940 г., и сменивший его Башир аль-Ибрахими) подверглись преследованиям за отказ сотрудничать с властями. Аресты, "чистки" и другие репрессии обрушились на профсоюзы, независимые органы печати и общественные организации.

В Алжир в июне 1940 г. перебазировались средиземноморская эскадра ВМС Франции и до 800 самолетов из метрополии. Командующий войсками Франции в Магрибе генерал Ногес имел в своем распоряжении до 170 тыс. солдат, бронетанковые и десантные части [13]. 19 июня 1940 г. решивший продолжать борьбу генерал Шарль де Голль обратился из Лондона "к французам Северной Африки, оставшейся нетронутой" [14]. Но Ногес колебался, тщетно пытаясь убедить капитулянтов в метрополии продолжать "борьбу за спасение чести и сохранение Северной Африки за Францией", ибо "нельзя править при всеобщем презрении" [15]. Тем не менее в конце концов и Ногес, и "сеньоры" колонизации смирились с капитуляцией Франции. Основная часть метрополии была оккупирована немцами. В неоккупированной зоне с центром в г.Виши был установлен профашистский режим маршала Петэна, проводивший угодную Гитлеру политику. "Сеньоры" Алжира неукоснительно выполняли приказы из Виши, так как они были, по меткому замечанию Ива-Максима Данана, "гитлеровцами еще до Гитлера" и стали "еще более вишистами, чем Виши" [16]. Основная часть европейцев их поддерживала: по свидетельству Ф.Аббаса, "французы Алжира на 80% примкнули к режиму Виши и стали лучшими пропагандистами нового порядка" [17].

В Алжир были присланы многочисленные германо-итальянские "комиссии по наблюдению за выполнением условий перемирия". По их указке в Германию и Италию вывозились фосфаты, железная руда, цветные металлы и продовольствие, что резко ухудшило экономическую ситуацию в Алжире и материальное положение населения страны. По сравнению с 1938 г. цены в Алжире выросли: в 1940 г. — на

34%, в 1941 г. — на 57%, в 1942 г. — на 101%, в 1943 г. на 171% [18]. Были введены ограничения на пользование газом, электричеством, транспортом, жесткое рационирование продуктов питания. Росла детская смертность, особенно — в деревне. В то же время раболепствовавшие перед нацистами колониальные чиновники — вишисты и крупные колонисты (а также некоторые алжирские феодалы) снабжали продовольствием и различного рода снаряжением германо-итальянский "Африканский корпус" Эрвина Роммеля, сражавшийся в Ливии и Египте против англичан, поставляя овощи и фрукты даже для войск Гитлера на советско-германском фронте [19]. Только в 1941 г. Роммель получил из Алжира 60 тыс. т пшеницы [20].

На внутриполитическом положении Алжира во многом сказывалось резкое ослабление Франции после июня 1940 г. и обострение по этой причине межимпериалистических противоречий в Магрибе. Здесь сталкивались интересы правительства Виши и пытавшихся вырвать у него контроль над Алжиром правителей Германии, Италии, Испании, а также — США и Англии. Все они, особенно фашистские державы, спешили воспользоваться поражением Франции. "В 1941 г. Алжир... стал для немцев разменной монетой", — вспоминал Аббас, — "был поднят вопрос о его разделе: область Константины с Тунисом отошла бы к Италии, Орания к Испании, область Алжира оставалась за Францией" [21]. Однако этот план не осуществился из-за грызни между фашистскими лидерами: Франко, потребовав от Гитлера за вступление в войну передачи ему Орании, всего Марокко и Мавритании, официально вступить в войну побоялся (хоть и послал на советско-германский фронт печально знаменитую "голубую дивизию" генерала Муньоса Грандеса) и Гитлер лишил его "премии" как "неблагодарного труса" [22]. Муссолини же, в 1941 г. одновременно разгромленному в Эфиопии, Ливии и Греции, было не до Алжира.

Тем не менее, происки Франко и Муссолини в период господства Виши над Алжиром продолжались. "Почти официально существовала иностранная партия в Орании", т.е. фалангисты, выступавшие за присоединение к Испании. Разбитые на роты и секции, получая субсидии из Мадрида и от богатых купцов Орана, они имели свои склады оружия и поддерживали связь с державами "оси", работая на их разведку. В свою очередь агентура Муссолини (миссия из 200 чел., включая 60 офицеров, многочисленные учителя, которых после июня 1940 г. стало на 100 чел. больше) устраивала "тайные встречи с

туземцами" и колонистами-итальянцами, а также интриговала в высших кругах местного общества, в основном пользуясь связями с дамами "лучших семей", что вызывало особое недовольство и даже репрессии властей [23]. Муссолини одно время планировал сделать весь Алжир итальянскими провинциями "Нумидия" (на востоке) и "Цезарианская Мавритания" (на северо-западе), опираясь на итальянское меньшинство.

Правительству Виши Германия предъявила тайный ультиматум 29 июля 1941 г. с требованием передать ей военно-морские базы Алжира, Касабланки и Дакара. Еще раньше власти Виши по указанию Гитлера приступили к строительству Транссахарской железной дороги, которая должна была соединить порт Оран на западе Алжира с портом Дакар во Французской Западной Африке. Эта дорога предназначалась для переброски немецких войск в Дакар с последующей высадкой на американском континенте, а также для вывоза риса и хлопка из Французской Западной Африки в Германию. На строительстве дороги использовался труд заключенных. Тюрьмы и концлагеря Алжира в 1940-1942 гг. были переполнены тысячами узников: алжирских патриотов, французских коммунистов, включая 27 депутатов от ФКП, испанских эмигрантов-республиканцев, советских граждан, интернированных Петэном после 22 июня 1941 г.

В октябре 1940 г. генеральным делегатом всей Северной Африки стал генерал Максимилиан Вейган. Он пытался совмещать антикоммунизм с германофобией и установил контакты с США, сорвав несколько попыток немцев непосредственно захватить в свои руки порты, аэродромы, железные дороги и торговый флот Алжира. Одновременно он заключил с США в феврале 1941 г. соглашение о поставках товаров в Магриб без права их реэкспорта, т.е. вывоза в Германию и Италию. Наряду с этим Вейган связался с Англией: сразу по прибытии в Алжир он сообщил англичанам через своего эмиссара в Танжере, что "не отдаст немцам империю" и не будет "могильщиком французской Африки". Черчилль тайно переписывался с ним, надеялся на его "военное сотрудничество в нужный момент" и придавал "жизненно важное" значение "полному взаимопониманию французских территорий Северной Африки и Великобритании" [24]. На Вейгана влияли богатейший в Магрибе промышленник Лемэгр-Дюбрей и журналист Ж.Риго, связанные с консулом США Р.Мэрфи, и глава его разведки баск Андре Ашьяри, тайный агент британской разведки. По их наущению генерал пытался ограничить деятельность германо-

итальянских комиссий по перемирию: требовал сократить их численность, запрещал им контакты с алжирцами, даже преследовал немецких агентов, арестовав 150 из них. Оставаясь вишистом до мозга костей и фанатиком "порядка-здоровья государства", он все же не нравился державам "оси", возмущавшихся его контактами, помехами их действиям и лозунгом: "Защищать Северную Африку от кого бы то ни было" [25].

В результате Вейган был смещен в ноябре 1941 г. В качестве губернатора Алжира его сменил Ив Шатель, лично заинтересованный в торговле холодильниками с Италией и Испанией. При нем вновь оживились фашисты из ППФ и других организаций (вроде "Национально-народного объединения" Марселя Деа). Командовавший с июня 1941 г. французскими войсками в Магрибе генерал Альфонс Жюэн ("алжиро-француз", сын жандарма из города Бон) заявил, что "сражаться под командованием маршала Роммеля — это честь" [26]. Германо-итальянские комиссии вооружили 2 тыс. членов ППФ. Вместе с тем в Алжире были еще сильнее, чем в зоне Виши во Франции, созданный вишистами "Французский легион ветеранов" и его филиалы ("Друзья легиона", "Кадеты легиона" и другие), в общей сложности охватившие до 150 тыс. европейцев. Наиболее отборные из них включались в элитную "Службу порядка легиона", занимавшуюся репрессиями, доносами, арестами и организацией крикливых манифестаций в честь Петэна.

По свидетельству очевидца, "цветастая" и "живописная" толпа этих "испано-французов и итало-французов", украсив себя белыми "франциасками" (петэновской эмблемой в виде скрещенных топориков), бурно "восторгалась идолом сегодняшнего дня", требуя "морального порядка и мистического вождя, неважно какого — де Ля Рокка, Дорио, Петэна". Один кондитер даже испек торт с портретом Петэна из сахара и шоколада [27]. При этом их пронацистские симпатии хорошо увязывались с корыстными интересами. Два экспортера вина в Орании получили за поставки гитлеровскому вермахту десятки миллионов франков, как и два торговца в г.Алжир, монополизировавшие продажу немецкой колбасы. Семейство Беллат (известных "сеньоров" Сиди-Бель-Аббеса) продавало в Испанию сотни тысяч баранов. Президент экономического региона Алжира (т.е. объединения аграрных, торговых и промышленных палат) Л.Морар в октябре 1941 г. выступил за "контакт с Германией" и налаживание ее торговли с Алжиром.

Независимо от того, кто возглавлял аппарат власти в стране, "сеньоры Алжира" в течение всего периода Виши откровенно наживались на сотрудничестве с державами "оси". В немалой степени этим объяснялся и рост прибылей колонистов: 1 832 401 фр. в 1939 г., 4 617 514 фр. — в 1940 г., 10 141 552 фр. — в 1942 г. Вино и зерно, пробка и фосфаты вывозились морем в Германию, что обогащало первого судовладельца страны Л.Скьяффино, который также поставлял необходимую немцам продукцию своих ферм и шахт. В самой Франции он скупил акции филиала немецкого треста Колен. Не отставали от него и другие "сеньоры" — крупный латифундист винодел Грасьен Фор, президент Финансовых делегаций Ш.Бордер, известные еще до войны Л.Морар и Л.Майо, богатый плантатор А.Боржо, промышленник Женжамбр, Алэн де Сериньи (судовладелец и газетный магнат), представлявший впоследствии экспорт в Германию (через зону Виши) как якобы "перевозки, предназначенные для метрополии" [29]. Причастны к их связям с фашистскими государствами оказались высшие чины администрации — сам Шатель, генерал Жюэн (акционер транспортной компании "Лакдар") и некоторые другие. Им подражали и мусульманские феодалы, например башага Фархат Белькасем, снабжавший Роммеля продовольствием и средствами транспорта, а также корой пробкового дуба, защищавшей от африканской жары экипажи немецких и итальянских танков.

Маршал Петэн пытался привлечь к сотрудничеству буржуазно-феодальные круги коренного населения Алжира и даже ввел четырех алжирцев в созданный им "Национальный совет Французского государства". Различные фашистские организации пытались с помощью своей мусульманской агентуры внедрить в сознание алжирцев своего рода культ Петэна, представляя "Шибани" (т.е. "Старика" на диалекте алжирских арабов) в виде хранителя патриархальных обычаев, религиозного благочестия, традиционной морали и дисциплины. Но алжирцы, по признанию самого Петэна, проявляли в лучшем случае безразличие к режиму Виши. Даже ранее прогермански настроенные националисты были разочарованы политикой Виши и особенно тем, что Гитлер разрешил Петэну иметь войска, "необходимые для поддержания порядка в колониях" [30].

Попытки даже умеренных националистов вступать в контакт с властями Виши ни к чему не привели. Например Фархат Аббас, по возвращении из армии осенью 1940 г. тщетно писал Петэну. 10 апреля 1941 г. он выдвинул проект реформ, предложив ввести равенство алжирских и французских слу-

жащих, обеспечить работой сельский пролетариат, отделить мусульманский культ от государства, отменить военный режим на территории Юга. Он также обличал силу "земельного феодализма", угнетавшего крестьян-алжирцев, "не модернизировавшихся и оставшихся восточными" [31]. Поскольку все планы Аббаса остались на бумаге, это способствовало его полному отходу от провишистских иллюзий. Он не уехал в Лондон к де Голлю и не стал "диктором Би-Би-Си", по словам его друга Амара Наруна, только потому, что в 1941-1942 гг. позиция де Голля в алжирском вопросе "была та же, что и у Петэна" [32].

Национальная буржуазия Алжира была тогда еще слишком слаба для самостоятельного выступления. Но, внимательно следя за ходом войны, она считала необходимым обеспечить свои интересы, вовремя сменив ориентацию. К этому ее побуждали и определенные шаги антигитлеровской коалиции по привлечению народов колоний на свою сторону, нашедшие отражение, в частности, в Атлантической Хартии 14 августа 1941 г., признававшей право народов на самоопределение. Принципы Хартии в дальнейшем были взяты на вооружение патриотическим крылом алжирцев-западников. Но само формирование этого крыла, его идеологии и позиции стало во многом возможным благодаря мужественной борьбе антифашистского подполья. До 1942 г. большинство политических лидеров алжирской буржуазии, особенно из бывшего руководства ФТИ, были просто подголосками вишистов и даже доносчиками полиции. Об их ориентации можно судить по телеграмме Бен Джаллула Петэну в августе 1942 г. с призывом к "разгрому британской армии" [33]. Пользуясь ситуацией, многие члены ФТИ обогащались на "черном рынке", на спекулятивных сделках и поставках мяса в Германию, а один из них был вербовщиком 80 тыс. алжирцев для работы в Германии [34].

Выступления боевиков патриотического подполья в Алжире в 1940-1942 гг. были не часты и сводились к отдельным нападениям на офицеров германо-итальянских комиссий, полицейских и чиновников. Наиболее крупным выступлением такого рода явился бунт 800 алжирских стрелков в январе 1941 г., убивших своего капитана и еще 9 французов, после чего их полмесяца вылавливали в лесах [35]. Но в целом вооруженная борьба и акты саботажа в Алжире в 1940-1942 гг. только готовились. Организационной, агитационной и морально-политической их подготовкой занимались ППА и АКП.

Однако ППА никак не была связана с движением Сопротивления и в целом сама переживала в 1940-1942 гг. период поисков наиболее верной тактики и стратегии, испытывая колебания под воздействием Германии.

В целях пропаганды немцы отпустили на родину 10 000 пленных магрибинцев — солдат французской армии [36], вели непрерывное радиовещание на Алжир, субсидировали в Париже бывшего офицера французской армии алжирца Ахмеда аль-Маади, начавшего издавать газету “Ар-Рашид”, провозгласившую идею отделения Алжира от Франции. Некоторые члены ППА во Франции сотрудничали в этой газете. Среди части далеких от европейской политики простых алжирцев наблюдалось “восхищение блестящей победой германской армии” [37]. Но, отмечая это, надо также учесть явное преувеличение французскими авторами воздействия германо-итальянской пропаганды на ППА. Близость отдельных членов ППА с организациями Деа и Дорио впоследствии также использовались колониалистами для очернения всей деятельности ППА и для клеветы на национально-освободительное движение алжирского народа в целом. Характерно, что ППА они одновременно называли “коммунистической” организацией (каковой она, безусловно не была), не обращая внимания на то, что именно коммунисты были самыми последовательными антифашистами, что тогда признавал весь мир.

30 активистов ППА были заключены в концлагерь в Дженьен-Бу-Резг. Вождь ППА Мессали, арестованный 4 ноября 1939 г., был предан суду военного трибунала Виши в марте 1941 г. На предложение сотрудничать с правительством Петэна он ответил: “В моих жилах течет арабская кровь, которая восстает против всякого рабства и угнетения”. Трибунал приговорил его к 16 годам каторжных работ и конфискации имущества с последующим запрещением проживать в Алжире в течение 20 лет. Вместе с ним были осуждены другие активисты партии, в общей сложности — к 114 годам тюрьмы, 123 годам каторги, 560 годам изгнания из страны и 160 тыс. франков штрафов [38]. Вслед за этим в апреле 1941 г. во многих городах Алжира стены покрылись надписями: “Народ — с Мессали! Алжир — алжирцам! ППА — победит! Да здравствует независимость!”.

Новое поколение руководителей, сменившее брошенных в тюрьмы ветеранов, способствовало значительному обновлению идеологии, методов борьбы и социального состава ППА. Возглавивший подпольное руководство с октября 1942 г. врач

Дамин Дабагин создал нелегальную сеть ячеек ППА по всей стране, преимущественно из 200 не числившихся в захваченных полицией архивах студентов, лицеистов, а также молодых выпускников (врачей, юристов, лиц свободных профессий) [39]. Каждая ячейка состояла из 4 активистов и руководителя, 4 ячейки подчинялись местному комитету, 4 местных комитета — секции. В масштабах департамента секции объединялись в федерацию во главе с оргкомитетом. Каждый из членов ППА должен был найти двух сочувствующих партии, которые, прежде чем вступить в ППА, проходили 2-летнее испытание, платили взносы и выполняли все поручения партии. В конце 1940 г. — начале 1941 г. ППА стала издавать свои газеты "Саут аль-Ахрар", "Ля Насьон алжерьен" и "Л'Аксьон алжерьен". Руководили их выпуском сам Дабагин (официально тогда — ответственный за информацию и пропаганду), Хосин Аслах и Мухаммед Талеб (впоследствии — члены Политбюро).

Несмотря на малочисленность ППА, ее потери и трудные условия борьбы в 1940-1942 гг., этот период имел для истории партии важное значение. Именно тогда, уже завоевав до войны опору среди городской мелкой буржуазии, бедноты и рабочих, ППА серьезно расширила свое влияние среди интеллигенции, студенчества и крестьянства. "Плебейская партия", как гордо называла себя ППА, в эти же годы обрела более высокий уровень организации, стала более зрелой политически и тактически.

В отличие от ППА, АКП главное внимание уделяла антифашистской борьбе. "Достаточно действенная" даже по мнению враждебных ей авторов, АКП была "единственной партией, реально объединившей на началах равенства французских граждан и французских подданных" [40]. Она не отделяла задачи национального освобождения от задач разгрома фашизма, доказывая, что лишь после поражения Германии и Италии и свержения режима Виши возможна дальнейшая борьба алжирских трудящихся за свои национальные и политические требования. В феврале 1942 г. АКП призвала к единству всех организаций Сопротивления, подчеркнув: "Необходимо помешать предателям из Виши продолжать использовать нашу страну для нужд военной машины Гитлера". Позднее, в сентябре 1942 г., партия выступила с призывом к созданию Фронта Свободы против фашизма: "Чтобы Алжир не стал нацистской колонией, объединимся по-братски, без различия расового происхождения или философских взглядов" [41].

В рамках Фронта Свободы АКП объединила свои боевые группы в Орании под командованием профсоюзных деятелей Саласа и Сегуры с главной организацией Сопротивления во главе с некоммунистами Ж.Абулькером и Р.Каркассоном. Об эффективности этого движения свидетельствуют многие, в том числе — ярые враги АКП, сокрушавшиеся в марте 1942 г. по поводу фактического возрождения АКП и ее борьбы "против маршала и его соратников" [42]. Вишисты наносили по АКП самые тяжелые удары. С 9 февраля по 20 марта 1942 г. в Алжире прошел процесс 61 коммуниста". 6 обвиняемых (в том числе скрывшихся от полиции лидеров партии П.Кабаллеро и А.Смаили) вишистские судьи приговорили к смерти. Остальные были приговорены к различным срокам тюремного заключения или каторжных работ, в том числе 9 человек — к пожизненной каторге. Многие из заключенных в тюрьмах и концлагерях впоследствии умирали от истощения и нечеловеческих условий существования. В главной тюрьме страны — Барберус — умерли 15 из 60 узников-коммунистов, в тюрьме Мэззон-Каррэ (пригорода столицы Алжира) ежемесячно умирало по 90 человек. [43].

Наступление англичан из Египта в конце октября 1942 г. и откат войск Роммеля в Ливию остро поставил вопрос о военном значении Магриба. Дабы предотвратить использование территории и ресурсов Магриба в интересах врага, Англия и США решили нанести упреждающий удар. Подготавливая его, они вели переговоры с генералом Жиро, которого рассчитывали поставить у власти в Магрибе как "своего человека", чуждого и Виши, и Сопротивлению. Анри-Оноре Жиро, колонист из Алжира, долго служил в Магрибе и на все смотрел глазами "сеньоров" и колониальной военщины. Бежав в мае 1942 г. из немецкого плена, он тщетно пытался склонить Петэна к переориентации на Англию и США.

Высадка войск США и Англии в Магрибе 8-15 ноября 1942 г. привела к установлению в Марокко и Алжире, а впоследствии и в Тунисе, фактической власти англо-американского военного командования. В Алжире боев практически не было ввиду содействия десанту со стороны французских офицеров в гг.Бон, Алжир и Шершель, связанных с разведкой США. Город Алжир обороняли 11 тыс. солдат, но заняли его всего 2300 американцев, которым помогли 400 подпольщиков из движения сопротивления (коммунисты и группа Абулькера), фактически нейтрализовавшие оборону столицы [44]. Взятый ими в плен генерал Жюэн впоследствии уверял, что союзники

быстро добились успеха якобы вследствие его приказа войскам Виши вступить с десантом в "эластичный контакт без агрессивности" [45]. Серьезные бои 4 дня шли лишь в Оране и особенно в Марокко. Союзники потеряли 3 тыс. чел. убитыми и ранеными, 70 самолетов и много транспортных судов [46].

При активной поддержке союзников власть захватил "случайно" оказавшийся в Алжире адмирал Франсуа Дарлан, провозгласивший себя от имени властей Виши верховным комиссаром Франции в Северной Африке. Он продолжал проводить в Алжире политику Петэна, начав с арестов борцов Сопротивления, помогавших высадке союзных войск. Все вишистские законы оставались в силе, травля левых элементов даже усилилась. Дарлан издавал указы "от имени маршала", рассказывал о своих встречах с Гитлером и выступал против любых связей с движением де Голля.

Но борьба за власть в Магрибе только еще началась. Против Дарлана выступили все участники Сопротивления — от коммунистов до деголлевцев, но также и другие группировки, в том числе "честный и чистый Жиро", назначенный англо-американцами главнокомандующим французскими частями, примкнувшими к союзникам. Оживились и роялисты: граф Анри Парижский, претендент на престол Франции, живший близ Танжера на своей свиноферме, прибыл 9 декабря в г.Алжир, где выдвинул план реставрации монархии, соглашаясь при этом "ограничиться президентскими функциями" [47]. Назначение Дарлана вызвало и международные осложнения. Его поддерживали только США. Англия предпочитала выбирать между Жиро и сидевшим в Лондоне де Голлем. У движения Сопротивления в Алжире и во Франции, как и широкой общественности стран антигитлеровской коалиции, включая СССР, Дарлан вызывал омерзение. Поэтому логично, что У.Черчилль писал И.В.Сталину 24 ноября 1942 г.: "Не беспокойтесь по поводу мошенника Дарлана". Ответ И.В.Сталина 27 ноября 1942 г. был более, чем неожиданным: "Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой". Позднее, 14 декабря 1942 г., И.В.Сталин писал Ф.Рузвельту: "Ввиду распространяющихся всякого рода слухов об отношении СССР к вопросу об использовании Дарлана и ему подобных деятелей считаю не лишним сообщить Вам, что, по моему мнению, как и по мнению моих коллег, политика

Эйзенхауэра в отношении Дарлана, Буассона, Жиро и других совершенно правильна"[48].

Всеобщее недовольство Дарланом привело к его убийству 24 декабря 1942 г. молодым роялистом, по словам графа Парижского, "верившим в необходимость исчезновения адмирала ради спасения отечества". Сменивший его Жиро провозгласил курс на "аполитичность". Однако на деле он оставил в силе прежние законы Виши и, заявив, что его "единственная цель — победа", призвал в армию 238 тыс. арабов Магриба [49]. Характерно, что из 259 тыс. боеспособных европейцев Магриба (при их общей численности около 1 млн. человек в 1942-1943 гг.), были призваны лишь 176 тыс. чел. [50]. Они не спешили на фронт, где союзники предпочитали бросать на трудные участки недавно сформированные части из французов-новобранцев: к маю 1943 г. из 60 тыс. новобранцев 15 тыс. человек уже погибли [51].

Утверждая впоследствии, что он "хотел быть полностью спокойным, пока мы воевали в Тунисе", Жиро на самом деле несравненно больше сил и времени, чем на войну, тратил на политику, точнее — на отчаянную борьбу с неуклонно возраставшим авторитетом движения Сражающейся Франции во главе с де Голлем. И в этой борьбе он во многом опирался на "злобу, копившуюся против де Голля с 1940 г." алжиро-европейскими реакционерами [52].

"Порядок царствовал в Алжире к февралю 1943 г." — писал Жиро позднее в своих мемуарах. Какой это был "порядок", он пояснял в мае 1943 г.: "Еще и сегодня в Кабилии у туземцев всюду портреты Петэна" [53]. Антифашисты подозревали Жиро в далеко идущих планах в связи с заманиванием им алжирцев в армию. Один из них говорил в 1943 г. советскому врачу А.И.Рубакину: "Армия Жиро — вовсе не французская армия. Она состоит из арабов, которые ненавидят Францию за то, что она их угнетает и не считает за людей. Они пошли в армию не для борьбы за Францию, а потому, что им нечего есть. Наши генералы нарочно составляют армию из арабов, так как рассчитывают сделать из нее... полицейские силы для подавления французских партизан и коммунистов" [54]. Прямых доказательств этой версии нет, но вполне возможно, что Жиро, Жюэн и другие генералы, близкие к "сеньорам" Алжира, были бы не прочь использовать солдат-алжирцев в своих целях. Всего уроженцы Алжира (140 тыс. алжирцев и 120 тыс. европейцев) составили около половины новой французской армии, возникшей после ноября 1942 г. в Магрибе [55].

В отличие от Жиро де Голль отвергал все домогательства США и их попытки поставить его в неравноправное положение. Жиро пытался доказать свое преимущество численным превосходством подчиненной ему "армии Африки" (430 тыс. чел.) над войсками де Голля (100 тыс. чел.) в 1943 г., "нелюбовью" к де Голлю "военных и гражданских лиц" в Алжире, а также — "туземцев" (на самом деле в основной массе равнодушных и к тому, и к другому). Жиро возмущался тем, что де Голль отклонил его требование "запретить коммунистам воссоздать свою партию", а также "поспешностью" де Голля в реформе колониальной империи, что, мол, привело к "анархии и дезорганизации" [56].

После создания в июне 1943 г. в Алжире Французского комитета национального освобождения (ФКНО) во главе с де Голлем и Жиро установился своеобразный "дуумвират", при котором политическая власть осуществлялась де Голлем, а военная — Жиро. Но трения между "дуумвирами" не прекращались и в ноябре 1943 г. привели к окончательному устранению Жиро.

Оккупация Магриба союзниками и резко обострившаяся после этого борьба за власть среди французов, как и разнообразные меры последовательно сменявшихся режимов, произвели глубокое впечатление на алжирцев. Даже генерал Жюэн вынужден был признать: союзный десант 1942 г. "создал впечатление, что покровительствующая нация, в свою очередь, сама взята под опеку". А раздоры между французами привели к тому, что "не из чего было восстанавливать наш престиж" [57]. Лидеры национальной элиты (Ф.Аббас, М.Бен Джаллул, А.Сайях, А.Тамзали) поспешили воспользоваться обстановкой, направив властям 20 декабря "Послание мусульманских представителей".

По данным Жюльена и других французских историков, Жиро отверг "Послание", сказав, что его интересует лишь набор солдат в армию, а не реформы. Но Аббас и его друзья уже до этого имели контакты с представителем США в Магрибе Р.Мэрфи, который "возможно, внушил им некоторые иллюзии и во всем этом деле играл активную роль" [58]. Однако, последние исследования Ажерона сняли подозрения в том, что представители колониальных или союзных властей играли решающую роль в составлении текстов Аббаса (в чем его позже упрекали и АКП, и французские спецслужбы). Тем не менее, Аббас сам признавал, что он пытался заручиться поддержкой

президента США Рузвельта и "показывал" свои тексты Мэрфи [59].

Соглашаясь участвовать в войне на стороне союзников, авторы "Послания" требовали до этого созыва конференции представителей алжирцев для выработки их нового "политического, экономического и социального статуса". Не получив ответа, они сами созвали нечто вроде такого совещания ("Мусульманского Конвента" с участием делегатов от улемов и ППА) и выработали в феврале 1943 г. новый документ, озаглавленный "Манифест алжирского народа" [60]. Осуждая "колониальный режим, навязанный алжирскому народу и основанный на несправедливостях и преступлениях", Манифест требовал "ликвидации колонизации", признания "права народов на самоопределение", "предоставления Алжиру собственной конституции", гарантирующей: 1) свободу и полное равенство всех его жителей без различия расы и религии; 2) отмену феодальной собственности путем осуществления аграрной реформы и права на благосостояние многочисленного сельскохозяйственного пролетариата; 3) признание арабского языка официальным наравне с французским; 4) свободу прессы и права объединений; 5) бесплатное и обязательное обучение для детей обоего пола; 6) свободу культа для всех жителей и применение ко всякой религии принципа отделения церкви от государства. Важнейшим было требование "немедленного и эффективного участия алжирских мусульман в управлении их страной", а также — "освобождения всех политзаключенных и интернированных, к какой бы они партии ни принадлежали".

Манифест был подписан 56 видными деятелями Алжира, представлявшими весь спектр элиты национального движения от умеренных членов ФТИ до твердых националистов [61]. ППА, участвовавшая в подготовке Манифеста, не была представлена открыто по соображениям конспирации, но, по мнению Мухаммеда Харби, "политическая и социальная программа ППА пропитывает Манифест" [62]. В целом документ явился подлинным манифестом антиколониального движения в Алжире, став основой для объединения самых разных его сил и течений. Смена политического климата в Алжире (в частности, освобождение весной 1943 г. тысяч антифашистов из тюрем, отмена расистских законов Виши) вынуждала власти продолжать игру в обещания и даже предлагать авторам Манифеста "уточнить" их требования. В результате 22 подписавших Манифест во главе с Аббасом выработали "Проект реформ",

или “Дополнение к Манифесту”, представив его 26 мая 1943 г. [63]. В нем предлагалось после завершения войны создать Алжирское государство с конституцией, которую выработало бы Учредительное Собрание, избранное всеобщим голосованием всех жителей Алжира. Генерал-губернатора должно было сменить алжирское правительство во главе с верховным комиссаром Франции. Вводилось равное представительство французов и алжирцев во всех органах государственной власти и руководстве общественных организаций, равноправие алжирцев с французами при прохождении военной службы и предоставление алжирским частям во французской армии флага с национальными цветами Алжира. Весьма многочисленны были различные административные, юридические, культурные, социальные и экономические реформы, которые надо было осуществить безотлагательно.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и корпуса Роммеля в Ливии, завершение в мае 1943 г. изгнания фашистов из Северной Африки, возобновление деятельности левых и патриотических партий, усиление нажима общественного мнения на администрацию, престиж которой падал все ниже и ниже, рост авторитета “Сражающейся Франции” в ущерб авторитету Жиро и его окружения — все это решающим образом влияло на поведение сторонников Манифеста. После января 1943 г., когда на конференции в Анфе (близ Касабланки) Рузвельт и Черчилль договорились с Жиро и де Голлем о слиянии подчиненных им сил, правые в Магрибе вынуждены были непрерывно отступать. По всей стране шли митинги АКП, создавались ячейки ППА, распространялся текст Манифеста, переписываемый от руки, создавались “чисто мусульманские” кружки и спортивные общества, щедро финансируемые обычно скупыми провинциальными богачами. Молодежь вывешивала национальные флаги и лозунги, открыто отмечала национальные праздники и пела патриотические песни. “Появлялись новые арабские слова, — вспоминал С.Хаджерес, — которые раньше можно было произносить только шепотом и с большой опаской: независимость, свобода, империализм и т. д.”[64].

Комиссия по изучению проблем мусульман в подобной обстановке одобрила “Проект реформ” 26 июня 1943 г. Но это носило чисто формальный характер. Новый губернатор Алжира генерал Жорж Катру (также уроженец Алжира) 23 июня заявил, что “никогда не допустит независимости Алжира”, ибо “единство Франции и Алжира — догма”[65]. Солидарен с ним

был и сам де Голль, который не хотел выходить за рамки, как он сказал в декабре 1943 г. в Константине, “миссии Франции в трех департаментах французского Алжира”, да еще подчеркнул “упорный труд колонистов, благодаря усилиям которых стали доступны природные богатства Алжира” [66].

Все же де Голль репрессировал наиболее видных вишистов, включая некоторых “сеньоров” (Ш.Бордера, А.Боржо, Л.Скьяффино). Вышедшая из подполья АКП стала издавать с июня 1943 г. газету “Либертэ”, тираж которой за полтора года вырос с 60 тыс. до 121 тыс. экземпляров [67]. Временно газета стала единым органом АКП-ФКП и руководилась совместно Вальдеком Рошэ, Флоримоном Бонтом и Франсуа Бийу (от ФКП), а также Амаром Узганом (с июня 1943 г. — генеральным секретарем ЦК АКП). В состав АКП, ослабленной репрессиями и потерями руководящих кадров, влилось около 300 активистов ФКП, освобожденных из тюрем и концлагерей Алжира [68]. Некоторые из них (например, Андрэ Муан) вплоть до 1957 г. играли видную роль в секретариате ЦК и Политбюро АКП. По сведениям, лично полученным автором от бывшего функционера АКП Мустафы Иналя, “Андрэ Муан, как и вообще представители ФКП, имел власти в АКП больше, чем даже ее генеральные секретари из алжирцев”. Вместе с Африканской делегацией ФКП (возглавлявшейся Андрэ Марти) алжирские коммунисты немало сделали для организации борьбы с германо-итальянским фашизмом. Многие из них, включая руководителей, добровольно пошли в армию, погибли в рядах сопротивления во Франции. В ноябре 1943 г. В Алжире стала функционировать Консультативная ассамблея Франции. Видную роль в ней играли и представители Алжира. С апреля 1944 г. де Голль включил в состав ФКНО в Алжире двух делегатов ФКП, а в июне 1944 г. преобразовал ФКНО во Временное правительство Франции. В августе 1944 г. это правительство переехало из Алжира в освобожденный от немцев Париж.

Политический климат 1943-1944 гг. в Алжире характеризовался общим подъемом гражданского самосознания и взаимопониманием левых и демократических сил. Например, в редакции прогрессивной газеты “Альже репюбликэн”, возобновившей в феврале 1943 г. свое издание, сотрудничали левые социалисты Поль Шмитт и Мишель Рузэ, член ЦК АКП Ахмед Смаил и секретарь комсомола Алжира Анри Аллег, Азиз Кессус, впоследствии перешедший от социалистов к националистам, и Буалем Хальфа (тогда — юный активист ППА, впоследствии — член Политбюро АКП). Там же встречались

католики, либералы, беспартийные профессора университетов, а также "несколько испанских республиканцев", которые считали, что в рядах демократов в Алжире "они продолжают борьбу, прерванную временным поражением в Испании" [69].

Тем не менее в целом в стране мало что изменилось. Нищета, угнетение, дискриминация по-прежнему оставались уделом мусульман. Для них переход власти от Жиро к де Голлю означал лишь, что "кепи сменилось, но принципы туземной политики остались те же", как писал впоследствии видный алжиро-европейский демократ Альбер-Поль Лантэн. Но игнорировать сдвиги, происшедшие в Алжире за годы войны, было уже нельзя. Поэтому попытки "сеньоров" и верного им колониального аппарата цепляться за старое оказались взрывоопасными.

Деформация и разрыв традиционных экономических связей Алжира с Францией в 1940-1942 гг. вследствие гитлеровской политики грабежа Франции, а в 1943-1944 гг. — ввиду прекращения контактов между оккупированной Францией и освобожденным Алжиром, временно обусловили отсутствие притока товаров из Франции и конкуренции промышленности метрополии. США и Англия, занятые войной, также не занимались проблемами снабжения и экономического развития Алжира. Это содействовало определенному росту обрабатывающей промышленности, торговли и сферы услуг в Алжире за счет активизации местного предпринимательства. Но в целом экономическое положение в стране резко ухудшилось: вследствие острой нехватки ранее импортировавшихся товаров продолжался рост цен, мобилизация в армию наиболее трудоспособной части населения, а неурожаи 1943-1945 гг. вызвали общее падение производства, голод и обнищание в деревне, в которой практически исчез "каим руху", т.е. имеющий средства к существованию середняк, а его место занял "мескин" (обездоленный бедняк) или "шемма" (безработный), гораздо реже — "хаммас", т.е. издольщик-пятинник. Это ускоряло массовое бегство крестьян в города, где росли безработица и скученность населения мусульманских кварталов. Увеличение удельного веса разоренных пауперов, оказывало радикализирующее влияние на настроения алжирцев. Недовольство колониальным гнетом обострилось, как никогда раньше [70].

Серьезно обогатилась за годы войны алжирская национальная буржуазия, заметно расширив свои позиции в промышленности и ремеслах, в сельском хозяйстве и торговле. Она ловко использовала возможность сбыта по высоким ценам

продовольствия и товаров первой необходимости, наживалась на поставках французской армии и на сделках с англо-американцами. В связи с этим предприниматели-мусульмане стали претендовать на более значительное место в политической жизни страны. С одной стороны, они использовали международную обстановку, в частности — общее военно-политическое и экономическое ослабление Франции после 1940 г., а с другой — рост антиколониальных настроений самых широких слоев алжирского народа. В этом плане надо оценивать и "Послание" 1942 г., и "Манифест", и "Проект реформ" 1943 г.

Однако, де Голль отверг все их требования, одновременно постаравшись привлечь на свою сторону наиболее "умеренных" деятелей. В результате правобуржуазные лидеры Бен Джаллул, Тамзали, Лакдари и некоторые другие капитулировали и вернулись на довоенные позиции профранцузского ассимиляционизма, в "награду" за это получив места в Консультативной Ассамблее Франции. Впоследствии они вполне были удовлетворены ордонансом ФКНО от 7 марта 1944 г., который предоставил полные права французских граждан верхам алжирского населения — феодалам, чиновникам, предпринимателям, интеллигенции, бывшим офицерам — всего 50-60 тыс. человек. Остальные избиратели-алжирцы (тогда 1600 тыс. чел.) получили право избирать 2/5 муниципальных и генеральных советников [71]. Эта вынужденная уступка властей, по сути дела воспроизводившая проваленный реакцией еще в 1938 г. законопроект Блюма-Виолетта, в 1944 г. была явно устаревшей полумерой, не отвечавшей чаяниям большинства алжирцев. Но и большинство европейцев также были против нее, что никак не способствовало ослаблению социально-политической напряженности.

Либеральная часть новой алжирской элиты во главе с Ф.Аббасом, А.Буменджелем и М.А.Кессусом осталась верна принципам "Манифеста". 14 марта 1944 г. Аббас создал ассоциацию "Друзья Манифеста и Свободы", в которую, наряду с его сторонниками, вошли также улемы во главе с вернувшимся из ссылки шейхом Б. аль-Ибрахими и находившаяся с 1939 г. в подполье ППА, за годы войны существенно расширившая свое влияние, особенно среди крестьян. Программа новой ассоциации выступала в защиту принципов Манифеста 1943 г., осуждала "оковы, произвол и расистские догмы колониального режима", а также — "насилия и агрессию империалистических держав в Африке и Азии, применение силы против слабых народов". Она впервые выдвигала идею свободной федерации

автономного Алжира с "обновленной, антиколониалистской и антиимпериалистической Французской республикой" [72]. "Друзей Манифеста" поддержали широкие слои алжирцев, прежде всего неимущие слои города и деревни, больше всего страдавшие от колониального гнета и обострения экономических и социальных проблем страны в 1943-1945 гг. По разным данным, в ассоциацию вступили от 350 тыс. до 600 тыс. человек. По всей стране было создано 165 секций "Друзей Манифеста". К апрелю 1945 г. их было уже 257 [73].

ППА представляла собой наиболее динамичную и организованную фракцию ассоциации Аббаса, к тому же опиралась она преимущественно на молодежь. За ней к тому времени шли значительные отряды городских рабочих-алжирцев (некоторые из них состояли в особых, отдельных от европейцев, "мусульманских" профсоюзах), ремесленников, различных торговцев, учащихся, поденщиков и безработных. Партия тайно выпускала газеты, имела своих людей во многих массовых организациях и культурных объединениях, создала собственные нелегальные группы боевиков, вооруженных оружием, собранным на полях сражений в Тунисе, купленным у англо-американцев или похищенным со складов французской армии. Среди алжирцев-солдат также были созданы подпольные группы ППА. Объективно ППА проводила очень важную работу по подготовке перехода алжирских патриотов к революционным методам борьбы за национальное освобождение. Однако молодость и неопытность основной части подпольного актива партии, ошибки ее руководства и трудности управления ее разросшимся нелегальным аппаратом сильно осложняли эту работу и мешали ей. К тому же, вождь ППА Ахмед Мессали и большинство старых лидеров партии были оторваны от политической жизни страны, находясь на принудительном поселении, в тюрьме или в эмиграции.

Внутренние разногласия не позволили "Друзьям Манифеста и свободы" направить действия масс, доведенных до отчаяния голодом, безработицей и всесилием черного рынка. ППА постепенно захватывала внутри ассоциации господствующие позиции (руководство многих низовых секций и даже департаментских организаций целиком состояло из актива ППА), навязывая Ф.Аббасу и его сторонникам свою демонстративно антифранцузскую линию. Газета ППА "Л'Аксьон алжерьен" писала в сентябре 1944 г.: "Арабский Алжир во французской федерации — нет! В арабской федерации — да!" [74]. На съезде ассоциации в марте 1945 г. речь шла уже не о федерации с

Францией, а о "независимости Алжира и намерении сражаться за нее", выдвигались требования освобождения "неоспоримого вождя алжирского народа" Ахмеда Мессали и предоставления Алжиру "свободы интеграции" (имелась в виду возможность присоединения к возникшей в марте 1945 г. Лиге арабских государств) [75]. В то же время члены ассоциации, не входившие в ППА (т.е. подавляющее большинство), не готовили никакого вооруженного выступления, вопреки утверждениям властей впоследствии.

Стремясь заранее нейтрализовать ППА, колониальные власти стали всячески провоцировать патриотов на преждевременное выступление, со своей стороны сосредоточивая войска в наиболее "неспокойных" местах, обучая и вооружая т.н. "гражданскую гвардию", т.е. военизированную милицию колонистов и городских служащих-европейцев. С апреля 1945 г. началась серия арестов почти всех еще остававшихся на свободе руководителей ППА (около 60 чел.). 1 мая 1945 г. были обстреляны полицией демонстрации ППА в ряде городов. Только в г.Алжир были убиты 11 человек, десятки ранены [76].

8 мая 1945 г., вопреки призывам лидеров ассоциации к спокойствию, началось стихийное, фактически неподготовленное и неорганизованное восстание в Алжире. Поводом к нему послужил расстрел полицией в городах Сетифе и Гельме демонстраций алжирцев по случаю дня Победы над Германией, во время которых выкрикивались требования независимости и фигурировали транспаранты с соответствующими лозунгами. Схватки возмущенных демонстрантов с полицией и отдельные нападения на европейцев (в том числе — террор наемных провокаторов) привели к вспышке вооруженных столкновений по всей Малой (Баборской) Кабилии. Повстанцы, в основном — из крестьян, убивали или уродовали колонистов и их семьи, жгли их фермы, нападали на жандармов и чиновников, встречали огнем из охотничьих ружей или трофейных автоматов появлявшиеся войска. Восстание охватило около 20 городов и поселков, не считая горных деревень. В нем участвовало в общей сложности до 50 тыс. чел., главным образом — издольщиков, батраков и нищих горцев. Все они действовали под влиянием эмоций, спонтанно и несогласованно, что облегчило их быстрый разгром. 16-17 мая последние отряды повстанцев (до 6 тыс. чел.) вынуждены были прекратить борьбу. Но вплоть до конца мая здесь продолжались нападения на отдельных европейцев и изолированные фермы, поджоги и разрушения [77].

Ответные удары властей по жестокости не имели прецедента в истории Алжира. Авиация и флот бомбили, жгли и разрушали все без разбора. Полиция, сенегальские стрелки, иностранные легионеры, итальянские военнопленные (срочно вооруженные супрефектом Гельмы Ашъяри), сколоченная из колонистов "гражданская гвардия" расстреливали или вырезали население целых дуаров по простому подозрению, подвергали массовым "превентивным" арестам. Количество жертв этой бойни так и не было точно установлено, но несомненно составило десятки тысяч человек. Официальные данные властей явно преуменьшили число жертв: 88 убитых и 150 раненых европейцев, 1200 убитых и 1500 раненых алжирцев. Они были уже в 1946 г. опровергнуты руководством ФКП, определившей число убитых алжирцев в 30 тыс. чел. Сторонники Аббаса позднее называли цифру 15-20 тыс. чел., а руководство ППА — 45 тыс. чел. Последней цифры придерживались и секретные службы США [78].

В ходе развернувшихся по всей стране облав было арестовано 4560 человек, из них 505 — в Орании и 359 — в департаменте Алжир. Ассоциация "Друзей Манифеста и свободы" была распущена 15 мая. В течение лета 1945 г. военные суды в Алжире вынесли в общей сложности около 2 тыс. приговоров, в том числе 151 — к смертной казни (28 чел. были казнены). Около 400 чел. были отправлены на каторгу, в тюрьмы - до 300 чел. Некоторые из них пробыли в тюрьме вплоть до 1962 г., т.е. до обретения Алжиром независимости. В целом национальное движение понесло большой урон [79].

Корни восстания в мае 1945 г. прежде всего — в нежелании властей существенно менять что-либо в Алжире. Голод и прочие экономические тяготы лишь приблизили стихийный взрыв народного возмущения, но не лежали в его основе, как и возможные подстрекательства извне, о которых слишком много писалось во французской прессе. Разумеется полностью лишен основания официальный тезис властей о "гитлеровских провокаторах", которые якобы инспирировали восстание, чтобы сорвать празднование победы над Германией [80]. Глубокие причины восстания — в социально-политическом прогрессе Алжира за годы войны, в росте массовости, влиятельности и решительности патриотического движения.

Более сложны причины поражения восстания. Помимо очевидной его неподготовленности и недозрелости (так как большинство народа еще не прониклось сознанием необходимости и неизбежности именно вооруженной формы борьбы),

очень важную роль сыграла его несвоевременность. Она лишила восстание поддержки антифашистов-демократов и в Алжире, и во Франции, дала широкие возможности для искажения действительных намерений повстанцев. Она же была одной из причин совершенно неверной оценки восстания со стороны АКП и ФКП.

Помимо давних распрей с ППА, у АКП возникло в 1944 г. соперничество с "Друзьями Манифеста", которым АКП пыталось противопоставить "Друзей демократии" — так и не возникшее объединение левых демократов. Одновременно АКП, поддержав ордонанс от 7 марта 1944 г., объективно выступила поборницей ассимиляции и осудила тех, "кто претендует на звание националистов и выдвигает лозунг невозможной независимости". Более того, в сентябре 1944 г. генсек АКП Амар Узган, исходя из установки на подчинение всех усилий партии интересам войны против фашизма, утверждал, что националисты якобы "играют на руку трестам, сеньорам колонизации и прочим иностранным империалистам". Неудивительно, что в мае 1945 г. АКП подхватила официальную версию о "чудовищной провокации фашистского характера", к тому же — высказанную губернатором-социалистом Шатеньо (ФКП тогда вместе с социалистами входила в правительство Франции). На страницах органа АКП "Либертэ" 12-17 мая действия повстанцев (кое-где нападавших на европейцев-коммунистов) назывались "голодными бунтами", которые спровоцировали "высшие чиновники, фашистские сеньоры колонизации и наемные гитлеровские провокаторы из ППА и ППФ на службе фашистского империализма" [81]. Эта точка зрения была впоследствии дезавуирована и самой АКП, и ее преемницей — Партией социалистического авангарда (ПСА).

Следует также сказать о признанном впоследствии самими националистами "инфантильном характере проявленной инициативы" и "беспорядочности руководства ППА в мае 1945 г." Призывая к восстанию, лидеры ППА на деле его не подготовили. Составляя его планы, они не позаботились о том, чтобы сохранить их в тайне. Восстание фактически началось до сигнала ППА, который был дан 20 мая, т.е. уже после его подавления, что дополнительно подставило кадры ППА под удары карателей. В руки полиции попало немало оружия, изъятого либо у активистов ППА, либо непосредственно у повстанцев (3 пулемета, 356 винтовок, 1192 пистолета, 12173 охотничьих ружей). В целом майское восстание 1945 г. явилось тяжелым уроком для патриотов Алжира, многому их научившим. По-

этому прав Шарль-Робер Ажерон: "Неудавшаяся попытка восстания в 1945 г. послужила исходным пунктом и генеральной репетицией победоносного восстания 1954 г." [82].

Однако, до этого восстания был еще долгий 9-летний путь, на котором было все: и внезапные надежды, и тяжелые разочарования, и политические успехи, и чувствительные поражения. Но после мая 1945 г. алжирцы многому научились, в том числе не впадать в эйфорию от успехов и делать выводы из неудач.

Летом и осенью 1945 г., когда преследования повстанцев еще продолжались, начался сложный переходный период 1945-1947 гг., когда решалась судьба послевоенного устройства Алжира. На выборах в первое Учредительное собрание Франции в октябре 1945 г. от европейцев были избраны депутатами 3 коммуниста (авторитет АКП среди европейцев во многом вырос вследствие авторитета СССР во всем мире после разгрома Гитлера, вследствие интернационализма АКП, что было тогда немаловажно для лиц итальянского и испанского происхождения, на которых смотрели косо, подозревая их в симпатиях к Муссолини и Франко, ввиду четкой позиции АКП-ФКП против интриг США и Англии в Магрибе). Были избраны также 2 социалиста, 1 прогрессист (близкий к АКП генерал Тюбер), 3 радикала, 2 католика и 2 независимых. Такого либерального состава депутатов от европейцев Алжира не бывало никогда ни до, ни после 1945 г. [83].

Были избраны от алжирцев 2 коммуниста, 2 социалиста и 9 "избранников", т.е. бывших членов ФТИ. Успехом среди мусульман АКП была обязана временной тактике националистов, считавших коммунистов "меньшим злом" по сравнению с другими французскими партиями. И, действительно, АКП выступила за амнистию участникам майского восстания, за демократизацию управления Алжиром (к тому времени АКП имела 500 мест в муниципалитетах вместо 20 в 1939 г. и 12 мест в генеральных советах вместо 1 в 1939 г.), за отстранение виновников кровавых расправ с алжирцами, в защиту экономических и социальных требований масс [84]. Во многом они объективно содействовали возвращению националистов на арену политической жизни. Но, как только это произошло, АКП во многом утратила свое влияние на мусульман: на выборах во 2-е Учредительное собрание Франции в июне 1946 г. за нее проголосовали всего 53 тыс. алжирцев (вместо 135 тыс. в октябре 1945 г.) и она не получила ни одного места депутатов по алжирской курии. Это объяснялось прежде всего ставшей уже традиционной для АКП недооценкой национального фактора

и стремления алжирцев к независимости. Кроме того, националисты, пользуясь тем, что половина членов АКП были европейцами, ловко представляли ее как "неалжирскую" и уж, конечно, "немусульманскую" партию [85].

В 1-м Учредительном собрании алжирские депутаты-"избранники" во главе с Бен Джаллулом пытались защищать формулу "Алжир — три французских департамента", но ни у кого не встретили поддержки. В то же время под нажимом общественного мнения Алжира и Франции правительство Франции вынуждено было все же согласиться на легализацию националистических партий в Алжире. В марте 1946 г. был создан Демократический Союз Алжирского Манифеста (УДМА), выступавший за автономию Алжира. Его доктрина сводилась к программе "алжирского обновления", просвещения, воспитания, "индустриального и научного вооружения". Лидер УДМА Ф.Аббас провозглашал, что его последователи — "федералисты, а не сепаратисты" [86].

Приверженцы идей Аббаса явно пытались заставить алжирцев забыть кровавые уроки мая 1945 г. и убедить их в возможности и даже необходимости франко-алжирского диалога, стремясь к национальному самоопределению Алжира путем реформ и сохранения связей с Францией. УДМА в июне 1946 г. получил на выборах в Учредительное Собрание Франции 11 депутатских мест из 13, предоставленных алжирцам, и 9 августа 1946 г. выдвинул свой проект конституции Алжира, предусматривавший создание автономной республики со своим парламентом и президентом в рамках федерации с Францией, двойное гражданство, гарантию алжирцам всех политических прав с сохранением контроля Франции над внешней политикой и обороной Алжира. Но этот проект, поддержанный лишь АКП, был отклонен, что явилось новым ударам по иллюзиям реформистской фракции националистов. Возможности лояльного сотрудничества с метрополией сужались [87].

В связи с провалом УДМА среди широких масс алжирцев стало расти влияние подпольной ППА. В ноябре 1946 г. на ее основе возникла новая партия МТЛД (Движение за торжество демократических свобод), которая, как и ППА, противопоставляла реформизму УДМА (и, в какой-то мере, АКП) национал-экстремизм социальных низов города и деревни. Но, вместе с тем, в тактике МТЛД появились и нюансы, связанные со стремлением действовать в рамках французских законов. Программа МТЛД предлагала решение алжирской проблемы передать на рассмотрение Учредительного собрания Алжира, а

отношения Алжира с Францией – определить в рамках двустороннего договора. На выборах в Национальное Собрание Франции 10 ноября 1946 г. партия получила 5 депутатских мандатов (из 15, предоставленных алжирцам). Реальное влияние ее было гораздо больше (если в 1945 г. выборы бойкотировали 47% алжирцев, то в 1946 г. ввиду призыва МТЛД к бойкоту выборов в ряде районов – 65%) [88]. Однако силы партии подрывала внутренняя борьба между "легалистами" (сторонниками парламентских методов во главе с номинальным президентом МТЛД Ахмедом Мазханой) и "революционерами" (ветеранами подполья ППА во главе с ее лидером 1941-1945 гг. Ламином Дабагином, выступавшими за насильственные методы борьбы). На 1-м съезде МТЛД в феврале 1947 г. быв заключен компромисс: партия осталась в рамках легальности, одновременно создав ОС – тайную спецорганизацию боевиков-подпольщиков. Над всеми тремя компонентами партии – ППА, МТЛД и ОС – высилась фигура "национального вождя" Мессали, носившего одновременно титулы президента ППА и почетного председателя МТЛД.

Свой вклад в развитие алжирского антиколониализма внесли и улемы, возобновившие свою деятельность весной 1946 г. после освобождения арестованного в мае 1945 г. их лидера Башира аль-Ибрахими (заменившего Бен Бадиса после его смерти в апреле 1940 г.). На своем съезде улемы потребовали прекращения вмешательства властей в дела мусульманского культа, освобождения всех арестованных в мае 1945 г., возобновления занятий в более чем 100 школах Ассоциации улемов, закрытых полицией в мае 1945 г. В 1947 г. улемы уже руководили 90 школами с 20 тыс. учеников, открыли в Константине институт Бен Бадиса на 700 студентов (будущих преподавателей арабского языка, служителей культа, теологов, мусульманских юристов и журналистов). В полемике МТЛД-УДМА улемы старались сохранить нейтралитет, идейно сочувствуя МТЛД, но тактически склоняясь к УДМА, среди руководителей которого были и улемы. От МТЛД улемов (как и многих других) отталкивали, помимо всего прочего, авторитарные замашки Мессали Хаджа, который вернулся к легальной деятельности в октябре 1946 г. и сразу же потребовал проведения плебисцита о будущей судьбе Алжира.

В деспотически управлявшейся Мессали Хаджем триединой партии кипела непрерывная персональная борьба лидеров, не прекращались трения между МТЛД, ППА и ОС (хотя некоторые, в том числе руководящие, активисты ухитрялись состоять

сразу в трех структурах). В 1947 г. из партии вышла группа Амара Имаша (бывшего генсека САЗ) принявшаяся разоблачать Мессали как "нового идола". Но Мессали изобразил Имаша и его друзей "пронацистами" (часть из них действительно в 1940-1943 гг. рассчитывала на помощь Германии), а затем избавился от наиболее опасного соперника — Л.Дабагина, свалив на него ответственность за майские события 1945 г. В дальнейшем он добился смещения Дабагина с поста казначея и вообще его исключения из партии как якобы лидера "берберистской" оппозиции. Такой оппозиции фактически не было, хотя многие кабилы (включая Дабагина) выражали недовольство показным панарабизмом и фанатичным панисламизмом Мессали. Как кабил с поста руководителя ОС был смещен Хосин Айт Ахмед, замененный арабом из Орании, бывшим адъютантом (старшиной) французской армии Ахмедом Бен Беллой.

В сентябре 1947 г. под давлением "сеньоров" Алжиру был навязан т.н. Органический статут, на деле сохранявший колониальный режим. Это явилось еще одним ударом по сторонникам сотрудничества с Францией. На муниципальных выборах в октябре 1947 г. 60% голосов алжирцев получило МТЛД [89]. В ответ власти лишь ужесточили репрессии. Даже формально предписания статута 1947 г. не соблюдались. Нарушения всех демократических свобод, фальсификация выборов, аресты патриотов были возведены в систему. Быстро прогрессировало обезземеливание крестьянства, безработица в городах приняла массовый характер. В этих условиях особенно остро воспринимались все проявления национального гнета, в том числе — дискриминация при приеме на работу и при оплате за равный с европейцами труд. Недовольство колониальным режимом стало принимать формы общенационального протеста: в 1947 г. в горных районах страны стали возникать партизанские отряды, в 1950 г. колонизаторы обнаружили в многих городах страны подпольную сеть революционных групп боевиков ОС. Это было закономерным результатом политики непримиримости и беззакония, проводившейся колониальными властями и делавшей невозможной планировавшуюся Аббасом и другими национал-реформистами "революцию путем закона" [90].

Результаты выборов в Алжирское собрание, проводившихся в апреле 1948 г., были грубо фальсифицированы. Избранными оказались всего 9 представителей МТЛД, 8 — УДМА и один представитель АКП. 102 делегата явились ставленниками колонизаторских кругов от ультрареакционеров до правых социалистов, а также — марионеток, никого не представлявших [91].

Фальсификация выборов и нарушение даже антидемократического Статута 1947 г. привели к окончательной утрате подавляющим большинством алжирцев надежд на выполнение их требований французскими властями.

"Алжир 1950 г., – признает современный французский историк Патрик Эвено, – был гораздо ближе к сегрегации в Соединенных Штатах или к южноафриканскому апартеиду, нежели к республиканскому идеалу". К алжирским патриотам применяли статью 80-ю французского уголовного кодекса, предусматривавшего заключение в тюрьму на 10 лет за "покушение на целостность французской территории". В тюрьму было брошено до 30 тыс. алжирцев. Организовывались карательные экспедиции в сельские районы, в которых были сильны национальные партии, особенно МТЛД. Продолжались незаконные аресты, пытки, вмешательство в дела мусульманского культа, удушение национальной культуры алжирского народа.

В 1948 г. потребление алжирца, в среднем составило, по данным ООН, менее двух третей жизненного минимума. 50% детей алжирцев умирало в возрасте до 5 лет. Школу посещали все дети европейцев (200 тыс. чел.) и столько же детей алжирцев, хотя последних было 2400 тысяч, т.е. в 12 раз больше. На 9 млн. жителей Алжира приходилось около 1,5 млн. частично и полностью безработных, т.е. 1/6 часть всего населения. Около 400 тыс. алжирцев были вынуждены в поисках работы эмигрировать во Францию. Продолжалось разорение крестьянства: половину постоянно занятых в сельском хозяйстве составляли безземельные издольщики или малоземельные бедняки. Средний годовой доход алжирского крестьянина (около 21 тыс. франков) был в 11 раз ниже среднего дохода жителя Франции (240 тыс. франков). В то же время росли доходы европейских колонистов и увеличивалась концентрация земель в их руках. В 1954 г. на каждого колониста в среднем приходилось по 124 га, на каждого алжирского землевладельца – по 12 га. Прибыли 24 крупнейших компании Алжира, принадлежавших французским монополиям или местным европейским магнатам, выросли в 1947-1953 гг. примерно в 14 раз [92].

Усиление социально-политической напряженности стимулировало антиколониальную борьбу. Дальновидные проводники колониальной политики Франции, например, генерал-губернатор Марсель-Эдмон Нежлен, понимали это. Его полиция сумела раскрыть в марте-апреле 1950 г. часть подпольных структур ОС и арестовать 363 боевика ОС (примерно их треть) во главе с их лидером Бен Беллой [93]. Руководство МТЛД

малодушно отмежевалось от арестованных, официально объявив о роспуске ОС и якобы “отсутствии” под прикрытием МТЛД нелегальной ППА. Большинство арестованных были осуждены на разные сроки тюремного заключения в 1951 г., однако в 1952 г. наиболее видным из них (самому Бен Белле, его ближайшему помощнику Махсасу, лидеру ОС области Ауреса и члену ЦК МТЛД Мустафе Бен Булаиду, крестьянскому вожаку Юсефу Зигуту) удалось бежать. Многие секции ОС, оставшись нераскрытыми, заморозили свою деятельность. Выехавшие в эмиграцию лидеры ОС (Мухаммед Хидер и Хосин Айт Ахмед, Бен Белла и Махсас) образовали нечто вроде руководства ОС в Каире, постоянно соперничая здесь с официальными представителями МТЛД.

17 июня 1951 г. колониальная администрация провела очередную инсценировку “выборов” депутатов от Алжира в парламент Франции. В ответ на это 25 июля 1951 г. быв создан Алжирский фронт защиты и уважения свободы, в состав которого вошли АКП, МТЛД, УДМА и Ассоциация улемов, некоторые независимые общественные деятели. В их совместной декларации клеймилось грубое нарушение прав алжирского народа колониальными властями и провозглашались цели фронта: аннулирование фальсифицированных выборов, обеспечение свободы волеизъявления избирателей, гарантия основных демократических свобод, прекращение всех форм репрессий и вмешательства французской администрации в дела мусульманского культа. Был создан постоянный секретариат фронта и его местные комитеты, проведен ряд совместных митингов и демонстраций. Фронт явился первым в истории страны опытом союза различных социально-политических группировок мусульман и европейских демократов.

Идеологические и тактические разногласия между участниками фронта, попытки “либералов” (группы европейских “неоколониалистов” во главе с богатейшим промышленником страны Жоржем Блашеттом и мэром г.Алжир Жаком Шевалье, весьма искусным демагогом) привлечь на свою сторону зажиточные слои алжирцев-горожан привели к развалу Алжирского фронта: в мае 1952 г. его покинули сторонники УДМА, а в ноябре 1952 г. — приверженцы МТЛД. Тем не менее, деятельность Алжирского фронта оказала влияние на дальнейшее развитие антиколониального движения, обогатив его опытом совместных действий и учета интересов разных общин и социальных групп [94].

АКП дольше всех других партий пыталась продлить жизнь Алжирского фронта. Она ориентировалась на марксистски мыслившую часть алжирской интеллигенции, в основном – воспитанную во французских школах, и европейцев-рабочих, традиционно поддерживавших левые партии. Но именно эти социальные силы оказались в стороне от национального движения, все более усиливавшегося в Алжире по мере выявления утопичности всех надежд на отказ Франции от политики колониализма. К тому же, алжирских мусульман все более и более стала раздражать теория Мориса Тореза о якобы единой "формирующейся алжирской нации, богатой вкладом всех своих сынов при различии их происхождения и счастливом сочетании западной и восточной цивилизаций" [95]. Возможно, эта формула и имела бы успех в иных обстоятельствах. Но в условиях колониального режима и фактического неравенства алжирцев и европейцев она была иллюзорна. Экономическая, культурная, политическая сегрегация алжирцев была неоспорима. И это работало против АКП. Ее роль, в сущности, свелась к определенному влиянию на другие партии. В частности, лидеры УДМА в апреле 1949 г. признали свою приверженность марксизму и его методам социального анализа. УДМА, к тому же, очень высоко оценивал опыт решения национального вопроса в СССР [96]. Влияние АКП на МТЛД (а еще раньше на ППА) наиболее отчетливо выступило в решениях второго съезда МТЛД об аграрной реформе, национализации "крупных средств производства", свободе профсоюзов и признании европейцев "частью алжирского народа". Тогда же партия высказалась "за свободный Алжир, в котором не будут править одни капиталисты" [97]. Однако теория и практика у МТЛД редко совпадали.

После распада Алжирского фронта националистические партии были охвачены кризисом, причины которого коренились в идейном разброде и замешательстве, вызванных несоответствием применявшихся методов борьбы возросшему политическому опыту масс. Часть националистов (особенно сторонники УДМА) склонялись к реформизму, "аполитизму" и "выжиданию". Противоречие между такой практикой и официальными лозунгами (особенно МТЛД) дезориентировало многих рядовых националистов. В то же время некоторые из них обнаруживали нетерпение и склонность к экстремизму, чему в немалой степени способствовали события 1951-1952 гг. в Египте, вооруженная борьба тунисских партизан в 1952-1954 гг., широкий размах патриотического движения в Марок-

ко в 1951-1955 гг., но особенно поражение французской армии во Вьетнаме весной 1954 г. Для молодых алжирцев, особенно для служивших во французских войсках во Вьетнаме, это явилось аргументом в пользу перехода к революционным методам борьбы. Начавшаяся с 1953 г. поддержка со стороны Египта и отступление Франции в Тунисе, где в июле 1954 г. новый французский премьер Мендес-Франс вынужден был признать внутреннюю автономию страны, стимулировали этот переход. Но совершался он с большим трудом и постепенно. Антиколониальные партии Алжира, еще не забывшие май 1945 г. и привыкшие лишь к мирным формам борьбы, медлили.

Наиболее глубоко кризис потряс партию МЛТД. Тактические и идейные разногласия внутри этой партии определялись пестротой и эволюцией ее социального состава. В 1948-1954 гг. МЛТД стало главной националистической партией Алжира, массовую базу которой составляли самые широкие слои алжирцев, но идеологическое и политическое руководство находилось в руках "старой гвардии" ветеранов САЗ и ППА во главе с Мессали Хаджем, который цеплялся за устаревшие методы борьбы и стремился установить в партии свою личную диктатуру. Съезд МТЛД в апреле 1953 г. высказался за выработку социально-экономической программы и "серьезной теории", отказался от примитивного национализма Мессали и ограничил его власть новым демократическим уставом. Саботируя выполнение решений съезда, Мессали вступил в борьбу с большинством руководства партии, что привело к расколу МЛТД осенью 1953 г. – летом 1954 г. на "мессалистов" и "централистов" (сторонников ЦК партии). Обе фракции поливали друг друга грязью, дрались за обладание партийной кассой, помещениями и другим имуществом [98].

Ни "мессалисты", ни "централисты" не могли вывести национальное движение из кризиса. "Мессалисты" были слишком консервативны и невежественны, слишком привержены сектантству и культу "единственного вождя". Считая, что вполне, как говорил Мессали, "достаточно борьбы за независимость", они играли объективно реакционную роль, так как спекулировали на культурной отсталости и религиозных предрассудках городских низов и сельской бедноты, чем тормозили развитие политического и гражданского самосознания алжирцев. Более современные и европеизированные "централисты" были, в свою очередь, слишком привержены реформизму и оппортунизму, слишком охотно отступали на позиции "аполитизма" и "выжидания", с готовностью сотрудничая с "либе-

ралами"-неоколониалистами типа Блашетта и Шевалье. Во многом это объяснялось обуржуазиванием "централистов": к тому времени членами МТЛД были десятка два предпринимателей, многие активисты партии были их адвокатами, делопроизводителями, служащими, а лидер "централистов" Абд ар-Рахман Киуан совмещал функции секретаря ЦК МТЛД и директора крупной торговой компании "Аль-Амаль", объединявшей самых богатых алжирских коммерсантов [99].

Тупик, в котором оказались легальные антиколониалисты после 1952 г., остро ими переживался. Личный состав УДМА сократился за это время с 7 тыс. до 3 тыс. чел. [100]. "Легальные и прогрессивные пути были перекрыты", — так писал потом Ф.Аббас об этом периоде [101]. Ассоциация улемов также начала терять влияние: некоторые ее школы были закрыты, часть низовых кадров пострадала от арестов и высылок, примерно 50 школ из 170 оказались под влиянием более последовательных националистов ППА-МТЛД [102]. Председатель Ассоциации шейх аль-Ибрахими выехал на Ближний Восток и в дальнейшем отошел от политической жизни. И хотя в 1954 г. в стране насчитывалось уже более 50 тыс. выпускников школ улемов, столько же в них обучалось, а в созданных ими кружках и обществах еще 200 тыс. человек изучали арабский язык, ислам и историю Алжира, улемы готовили их не для себя [103]. Объективно получилось так, что АКП готовила кадры, закаленные в социальной борьбе (рабочих, учащихся, актив профсоюзов), УДМА — интеллектуальную и культурную элиту из буржуазии и средних слоев, улемы — идеологов и носителей арабо-исламской традиции. Никто из этих партий не стал, да и не мог стать гегемоном освободительного движения.

Этот гегемон постепенно сформировался из наиболее революционной фракции ППА-МТЛД. Ее основу составили боевики ОС, уцелевшие после репрессий 1950 г. В марте 1954 г. они образовали Революционный комитет единства и действия (РКЕД) с целью примирить "мессалистов" и "централистов". Не добившись этого, РКЕД формально самораспустился, на деле возглавив единую сеть ячеек ОС и некоторых секций МТЛД, не примкнувших ни к каким фракциям. В июне 1954 г. 22 делегата этих ячеек и секций избрали Революционный совет из 5 человек. В августе в совет был введен Белькасем Крим, партизанивший в горах Кабилии с 1947 г., бывший капрал французской армии. В 1954 г. у него было уже 2200 бойцов [104]. Они вместе с боевиками ОС и образовали вооруженные силы приближавшейся революции.

ГЛАВА 6

НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1954–1962 ГГ.

Поражение французской армии под Дьен-Бьен-Фу во Вьетнаме в мае 1954 г. и последующий вынужденный уход Франции из Индокитая, начавшийся летом 1954 г. вывод британских войск из Египта, поднявший авторитет Гамаля Абдель Насера как "чемпиона арабского национализма", успех националистов Туниса, добившихся внутренней автономии, и усиление вооруженной борьбы патриотов Марокко создали новую ситуацию на мировой арене. Осенью 1954 г. Лига арабских государств (ЛАГ) подтвердила свою поддержку борьбе за независимость Алжира, как и других стран Магриба. В тоже время во Франции либеральный кабинет Пьера Мендес-Франса, задумавший обновление и даже "перестройку" отношений метрополии с колониями, не оправдал возлагавшихся на него надежд и уступил нажиму ультраколонистов. Оставалось лишь, по словам Ф.Аббаса, "решение с помощью пулеметов" [1].

Всесторонней подготовкой этого решения и занималась "внешняя делегация" МТЛД в Каире. Входившие в ее состав (и, впоследствии, в Революционный совет) лидеры ОС Ахмед Бен Белла, Хосин Айт Ахмед и Мухаммед Хидер занимались закупками вооружения, снаряжения и техники, военным обучением алжирцев-эмигрантов в арабских странах, пропагандой и, что оказалось в дальнейшем весьма сложным, дипломатическим обеспечением готовившегося восстания. Египтяне стремились к созданию единого командования всеми силами патриотов Магриба. В 1954 г., этот вопрос стал особенно актуальным, так как в Тунисе повстанцы уже добились своего, но оружие сдавать не спешили. В свою очередь у алжирских подпольщиков были (например, в Ауресе) специальные лица, ведавшие "связями с тунисскими братьями" [2]. По утверждению Ле Турно, партизаны Туниса "время от времени снабжались на алжирской территории" [3]. Алжирские подпольщики во многом обладали опытом патриотов Туниса и Марокко вследствие участия в некоторых операциях на территории соседних стран или совместного обучения в военных лагерях Египта и Ливии. Установив контакт с "внешней делегацией", Революционный совет форсировал подготовку восстания.

Члены совета разделили территорию страны на вилайи (области или округа) — №1 (Аурес) во главе с Бен Булаидом, №2 (север Константины) — с Мурадом Дидушем, №3 (Кабилия) — с Б.Кримом, №4 (г.Алжир) — с Р.Битатом, №5 (Орания) — с М.Ларби Бен Мхиди. Координацией и связью с зарубежьем ведал М.Будиаф, по некоторым данным он же был председателем совета [4].

В ночь на 1 ноября 1954 г. в 30 пунктах страны произошло свыше 100 нападений и актов саботажа. Были убиты семь французов, захвачены несколько комиссариатов полиции, ранены офицер и два полицейских, разрушены некоторые здания администрации, атакованы военные казармы, предприятия, склады [5]. Это явилось первой скоординированной операцией Фронта национального освобождения (ФНО), образованного сплотившимся вокруг Революционного совета политическим активом. Военная ветвь ФНО стала называться Армией национального освобождения (АНО). Повстанцы установили контроль над рядом районов в горных массивах Ауреса и Кабилии, совершали нападения на учреждения колониальной администрации, французских солдат и полицейских. Население единодушно поддержало патриотов. К концу ноября 1954 г. АНО в горах насчитывала до 3 тыс. человек. В течении последующих месяцев многие алжирцы, особенно бедные крестьяне горных районов и патриотически настроенная молодежь городов, вступили в ряды АНО. К концу 1955 г. в ее рядах сражалось до 15-20 тыс. бойцов [6].

В первые же дни революции среди населения был распространен манифест ФНО, в котором формулировалась основная цель повстанцев: "Достижение национальной независимости, т.е. во-первых, создание алжирского правительства, во-вторых, уважение всех основных свобод без различия расы и религии". ФНО призывал алжирцев "мобилизовать все здоровые силы на ликвидацию колониального режима", требовал от правительства Франции признания алжирской нации и отказа от всех законов или действий, "делающих Алжир французской землей вопреки истории, географии, языку, нравам и обычаям алжирского народа". Все спорные проблемы ФНО предлагал решить путем переговоров "на основе равенства и взаимного уважения" [7].

Слишком общие формулировки манифеста объяснялись вполне очевидным стремлением привлечь к ФНО как можно больше сторонников. Более коротким и ясным был текст призыва АНО, распространенный тоже 1 ноября 1954 г.:

"Алжирский народ! Подумай о своем унизительном положении колониально угнетенного. При колониальном режиме справедливость, демократия и равенство всего лишь фальшь и обман. Ко всем бедам также надо добавить крах партий, которые тебя будто бы защищают. Мы призываем тебя плечом к плечу с нашими братьями на востоке и на западе вернуть себе свободу ценой собственной крови. Действуй на стороне сил освобождения, которым ты должен предоставить помощь, содействие и укрытие. Неучастие в борьбе — преступление. Сопротивление ей — предательство.

Бог — с борцами за правое дело, и никакая сила не может отныне их остановить, кроме смерти со славой или национального освобождения. Да здравствует Армия освобождения! Да здравствует независимый Алжир!" [8]

В Алжир были переброшены крупные соединения французской армии, оснащенные тяжелым вооружением, и батальоны военных парашютистов, авиационные и танковые части. Колонисты вновь стали создавать свои отряды вооруженной милиции, действовавшие совместно с полицией, жандармерией и отрядами наемников-мусульман. Жестоко расправляясь с мирным населением, они разрушали деревни и осуществляли массовые депортации жителей, стремясь изолировать их от повстанцев. 5 ноября 1954 г. была запрещена деятельность обеих фракций МТЛД. Лидеры и активисты фракций подверглись арестам.

Потери повстанцев в первые месяцы 1955 г. были значительны, тем более, что они тогда еще были плохо вооружены и не имели опыта борьбы с современной армией. Особенно чувствительны для АНО были утраты командиров: в январе 1955 г. погиб командир вилайи №2 Мурад Дидуш — один из самых самоотверженных организаторов восстания, в феврале французы перехватили возвращавшегося из Ливии (куда он ездил за оружием) командира вилайи №1 Мустафу Бен Булаида, в марте 1955 г. был арестован в г.Алжир командир вилайи №4 25-летний рабочий и ветеран ОС Рабах Битат (в 1977-1991 гг. — председатель Национального Народного собрания Алжира), которого за смелость и дерзость даже враги прозвали "Фантомасом столицы". Все эти потери способствовали некоторому спаду повстанческой борьбы в апреле — мае 1955 г. почти всюду в Алжире, за исключением Кабилии, где ФНО значительно укрепил свое влияние и стал налаживать контакты с лидерами национальных партий. Большую роль в выработке этой тактики и распространении влияния Кабилии (вилайи

№3) на другие районы сыграл Аббан Рамдан, активист ППА с 1945 г., арестованный по делу ОС в 1950 г. и сразу после освобождения в 1955 г. примкнувший к ФНО. Быстро выдвинувшись в руководстве вилайи №3, он стал одним из наиболее ярких и талантливых вождей алжирской революции.

Наряду с усилением военно-полицейских репрессий весной 1955 г. французские власти прибегали к политическим маневрам. Новый (с января 1955 г.) генерал-губернатор Алжира Жак Сустель выдвинул план "интеграции" Алжира, т.е. слияния его с Францией. Этот план предусматривал ряд экономических и социальных мероприятий, а также — второстепенные административные реформы с целью "умиротворить" алжирцев. Однако после начала вооруженного восстания подобные незначительные уступки были явным паллиативом. Не дал результатов и маневр с освобождением примерно 2 тыс. политзаключенных, в том числе — большинства ранее арестованных активистов МТЛД, и попыткой противопоставить их ФНО. Почти все они примкнули к ФНО, а фракция "централистов" самораспустилась в ноябре 1955 г. и влилась в ряды ФНО почти в полном составе. Что касается улемов, то их административный совет еще в ноябре 1954 г. решил: "Мы с революцией... Настал час, назначенный аллахом, следовать благородным путем к победе или гибели со славой" [9].

20 августа 1955 г. повстанческое движение охватило до 40 городов и селений на северо-востоке страны [10]. Патриоты во главе с ветераном ОС Юсефом Зигутом в результате внезапного удара нанесли карателям и застигнутым врасплох колонистам большие потери. Были убиты 71 француз (в том числе — многие колонисты на разгромленных повстанцами фермах) и 62 алжирца — коллаборациониста. Ответный удар карателей был исключительно жестоким: до конца августа по всей территории северо-востока было убито, по данным ФНО, до 12 тыс. алжирцев. Несмотря на тяжелые потери, повстанцы своей цели достигли: август 1955 г., по мнению французского исследователя Ива Курьера, привел к "четкому и откровенному разрыву", ибо "страх объял европейцев" и "впервые вся страна стала жить в атмосфере войны" [11].

Юсеф Зигут, до вступления в ОС — простой кузнец, обогатил тактику партизанской войны методом привлечения "мусабилей" ("попутчиков"), т.е. вспомогательных бойцов (в отличии от "муджахидов" — регулярных бойцов АНО). "Мусабилями" были добровольцы — крестьяне, после завершения какой-либо операции обычно возвращавшиеся к мирному

труду. К ноябрю 1955 г. в этом регионе были сожжены 67 из 90 имевшихся здесь ферм колонистов [12]. Организованная в ответ на это "охота за мятежниками" при участие вооруженных отрядов колонистов вылилась в истребление мирного населения целых деревень.

В сентябре 1955 г. резко активизировались повстанцы на западе страны, где они объявили 1 октября 1955 г., что "вся Орания присоединяется к своим борющимся братьям". По призыву ФНО даже правые делегаты Алжирского Собрания во главе с Бен Джаллулом и католиком-кабилом Ульд Аудиа, ранее послушно следовавшие указаниям французских властей, отказались от участия в работе Собрания и создали совместно с делегатами от УДМА "группу 61", в которую вошли также некоторые мусульманские депутаты и сенаторы из Алжира. В принятой 26 сентября 1955 г. резолюции "группа 61" осудила план "интеграции" и высказалась за "алжирскую национальную идею". Это свидетельствовало об отказе даже наиболее консервативных кругов от профранцузских позиций. Многие муниципальные советники и чиновники – алжирцы стали подавать в отставку в знак протеста против политики колонизаторов. В январе 1956 г. Ассоциация улемов заклеймила французский империализм и потребовала от правительства Франции начать переговоры с повстанцами, а Ф.Аббас от имени УДМА заявил о поддержке ФНО. Ранее он сказал Сустелю: "Все храбрые люди взялись за оружие. Трусы же разговаривают с административными властями" [13].

Крах сторонников старой колониальной политики на выборах в Национальное собрание Франции 2 января 1956 г. привел в власти правительство социалиста Ги Молле. В его декларации признавалась "алжирская индивидуальность" и содержалось обещание решить будущее Алжира путем переговоров. Однако, под нажимом ультраколонистов, 6 февраля 1956 г. организовавших 20-тысячную манифестацию против приехавшего в Алжир премьера, Ги Молле, освистанный, забросанный камнями и гнилыми помидорами, отступил. В речи по радио он объявил, что "Франция будет сражаться за то, чтобы остаться в Алжире и она здесь останется". После этого он назначил министром-резидентом в Алжире проколониалистски настроенного социалиста Робера Лакоста. Тот продолжил курс на подавления восстания, пытаясь также привлечь алжирцев на свою сторону декретами об обязательном повышении доли издольщиков-алжирцев при распределении урожая, о повышении зарплаты и т.д. Но эти меры ничего не

дали. Численность французской армии в Алжире была доведена до 350 тыс. человек. Повсюду были созданы "специализированные административные секции" (САС) во главе с офицерами разведслужбы, которые ввели антиповстанческую пропаганду, сколачивали из верных мусульман "отряды самообороны", распределяли жилье и продукты, ведали образованием и медицинской помощью [14].

УДМА и Ассоциация улемов официально примкнули к ФНО в апреле 1956 г., а их лидеры (Фархат Аббас и Тауфик аль-Мадани) вошли в руководство ФНО (еще раньше в него вошли бывшие "централисты" Бен Юсеф Бен Хедда, Саад Дахлаб, Мухаммед Язид). Вне рамок национального единства остались лишь мессалисты, объявившие ФНО "оплотом буржуазии" и "кабильского расизма". Вступив в 1955 г. в ожесточенную политическую и вооруженную борьбу с ФНО, они к 1958 г. утратили почти все позиции внутри Алжира, но еще сохраняли вплоть до 1961 г. некоторое влияние среди алжирцев во Франции. В течении всей войны 1954-1962 гг. ФНО именовал мессалистов не иначе, как "сбродом мошенников, шпионов и предателей" [15]. Маниакальная страсть Мессали быть любой ценой "отцом нации" привела его к политическому банкротству.

Во французской историографии последних лет и мемуарах некоторых деятелей алжирской эмиграции заметна тенденция к пересмотру ранее негативной оценки Мессали Хаджа и его политики. Характерно, что бывший первый президент Алжира Ахмед Бен Белла, в 1954-1962 гг. активно боровшийся с Мессали и считавший его "по бороду погрузившимся в болото инертности" [16], в 1982 г. написал предисловие к мемуарам Мессали, где заявил, что именно Мессали алжирцы обязаны "фантастическим пламенем ноября 1954 г.", а также – "национализмом, не отошедшим от Бога, как на западе, а выросшим из наших верований и оплодотворенным нашей верой в Аллаха". Ш.-А.Жюльен в послесловии к тем же мемуарам называет Мессали "отцом алжирского национализма" и пишет о его "способности выразить глубокие чаяния алжирского народа словом, пером и действием", а Ш.-Р.Ажерон, хоть и опровергает некоторые обвинения Мессали в адрес ФКП, но все же в целом берет его под защиту в споре с ФКП. М. Харби (порвавший с ФНО, в котором он занимал заметное положение в 1954-1965 гг.) пишет, что ФНО хотел "разрушить образ Мессали как сторонника вооруженной борьбы и вождя глубоко укоренившейся в народе организации", для чего прибегал к

“личной клевете, военным нападениям и фальсификации истории”. По мнению Харби, Мессали в борьбе с “исключительностью ФНО стал побежденным сторонником политического плюрализма”. Но он вынужден признать: “Политическая ошибка Мессали, рожденная непримиримостью ФНО, позволила французским властям разъединить национальные силы и сфабриковать фальшивую альтернативу вооруженной революции” [17]. Как не вспомнить слова Сустеля в ноябре 1955 г.: “Мессали – моя последняя карта” [18]. Не умаляя действительных заслуг Мессали как основателя ППА и МТЛД, все же следует согласиться с мнением руководства АКП, охарактеризовавшего мессализм в 1960 г. как “открытую контрреволюционную, антинациональную позицию, соглашательство с колониалистами” [19].

Немало ошибок допустила и АКП. Недооценив в начале значение перехода к вооруженной борьбе и не поняв ее подлинного масштаба, партия, тем не менее, быстро нашла свое место в этой борьбе. Уже с ноября 1954 г. она установила контакты с повстанцами и оказала им всевозможную поддержку. По всей стране АКП организовала массовое движение солидарности с ФНО, сбор оружия, медикаментов и денежных средств для него, а в городах – даже снабжение подполья ФНО боеприпасами. После пленума ЦК АКП в июне 1955 г. был взят курс на активное участие в вооруженной борьбе и создана военная организация “Борцы за освобождение” во главе с А.Герруджем (в 9 городах) и отряды “красных маки” в долине Шелифа (на западе Алжира). В связи с этим в ноябре 1955 г. деятельность АКП была запрещена колониальными властями. В подполье АКП продолжала нелегально издавать газету “Либертэ”, позднее наладила выпуск журналов “Реалитэ альжерьенн э марксисм” и “Аль-Джазаир аль-Муджахида”, вела работу среди французских солдат, убеждая их не воевать против алжирцев.

В мае-июне 1956 г. по соглашению между АКП и ФНО партизаны АКП влились в ряды АНО. Сохранив независимость, АКП объединила тем не менее свои политические и военные усилия с усилиями ФНО. Из 8 членов ЦК партии, вступивших в АНО, 4 (Талеб Буали, Тахар Гомри, Лаид Ламрани, Мухаммед Герруф) погибли в боях, 21 из 40 членов ЦК АКП, включая 8 из 12 членов Политбюро, прошли через колониалистские застенки, тюрьмы и концлагеря [20]. А казненные колонизаторами коммунисты-европейцы Анри Майо, Морис Одэн и Фернан Ивтон, как и вынесший чудовищные пытки

Анри Аллег, были признаны, наряду с многими павшими в боях выдающимися алжирскими патриотами, национальными героями алжирской революции.

Присоединение АКП к революции проходило далеко не гладко. Коммунисты впоследствии признавали, что неосведомленность о подлинном характере и целях ФНО рождала в их среде "интенсивные споры, частично связанные с самим составом партии, на одну треть состоящей из европейцев, преимущественно горожан". Их колебания были вызваны также "резким обострением борьбы и ее формами" [21]. Жестокие расправы националистов с европейцами (в том числе — с коммунистами, пытавшимися вступить в отряды АНО) всячески расписывались и преувеличивались колониалистской пропагандой, что объективно лишало ФНО поддержки значительной части общественного мнения во Франции и в Алжире. Впоследствии эти драматические коллизии получили отражение в алжирской художественной литературе, в частности в романе известного писателя Ат-Тахира Ваттара "Туз".

Пользуясь помощью АКП (деньгами, продовольствием, одеждой, медикаментами, оружием, похищенным с армейских складов), ФНО старался не афишировать ее и вообще скрывал свои контакты с АКП, отрицал наличие соглашения 1956 г. с ней, говорил даже о ее якобы "отсутствии" в борьбе, хотя известно, что только в районе Тлемсена на западе страны в боях приняли участие большинство из примерно 1 тыс. крестьян-членов АКП. Вызывалось это не только давним недоверием националистов к АКП и антикоммунизмом многих руководителей ФНО, но также их опасениями, что в США, Западной Европе или арабских странах ФНО могут счесть "находящимся по влиянием коммунистов" [22].

Удивительно, но и французы, и ФНО опасались, что АКП повторит в Алжире "опыт революционной войны" во Вьетнаме. На самом деле, у АКП не было на это ни средств, ни возможностей ввиду ее малочисленности и отсутствия массовой опоры в мусульманской среде. Кроме того, как отмечает Шарль-Робер Ажерон, "двойная принадлежность к ФНО и АКП запрещалась". Аббан Рамдан осенью 1955 г. говорил, что ФНО хочет лишь независимости в отличие от китайцев, которые хотят еще и "социалистической революции". А другой лидер ФНО, Бен Хедда, уверял, что в Алжире идет "война за независимость, а не революция в классическом смысле этого слова". Далеко не всем руководителям ФНО хватало политической искушенности и достоинства Ф.Аббаса, давшего

умелый ответ на инсинуации в адрес ФНО: "Всем известно, что мы не коммунисты, но мы предпочли бы быть свободными алжирскими коммунистами, чем оставаться под иностранным господством" [23]. По данным ФНО, к 1956 г. численность АНО достигла 60 тыс. бойцов (как считает Ш.-Р.Ажерон, численность АНО никогда не превышала 46 тыс. человек, которые составляли в 1956 г. 85 батальонов, в 1958 г. — 37, в 1960 г. — 121 батальон) [24]. Ее активность распространялась уже на 2/3 территории страны. Количество "инцидентов" (т.е. боевых операций, актов саботажа, отдельных покушений) выросло с 998 в ноябре 1955г. до 2624 в марте 1956г. и 2837 в июле 1956 г. (в 1956 г. бойцы АНО и подпольщики ФНО убили 527 французов, в том числе — солдат, служащих и колонистов, и 3569 алжирцев, виновных в предательстве или пособничестве властям; всего к августу 1956г. было убито за коллаборационизм, отказ поддержать ФНО и "оскорбления Аллаха" 13205 алжирцев) [25].

В связи с ростом численности АНО и расширением масштаба ее операций выявилась необходимость большей координации действий различных вилай, а внутри вилай — зон и отрядов. Резко возросшая мощь французской армии также требовала согласованности действий, маневренности и организованности повстанцев. В августе 1956 г. в долине Суммам (в области Кабилии) состоялся съезд повстанческих командиров и руководителей ФНО. На съезде были утверждены структура и система командования АНО, принята политическая платформа — главный программный документ ФНО до 1962 г. Был избран руководящий орган — "Национальный совет алжирской революции" (НСАР) в составе 34 человека (в августе 1957 г. состав НСАР был расширен до 54 человек), а при нем — КИК, т.е. Координационно-исполнительный комитет из 5 руководителей — "национального политического комиссара" Аббана Рамдана (главного организатора Суммамского съезда), командиров вилай Юсефа Зигута (№2), Белькасема Крима (№3), Ларби Бен Мхиди (№5) и профсоюзного лидера Айсата Идира. Вскоре арестованного Идира и погибшего Зигута заменили привлеченные Аббаном лидеры "централистов" — Бен Юсеф Бен Хедда (бывший генсек МТЛД) и Саад Дахлаб.

Съезд провозгласил целями ФНО создание в Алжире независимой "демократической и социальной" республики, проведение аграрной реформы, мобилизацию всех сил народа в рядах примыкавших к ФНО массовых организаций рабочих, студентов, торговцев, ремесленников. Признавалось необходимым

вынести алжирскую проблему на обсуждение мирового общественного мнения, гарантировать экономические и культурные интересы европейцев Алжира, установить между Францией и Алжиром новые отношения на основе равенства и взаимного уважения. Выступая за переговоры с правительством Франции на основе признания права Алжира на независимость, ФНО заявил в Суммамской платформе, что "будет рассчитывать в своей борьбе на все антиколониальные силы, даже если они не находятся под его контролем", счел ошибкой "валить в одну кучу всех алжирцев европейского происхождения", выступив за "подлинное равенство между всеми гражданами единой родины без всякой дискриминации". Аграрную реформу ФНО понимал как "патриотическое решение проблемы нищеты в деревне" и ориентировал созданный им в феврале 1956 г. профцентр (Всеобщий союз алжирских трудящихся — ВСАТ) на "наиболее эксплуатируемые слои рабочих и батраков", на вовлечение в забастовочное движение и борьбу за "социальную справедливость" всех трудящихся без различия происхождения. Справедливости ради, надо отметить, что упор на "интернационализм" и "социальность", даже прямое отрицание в платформе религиозного характера борьбы ФНО во многом носили скорее теоретический, чем практический характер. Газеты и сотни листовок ФНО на арабском языке открыто заявляли о его "приверженности принципам ислама", обещали "победу Аллаха" и заверяли: "Аллах с нами!" В большинстве отрядов АНО обязательными были коллективные молитвы по пятницам. Сама терминология ФНО была исламской — "муджахид" (борец за веру), "мусабиль" (сопутствующий муджахиду), "фидай", т.е. боевик-подпольщик (буквально — "жертвующий собой", подразумевалось — за веру), "шахид" (мученик), как назывались все погибшие бойцы АНО. В некоторых вилайях почти в каждом подразделении были "муршиды" (наставники), выполнявшие функции духовных учителей и воспитателей почти как в суфийских братствах дервишей.

Подвергнув уничтожающей критике мессализм, лидеры ФНО в Суммаме столь же яростно обрушились на АКП, обвиняя ее руководство в отрыве от народа, неспособности "правильно анализировать революционную ситуацию" и отрицании революционности крестьянства, подчиненности ФКП и "вере в невозможность национального освобождения Алжира до победы пролетарской революции во Франции". Авторы платформы даже считали, что "АКП исчезла как серьезная организация ввиду преобладания в ее рядах европейских элементов, перед

лицом вооруженного сопротивления проявивших всю противоречивость своих искусственных представлений об алжирской нации" [26].

С лета 1956г., т.е. с началом массового ухода к партизанам в горы молодых горожан и студентов, лидеры ФНО стали особенно опасаться влияния АКП. "Вас боятся даже тогда, когда вас мало" — сказал Аббан Рамдан руководителям подпольной АКП Б.Хаджу Али и С.Хаджересу. А внешние лидеры ФНО (М.Хидер) еще в феврале 1956 г. дали директиву "пресекать всякую попытку проникновения коммунистических доктрин" [27].

Были и другие, более субъективные причины. Одним из авторов платформы был Амар Узган, бывший генсек АКП, исключенный в 1948 г. из ее рядов и с тех пор сблизившийся с националистами. Он, привлеченный Аббаном как "теоретик" , к июню 1956 г. "расширил до 40 страниц свою ранее записанную на 10 страницах схему идейно-политических целей восстания" [28]. И ему, и Аббану, и, по некоторым данным, третьему автору платформы Бен Хедде (старший брат которого был членом ЦК АКП) были свойственны получившие отражение в тексте и знакомство с марксизмом, и нелюбовь к АКП.

До настоящего времени бытуют самые разные оценки Суммамского съезда. Ахмед Бен Белла в 1963-1964 гг. говорил, что съезд дал революции "бюрократический и бумагомарающий аппарат, постепенно отрывавшийся от реальности борьбы" и ввел в руководство "политических деятелей, всегда выступавших против перехода к вооруженной борьбе и без колебаний публично осуждавших наши действия после 1 ноября" [29]. Позднее Хуари Бумедьен прямо указал на то же самое: "Негативный аспект съезда в Суммамме — это вхождение в руководство ФНО бывших лидеров улемов, "централистов" или нотаблей УДМА, по которым 1 ноября прозвонил колокол. Надо было бы дать революции созреть, что облегчило бы выдвижение новых кадров из рядовых бойцов. Это позволило бы избежать многих кризисов" [30]. Несмотря на все недостатки, съезд в Суммаме, как указывалось в Алжирской Хартии ФНО 1964г., "дал ФНО — АНО структуры, платформу и руководство" [31]. Возникшая после него по всей стране подпольная сеть политико-административной организации (ПАО) аппарата ФНО стала по мнению французских генералов "подлинной нервной системой восстания" [32].

Структуру ПАО образовывали комитеты ФНО различного уровня (вилайи, зоны, района, сектора) во главе с полит-

комиссарами, а в основании всей структуры находились созданные ПАО органы управления в дуарах (или фракциях племен там, где они сохранились) — "комитеты трех" (председатель, его политический и административный помощники) и "народные собрания" из 5 человек: председателя — члена "комитета трех", уполномоченных по финансам (по сбору налога в пользу ФНО и распределению средств), по общественной собственности (в основном — по имуществу ФНО и АНО), по здравоохранению и культуре (включая суд и просвещение). Кроме того, в распоряжении "комитета трех" были также лица, ведавшие снабжением, вопросами безопасности и полиции. В городах комитеты ФНО, разветвленные более детально (на уровне секторов, подсекторов, районов и подрайонов), опирались на группы (обычно — из руководителя, сборщика налогов, ответственных за связь и пропаганду), а те — на ячейки из 3-4 человек. Почти при каждой группе находилось подразделение боевиков-фидаев, командир которого был "эквивалент сельскому политическому помощнику в комитете трех". Американский политолог Элф Хеггой особенно подчеркивал, что на всех уровнях иерархии ФНО — АНО политический помощник (или заместитель командира) имел обязанности, "напоминающие таковые большевистского комиссара" [33].

Французы очень преувеличивали эффективность ПАО, в то время как "комитеты трех" существовали далеко не везде, а "народные собрания", теоретически избираемые, на деле назначались местными комиссарами ФНО, в лучшем случае — выкрикивались на общей сходке крестьян под контролем повстанцев. Роль комиссаров ФНО была более значительна: они следили за деятельностью "комитета трех", за обеспечением семей погибших, выслушивали "шикайят" (жалобы) населения. Функции их еще более расширились, когда после 1957 г. плотность оккупации Алжира французской армией еще более возросла, а система ПАО частью была разрушена, частью же ушла в подполье.

Главной задачей ПАО была подмена французской администрации где только возможно. Используя малочисленность колониальных служащих на местах, ПАО заполняла этот "вакуум" своими людьми или же подчиняла себе (конечно, тайно) низших чиновников-алжирцев. Даже там, где было много европейцев и колониальный аппарат был силен, ПАО действовала в качестве его неуловимого двойника. Кое-где крестьяне при поддержке АНО приступали к разделу земель феодалов. Тысячи алжирцев, особенно из числа молодежи, вступали в ряды

“муджахидов” АНО, а самые широкие слои населения стали принимать активное участие в действиях “мусабилей”. Система взаимодействия “муджахидов” и “мусабилей” позволяла успешно вести партизанскую войну. Несмотря на огромное превосходство французов в живой силе и технике (против АНО в 1957-1961 гг. сражались свыше 800 тыс. солдат при поддержке танков, авиации, включая специально поставленные из США вертолеты, артиллерии и военно-морского флота), АНО успешно наращивала свою военную мощь. С конца 1957 г. она уже располагала собственной артиллерией, противотанковыми средствами (базуками и минами), радиослужбой, позволяющей поддерживать связь между вилайями, а также с зарубежными базами. В 1958-1959 гг. АНО располагала, помимо 60 тыс. “муджахидов”, еще и 70 тыс. “мусабилей” [34].

Разрушительная война причиняла стране и народу огромный ущерб: сотни и тысячи селений буквально стирались с лица земли во время авиабомбардировок, артобстрелов и карательных экспедиций, десятки и сотни тысяч людей гибли, бежали в соседние Тунис и Марокко, оставались без всяких средств существования, оказывались в тюрьмах, застенках, концлагерях. По данным ФНО, всего за годы войны погибло около 1,5 млн. алжирцев и было разрушено дотла 9 тыс. деревень [35]. Эти жертвы не были напрасны. Но они унесли лучших людей, что сказалось на последующей жизни в Алжире, характеризовавшейся обездоленностью и ожесточенностью многих одиноких стариков, женщин, инвалидов и сирот.

На ход событий в Алжире оказывала влияние и международная обстановка. 22 октября 1956 г. руководство революцией было ослаблено арестом (вследствие перехвата французами марокканского самолета) почти всей “внешней делегации” ФНО в составе А.Бен Беллы, Х.Айт Ахмеда, М.Будиафа, М.Хидера и М.Лашрафа. Через несколько дней англо-франко-израильская агрессия против Египта едва не сокрушила поддерживавший ФНО режим президента Насера. Агрессоры мстили ему за национализацию Суэцкого канала, основными акционерами которого были французы и англичане. Но для Франции удар по Египту означал также попытку лишить поддержки Египта алжирских патриотов, которые получали оттуда до 1 тыс. единиц оружия ежемесячно в 1954 г. и до 8 тыс. — в 1956 г. [36]. Не могло не взволновать французов (еще больше англичан и американцев) заявление Бен Беллы в Каире в феврале 1956 г.: “Мы готовы к тому, чтобы принять оружие от советского блока” [37]. Все это дало стимул широкому распространению в

правящих кругах Франции понимания войны в Алжире как якобы "агрессивной акции панарабизма под египетским руководством". Однако агрессия против Египта не достигла ни одной из своих целей. К тому же, как признали французские историки, "судьба Алжира не решалась в Суэце" [38]. Тем не менее Египет после 1956 г., будучи занят ликвидацией последствий агрессии, не смог оказывать повстанцам помощь в прежнем объеме. Это не могло не сказаться на ходе войны, по крайней мере, в 1957-1958 гг.

Крестьянское в своей основе восстание в Алжире к концу 1956 г. окончательно переросло в общенациональную "войну народа и для народа". Практически все классы и слои алжирского населения были вовлечены в эту войну. Но военное превосходство Франции, непримиримость "сеньоров" Алжира и ультраколониалистов метрополии алжирским революционерам еще только предстояло преодолеть. Большим ударом для них был разгром карателями наиболее многочисленной, активной и хорошо вооруженной из подпольных организаций ФНО — "автономной зоны г.Алжир" во главе с Я.Саади и А.Амаром. Боевики "автономной зоны" вели с войсками и полицией в июне 1956 г. — октябре 1957 г. неравную "битву за столицу", в ходе которой почти все погибли (включая члена КИК Л.Бен Мхиди и лидера "зоны" Али Амара) или попали в плен, что временно ослабило позиции ФНО. Вместе с фидаями ФНО в столице сражались также алжирские коммунисты, хотя Я.Саади и утверждал, что АКП якобы "не оказывает ему никакой помощи". Однако известно, что именно члены АКП готовили для Саади патроны, гранаты и иное снаряжение, участвовали (причем — в основном европейцы!) в терактах. В ноябре 1956 г. — январе 1957 г. в столице были арестованы 140 членов АКП [39]. Практически это были почти все подпольщики партии, помогавшие ФНО [40]. Некоторые из них были казнены.

К концу 1956г. в чисто военном плане ФНО достиг многого. Количество военных акций (засад, стычек с войсками и полицией, а также — покушений на видных колониалистов и их алжирских агентов, взрывов бомб, порчи линий связи и других актов саботажа) достигло наивысшей за все время войны цифры — 3900 в месяц (с последующим ее снижением до менее чем 1200 в месяц в 1958 г.), хотя собственно АНО в Алжире продолжала усиливаться до 1958 г. [41]. Реорганизация АНО после Суммама и ее усиление благодаря эффективности ПАО способствовали росту боевых успехов. В 1956-1958 гг.

АНО создала свои отряды в новых районах, продолжая базироваться в основном на горно-лесные массивы Ауреса, Кабилии, Дахры и Уарсениса. Каратели вынуждены были считаться с ней в чисто военном плане. Потери французской армии в Алжире в 1956-1957 гг. составляли 780 раненых и убитых ежемесячно [42].

Боевая мощь АНО росла в ходе тяжелой и неравной борьбы благодаря тому, что алжирский народ не желал больше жить по-старому, с чисто крестьянским упорством и стойкостью использовал все средства и возможности, все шансы для продолжения борьбы. И тогда мир увидел самый антигуманный аспект "умиротворения любой ценой" — войну против гражданского населения, фактическое его истребление под предлогом "освобождения от террора мятежников". Ради этого опустошались целые области, население которых насильственно изгонялось в "центры перегруппировки" (фактически — концлагеря), районы наибольшей активности АНО с помощью напалма и артиллерии превращались в "зону выжженной земли", селения разрушались до основания. "Эта политика уничтожения, — писал впоследствии Б.Хадж Али, — стоила Алжиру миллиона убитых и двух миллионов интернированных в лагерях, не говоря уже о таких жертвах этой войны, как калеки, вдовы, сироты. 400 тыс. человек было заключено в политические лагеря. 300 тыс. алжирцев нашли себе убежище в Тунисе и Марокко, а 700 тыс. крестьян укрылись в городах. Такая война глубоко потрясла страну в общечеловеческом плане" [43].

В то же время 200 тыс. алжирцев (по Ш.-Р.Ажерону — 190 тыс., включая полицейских, жандармов, наемников "харки", солдат "групп самообороны") служили во французской армии (по мобилизации, хотя были и "добровольцы"), а 300 тыс. — были в партизанах. К 1963 г. главным результатом войны считались значительные перемещения сельского населения: из 7 млн. чел. два с половиной миллиона потеряли свои традиционные занятия и связи. Впоследствии число лиц, оторванных от прежних занятий и местожительства (вместе с ушедшими в города) определялось не менее, чем в 3 млн. [44]. Ко всем бедствиям надо еще добавить резкое увеличение количества тех, кто оказался вне привычных рамок патриархальной семьи вследствие смерти, ареста, мобилизации во французскую армию или ухода в партизаны (а также — эмиграции или нелегального образа жизни) главы семьи или мужчин, способных его заменить. Только после войны в Алжире осталось 500 тыс. вдов и 350 тыс. сирот [45].

Робер Лакост пытался продолжать начатую Жаком Сутелем политику подслащивания "умиротворения" мелкими подачками и перестройкой структур управления. В сентябре 1957 г. был предпринят новый маневр в виде "общего закона" об Алжире, целью которого стало "убить алжирский национализм, поощрив провинциальный или этнический партикуляризм" [46]. Суть его сводилась к раздроблению Алжира на 5 территорий (в числе которых — Кабилия). Это было результатом муссировавшихся с июля 1956 г. в Париже явно утопических проектов "алжирской федерации, состоящей из различных этнических общин, сосуществующих в этой стране: европейцев, кабилов, мзабитов, берберов Ауреса, арабов" [47].

Еще раньше Лакост создал вместо 3 департаментов 14, делившихся на 71 округ. Округа объединяли 1438 новых коммун, большинство из которых полностью или частично должны были управляться офицерами САС (специальных административных секций). Тем самым достигалась необходимая децентрализация и гибкость управления. Кроме того, создавались посты для множества новых префектов и супрефектов. Таким путем предполагалось хотя бы часть алжирцев подкупить чиновничьими постами.

Специальная служба т.н. "психологического действия" (филиал французской военной разведки), применяя методы провокации и дезинформации, обмана и запугивания, используя шпионов и предателей, не без успеха вела то, что она гордо именовала "контрреволюционной войной". Для подготовки соответствующих кадров использовались знатоки "революционной техники" ФНО, которые усердно штудировали сочинения Троцкого, Тухачевского и Фрунзе, изучали опыт войн в Китае и Вьетнаме, в том числе — воспоминания французов, побывавших в плену у вьетнамцев. Но и они вынуждены были признать, что ФНО удалось "превратить пассивное сообщество в активное, наблюдателей — в участников, нейтралов — в сторонников, а затем — в фанатиков" [48]. Шпионы-"психологи" ничего не могли противопоставить системе ПАО из ячеек (по 6 чел.), групп (по 3 ячейки) и секций (по 5 групп). Некоторое сходство со структурой АНО (отделение из 11 чел., взвод из 35 чел. и рота из 110 чел.) вряд ли было "случайным" [49]. В сущности каждый активист ФНО был готов в любую минуту стать муджахидом, мусабилем или фидаем, а сверх того — еще разведчиком и агитатором.

Психологическая война, широко развернутая Францией с применением новейшей техники (радио, телевидения, прессы,

листовок, хорошо налаженного выпуска профессионально выполненных фальшивых номеров газет и журналов ФНО, ловкой подделки его печатей и документов, фабрикации провокационных обращений и "директив" якобы от имени ФНО), несмотря на определенные успехи в 1957-1958 гг., в целом не дала эффекта. Невоенные средства борьбы широко применялись ФНО с первых же дней восстания. Забастовки рабочих, служащих и торговцев в 1955-1957 гг., уход в отставку алжирцев – членов различных выборных учреждений (а также – алжирских офицеров французской армии), бегство алжирских футболистов из клубов Франции, бойкот табака и вина, саботаж на линиях связи, стачка студентов и школьников в 1956 г. – все эти меры, несмотря на ошибочные порой методы и случавшиеся промахи в их осуществлении, создали совершенно нетерпимый моральный климат в стране. Пропасть между европейцами и алжирцами выросла до угрожающих размеров. В сочетании с радикальными сдвигами в положении большинства алжирцев, тотальным применением всех средств массовой борьбы, крупномасштабными миграциями населения это означало, по сути дела, разрыв старых социальных связей. Определяемый этим взрыв старого колониального общества стал причиной и отправной точкой всех последующих процессов алжирской революции.

Успехи АНО в сельских районах, поддержка населения и финансовая мощь (сбор налогов по Алжиру в 1956-1957 гг. обеспечивал приток в казну ФНО ежегодно 12 млрд. франков, а помощь арабских стран — еще 8 млрд. франков) [50] несколько вскружили голову молодым лидерам революции. Они решили, что партизанские методы, оправдавшие себя в деревне, пригодны и в городах. Это пренебрежение городской спецификой, революционное нетерпение и жажда военного разгрома намного превосходящих АНО сил французской армии привела к временному поражению ФНО в городах. Подпольщики-фидаи, развязавшие антиколониальный массовый террор, были либо перебиты в перестрелках, либо погибли в застенках (ибо почти всех их после ареста подвергали чудовищным пыткам с целью выявления всей их сети), либо вынуждены были уйти в горы. Только за 10 месяцев "битвы за столицу" были допрошены "с пристрастием" 80 тыс. чел. (7 тыс. из них "исчезли"), арестованы 24 тыс., "взяты под наблюдение" 30 тыс. [51]. Примерно то же произошло и в Оране, Боне, Константине и других городах. Там колониальные парашютисты ("пара"), представлявшие собой элитные части с

опытом Вьетнама и Суэца, смогли опереться на помощь европейцев и наиболее связанных с властями групп алжирцев (буржуазии, чиновников, полицейских). Это обстоятельство облегчило праворадикальные выступления ультраколониалистов ("ультра"), с февраля 1956 г. все активнее выходивших на авансцену политической жизни и во Франции, и среди европейцев Алжира.

"Ультра" выступили против Франции во имя того, чтобы "остаться французами". Социально-политическая подоплека этого парадокса была заключена в тесной связи всего комплекса интересов большинства европейцев с сохранением колониального режима, в то время как для буржуазии метрополии (особенно – для крупных монополий, наиболее прибыльно использовавших достижения науки и техники) сохранялись неплохие (а также открывались новые) перспективы и при отмене или серьезном пересмотре колониального статуса Алжира. Однако не сразу и не вся буржуазия Франции пришла к осознанию подобных "нетрадиционных" возможностей. Помимо чисто экономической заинтересованности в колониях, среди французов были еще сильны воспоминания о национальной катастрофе 1940 г. и немецкой оккупации, после которых распад колониальной империи Франции воспринимался как новый удар по престижу нации и как национальное унижение. Ожесточенная борьба в метрополии за тот или иной вариант решения алжирской проблемы продолжалась поэтому в течение всей войны 1954-1962 гг. В зависимости от того, кто в этой борьбе одерживал верх, выступления "ультра" в Алжире были успешны или безрезультатны.

Финансовое бремя войны в Алжире и неспособность последних кабинетов Четвертой республики решить алжирскую проблему серьезно обострили ситуацию в метрополии к весне 1958 г. Война заставила Францию держать огромную армию в 1200 тыс. чел., вызвав нехватку рабочей силы и резкий рост военных расходов (на 30% только в 1956 г.). Закупки военных материалов увеличили на 20% дефицит внешнеторгового баланса страны. Возросли и расходы колониальной администрации в Алжире, что привело к росту налогового бремени: каждый день войны в Алжире стоил Франции в 1957 г. 2 млрд. старых франков [52]. Компромиссные варианты решения алжирской проблемы (федерация с Францией, ограниченная автономия, "интеграция" с расширением политических прав алжирцев) по мере продолжения войны становились все более химеричными. Все это вызывало недовольство народа,

растерянность "умеренных либералов" и нарастающую ярость "ультра". ЦК АКП отмечал в июле 1958 г.: "Фашизм находит благоприятную почву и ударные отряды среди некоторых слоев этого населения: мелкой буржуазии (торговцев, ремесленников, ветеранов, мелких пенсионеров, домохозяек, мелких служащих и чиновников, лиц без квалификации... и т. п.), верхних слоев рабочего класса и люмпен-пролетариата (особенно в Орании), студентов (сыновей колонистов и крупных буржуа)" [53].

Их желание не допустить независимости Алжира в какой-либо форме усиливалось, помимо всего прочего, расчетами на получение прибыли от использования крупных месторождений нефти и газа, открытых в Алжирской Сахаре в 1955-1956 гг. Привлечение к эксплуатации недр Сахары американского, западногерманского и итальянского капитала (особенно с 1958 г.) обеспечивало поддержку международного империализма в алжирском вопросе. Фактически алжирским патриотам приходилось бороться с коллективным колониализмом капиталистических держав Запада. Но и отношения Франции с США и Англией были непростыми. Во французской армии и среди самых широких слоев европейцев Алжира и французов метрополии росло недовольство попытками США "взять под контроль" алжирских повстанцев. Последней акцией США по вмешательству в отношения Франции со странами Магриба в связи с алжирским вопросом, переполнившим чашу терпения "ультра", явилась англо-американская миссия "добрых услуг" в Тунисе в марте 1958 г., означавшая, по словам Сустеля, "ликвидацию французских позиций в Северной Африке" [54].

Все возраставшая напряженность ситуации в Алжире привела к взрыву – мятежу "ультра" 13 мая 1958 г. Он начался манифестацией и всеобщей забастовкой европейцев. Уличные шествия 13 мая 1958 г. завершились штурмом здания министерства по делам Алжира, после захвата которого в нем утвердился самозванный "Комитет общественного спасения" (КОС) из лидеров "ультра" и союзной с ними военщины во главе с генералом-"пара" Жаком Массю. В последующие дни густая сеть подобных комитетов покрыла весь Алжир. Возглавил их "Комитет общественного спасения Алжира и Сахары" (КОСАС) в составе 8 офицеров, 4 высших бюрократов, 2 землевладельцев, 2 торговцев, а также ряда крупных акционеров и руководителей ассоциаций "ультра". В окончательном варианте он включал 72 члена, в том числе 15 генералов и офицеров,

а также — 16 алжирских буржуа и чиновников во главе с известным коллаборационистом Шерифом Сид Кара [55].

Среди организаторов заговора 13 мая выделялись алжиро-европейские "сеньоры" во главе с А. де Сериньи, усмирявшие алжирцев каратели во главе с генералом Массю и националисты из метрополии, предводительствуемые прибывшим из Франции в Алжир и фактически возглавившим КОСАС Ж.Сустелем. Все они и слышать не хотели о каких-либо переговорах с ФНО, которые тайно велись в 1956-1957 гг., но за продолжение которых выступали левые силы метрополии. В конечном итоге мятеж 13 мая привел во Франции к установлению режима Пятой республики, основанной на личной власти генерала Шарля де Голля, сумевшего объединить вокруг себя самые разные слои французов. "Ультра" с самого начала старались оказывать давление на правительством Голля, пытаясь навязать ему свою концепцию "национального спасения" путем войны до победного конца.

Мятежники сумели ввести в заблуждение определенную часть алжирцев-горожан (пользуясь временным спадом накала борьбы ФНО в городах), запугать другую их часть, посеять сомнения у третьей. На этом они смогли нажить некоторый политический капитал и в Алжире, и во Франции. 16 мая 1958 г. в Касбе г. Алжир "пара" согнали население к бывшему помещению УДМА, где был оглашен состав... КОС Касбы, никем не избиравшийся и включавший в себя имена различных приспешников властей, а также — 4 европейцев, 6 военнослужащих-французов, 3 "ассимилированных" алжирцев с европейскими именами. После этого была организована профранцузская манифестация алжирцев, возглавленная ветеранами французской военной службы и лицами, имевшими французские награды. На Форуме — центральной площади столицы (ныне — Эспланада Африки) перед 14-16 тыс. алжирцев и массой европейцев выступили генералы Массю и Жуо (европеец из Орана), а также предатель Моханд Саид Мадани (впоследствии убитый боевиками ФНО), восклицавший: "Алжир был и останется французским!" Митинг завершился "экстазом на Форуме", т.е. "братскими" объятиями мусульман с европейцами.

С помощью службы "психологического действия", офицеров САС и САУ (вариант САС в городах), "пара" и предателей всех мастей (алжирцев-солдат иррегулярных формирований "харки", шпионов и т.н. "синих", т. е. перебежчиков из АНО) "ультра" смогли по всей стране провести сенсационную

фальсификацию — т.н. "франко-мусульманское братание", в ходе которого часть алжирцев-горожан приняла участие в совместных с европейцами манифестациях под лозунгами: "Алжир — французский! Мы остаемся французами!" Жак Сустель неустанно колесил по Алжиру, всюду — в Оране, Константине, Буфарике, Тизи-Узу и других городах — восстанавливая свои старые контакты и добиваясь "одобрения сотнями мусульман" тезиса о "французском Алжире" [56].

В довершение картины "алжирского чуда" (как назвал всю эту операцию де Сериньи) были инсценированы манифестации мусульманок за "эмансипацию женщин", которые сбрасывали покрывала и сжигали их на площадях главных городов. Позднее было признано, что эта попытка (с помощью продажных девиц или особо зависимых от властей женщин, получающих пособия или пенсии) "ускорить эволюцию мусульманки" окончилась полным провалом. Многие алжирки, ранее не носившие покрывала, стали его носить в знак протеста против демагогии колонизаторов и оскорбления ими обычаев ислама.

Однако в мае-июне 1958 г. акции "ультра" по изоляции ФНО в городах во многом удались. Виноват в этом был КИК, чье пренебрежение политической работой среди горожан объективно создало благоприятные условия для маневра "ультра" в виде "братания", немыслимого в 1956-1957 гг. Только после тяжелых поражений, осознав невозможность вести борьбу в городах по "сельскому трафарету", КИК пришел к выводу о необходимости сменить тактику. Но в конце 1957 г. — начале 1958 г. он был не готов к этому ввиду охватившего его кризиса. Перебравшись в Тунис, КИК, особенно после его расширения до 14 человек в августе 1957 г. на сессии НСАР в Каире, основные надежды стала возлагать на дипломатию и невоенные средства борьбы. Но Аббан Рамдан не хотел с этим мириться и настаивал на возвращении в Алжир, повторяя, что "пребывание за границей легко может отрезать руководителя от реальностей борьбы и лишить его здорового взгляда на вещи" [57]. В конце концов это кончилось его гибелью в результате междоусобицы. Те, кто убил его (в декабре 1957 г.), долго скрывали это и официально даже объявили о его смерти якобы на "поле брани" в мае 1958 г., но впоследствии (в 1970 г.) вынуждены были признать факт убийства, оправдывая его обвинениями Аббана в "сектанстве", "фракционной деятельности" и претензиях на "всевластие"[58]. Гибель Аббана, этого, по признанию знавших его алжирцев, "Жана Мулэна алжирской революции", явилась тяжелой потерей и во

многом источником последующих кризисов зарубежного руководства ФНО.

Некоторые лидеры ФНО, сделав после 1957 г. ставку на политические переговоры, считали, что "ни один политический деятель Четвертой республики не имел никогда достаточного авторитета, чтобы решиться на урегулирование алжирской проблемы", в то время как де Голль "смог бы приблизить решение" [59]. Сам генерал в своих мемуарах настаивает на том, что он считал неизбежным "предоставление Алжиру права на самоопределение" [60]. Эта точка зрения поддерживается многими историками — Н.Н.Молчановым, Ю.И.Рубинским, В.И.Седых, П.П.Черкасовым [61]. Но политика генерала после его прихода к власти свидетельствует об иных его намерениях.

Де Голль сам признавал, что был воспитан в духе преклонения перед знаменитыми колонизаторами типа Бюжо и Лиотэ и что ликвидация их наследия означала бы для него "свернуть наши знамена" [62]. Величие Франции для него было неотделимо от этого наследия. Поэтому, получив власть, генерал не только под нажимом армии, "ультра" и "алжирского лобби" в политических кругах Франции должен был следовать в Алжире установкам традиционного колониализма. Слишком многое — происхождение, воспитание, политическая биография, классовые связи, социальное окружение, ореол "спасителя нации", профессиональная солидарность военной среды, личные привязанности (среди верхушки армии в Алжире было немало сторонников де Голля 1940-1946 гг.) — толкало его к тому, чтобы "сохранить" Алжир. Вдобавок боевой дух французской армии в Алжире, основательно уставшей от войны, с приходом де Голля к власти заметно возрос, а сплоченность армии вокруг самого имени генерала и готовность выполнить его приказы не шли ни в какое сравнение с отношением армии к его предшественникам.

От де Голля зависело далеко не все. Историк — марксист Жак Фрейр считает, что события 13 мая 1958 г. и последующий приход к власти генерала были решены 500 членами Национального совета французских предпринимателей, как раз 13 мая обсуждавшими экономическое положение Франции [63]. Однако многое решал и сам де Голль. Прав Жак Дюкло, считающий что летом 1958 г. генерал "ещё не очень хорошо представлял себе, что нужно делать" с войной в Алжире, а многие его предшественники "испытывали, судя по всему, некоторое злорадство, видя, как генерал принимается за

дело, ответственность за которое они взвалили на него, поскольку сами с этой ответственностью не справились" [64].

Де Голль явно не собирался в 1958 г. соглашаться на любую форму самостоятельности Алжира. Более того, он, по словам его сына, Филиппа, верил в то, что у "интеграции" (т.е. полного слияния Алжира с Францией) есть все же "небольшой шанс" и пытался его реализовать [65]. Его действия в том году (да и в последующие годы) говорят именно о желании добиться капитуляции ФНО без оговорок, затем — с небольшими оговорками. На первых же порах он старался скорее деморализовать ФНО и АНО, нежели прекратить военное "умиротворение". Свой первый визит в Алжир 4-6 июня 1958 г. генерал отметил открытой поддержкой "ультра" и самой идеи "интеграции": "С сегодняшнего дня Франция считает, что во всем Алжире есть лишь одна категория жителей — полноправные французы с одинаковыми правами и обязанностями". [66]. Де Голль сказал также, что Алжир — "французская земля отныне и навсегда", воздал хвалу армии и вызвал восторг "ультра" знаменитой фразой "Я вас понял!" [67]. Это вовсе не соответствует его последующему утверждению, что он будто бы "исключил из области возможного всякую идею ассимиляции мусульман с французским народом" [68]. Усилия де Голля породили определенный "возврат к сотрудничеству" алжирцев с колониальными властями: они стали принимать назначения в администрацию и созданные ею "специальные делегации" (откуда ранее уходили в отставку и где их почти не было около 2-х лет), шли в "харки" и "специнструкторы" (которых ранее презирали). Среди буржуазии и зажиточных слоев, а кое-где даже среди бедных крестьян, но особенно — среди алжирцев-чиновников, ветеранов военной службы, интеллигентов и солдат возвращенных в Алжир алжирских подразделений (ранее выведенных отсюда ввиду ненадежности) росли продеголлевские настроения.

В 1958-1959 гг. ФНО не смог противопоставить тонко продуманному курсу де Голля какой-нибудь адекватной политики как в силу меньшей политической искушенности его тогдашних лидеров, так и ввиду не завершившегося к этому времени кризиса его руководства. Осознав лишь одно — случившиеся может представить смертельную угрозу революции — КИК поспешил возобновить активные боевые действия: только в июле АНО провела 194 атаки в районах Константины, Ауреса, Дахры и Орании [69]. Однако особых успехов она не достигла, хотя и насчитывала тогда, по французским данным, 46 тыс.

бойцов, в том числе 20 тыс. муджахидов, имевших около 44 тыс. единиц оружия, включая 850 единиц тяжелого вооружения [70]. С июля 1958 г. французская армия повела всеобщее наступление на позиции АНО, широко применяя все средства новейшей техники, особенно – вертолеты, и внезапные удары десантов "пара". Наиболее ожесточенные бои происходили в Ауресе и Кабилии (где была широко разрекламирована операция по уничтожению вилайи №3 во главе с "алжирским Чапаевым" – полковником Амирушем). Несмотря на огромный урон, нанесенный АНО, многочисленные разрушения и разорение целых районов, усилия "умиротворителей" не достигли цели: к концу 1958 г. АНО продолжала борьбу, удерживая около 13 освобожденных зон, из которых наиболее значительные находились в Ауресе, Кабилии, южнее города Алжир и близ Тлемсена [71].

Осенью 1958 г. де Голль, добившейся благоприятных для него результатов референдума и выборов в Алжире (под контролем французской армии), предложил алжирцам "мир храбрых" (на деле – капитуляцию) и провозгласил в г.Константине 5-летний план, предусматривавший уравнение зарплаты и пенсий алжирцев и французов, обеспечение жильем 1 млн. алжирцев, обеспечение работой 400 тыс. безработных, строительство дорог и предприятий, широкое привлечение алжирцев на службу в администрацию и укомплектование ими на 10% госаппарата самой Франции. План этот был выполнен лишь частично. Его истинной целью было достичь политического "решения по-деголлевски" и добиться от повстанцев, как сказал один генерал, "вернуться к семьям и своей работе" [72].

Этой же цели были подчинены и предпринятые де Голлем поиски "третьей силы" между Францией и ФНО: были освобождены 7 тыс. политзаключенных, Ахмед Мессали, получив свободу политической деятельности во Франции, выступил за создание "Франко-алжирского сообщества" и заявил, что "готов встретиться с братьями из Каира" (куда перебрался из Туниса КИК). К августу 1959 г. 108 алжирцев заняли различные посты во Франции (включая одного министра, двух членов Государственного совета, двух дипломатов), а 4625 алжирцев служили во французской администрации в самом Алжире. Тогда же около 200 алжирцев стали офицерами, а 800 унтер-офицерами французской армии [73]. Де Голль явно хотел "расширить, если не создать новый социальный слой, с которым можно заключить компромиссы" [74]. Из чиновников, буржуазии, офицеров, феодалов и "раскаявшихся" экс-

националистов были подобраны и все 47 депутатов-мусульман от Алжира в ноябре 1958 г., 11558 муниципальных советников, “избранных” алжирцами в апреле 1959 г., 22 алжирца-сенатора в мае 1959 г., 298 генеральных советников-алжирцев в мае 1960 г. [75].

Тотальная политическая, социально-экономическая и морально-психологическая борьба де Голля с ФНО сопровождалась грандиозным военным наступлением. Границы Алжира с Марокко и Тунисом были надежно блокированы линиями укреплений с электрифицированной ключей проволокой, минными полями, артиллерией, авиацией и мобильными танковыми подразделениями. Против АНО действовали, начиная с 1958 г., кроме регулярных частей французской армии, до 80 тыс. жандармов и полицейских, а также — 158 тыс. “харки” (солдат спецформирований из алжирцев) [76]. Преимущество партизан во внезапности и неуловимости сводилось на нет наличием у карателей 1310 самолетов и 500 вертолетов, 5660 орудий и 1150 танков [77]. В результате потери АНО резко возросли: с 77 тыс. чел. в ноябре 1954 г. — сентябре 1958 г. до 68 тыс. только за октябрь 1958 г. — ноябрь 1959 г. [78].

В условиях блокады границ и возраставшей изоляции партизан внутри Алжира от баз и лагерей в Тунисе и Марокко, АНО оказалась разделенной на “внутреннюю” и “внешнюю”, созданную из частей, вынужденных под давлением французов отступить из Алжира и пополнивших свои ряды за счет алжирских эмигрантов и беженцев в арабских странах и во Франции. Контакты между “внешней” и “внутренней” АНО с лета 1958 г. стали практически ничтожны, приток оружия и подкреплений в Алжир почти прекратился. Наблюдалось постепенное ослабление “внутренней” АНО: с мая 1958 г. по июль 1960 г. ее личный состав сократился с 40 тыс. до 22 тыс. бойцов, количество “кятиб” (батальонов) — со 121 до 50, винтовок и автоматов — с 17 тыс. до 8300, пулеметов, минометов и базук — с 870 до 470 [79].

В то же время “внешняя” АНО, участвуя во все более редких атаках на границах, систематически росла и укреплялась. С 1958 г. ей доставалось все закупавшееся ФНО вооружение, включая артиллерию и бронеавтомобили. Она лучше снабжалась и одевалась, основную часть времени уделяя обучению новобранцев, освоению военной техники и воспитанию квалифицированных армейских кадров. С декабря 1958 г. начали функционировать школы кадров АНО (по 200-300 курсантов с боевым стажем не менее 2 лет), готовившие офицеров

и сержантов – подрывников, артиллеристов, пулеметчиков, позднее – летчиков и даже моряков. Во "внешней" АНО начало складываться профессиональное офицерство, преимущественно получившее подготовку в арабских и социалистических странах. Ее численность осенью 1958 г. равнялась 9200 бойцов в Тунисе и 2 тыс. бойцов в Марокко, а к лету 1962 г. – 25 тыс. в Тунисе и 10 тыс. в Марокко. За это же время численность "внутренней" АНО уменьшилась до 12-16 тыс. бойцов. По данным М.Тегиа, изучившего архивы некоторых вилай, численность "внутренней" АНО была даже выше – до 30-35 тыс. бойцов [80].

Однако, "внутренняя" АНО очень страдала от неизжитых кое-где болезней партизанщины – анархии, местничества, личных амбиций и междоусобицы командиров. Возник "вилайизм", выражавшийся в недисциплинированности, некомпетентности, своеволии партизанских вожаков, превращавших вилайи в своего рода "удельные княжества". После 1957 г. в шести вилайях (вилайя №6 была создана осенью 1957 г. в Алжирской Сахаре) сменились 32 командира, из которых 7 погибли в боях, 2 – в междоусобицах, 4 – вследствие репрессий руководства ФНО [81]. "Внешняя" АНО была свободна от слабостей "внутренней" АНО. В ней были в основном изжиты болезни партизанщины, были намного выше, чем "во внутренней" АНО, дисциплина и организованность, о местничестве не было и речи, что было заслугой очень сплоченной и динамичной "группы Уджды" во главе с Х.Бумедьеном, сложившейся внутри командования "внешней" АНО. "Мы стремились, – говорил позже Бумедьен, – оберегать бойцов от культа личностей, от вилайизма, от племенных и эмоциональных пристрастий. Мы стремились поднять обсуждение до уровня идей, а не второстепенных личных склок". Бумедьен (настоящее имя – Мухаммед Бухарруба, преподаватель арабского языка с дипломом Каирского университета Аль-Азхар в 1954 г., начальник разведки вилайи №5 — с февраля 1955 г., заместитель командира вилайи – с августа 1956 г., командир вилайи – с сентября 1957 г., координатор вилайи №4-6 с апреля 1958 г.) возглавил "внешнюю" АНО в марте 1960 г. Поскольку формально АНО была единой и "внутренние" командиры должны были подчиняться ее генштабу, во главе которого и встал Бумедьен, он претендовал на руководство всей АНО. Разветвленная структура филиалов и учреждений генштаба во многом способствовала политизации армии. В ставке генштаба в

Гардимау (Тунис) висел лозунг: "Независимость — лишь этап. Цель — революция!" [82].

Конференции лидеров ФНО и правящих партий Туниса и Марокко в мае-июле 1958 г. в Танжере (Марокко) и г.Тунисе приняли решение об усилении помощи стран Магриба народу Алжира. На базе рекомендаций этих конференций 19 сентября 1958 г. было создано Временное правительство Алжирской республики (ВПАР) во главе с Ф.Аббасом. Его основу составили члены КИК и находившиеся в плену лидеры ФНО (Бен Белла стал вице-премьером ВПАР). НСАР стал играть роль временного парламента Алжира, контролирующего деятельность ВПАР. В 1958-1960 гг. ВПАР было официально признано правительствами более, чем 30 афроазиатских и социалистических стран, в том числе — правительством СССР (де-факто в октябре 1960 г., де-юре в марте 1962 г.). Из социалистических стран, в первую очередь — из СССР, Югославии и Болгарии регулярно оказывалась материальная помощь алжирским беженцам в Тунисе и Марокко (медикаментами, продовольствием, одеждой и т.д.), а также — поступало современное вооружение для АНО.

Бесперспективность "умиротворения", ширившееся во Франции движение за мир в Алжире и рожденные алжирской войной трудности на международной арене, так же как и желание де Голля наладить отношения Франции с арабским миром, заставили президента Франции признать право алжирцев на самоопределение 19 сентября 1959 г. Тогда европейцы-"ультра" в Алжире, не желавшие смириться с этим, организовали в январе 1960 г. мятеж ("неделю баррикад"), но потерпели крах. После этого де Голль выдвинул формулу "алжирского Алжира, тесно связанного с Францией", но имеющего "свое правительство, свои учреждения и законы" [83]. Он подразумевал тем самым как бы автономию Алжира при сохранении за Францией полного контроля над его внешними сношениями, экономикой, финансами и обороной. Определившаяся к концу 1960 г. неэффективность "плана Константины" способствовала выветриванию голлистских иллюзий даже у зажиточных алжирцев. Фактический раскол французского общества вследствие конфликта де Голля и "ультра" привели к тому, что службы армии, полиции и даже "психологи" САУ не были едины. Настроение алжирцев-горожан менялось также под воздействием притока беженцев из сожженных сел, продолжения сопротивления АНО и наметившегося поворота руководителей ФНО на местах к организации массовой политической работы в городах. АНО не могла, да и не стремилась, разгромить

французскую армию. "Политическая и психологическая война, которую вели АНО и ФНО, – отмечает Ш.-Р.Ажерон, – считалась более важной". Пресса, листовки, подпольная литература, слухи, тайные собрания, сборища в мечетях и завиях религиозных братств, нелегальная пропаганда в учебных заведениях – таковы были средства в этой войне. Кроме того, ФНО пользовался 23 радиостанциями арабских стран, особенно Туниса и Марокко, практически доводя до всех алжирцев свои лозунги, директивы и установки. В январе 1961 г. начальник генштаба Франции генерал Эли признал успех ФНО в политико-психологической войне.

Новый визит де Голля в Алжир 9-13 декабря 1960 г. был отмечен выступлениями "ультра", которые, однако, были буквально захлестнуты контр-манифестациями алжирцев. И если вначале они шли под лозунгом "Алжир – алжирский" (слова де Голля), то уже 10-11 декабря во всех крупных городах Алжира состоялись массовые шествия, выкрикивавшие: "Да здравствует ВПАР! ФНО – к власти". Они несли национальные бело-зеленые флаги, писали на стенах патриотические лозунги, воздвигали баррикады. Забастовки алжирских рабочих, служащих, торговцев, их уличные столкновения с французскими войсками свидетельствовали о полной смене настроений. По данным властей, за 10-12 декабря было убито 90 и ранено 1500 алжирцев. К 15 декабря до 3 тыс. алжирцев были арестованы [84]. Тем не менее демонстрации продолжались до 16 декабря.

События декабря 1960 г. вынудили французское командование стянуть часть войск в города Алжира, что частично облегчило положение "внутренней" АНО. Важное значение имели декабрьские демонстрации и в международном плане: они неопровержимо доказали, что ФНО и ВПАР пользуются поддержкой большинства алжирского народа, и способствовали одобрению Генеральной Ассамблеей ООН резолюции в поддержку права Алжира на самоопределение и независимость, обязывавшей ООН обеспечить осуществление этого права на основе территориальной целостности страны (что было особенно важно ввиду притязаний Франции на Алжирскую Сахару). За резолюцию голосовали 47 государств (в том числе – все страны социализма, представленные тогда в ООН), против – 20 (включая государства НАТО), воздержались – 28 [85].

У революции буквально открылось второе дыхание. Шествия и забастовки стали наиболее распространенной формой борьбы ФНО в городах. В январе-мае 1961 г. они происходили

в гг. Оран, Бон, Константина, Джиджели и многих других. В ответ на угрозу де Голля произвести раздел Алжира, почти во всех городах страны 1 и 5 июля 1961 г. были проведены по призыву ВПАР забастовки и многочисленные демонстрации под лозунгом: "Никакого раздела! Вся власть – ВПАР!" При этом полицией были убиты и ранены 266 алжирцев [86].

В марте 1961 г. правительство Франции объявило о начале переговоров с ВПАР. Однако открытие переговоров всячески затягивалось французской стороной. 22-26 апреля 1961 г. реакционные генералы Шалль, Салан, Жуо и Зеллер организовали военно-фашистский путч среди некоторой части французской армии в Алжире. Быстрое подавление путча благодаря единодушному выступлению народа Франции заставило французское правительство начать все же в мае 1961 г. переговоры, которые дважды (в июне и в августе 1961 г.) прерывались ввиду стремления французов навязать алжирцам неприемлемые условия соглашения (например, отторжение Сахары, сохранение привилегий европейцев). Однако всеобщие забастовки рабочих, служащих и торговцев, массовые патриотические демонстрации, непрекращающиеся бои и стычки карателей с партизанами, ожесточенные (с убитыми и ранеными) стычки французской полиции с борцами за мир в Алжире и в самой Франции, открытое осуждение алжирской политики Франции на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, решительная поддержка ФНО Советским Союзом и большинством независимых государств Азии и Африки – все это побуждало правительство де Голля изыскивать пути к мирному исходу затянувшегося конфликта. Этому пыталась тщетно помешать фашистская "Секретная вооруженная организация" (ОАС), развернувшая с марта-апреля 1961 г. террор в Алжире и во Франции. Ее возглавили лидеры апрельского путча генералы Салан и Жуо (Шалль и Зеллер сдались властям).

В ОАС влились наиболее ожесточившиеся "ультра", а также – множество дезертиров из французской армии (особенно – иностранных легионеров, "пара", офицеров – "психологов" и контрразведчиков). Жуо, Годар, а также – лидеры путчей 1958 г. и 1960 г. Лагайярд и Мартель стали заместителями Салана – "генерального комиссара" ОАС. Ему подчинялись, по Н.Генчеву, 20 тыс. "активистов" под эгидой 400 главарей групп и 24 руководителя "провинций" (включая зарубежные центры ОАС в Мадриде, Барселоне, Риме и Гамбурге). К концу 1961 г. только в Алжире было 110 групп, 88 "партизанских" отрядов, 60 складов оружия и 119 тайных явок ОАС.

Заодно с ОАС были предатели-алжирцы: 800 “харки” башаги Саида Буалама (крупного феодала на западе страны) и 800 “синих” бывшего капитана АНО “Си Шерифа”, якобы ставшего “французским полковником” [87].

Франко-алжирские переговоры длились около года. Несмотря на взаимную неуступчивость, они способствовали уточнению позиций сторон и фактически означали признание ФНО. С июля 1961 г. бои постепенно начали затихать по всему Алжиру. Обе стороны, упорствуя в официальных декларациях, продолжали тайные контакты (в Бейруте и Риме в конце 1961 г.), в результате которых состоялась секретная встреча полномочных делегаций в местечке Русс (Франция) 12-19 февраля 1962 г., наметившая основные пункты возможного соглашения. Срочно созванный на специальную сессию НСАР 22-27 февраля ратифицировал этот проект. 7 марта переговоры возобновились во французском курортном городке Эвиане. В делегацию ВПАР (как и в Руссе) входили Б.Крим (глава) и еще 3 члена ВПАР (Дахлаб, Язид, Бен Тоббаль), а также 5 членов НСАР. Делегацию Франции из 8 человек (включая 4 министров) возглавлял (как и на всех переговорах до этого) министр по делам Алжира Луи Жокс. После 12-дневных дискуссий окончательный текст соглашений был утвержден 18 марта 1962 г. От имени ВПАР его подписал Б.Крим, от имени Франции — Л.Жокс.

Эвианские соглашения фактически означали признание Францией независимости Алжира и определяли юридические возможности ее обретения (путем проведения в стране референдума). Они гарантировали суверенитет и единство территории будущего независимого Алжира, на что Франция долго не соглашалась. В то же время они были плодом компромисса: Франция сохраняла на несколько лет свои войска и базы в Алжире, нефтегазовые концессии в Сахаре, обязалась оказывать культурную, финансовую и техническую помощь. Эти уступки оставляли возможность для политического давления Франции в будущем на независимый Алжир. Характерно, что глава ВПАР Бен Хедда (сменивший Аббаса в августе 1961 г.) настаивал на соответствии соглашений “неоднократно провозглашенным принципам революции”, а де Голль делал упор на “многочисленных связях” и “особом влечении” между Алжиром и Францией, получивших подтверждение в Эвиане [88].

Отрицательные стороны соглашений были неизбежны, ибо без уступок со стороны алжирцев ни один состав руководства ФНО не смог бы вырвать у правящих кругов Франции

главного – согласия на политическую независимость. Все дело было в том, как применить эти соглашения на практике. "Мы были не против Эвианских соглашений – уточнял Бумедьен позднее. – Но мы были озабочены подбором лиц, призванных их применять. ВПАР вкладывало в них неоколониалистский смысл" [89]. Крим потом ссылался на предварительное одобрение текста соглашения Бен Беллой и другими лидерами – "узниками". Однако Бен Белла утверждал: "Ни для кого не было секретом, что я был с самого начала против Эвианских соглашений, находя их слишком жесткими. Тем не менее, я согласился на их подписание, когда они были улучшены по нашему предложению" [90].

На ход переговоров в Эвиане несомненно повлияла резкая активизация деятельности ОАС в конце 1961 г. – начале 1962 г. Во Франции оасовцы в основном подбрасывали взрывчатку и пластиковые бомбы в дома и автомобили видных политических деятелей, журналистов, профсоюзных активистов и просто известных сторонников прекращения алжирской войны. Но в Алжире ОАС организовала подлинно массовый террор. Систематически совершались убийства присланных из Франции офицеров, чиновников, судей и комиссаров полиции, что должно было продемонстрировать бессилие власти де Голля в колонии. Развернутая оасовцами "охота на арабов" преследовала целью запугать коренное население и заставить его покинуть населенную европейцами прибрежную зону. Манифестации "ультра" с избиениями и линчеванием алжирцев на улицах, поджогами и разграблением мусульманских лавок вскоре сменились хладнокровными расстрелами алжирцев, осмеливавшихся появляться в европейских кварталах, обстрелом арабских районов из пулеметов и минометов. "Эскалация насилия" ОАС в 1962 г. сопровождалась установлением ею жесткого контроля над европейским населением, регулярными поборами с него, грабежом банков (например в Банке Алжира оасовцы похитили 2225 млн. фр.). Только в январе 1962 г. ОАС убила 55 и ранила 990 человек [91].

Все это побуждало и ВПАР, и де Голля спешить с решением алжирского вопроса. Один из критиков Эвианских соглашений на деле признал их обоснованность, сказав: "В Алжире сейчас – три власти, явно неравные по силе – деголлевская, ФНО и ОАС. Мир вернется, только если две из них объединятся для устранения третьей" [92]. Характерно, что НСАР, понимая всю необходимость ратификации соглашений, почти единодушно утвердил их проект (против него голосовали лишь Бумедьен и

его 3 помощника). Это доказывает (наряду с прочими фактами) несостоятельность еще бытующего в литературе представления об Эвиане как якобы "сделке между французским колониализмом и алжирской буржуазией" [93]. Пожалуй более прав югославский журналист, историк и дипломат Здравко Печар, считавший Эвиан "исторической необходимостью" [94]. Согласно Эвианским соглашениям АНО сохранила свои части в районах, контролировавшихся ею к 18 марта 1962 г. Большая часть территории страны осталась под контролем французской армии. Но и здесь ФНО стал постепенно переходить на легальное положение, открыто расширяя деятельность ПАО по всей стране. В некоторых городах (Алжир, Оран, Сиди–Белль–Аббес) этому мешал разгул террора ОАС, надеявшейся сорвать выполнение соглашений, спровоцировав взаимную резню, что должно было, по мысли главарей ОАС, вызвать возобновление войны. Только в марте-апреле 1962 г. оасовцы убили свыше 3 тыс. алжирцев [95].

В марте 1962 г. был образован Временный исполнительный орган (ВИО). В его состав, кроме председателя Абд ар-Рахмана Фареса (тайного посредника между ФНО и де Голлем в 1958-1961 гг.) также вошли 3 европейца и 8 алжирцев (5 – от ФНО). На деле власть ВИО была фиктивной, сводясь к посредничеству между ВПАР и верховным комиссаром Франции (им был назначен Кристиан Фуше), который и осуществлял власть в основной части Алжира, опираясь на армию и, теоретически, колониальную администрацию (на деле большинство ее кадров выполняло приказы ОАС). В зонах контроля АНО полновластные главы вилай, по выражению Н.Генчева, "установили единый режим политического "феодализма", основанный на личных, местных и групповых интересах" [96]. К тому же, в целях противостояния угрозе со стороны ВИО и ОАС вилайи привлекли в свои ряды многие сомнительные и ненадежные элементы. Опьяненные легко доставшейся властью и престижем, эти борцы "19 марта" (т. е. дня прекращения боев) провоцировали возмущение народа произвольными поборами, арестами и прочим разбоем. Особую ярость населения вызывали заключавшиеся ими насильственные браки. Эти эксцессы, как и самовластие командиров вилай, сопровождались своего рода "субвилайизмом", т.е. фактической анархией отдельных зон и отрядов, самочинно перекрывавших пути сообщения, вводивших свои "налоги" и т.п. Практически ФНО не смог в подобном хаосе проводить единой политики. Зыбкость и ненадежность ситуации, постоянная конкуренция властей

(Франции, ВПАР, ВИО, ОАС и вилай) тормозили выполнение соглашений и нормализацию обстановки. Ввиду этого ВПАР и ВИО стали прилагать все силы для сотрудничества с де Голлем в целях обуздания ОАС.

ОАС еще 13 марта объявила о создании в Алжире "временной центральной власти" во главе с Саланом. После 18 марта, отдав приказ о "всеобщем наступлении", Салан непосредственно столкнул европейцев с французской армией. Только в г.Алжир 26 марта были убиты 15 солдат и 70 европейцев, ранены 17 солдат и 200 европейцев [97]. Однако, это лишь изолировало ОАС от верхушки армии. Вожди ОАС, ранее скрывавшиеся благодаря сообщничеству военных кругов, были вскоре арестованы (в марте 1962 г. — Жуо, в апреле — Салан). Это окончательно лишило "ультра" всех надежд на "возрождение французского Алжира" (особенно — после референдума 8 апреля 1962 г. во Франции, одобрившего алжирскую политику де Голля). Бегство европейцев из Алжира, начавшееся еще осенью 1961 г., ускорилось. ОАС, ранее этому препятствовавшая, теперь стала его поощрять, одновременно начав проводить в Алжире тактику "выжженной земли", взрывая и поджигая промышленные предприятия, административные учреждения, школы, больницы. В течение нескольких месяцев Алжир покинули свыше 820 тыс. европейцев, в подавляющем большинстве выехавших во Францию. Лишь 5 тыс. испанцев (всего 2-3% их общей численности) направились в Испанию, а 10 тыс. евреев (1/12 их часть) — в Израиль. В стране осталось всего 170 тыс. европейцев [98].

Для алжирского народа революция не кончалась завоеванием политической независимости. Алжирцы жаждали ее продолжения. Именно поэтому среди них быстро распространился слух о том, что в Эвиане ВПАР предало идеалы революции, запутавшись в неоколониалистских сетях де Голля. Отражением этих настроений и явилось после освобождения министров-"узников" 19 марта 1962 г. оформление нового левого крыла ФНО во главе с Бен Беллой. Основной его силой стала опора на "внешнюю" АНО. "Наша революция, — говорил Бен Белла, — будет развиваться, пока не достигнет своих целей. Первейшая из них — аграрная реформа. Существует миллион алжирских семей, не имеющих ни пяди земли, и АНО на 80% состоит из крестьян. Алжирская революция должна будет держать винтовку в левой руке и плуг — в правой!" [99]. Отмежевываясь от стремления ВПАР все приспособить к "тому, что говорила о развитии революции деголлевская Франция", он

ориентировался на прогрессивные арабские страны, особенно — на Египет [100]. Делая упор на "специфике" алжирского социализма, Бен Белла признавал значение опыта социалистических стран, особенно Кубы и Югославии [101]. В апреле 1962 г. он признал: "Усиление социалистического лагеря, изменив соотношение сил на международной арене, создало благоприятные условия для успеха нашей революции" [102].

Декларации Бен Беллы перекликались с чаяниями бедного крестьянства, широко представленного в АНО, с революционно-демократическими и стихийно-социалистическими настроениями, доминировавшими тогда в Алжире. Как отмечала в 1976 г. Национальная Хартия АНДР, в 1962 г. "муджахиды и активисты расценивали идею создания буржуазного государства как сугубо контрреволюционную, усматривая тесную диалектическую связь между народным характером освободительной борьбы против колониализма и социалистическим характером нового общества, которое предстояло построить [103].

Сессия НСАР 25 мая — 6 июня 1962 г. в г.Триполи (впоследствии она была признана вторым, после Суммама, официальным съездом ФНО) приняла новую программу ФНО, разработанную комиссией во главе с Бен Беллой. В состав комиссии входили также видные политические деятели М.Язид, М.Бен Яхья, Р.Малек, крупнейшие идеологи и историки М.Лашраф и М.Харби. Текст программы долго оставался в тайне и был впервые опубликован только в сентябре 1962 г. [104]. Триполийская программа ставила задачи "народной демократической революции", которая понималась как "сознательное созидание на основе социалистических принципов и народовластия". Она остро критиковала "политические недостатки ФНО и антиреволюционные уклоны", проявившиеся в патернализме, авторитарности и "феодальном духе", различные формы которого могут воспринять "даже народные революции, если им не хватает идеологической бдительности. Так же как существует земельный феодализм, имеется и феодализм политический..., возможный благодаря отсутствию всякого демократического воспитания активистов и граждан".

Основными классами, составляющими базу революции, назывались крестьяне, пролетариат и полупролетариат, а также — "то, что можно назвать мелкой буржуазией". "Малозначительный буржуазный класс" рассматривался как участвующий в движении лишь "эпизодически" и часто "по соображениям

оппортунизма". По мнению авторов программы, задачи революции не мог решить один какой-нибудь класс, а должен решать весь народ, т.е. "крестьянство, трудящиеся вообще, молодежь и революционные интеллигенты". Именно из них, указывалось в программе, должен "формироваться сознательный авангард". Программа обращала внимание на опасность извращения целей революции: "Буржуазия является носительницей оппортунистический идеологии, характерные черты которой составляют пораженчество, демагогия, панические настроения, беспринципность и отсутствие революционных убеждений, т.е. все то, что прокладывает путь неоколониализму. Бдительность требует немедленной борьбы с этой опасностью и предотвращения, путем соответствующих мер, расширения экономической базы буржуазии, связанной с неоколониальным капитализмом".

Камнем преткновения на сессии в Триполи стал вопрос реорганизации ФНО в политическую партию. Генштаб АНО еще в августе 1961 г. предлагал создать Политбюро ФНО для контроля над ВПАР, координации и реорганизации военно-политической структуры ФНО. На сессии в Триполи было, наконец, решено создать Политбюро и поручить ему превратить ФНО в партию. Однако этот вопрос явился динамитом, взорвавшим формальное единство ФНО. НСАР раскололся и официально не принял никакого решения, хотя фактически, как стало известно позже, сессия избрала состав Политбюро, не угодный ВПАР, и подвергла ВПАР жестокой критике. Однако обе стороны не хотели обнародовать свои разногласия за несколько недель до референдума о независимости перед лицом мощной французской армии, преграждавшей им путь на родину, а также — опасаясь сыграть на руку еще бесчинствовавшей тогда в Алжире ОАС.

17 июня 1962 г. ВИО заключил соглашение с ОАС (при одобрении ВПАР) на условиях объявления амнистии оасовцам и пополнения подчиненных ВИО "сил порядка" европейцами. Часть ОАС (в Оране) не признала соглашение и продолжала террор до 26 июня. Но на остальной территории страны соглашение позволило беспрепятственно провести подготовку к референдуму.

1 июля 1962 г. 99% алжирских избирателей, включая европейцев, проголосовали за независимость страны [105]. В тот же день подразделения АНО, приветствуемые народом, вступили во многие города. 3 июля независимость Алжира была официально признана Францией и провозглашена главой ВИО.

Прибывшее немедленно из Туниса ВПАР (за исключением Бен Беллы и Хидера – ключевых фигур избранного в Триполи Политбюро ФНО) решило считать днем независимости 5 июля (ровно за 132 года до этого, 5 июля 1830 г., французы заняли город Алжир). Однако празднование независимости, обретенной ценой тяжелых потерь, не снизило накала политической борьбы. Начался новый этап в истории Алжира, прежде всего связанный с возрождением национального государства.

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Обретение Алжиром государственного суверенитета выдвинуло на политическую авансцену новые (экономические, социальные, культурные) проблемы и новых людей. Общенациональных и общедемократических лозунгов теперь уже было недостаточно. Пришло время не только их конкретизации, но и претворения в жизнь. Сделать это оказалось неимоверно трудно. У молодого государства не было ни финансовых средств, ни подготовленных кадров, ни технических возможностей. Поэтому наиболее тяжелым периодом в становлении нового Алжира явились первые 3 года его независимого существования, в течении которых между алжирцами, к сожалению, не было согласия по поводу решения проблем страны, кипели споры, временами переходившие в жестокие столкновения.

Независимый Алжир должен был прежде всего ликвидировать последствия 132 лет колониального господство Франции. К массовой безработице, нищете и прочим "обычным" бедствиям колониального гнета в Алжире добавились жертвы и разрушения 8-летней войны и погромно-террористической деятельности ОАС. Организованный оасовцами исход европейцев длился вплоть до конца 1962 г. Страну покинули более 80% европейцев (а также 20-30 тысяч алжирцев), т.е. основная часть ранее работавших в Алжире техников, преподавателей, врачей, инженеров, а также 70% колонистов, коммерсантов, мелких и средних предпринимателей, которые вывезли, где смогли, оборудование, прихватив с собой капиталы и необходимую документацию. Французские чиновники уничтожили или увезли во Францию важнейшие архивы. Все это негативно отразилось на экономике и культурной жизни страны. Большинство промышленных предприятий Алжира (до 90%) простаивали вплоть до конца 1962 г. Наблюдались рост цен и нехватка продовольствия. Безработица достигла катастрофических размеров: из 3 млн. трудоспособных алжирцев 2 млн. не имели работы. Почти половина населения страны (до 4600 тысяч человек), главным образом старики, дети, вдовы, сироты, остались без средств к существованию, часто – даже без крыши над головой [1]. К тому же, летом 1962 г. ФНО пережил острый внутренний кри-

зис, расколовшись на сторонников ВПАР и созданного в Тлемсене Политбюро. Кризис был окончательно разрешен только после выборов 20 сентября 1962 г. в Национальное учредительное собрание. ВИО и ВПАР сложили свои полномочия. Председатель собрания Ф.Аббас 26 сентября 1962 г. провозгласил Алжир Народной Демократической Республикой (АНДР). Первое правительство республики возглавил Ахмед Бен Белла, поддержанный большинством ФНО и АНО. Во время июльско-сентябрьского кризиса 1962 г. это большинство выступило против соглашательства ВПАР и анархии "вилайистов", за сплочение всех патриотических сил на основе программы Триполи.

Триполийская программа ФНО отвергла "экономический либерализм", т.е. свободу частного предпринимательства. Осуждая засилье иностранного капитала и "антинародной бюрократии", выдвигая требования национализации природных ресурсов, средств транспорта, банков, страховых кампаний, внешней торговли, она принципиально выступала за "политику планирования при демократическом участии трудящихся в руководстве экономикой", за аграрную реформу с передачей земли тем, кто ее обрабатывает, за "демократическую организацию крестьян в производственные кооперативы". Правительство Бен Беллы ориентировалось на антиимпериализм и предусмотренные в Триполийской программе принципы, особенно - на следующий ее тезис: "Реальные возможности освобождения от империализма создает поддержка социалистических стран, которые в различной форме выступали на нашей стороне во время войны и с которыми мы должны укреплять уже существующие связи" [2]. Неудивительно, что покидавшие Алжир французы в аэропорту сталкивались со спешившими в Алжир болгарскими врачами и агрономами, югославскими инженерами и экономистами, советскими экспертами, учителями из Египта и Сирии. Очень важно подчеркнуть влияние морально-политической, дипломатической, материальной и военной помощи СССР, Югославии, Китая и других стран социализма алжирцам в период 1954-1962гг. на выбор независимым Алжиром пути дальнейшего развития. Большинство алжирцев любых убеждений отдавали себе отчет в том, что лишь "социалистическая перспектива" (как говорили тогда и сторонники, и противники первого правительства АНДР) и ориентация на опыт стран социализма может помочь свободному Алжиру в кратчайший срок преодолеть разруху. Недаром Бен Белла еще в марте

1962 гг. сказал: "Алжирская республика будет социалистическим государством" [3].

На первых порах, однако, пришлось исходить из реального положения и считаться с интересами бывшей метрополии. Франция в соответствии с условиями Эвианских соглашений послала в Алжир около 15 тыс. специалистов. Она оказала Алжиру финансовую помощь в 1963 г. в размере 1050 млн. франков, дала ряд займов. Однако переговоры о предоставлении этой помощи французские правящие круги использовали для оказания разного рода давления на экономически зависевшую от них республику. Вследствие этого долгое время оставалась в неприкосновенности собственность сбежавших во Францию европейцев. Кроме того, Франция стремилась обеспечить интересы 15 действовавших к тому времени в Алжире французских нефтяных компаний (а также деливших с ними концессии в Сахаре 12 американских, 5 западногерманских, 4 итальянских и 3 английских фирм) [4]. Это создавало в Алжире своеобразное положение, при котором было трудно реализовать на деле многие важные пункты Триполийской программы.

"Общественный порядок ежедневно нарушался, — говорил Бен Белла о первых месяцах своего правления, — участились случаи грабежей и убийств. Безопасность людей и имущества находилась под постоянной угрозой. Государственной власти практически не существовало. Администрация постепенно распадалась. Повсюду царила анархия. Экономическое положение страны было почти катастрофическим. Большинство земель, ферм, виноградников было брошено... Почти все строительные работы были прекращены. Сотни школьных помещений были разрушены" [5]. Бен Белла начал с наведения порядка с помощью Национальной народной армии (ННА), в которую с сентября 1962 г. была переименована АНО, опираясь во многом на авторитет и волю Хуари Бумедьена, ставшего министром обороны, вице-премьером и вообще вторым человеком в государстве. Вместе с тем, выступив "против всякой формы военной диктатуры", Бен Белла выдвинул идею превращения муджахидов в "армию народа и на службе народу", активно участвовавшую в возрождении страны. Наряду с этим Бен Белла, совершив в октябре 1962 г. поездку на Кубу (вопреки возражениям США), воспринял много от Фиделя Кастро, часто и долго выступая перед многотысячными толпами, привлекая своим ораторским искусством симпатии молодежи и женщин, заботясь о беспризорных детях, безжалостно вычищая из адми-

нистрации, армии и аппарата ФНО (ставшего правящей партией) своих противников, оппонентов, соперников и конкурентов. Вместе с тем он подчеркивал "арабский и мусульманский характер" АНДР [6]. Централизация государственного управления и укрепление госаппарата сопровождались особым упором на "национальной самобытности, базирующейся на арабо-исламском наследии". Эта политика проводилась в школах, университете, системе среднего образования с целью избавится от навязанной Алжиру офранцуженности. Высказываясь неоднократно по поводу "арабизма", Бен Белла понимал под этим "главным образом философию, этику, отношение к жизни" [7].

Поскольку первое правительство АНДР вынуждено было ради восстановления разрушенного хозяйства привлечь к сотрудничеству частный капитал, в стране резко возросла активность т.н. новой национальной буржуазии. Она перекупала (а то и просто отнимала) у европейцев различные предприятия и магазины, незаконно присваивала дома и квартиры, занималась всевозможными спекуляциями и всячески наживалась. Воспользовавшись нехваткой образованных людей, представители буржуазии и буржуазной интеллигенции стремились проникнуть и в госаппарат АНДР, в механизм ФНО и власти на местах. Аннулировав сделки с "бесхозным движимым и недвижимым имуществом", правительство Бен Беллы нанесло удар по поднимавшемуся слою нуворишей, лишив их незаконных доходов и возможности расхищать "народное достояние", действуя "в ущерб государству ". Благодаря усилиям революционного крыла ФНО госаппарат АНДР был реорганизован во многом за счет привлечения в него ветеранов ФНО и особенно бывших офицеров АНО. Однако собственных квалифицированных кадров, в том числе — в сфере управления, Алжиру еще не хватало. В первые годы независимого существования он не мог отказаться полностью от услуг чиновников прежней колониальной администрации, а также — вынужден был прибегать к помощи иностранных советников и экспертов. В результате, например, в 1963 г. в госаппарате АНДР наряду с 34 тыс. активистов ФНО работали также более 22 тыс. старых служащих колониальной школы и почти 14 тыс. иностранцев [8].

Вследствие экономической разрухи лишь часть предприятий смогла в 1962 г. возобновить работу. На многих из них рабочие, не дожидаясь возвращения хозяев (в основном — европейцев, покинувших Алжир вместе с капиталами, технической документацией и, очень часто, с инженерным персоналом),

сами налаживали производство и управляли предприятием. Но отсутствие средств, техники (зачастую вывезенной) и квалификации очень этому мешало. Почти всюду этот эксперимент удавался лишь при активной помощи профсоюзов и АНО. "Эти демократически избранные комитеты самоуправления — говорил Бен Белла 4 декабря 1962 г. — способствуют действительному социальному и экономическому возвышению трудящихся, которые таким образом непосредственно приобщаются к руководству предприятиями" [9].

Батраки и безземельные крестьяне, многие из которых в годы войны отстаивали свое право на землю с оружием в руках, также стали по своей инициативе занимать земли и фермы, покинутые колонистами, а для руководства совместными полевыми работами — избирать из своей среды комитеты крестьянского самоуправления. Декрет правительства от 22 октября одобрил эту инициативу снизу, одновременно узаконив и уже созданные комитеты самоуправления на промышленных предприятиях. Но в декрете еще оговаривался временный характер этой меры (по Эвианским соглашениям Алжир мог национализировать собственность французских граждан лишь при условии заранее определенного "справедливого возмещения"). Тем не менее, курс правительства был совершенно ясен. Амар Узган, занявший в нем пост министра сельского хозяйства и аграрной реформы, устраивал каждый раз при учреждении очередного крестьянского комитета самоуправления торжественную церемонию, садясь за руль югославского трактора и вспахивая первую борозду. "Государство — писал впоследствии историк и социолог Омар Карлье — больше не подгоняло народ, оно служило ему". Он видел проявление этого и в поведении других министров: в частых выступлениях и поездках по стране министра по делам ветеранов революции Саида Мохаммеди, в постоянных беседах с людьми и выслушивании их жалоб министра социальных дел Ахмеда Махсаса, в призывах к социальной справедливости министра религиозных дел Тауфика аль-Мадани, требовавшего от богачей пожертвований в пользу бедняков "в соответствии с духом Корана" [10].

Право колонистов и предпринимателей вновь вступить во владение своей собственностью в случае их возвращения в Алжир гарантировалось. Те же из них, кто остался, продолжали обогащаться. Официальные меры (контроль над ценами, чистка госаппарата от коррупционеров, секвестрование предприятий хозяев-саботажников) не подрывали экономическую базу

их дальнейшего роста. Это вызывало недовольство трудящихся, не желавших, чтобы их усилия по восстановлению экономики страны служили на благо прежних угнетателей. С февраля 1963 г. на предприятиях многих европейцев стихийно начались массовые забастовки алжирских рабочих, возмущавшихся процветанием многих оставшихся в стране "сеньоров" колонизации вроде Анри Боржо, крупнейшего винодела Алжира еще со времен 40–50-х годов.

Правое крыло ФНО во главе с тогдашним генеральным секретарем Политбюро М.Хидером возражало против радикальных изменений сложившегося положения. Хидер стремился поставить под свой контроль деятельность правительства, установить авторитарную "твердую власть", ограничить роль бывших партизан и патриотов-подпольщиков. В январе 1963 г. по его инициативе был фактически разогнан съезд профсоюзов, из руководства которых изгонялись демократически мыслившие активисты. Объективно подобная позиция отражала взгляды буржуазно-бюрократических элементов, усиливших свои позиции с ноября 1962 г. после официального роспуска АКП. Однако Бен Белла, опираясь на подъем рабочего и крестьянского движения, твердо противостоял правым. В начале мая 1963 г. Хидер и его приверженцы были сняты со всех постов в госаппарате и структуре ФНО. Еще раньше Хидер был практически отстранен от решения главных проблем государства и особенно армии.

18 марта 1963 г., т.е. в первую годовщину подписания Эвианских соглашений, Франция провела ядерные испытания в Алжирской Сахаре, вызвав возмущение алжирцев, что резко обострило политическую обстановку в стране. Правительство АНДР ответило на это мартовскими декретами 1963 г., обобществив всю собственность сбежавших из Алжира французских граждан. То же было сделано с имуществом предпринимателей, не возобновивших производства или сделавших это частично. "Эта мера, – говорил Бен Белла – кладет начало проведению аграрной реформы и предвосхищает обобществление производства и распределения в сфере промышленности и торговли" [11].

В руки государства перешли 800 промышленных и торговых предприятий, а также 1200 тыс. гектаров лучших в стране земель [12]. Одновременно правительство усилило борьбу и против той части алжирской буржуазии, которая скупала собственность покинувших Алжир европейцев. Вследствие этого десятки и сотни спекулянтов, нажившихся за годы войны и в

первые месяцы после независимости, были лишены незаконно приобретенных магазинов, отелей, ресторанов, кинотеатров и жилых домов. Каждый национализированный объект избирал комитет самоуправления, а там, где они уже были, мартовские декреты превращали их из временных в постоянные. Комитеты должны были избираться, в соответствии с законом, тайным голосованием на общем собрании всех работников и ежегодно обновляться на 1/3. Получив права распорядителя самоуправляемого предприятия или хозяйства, они, в соответствии с полученной прибылью, определяли размеры ежегодных премий, выплачивавшихся сверх гарантированного минимума заработной платы. Впоследствии в организацию самоуправляемого сектора вносились изменения и усовершенствования, имеющие целью укрепить его экономически. Бен Белла фактически установил в стране революционно-демократическую диктатуру по кубинско-югославскому образцу. Он сам говорил, что для него "Кастро — брат, Насер — учитель, но Тито — образец" [13]. Будучи, как Насер и Кастро, одаренным оратором, умевшим зажечь толпу, он большое значение придавал личному общению с массами и вообще личностному фактору в политике. Так же, как они, он стремился к объединению всех активных политических сил (в том числе несоединимых) в рядах единой правящей партии и к абсолютной единоличной власти в ней. Как Тито он уделял большое внимание армии как своей опоре, самоуправлению — как форме обратной связи народа и власти, но особенно — независимости как во внутренней, так и во внешней политике. "Превращение колониального раба в нового человека-созидателя — вот задача, которой мы будем руководствоваться в нашей внутренней политике", — сказал он еще в октябре 1962 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН [14]. Тогда же он откровенно заявил симпатичному ему президенту США Кеннеди: "За что вы преследуете Кастро?.. Предупреждаю, если вы с нами поведете себя как с ним, то будете иметь вторую Кубу в Африке" [15]. Неудивительно, что после этого многие деятели Третьего мира, в частности китайский премьер Чжоу Энь Лай, стали называть Алжир "африканской Кубой".

В адрес Бен Беллы постоянно критически высказывались деятели Франции, США и самого Алжира, обвинявшие его в "тоталитаризме", "диктаторстве" и т.п. Ставший соперником Бен Беллы Хосин Айт Ахмед называл его "всего лишь сержантом", обвинял в "псевдосоциализме" и в том, что он "заимствовал у русской революции только ее ошибки, осужденные и

исправленные самими советскими людьми" [16]. Один из основателей ФНО Мухаммед Будиаф, еще в Триполи выступив против Бен Белы, летом 1962 г. призывал муджахидов Кабилии "сражаться до последней капли крови против диктатуры личности" [17]. Однако можно ли было возродить Алжир как государство иначе, чем методами революционной диктатуры? В стране, где существовали вплоть до осени 1962 г. 10 "относительно независимых центров власти": ВПАР, ВИО, "внешняя" АНО, 6 вилай, "ревниво оберегавших свою самостоятельность" и 5 "министров-узников" во главе с Бен Беллой, "имевших значительный моральный авторитет ввиду их прежнего вклада в развитие революции и долгого заключения во французских тюрьмах" [18]. Кстати, Айт Ахмед и Будиаф (как и разошедшийся с Бен Беллой позднее Хидер) тоже были "министрами-узниками".

В подобной ситуации и в такой стране как Алжир вряд ли была альтернатива избранному Бен Беллой курсу. Тем более, как признал впоследствии Бумедьен, поддерживавший тогда Бен Беллу: "Мы получили страну без власти и без экономики. Более того, миллионы алжирцев, вышедших из концлагерей и тюрем, сами по себе были трудной социальной проблемой. Добавьте к этому еще дух регионализма (намек на кабильский партикуляризм Айт Ахмеда, Будиафа и Крима — *Р.Л.*), борьбу за власть и богатство, а также серьезные волнения во всех районах страны... попытки распылить армию, единственную стабильную силу и условие успеха, посеять рознь между борцами" [19].

Учредительное собрание Алжира приняло в августе 1963 г. проект первой конституции АНДР, который был утвержден путем референдума 8 сентября. Главой исполнительной власти и главой государства стал президент, избираемый сроком на 5 лет всеобщим и тайным голосованием по назначению ФНО, провозглашенного "единственной авангардной партией Алжира", которая "осуществляет цели народной демократической революции и строит социализм в Алжире" [20]. Избрание президентом Бен Беллы вызвало в Кабилии мятеж лично враждовавшего с ним Айт Ахмеда, создавшего оппозиционную (фактически регионалистскую) партию Фронт социалистических сил (ФСС). Одновременно был спровоцирован алжиро-марокканский пограничный конфликт. Однако правительство и руководство ФНО справились с положением, нейтрализовав мятежников и добившись мирного урегулирования спора с Марокко.

1 октября 1963 г. в Алжире были национализированы все земли, еще остававшиеся в руках колонистов. В результате самоуправляемый сектор в сельском хозяйстве охватил уже более 2 тыс. хозяйств и 300 тыс. работников на 3,1 млн. гектарах самых плодородных земель, которые, составляя 39% обрабатываемых площадей, давали 60-70% всей продукции сельского хозяйства страны [21]. В то же время самоуправление было введено еще на некоторых промышленных и других предприятиях. В 1964 г. оно действовало на 413 предприятиях с 15545 рабочими [22]. В конце октября 1963 г. был проведен съезд делегатов самоуправляемого сектора сельского хозяйства, а в марте 1964 г. — съезд представителей самоуправляемых и других государственных промышленных предприятий. Решения обоих съездов способствовали определенному укреплению обобществленного сектора, контролировавшего в 1964 г. около 20% экономики страны [23].

Отвечая на обвинения в "диктаторстве", Бен Белла говорил: "Диктаторы не гуляют пешком среди своего народа и не заботятся об улучшении участи бедных людей, а это дает нам основание заявить всем подстрекателям беспорядков, которые действуют как в самой нашей стране, так и из-за границы: у нас нет диктатуры; то что у нас есть, носит имя социализма". Однако, четкого определения этого социализма не было. Говорилось лишь, что это "социализм действия, социализм с ясными целями, социализм, основанный на алжирской действительности, арабский и мусульманский социализм". На деле он сводился к личной власти Бен Беллы как харизматического и очень популярного (особенно в 1962-1964 гг.) лидера, однопартийному режиму ФНО, разраставшийся аппарат которого постепенно прибирал страну к рукам, все увеличивавшемуся влиянию ННА, которая, кроме чисто военных функций, выполняла и экономические, участвуя в пахоте, сборе урожая, лесопосадках, строительстве разных сооружений, а также — в управлении некоторыми предприятиями и кооперативами ветеранов революции. Лучше всего положение ННА характеризует то, что средний доход ее офицеров (4 тыс. динаров) в 5 раз превышал средний доход по стране. В 1965 г. на армию были затрачены 15% национального бюджета [24].

Практически Бен Белла, имевший лишь среднее образование, не выработал, да и не мог выработать теории "своего" социализма. Он поступал так, как подсказывали ему эмоции, политический опыт, интуиция и разные советники и советчики. Самоуправлением в основном занимались в его окруже-

нии Мишель Пабло (председатель троцкистского "4-го Интернационала" Микаэлис Раптис) и близкие к нему идейно Мухаммед Харби (главный редактор журнала ФНО) и египтянин Сулейман Лютфаллах. Много черпал Бен Белла (особенно – в деле государственного строительства) из опыта СССР и Китая, в деле созидания партии (так и незавершенного) – из опыта Югославии и Кубы. Советовался он, по некоторым сведениям, и с лидерами формально запрещенной АКП, особенно с Анри Аллегом, Абд аль-Хамидом Бензином и Б.Х.Али.

16-23 апреля 1964 г. в г.Алжир был проведен съезд ФНО, 3-й по счету после съездов в Суммаме и Триполи. В его работе участвовали делегаты организаций ФНО на местах, его ячеек на самоуправляемых предприятиях, делегаты профсоюзов и других массовых общественных объединений, а также депутаты Национального собрания и члены Национального Совета алжирской революции, руководившего ФНО в годы войны 1959-1962 гг., – всего 1900 человек. Съезд принял новую программу ФНО – Алжирскую Хартию, которая провозгласила самоуправление формой "непрерывного развития национальной народной революции в социалистическую революцию". Считая необходимой постоянную борьбу против буржуазии, Хартия в тоже время предусматривала (явно в духе установок 4-го Интернационала) "политику нейтрализации" средних слоев города и деревни. Авторы Хартии особенно опасались бюрократической буржуазии, предсказывая (и, как видно теперь, вполне обоснованно), что этот социальный слой "может представить наибольшую угрозу для развития революции по сравнению с любой другой современной общественной силой". Съезд принял решение принимать в ряды ФНО прежде всего простых рабочих и бедных крестьян, а также "последовательных революционеров, еще находящихся вне его рядов" (чем вскоре воспользовалась часть членов АКП). Все активисты ФНО были обязаны дать информацию о своих доходах, начиная с 1954 г. Эксплуатация наемного труда считалась несовместимой с пребыванием в рядах ФНО [25].

Вскоре после окончания съезда Бен Белла совершил официальный визит в СССР (25 апреля – 7 мая 1964 г.). "Нас радует, – сказал, встречая его, руководитель СССР Н.С.Хрущев, – что вы будете строить жизнь на социалистических началах, что в своем строительстве вы будете руководствоваться научным социализмом" [26]. И хотя стороны предпочли не уточнять, как они понимали "научность" этого

социализма, да и саму его суть, было объявлено о присвоении Бен Белле звания Героя Советского Союза и лауреата международной Ленинской премии "За укрепление мира между народами". Вместе с заключенным еще в 1963 г. советско-алжирским договором это свидетельствовало о значительном сближении между двумя государствами, о продолжении сотрудничества, налаженного еще в годы войны за освобождение 1954-1962 гг. В сущности, два наиболее важных результата правления Бен Беллы — это выход из послевоенной разрухи с возрождением на новой основе национальной государственности Алжира и закладывание основ дальнейшего советско-алжирского сотрудничества, на десятилетия определившего международную ориентацию и экономическую стратегию независимого Алжира, получившего с первых лет своего существования серьезную экономическую, техническую, военную, кадровую и гуманитарную помощь из СССР.

Все это совершенно не устраивало как неоколониалистские круги Запада, так и противников Бен Беллы в самом Алжире. Внешняя и внутренняя контрреволюция при тайной поддержке некоторых политических сил США, ФРГ, Франции и салазаровской Португалии попытались приостановить процесс развития Алжира по пути, намеченному в Алжирской Хартии. Контрреволюционный террор особенно усилился после решения ЦК ФНО в июне 1964 г. о проведении аграрной реформы вновь создаваемыми местными комитетами бедных и безземельных крестьян. Летом 1964 г. был подавлен мятеж полковника Шаабани, связанного с рядом феодалов Сахары и Ауреса. К осени 1964 г. были в основном разгромлены контрреволюционные отряды в Кабилии и других горных областях. Были арестованы лидеры антиправительственной оппозиции (Ф.Аббас, Х.Айт Ахмед и другие), заочно осуждены эмигрировавшие за рубеж и порвавшие с ФНО М.Будиаф и М.Хидер. Шаабани, хотя и был избран членом Политбюро ФНО, был допрошен с применением пыток и казнен в сентябре 1964 г. "за контрреволюционные действия в угоду иностранным интересам" [27]. Личный советник Бен Беллы левокатолический журналист Эрве Буржес потом писал, что с казнью Шаабани окончилась обещанная Бен Беллой "революция без тюрем и виселиц" [28]. Однако ясности в этом вопросе нет до сих пор. Есть данные, что Бен Белла хотел помиловать Шаабани, как он позже помиловал осужденного на смерть Айт Ахмеда, но встретил сопротивление армии, "умиротворявшей" Кабилию и Аурес достаточно жестоко.

Против жестокости выступали левые бенбеллисты (советник президента М.Харби, член Политбюро ФНО Хосин Захуан, один из соавторов Алжирской Хартии Абд аль-Азиз Зердани), профсоюзы, ветераны революции и, что особенно существенно, коммунисты. Формально распущенная, АКП на деле продолжала существовать, насчитывая до 7 тыс. активистов, сохранявших влияние среди части интеллигенции, учащихся и оставшихся в стране европейцев, в профсоюзах и массовых организациях [29]. Руководимая ими газета "Альже репюбликэн" была наиболее читаемой в Алжире. Часть членов АКП вступила в ряды ФНО в 1964 г., некоторые из них (особенно сражавшиеся в подполье в 1955-1962 г.) были избраны депутатами по списку ФНО, получили посты в госаппарате и различных ассоциациях.

Разумеется, все это раздражало Запад, но особенно – правые силы в самом Алжире. Хотя Бен Белла постоянно упирал на свою принадлежность к арабизму и исламу (что вызывало беспокойство и непонимание в Москве), все эти уверения перечеркивались в глазах консервативных традиционалистов одной лишь его фразой: "Мы верующие, но это не мешает нам быть революционерами" [30]. Постоянно росла пропасть между президентом и верхушкой армии во главе с Бумедьеном, который осуждал методы управления Бен Беллы, его иностранных (особенно "ультралевых") советников, его контакты с коммунистами, попытки противопоставить армии, претендовавшей на роль "авангарда", партию ФНО, а также "ученую буржуазию" (интеллигенцию) [31]. Впоследствии стали известны слова Бумедьена о кабинете Бен Беллы еще осенью 1962 г.: "Я решил пройти с этим правительством часть пути. А там будет видно" [32]. В дальнейшем расхождения между ними нарастали. В частности, Бумедьен и его сторонники добились невключения в текст конституции 1963 г. принципа самоуправления, на чем настаивали левые бенбеллисты, расправились с Шаабани, судя по всему, вопреки воле Бен Беллы, были возмущены помилованием Айт Ахмеда. "Пока мы лили кровь, – говорил потом Бумедьен про Бен Беллу, – он занимался миротворчеством и выгадывал за наш счет. Он хотел представить нас кровопийцами, а себя милосердным" [33].

Экономические трудности 1962-1964 гг. (в 1965 г. сократилось производство, выросла безработица, был плохой урожай), брожение в профсоюзах, неэффективность госаппарата и аппарата ФНО дополнялась и личными разногласиями Бен Беллы с другими лидерами ФНО, в том числе со всеми

оставшимися в живых "историческими вождями" революции. Были в его деятельности и недостатки, объективно неизбежные. "Даже во Франции, высокоразвитой стране, – говорил он французскому писателю Роберу Мерлю, – самоуправление поставило бы ряд проблем, так как опыт доказывает, что переход от капиталистической экономики к социалистической легко не дается. А в слаборазвитой, такой как Алжир, оно ставит еще более трудные проблемы, так как в количественном и качественном отношениях слабость кадров поистине трагична, чрезвычайно развит дух индивидуализма и даже анархизма, а руководители предприятий, даже когда их выбирают, с легкостью становятся "феодалами". Были ошибки, злоупотребления, действия вслепую, в некоторых случаях – серьезные неудачи, и мы должны сами в свете нашего опыта изменить свои взгляды и исправить свои концепции" [34]. Однако сделать это Бен Белла не успел...

Были в его практике и ошибки субъективного характера. Некоторые из его "ультралевых" сотрудников утверждали, что Бен Белла якобы часто поступал против своей воли, так как "никогда не имел свободы действий, будучи в течение почти трех лет орудием, пленником и заложником Бумедьена" [35]. В этой явно преувеличенной оценке слишком много раздражения против недолюбливавшего "леваков" Бумедьена. Бен Белла – не тот человек, которого можно было сделать марионеткой. Скорее наоборот, он переоценивал свои возможности в противостоянии армии, став, по мнению близкого к Насеру журналиста Мухаммеда Хасанейна Хейкала, "жертвой своей величайшей ошибки, заключавшейся в смешении силы формальной и силы фактической". Вместе с тем он пытался маневрировать и путать карты своих оппонентов, в частности, отстраняя близких к нему людей и заменяя их другими, более националистически настроенными, вроде Амара Узгана, который, заменив Харби во главе печатного органа ФНО, стал доказывать, что теория научного социализма и даже диалектический материализм задолго до Гегеля и Маркса были созданы в XIV в. арабским мыслителем Ибн Халдуном, а посему сторонники социализма в Алжире – это "халдунисты" XX столетия" [36]. Однако, подобные ходы Бен Беллы лишь приводили в отчаяние его сторонников и совершенно не вводили в заблуждение его противников.

Второй съезд профсоюзов Алжира, созванный 23-28 марта 1965 г., отметил, что страна переживает период перехода от капитализма к социализму, который завершится "обобществле-

нием крупных средств производства, полной и окончательной ликвидацией эксплуатации человека человеком", а также – превращением трудящихся в "руководящую политико-экономическую силу". Одной из задач профсоюзов признавалась "организация всей национальной жизни" таким образом, чтобы сделать "производителей подлинными хозяевами их судьбы". Эти цитаты свидетельствуют, что не только Бен Белле, но и многим другим алжирцам были свойственны совершенно иллюзорные представления о реальном положении в стране. 40-50% трудоспособных алжирцев оставались безработными. К осуществлению провозглашенной в 1963 г. и теоретически разработанной в 1964 г. аграрной реформы страна не была готова, так как не располагала ни агротехникой (большая часть которой была вывезена колонистами, оставлена ими без запчастей или была выведена из строя не столько врагами самоуправления, сколько некомпетентными работниками), ни квалифицированными техническими кадрами (они еще только готовились), ни необходимыми финансовыми средствами (доходы от нефти и газа тогда еще были незначительны и покрывали менее 1/10 всех расходов Алжира, так как нефтяные компании выплачивали Алжиру до 1966 г. не более 16% стоимости добытой ими нефти). К тому же феодально-кулацкие и буржуазно-бюрократические элементы делали все возможное, чтобы сорвать аграрную реформу. Это во многом подрывало авторитет правительства и веру в его обещания, т.к. отсталый традиционный сектор сельского хозяйства, охватывавший 8 млн. чел. (1/2 всего населения страны), мог обеспечить условия жизни лишь для 2 млн. чел. На его долю приходилось не более 20% общего фонда национального потребления.

Положение в промышленности также было тяжелым: большинство отраслей работали на 25-50% мощности, объем производства в 1963-1965 гг. сокращался в связи с реорганизацией, переориентацией на новые рынки, трудностями сбыта и сохранением зависимости от Франции, оказывавшей помощь (финансовую, техническую, кадровую, и т.п.) лишь предприятиям французских граждан в Алжире. Даже наиболее поддерживаемое государством самоуправление переживало трудности: около 90% предприятий его сферы не имели директора и бухгалтера, отсутствие которых обычно вело к хищениям, потребительскому отношению к общественной собственности и проеданию основных фондов. На некоторых предприятиях и фермах месяцами рабочие не получали заработной платы вследствие злоупотреблений и отсутствия элементарной отчет-

ности. Во многих случаях власти признавали допущенные в системе самоуправления "ошибки", "анархизм" и "феодальные замашки" неподготовленных руководителей [37].

Затяжка с проведением аграрной реформы, сохранение безработицы в значительных размерах и отсутствие или недостаточность реальных мер, подкреплявших социалистические лозунги Бен Беллы, вызывали недовольство масс. В некоторой степени это недовольство отразил и 2-й съезд профсоюзов Алжира, избравший новый состав руководства (в ряде случаев – вопреки "рекомендациям" сверху) и уделивший значительное внимание экономическому положению страны и критике допущенных ошибок. В принятой съездом Хартии профсоюзов были углублены и дополнены многие положения Алжирской Хартии.

Бумедьен и командование ННА внимательно следили за постепенным падением популярности Бен Беллы и размыванием его связей с народом. Своеобразный революционный романтизм, уверенность в поддержке большинства алжирцев, энтузиазм многолюдных митингов рождали у президента иллюзии. Известный знаток Магриба журналист-политолог Ж.Лакутюр считал, что Бен Белла воплощал "правительство трибуны и микрофона, достоинство которого – наличие лидера, схватывающего и чувствующего настроения масс, выражающего их страсти и надежды, а недостаток – неспособность уловить момент отчуждения между революционным трибуном и остывающей к нему толпой" [38]. Методы его работы, по свидетельству очевидцев, были беспорядочны. Он всех принимал и выслушивал, во все старался вникать сам, "хотел все видеть, все прочитать и все знать" [39]. "Он был жертвой своего политически наивного отношения к правым элементам, – можно было прочитать в 1966 г. в подпольном издании алжирских марксистов, – и ему не хватало революционной бдительности перед лицом возраставшей угрозы режиму" [40].

Интересна характеристика, данная ему в 1987 г. тремя редакторами "Альже републикэн", которые активно поддерживали Бен Беллу и нередко общались с ним. Одного из них (А.Бензина) Бен Белла знал еще с 1949 г. Их свидетельство тем ценнее, что они самокритично признают свою долю ответственности за поощрение некоторых негативных методов управления Бен Беллы: "Несомненно его имя связывалось прежде всего с борьбой за независимость и революционными мерами, бесспорно он завоевал массы своим народным говором, своей улыбкой и человеческой теплотой. Но за всем этим – человек,

не изучавший проблемы, полный благородных, но смутных идей, не имеющий серьезных идеологических основ, действующий импульсивно, импровизируя, через личные связи и "комбинации", решая все один, минуя законные инстанции и упиваясь рассчитанной лестью некоторых приспособленцев, его окружавших" [41].

Переоценивая значение приятельских связей и былой дружбы, Бен Белла часто не замечал, как политические разногласия и чуждые ему интересы отдаляли от него многих бывших соратников и союзников. Он не всегда понимал социальный подтекст тех или иных персональных амбиций. Кроме того, его меры против бюрократии, наряду со стремлением сохранить роль арбитра, превращались в серию разрозненных и не всегда объяснимых актов произвола. Все это отталкивало от него бюрократов и усиливало недовольство армии, ибо наиболее дееспособная часть бюрократии вышла из армейского офицерства. Все это привело к ряду столкновений Бен Беллы с Бумедьеном. Отношения между ними практически прекратились, когда Бен Белла захотел в мае 1965 г. сместить с поста министра иностранных дел Абд аль-Азиза Бутефлику, близкого к Бумедьену. Нарастание напряженности в стране привело к свержению Бен Беллы в ночь на 19 июня 1965 г. и замене его Революционным Советом во главе с Бумедьеном. Увезенный сначала в министерство обороны, потом — в военный лагерь, Бен Белла на 15 лет исчез почти бесследно. Он был не просто вычеркнут из политической истории, но и скомпрометирован: в декларации Революционного Совета рано утром 19 июня в резких выражениях осуждались его "патологическое властолюбие", "авантюризм и политическое шарлатанство", "плохое управление национальным имуществом, разбазаривание казны, неустойчивость, демагогия, анархия, ложь и импровизация" [42]. Вплоть до конца 1965 г. шли разговоры о якобы предстоящем судебном процессе. Однако этот процесс так и не состоялся. Не была опубликована и обещанная "Белая книга" о "хищениях" и даже "государственной измене" Бен Беллы. Вокруг содержавшегося под стражей свергнутого президента был организован заговор молчания. Его имя было запрещено упоминать. Даже в частных разговорах алжирцы старались не говорить о нем в беседах с иностранцами и лишь изредка называли его "известный активист".

Нельзя сказать, однако, что свержение Бен Беллы не имело последствий. Демонстрации в его поддержку (особенно рабочих, молодежи и женщин) не прекращались во всех главных

городах страны примерно неделю, но были жестоко подавлены армией. При этом в общей сложности погибло 238 человек [43]. Созданная левыми бенбеллистами и коммунистами Организация народного сопротивления (ОНС) была разгромлена в августе-сентябре 1965 г. Всего был арестовано 124 члена ОНС, а ее руководители (Б.Хадж Али, Захуан, Харби) подверглись в тюрьме жестоким пыткам [44]. До конца 1965 г. в Алжире распространялись листовки в поддержку Бен Беллы, ходили слухи о якобы предпринимавшихся попытках его освобождения. Вплоть до 1967 г. Революционный Совет Алжир и лично Бумедьен выслушивали упреки многих руководителей стран Азии, Африки и Латинской Америки. Только в 1969 г. Бумедьен сообщил, что он получил письмо от Бен Беллы с одобрением мер Революционного Совета, который к тому времени практически национализировал основную часть иностранной собственности в Алжире и реорганизовал с целью упорядочения систему самоуправления.

В целом период правления Бен Беллы нельзя охарактеризовать однозначно. Но как бы не оценивать его и как бы ни относиться к самому первому президенту Алжира, его время, несмотря на относительную краткость (менее 3-х лет), составило целую эпоху в истории независимого Алжира. Оно, прежде всего, явилось временем возрождения национального государства в Алжире. С другой стороны, оно было периодом наметок, черновых набросков, поисков, проб и неизбежных при этом ошибок на новом пути, по которому Алжир пошел в последующие десятилетия.

АЛЖИР НА НОВОМ ПУТИ

Свержение Бел Белы положило начало новому этапу в истории суверенного Алжира. Молодое независимое государство перестало быть "африканской Кубой" (тем более, что Фидель Кастро резко осудил переворот, приняв сторону Бен Беллы), перестало быть полем для экспериментов различных (в том числе — сугубо экстремистских) моделей социализма, а также — пристанищем для иностранных теоретиков и политических эмигрантов крайне левого толка. "Алжир хочет быть просто Алжиром — сказал Бумедьен 30 июня 1969 г. — Он не нуждается в поучениях извне, а его сыновьям не нужны иностранные советчики, чтобы давать уроки, как строить социализм или новое общество" [1].

В своей первой декларации Революционный совет, осудив экономический хаос, провозгласил намерение заменить "конъюнктурный и рекламный социализм" другим, более "соответствующим нашим вековым традициям". В июле 1965 г. было сформировано новое правительство АНДР под руководством Бумедьена. В его заявлениях была подтверждена верность основным положениям Триполийской программы и Алжирской Хартии, но сделан упор прежде всего на "создании необходимых условий для их реализации", а также — на их уточнении.

Репрессии против ОНС и других приверженцев Бен Беллы, сопровождавшая их полемика, а также поощрение правительством национальных частных капиталовложений, способствовали оживлению надежд внешней и внутренней реакции на отход Алжира от избранного пути прогрессивных преобразований. В сущности, о том же говорили левые в Алжире и за рубежом. Но Бумедьен реагировал на это спокойно: "Вы слышали... многие голоса, обвиняющие новую эру в том, что она - эра милитаризма, фашизма и реакции. В действительности же Алжир лишь вернул себе свое подлинное лицо" [2]. Об этом же свидетельствовали решения Революционного Совета в ноябре-декабре 1965 г. о совершенствовании хозяйственного руководства самоуправляемым сектором (полной ликвидации которого требовала реакция), а также его заявления в марте 1966 г.

о приоритете "революционного единства" над "единством национальным" (которым пытались прикрыться феодалы и буржуазия), как и постоянное подтверждение необратимости социалистического выбора АНДР.

Тем не менее, осенью 1965 г. имело место возвращение отдельных национализированных предприятий частным владельцам под предлогом их нерентабельности, попытки незаконной реприватизации некоторых самоуправляемых хозяйств, передача частникам заказов предприятий госсектора, блокирование счетов якобы убыточных госпредприятий. Но уже в феврале 1966 г. орган политкомиссариата ННА журнал "Аль-Джейш" дал отпор всем попыткам реакции скомпрометировать избранный народом путь, призвав "все здоровые силы нации" проявить бдительность и "сорвать маневры врагов революции" [3].

Правительство Бумедьена начало свою экономическую деятельность с заключения 29 июля 1965 г. франко-алжирских соглашений о новых условиях совместной эксплуатации месторождений нефти и газа. С этого момента французские компании обязаны были отчислять Алжиру 53-55% своих прибылей (ранее – формально 50%, да и то после изъятия 1/4 прибылей в их пользу на т.н. "самофинансирование"). В прибылях от сбыта природного газа доля Алжира увеличивалась до 75%. В течение следующих 5 лет Франция должна была ежегодно предоставлять Алжиру 40 млн. франков безвозмездно и 160 млн. франков в виде займа с погашением в течение 20 лет из 3% годовых. Ежегодно Франция обязывалась поставлять Алжиру промышленного оборудования в кредит на 200 млн. франков [4].

В мае 1996 г., в соответствии с решимостью Революционного совета руководствоваться "положениями Триполийской программы, подтвержденными Алжирской Хартией", были национализированы 11 шахт и рудников (работавших, как правило, с недогрузкой) и 12 страховых компаний, принадлежавшие иностранному (в основном – французскому и английскому) капиталу. В 1967-1968 гг. в руки государства перешла основная часть контролировавшихся иностранцами банков и промышленности (кроме нефтяной). К концу 1968 г. под контролем правительства оказалось до 80% промышленного производства страны [5].

Наряду с созданием мощного госсектора и решением насущных вопросов экономики, Революционный Совет заботился и об урегулировании непростых социальных проблем. Одной из таких проблем было самоуправление, с которым

были связаны судьбы и надежды сотен тысяч алжирцев (только в деревне их было около 1 млн. чел., т.е. 1/7 всего сельского населения), престиж алжирской революции, специфически "алжирским" достижением которой самоуправление было признано. После долгой борьбы самоуправление решено было сохранить, но усовершенствовать. "Некоторые нападали на самоуправление — констатировал Бумедьен во время празднования "Недели самоуправления" в марте 1968 г. — Но следует ясно сказать, что оно остается нашим основным выбором, особенно в сельском хозяйстве. Ибо в этой области всякая форма бюрократии может лишь значительно повредить рентабельности. А раздробление земель также не было бы прибыльным" [6].

Не сразу, иногда нехотя и всегда сдержанно и осторожно, Революционный Совет (в котором, по некоторым данным, были люди, владевшие "тысячами гектаров" земли, причем не всегда законно) приступил к решению проблем самоуправления. Уже в ноябре 1966 г. был принят ряд мер, расширяющих права комитетов самоуправления в получении кредитов, техники, сбыте продукции, использовании доходов. В 1968-1969 гг. был изменен порядок функционирования системы самоуправления в сельском хозяйстве с целью повышения рентабельности, улучшения организации производства и отмены чрезмерно жесткого контроля государства, внедрения финансовой дисциплины, улучшения сбыта, повышения материальной заинтересованности и строгого соблюдения принципа ежегодного обновления органов самоуправления путем тайного голосования. В 1967 г. 572 из 1800 сохранившихся в алжирской деревне самоуправляемых хозяйств дали прибыль, а в 1968 г. они распределили среди своих работников премии на общую сумму в 12 млн. динаров [7]. "Утверждение самоуправления в Алжире я рассматриваю, как победу коллективизма над частнособственнической стихией", - подчеркнул Х.Бумедьен в марте 1969 г.[8].

В целом для экономической политики Революционного Совета первых лет была характерна забота о рентабельности и упорядоченности ведения хозяйства, создании четкой организации государственного сектора, экономии и эффективности, сокращении административно-управленческих расходов, восстановлении нормального уровня производства на всех предприятиях. В 1967 г. Революционный Совет решительно взял курс на индустриализацию Алжира. Знаменитая триада Бумедьена - "дисциплинированность, компетентность, эффектив-

ность" — довольно успешно проводилась офицерами во всех учреждениях Алжира, что облегчалось наличием среди государственных чиновников значительной доли бывших военных и ветеранов революции.

В 1966 г. был введен закон о государственной службе, определивший градацию и оплату служащих строго в соответствии с уровнем образования, подготовки и опыта. В 1967 г. принят закон о коммунах и проведены выборы в народные собрания коммун, получившие значительные права в руководстве местной экономикой и администрацией. В 1969 г. принят такой же закон о вилайях (провинциях) и проведены выборы в народные собрания вилай. Они в отличие от 4-летних собраний коммун, избирались на 5 лет (до июля 1974 г. в Алжире было 15 вилай, потом — 31, еще позже — 48). Созданные этими собраниями исполнительные органы доказали свою эффективность, действуя в тесном контакте с местной администрацией, командованием ННА, руководством ФНО и профсоюзов.

С самого начала Революционный совет решил отмежеваться от леводемократической ориентации Бен Беллы, противопоставив ей "общенациональные" и внеклассовые ценности. Выступая перед слушателями военной академии 11 июля 1965 г., Бумедьен сказал, что переворот 19 июня осуществлен "не в интересах Запада, не крайне правыми, не крайне левыми, а, будучи алжирским, отвечает чувствам активистов, солдат и алжирского народа... Тот же, кто служил интересам того или иного класса, будет, конечно, разочарован" [9]. Режим провозгласил в качестве главного лозунга "возврат к истокам", под которыми подразумевались "арабские и исламские ценности", "вековые традиции и мораль", "подлинная индивидуальность страны" "настоящее лицо революции" [10]. Эти достаточно широкие и не очень конкретные формулы составили фактически идеологию нового ФНО (хотя теоретически он по-прежнему опирался на Триполийскую программу и Алжирскую Хартию). Для руководства партией 20 июля 1965 г. был создан исполнительный секретариат ФНО во главе с майором Белькасемом Шерифом, ближайшим сподвижником Бумедьена еще в 50-е годы. Этот орган провел "чистку" аппарата ФНО от лиц, связанных с Бен Белой, заменив их в основном бывшими муджахидами, среди которых немало было старых "вилайистов", остро конфликтовавших с Бен Белой (да и с поддерживавшим его тогда Бумедьеном) летом и осенью 1962 г. Тем самым, считал Эрве Буржес, "военные использовали дутый авторитет

6*

ФНО с целью превращения его в лавочку для прославившихся и тоскующих по былым временам ветеранов" [11].

В сущности, ФНО, не сумевший защитить ни себя, ни проводившийся им курс, ни своего генерального секретаря, в 1965 г. продемонстрировал свою неэффективность, явившись на деле не дееспособной политической партией, а рыхлым объединением правящей элиты, раздираемой фракционными, клановыми, региональными и другими противоречиями. К тому же, в партаппарате процветали фаворитизм (неизбежный вследствие подбора кадров по принципу личной преданности Бен Белле), карьеризм, приспособленчество (ибо в 1954-1965 гг. большинству алжирских политиков не раз приходилось "перестраиваться" в соответствии с конъюнктурой) и коррупция. Это признал и Бумедьен, сказав на первом заседании исполнительного секретариата ФНО: "Преступное и систематическое обюрокрачивание партии неизбежно привело к содержанию громоздкого и дорогостоящего аппарата. Расходы множились и становились обременительными, ... все более крупных субсидий было недостаточно, чтобы одновременно выдерживать административные расходы на жалованье 8 тыс. чиновников, на содержание большого автомобильного парка, насчитывающего лишь в центральных органах (без федераций) более 400 машин, на прямое или косвенное управление многочисленными предприятиями, более или менее убыточными. Неотвратимым результатом этой деградации стал дефицит партийного бюджета в несколько миллиардов, несмотря на субсидии и присвоение фондов различных сборов, в частности, предназначенных для жертв стихийных бедствий" [12].

Беда, однако, была в том, что в новой структуре партаппарата чиновники оказались не лучше. К прежним спорам за влияние, положение и деньги они примешали групповое соперничество на местнической и этнической основе, старый "вилайизм" и политические противоречия между сторонниками Бумедьена и теми, кто хотел сохранить "бенбеллизм без Бен Беллы". К таковым относились вошедшие в Революционный Совет некоторые бывшие министры Бен Беллы, почти все члены исполнительного секретариата (кроме Б.Шерифа), начальник генштаба ННА Тахар Збири и близкие к нему (и к профсоюзам) министры Али Яхья и А.Зердани. После роспуска Бумедьеном исполнительного секретариата ФНО в ноябре 1967 г. Збири двинул танки на столицу, но его мятеж был подавлен верной правительству авиацией. Збири бежал за

границу, а его сторонники были выведены из Революционного Совета и кабинета министров.

Определенные шаги были предприняты по реорганизации ФНО после замены его секретариата в ноябре 1967 г. "ответственным за партию" Ахмедом Каидом (с осени 1969 г. — "ответственным за аппарат партии"). Однако, некоторые усилия в области организационно-технической и агитационной работы ФНО не были подкреплены четкостью идеологических позиций. Да Каид и не был заинтересован в этой четкости. Владелец 3 тыс. га земель и 6 тыс. баранов, он всегда резко выступал против "марксизма" Бен Беллы и предлагал проводить аграрную реформу по принципу: "Земля — тем, кто ее любит!". Грубый и агрессивный Каид, будучи в 1963-1964 гг. министром туризма, пытался превратить Алжир в "гигантский ночной ресторан", а после 19 июня 1965 г. непрерывно осыпал бранью "завалящих теоретиков" из окружения Бен Беллы. Во главе ФНО он изо всех сил тормозил аграрную реформу [13].

После отстранения А.Каида в декабре 1972 г. Революционный Совет разработал новые меры по повышению организующей, мобилизующей и воспитательной роли ФНО, стал шире привлекать в его аппарат молодежь, получившую образование в вузах независимого Алжира или прошедшую службу в рядах ННА. Однако превратить ФНО в эффективную правящую партию так и не удалось.

Очевидно, этому есть серьезные причины. Главная из них — сохранившееся у алжирцев с колониальных времен неприятие легальной политической партии как таковой. Алжирцы еще воспринимали партию как тайное сообщество скрывающихся в подполье борцов против колониализма типа ППА или ОС. Однако политическая партия, легально действующая в обычных неэкстремальных условиях, тут же напомнила им о бессилии и реформизме УДМА или ФТИ, о французских партиях, постоянно обманывавших алжирцев, о фальсификациях выборов, несоответствиях формальных и реальных прав при колониальном режиме и т.п. Ввиду всего этого у политической элиты независимого Алжира, по крайней мере — до 1989 г., не сложилась практика отстаивания своих интересов в партийной форме. Эта элита выражала свои корпоративные интересы через причастность к офицерству ННА — станового хребта алжирской элиты после 1962 г., к госаппарату, к местной администрации, к бюрократии профсоюзов и массовых общественных организаций (впрочем, в Алжире рыхлых не менее, чем партия), наконец — через неформальные, сослов-

ные и иные связи своей социальной среды (буржуазии, интеллигенции и т.п.). Партия же, в отличие от Баас в Сирии или Ираке, а особенно — Неодустура в соседнем Тунисе, всегда оставалась в Алжире не орудием власти, а своего рода пропагандистским придатком к подлинной машине управления - армии и госаппарату. Контроль за деятельностью общественных организаций и профсоюзов, да выработка разного рода заявлений и лозунгов — вот реальная роль партии ФНО в Алжире. Иногда она усиливалась, иногда ослабевала, но решающей никогда не была. Бумедьен с присущим ему прагматизмом и умением быстро раскусить реальное значение любого явления в политике, не пытался переломить тенденцию к сохранению "второстепенности" партии. Полностью контролируя армию и госаппарат, он удовлетворился тем местом, на котором партия ФНО оказалась в Алжире, и только старался как можно эффективнее ее использовать как "агитатора и пропагандиста" (но не разработчика и даже не комментатора) своей политики.

В январе 1966 г. в стране была создана (на базе АКП и ОНС) Партия социалистического авангарда (ПСА) Алжира. Политическая программа ПСА требовала сохранения и закрепления завоеваний национально-демократической революции, реализации Алжирской Хартии 1964 г., гарантий демократических свобод, освобождения всех политических заключенных, свободных выборов в Национальное учредительное собрание. Поддержав такие меры Революционного Совета и правительства АНДР как национализация промышленности и банков, ограничение и вытеснение иностранных монополий во всех сферах экономики, партия предложила властям конструктивный диалог. В конце 1968 г. она вновь обратилась к главе правительства и Революционного Совета Х.Бумедьену с тем, чтобы договориться о единстве действий ФНО и ПСА в целях ускорения продвижения Алжира по пути социального прогресса. Известно, что многие конкретные факты, сообщавшиеся в подпольной прессе и других изданиях ПСА, особенно — в газете "Саут аш-Шааб" ("Голос народа"), учитывались Бумедьеном, который всегда открыто отмежевывался от антикоммунизма (на практике ему следуя). Ряд действий правительства в конце 1968 г. (например, освобождение большой группы политзаключенных, включая бывших лидеров ОНС и будущих деятелей ПСА) способствовали разрядке в отношениях между ПСА и ФНО. Но все же призыв руководства ПСА к единству действий постоянно не получал никакого ответа со стороны

Революционного Совета, твердо придерживавшегося концепции существования в Алжире единственной официально разрешенной партии - ФНО [14].

Алжир добился крупных успехов в области индустриализации и превращения своей промышленности в костяк национальной экономики. После выполнения 3-летнего "предплана" (1967-1969 гг.), который явился своеобразной проверкой и подготовкой народного хозяйства Алжира к плановому развитию, руководство АНДР много сделало для обеспечения реализации последующих 4-летних планов 1970-1973 гг. и 1974-1977 гг. (выполнение последней четырехлетки было завершено в основном в 1978 г.). За годы применения экономического планирования (1971-1978 гг.) в стране были выстроены 270 фабрик и заводов, 150 каналов, линий электропередач и других видов инфраструктуры. В 1973-1977 гг. было начато строительство еще более 500 объектов, в том числе 350 фабрик и заводов. Производство электроэнергии по сравнению с 1962 г. выросло к 1977 г. в 4 раза. В результате всего за 1962-1980 гг. в стране было выстроено и пущено в ход 660 новых предприятий, включая металлургический комбинат в Эль-Хаджаре, один из крупнейших в мире заводов по сжижению природного газа в Скикде, нефтехимический комплекс в Арзеве [15].

Внутренний валовой продукт АНДР в 1970-1977 гг. в среднем ежегодно возрастал на 8,5%. Во многом это было следствием введенного Революционным Советом режима экономии и реинвестирования в развитие народного хозяйства до 40-50% ВВП. Подобные темпы, естественно, находились в прямой связи с неуклонным ростом доходов от добычи нефти и газа, а также повышения эффективности механизма госсектора, в рамках которого возникло до 50 национальных обществ (государственных кампаний), контролирующих соответствующие отрасли национальной экономики.

Роль государства в экономической жизни АНДР неуклонно возрастала на всем протяжении 70-х годов. В феврале 1971 г. была национализирована нефтегазовая промышленность. В результате под контроль государства перешла вся добыча газа и основная часть добычи, переработки и транспортировки нефти (от 51% до 75% акций всех иностранных кампаний). Всего на долю госсектора к 1974 г. приходилось уже 87% ВПП. С 1970 г. распределение занятости, особенно — квалифицированных кадров, стало осуществляться государством через систему "национальной службы", в рамках которой любой алжирец старше 19 лет мог быть мобилизован на 2 года либо для

службы в армии, либо для работы по усмотрению правительства. К концу 1974 г. в стране были национализированы последние 29 иностранных кампаний. Оставшиеся 70 фирм целиком не владели ни одним предприятием, а имели лишь долю акций в смешанных предприятиях с преобладающим участием алжирского государства. Например, к 1978 г. Алжир не только сам добывал и продавал 54 млн. тонн из 57 млн. тонн своей нефти, но и наладил производство нефтепродуктов на госпредприятиях, получив 4,5 млн. тонн горючих веществ, 500 тыс. тонн удобрений, 100 тыс. тонн других продуктов нефтехимии. Экспорт нефти и газа дал стране только в 1978 г. 6,2 млрд. долларов дохода. Поступившие в казну средства дали возможность правительству проводить более гибкую социальную политику, финансируя образование, здравоохранение, строительство жилья и обеспечение занятости.

За счет роста мощи госсектора значение рабочего и крестьянского самоуправления несколько сократилось: к началу 70-х годов насчитывалось не более 115 тыс. постоянных рабочих (из примерно 1300 тыс. чел. самодеятельного населения деревни) и не более 1650 (вместо 2300 в 1964 г.) комитетов самоуправления в сельском хозяйстве, а также — 111 предприятий с 25 тыс. рабочих, которые входили в самоуправляемый сектор. Однако это были крепкие, в основном рентабельные и достаточно упорядоченные хозяйства и предприятия.

Забота об эффективности сектора самоуправления сопровождалась использованием его опыта в государственных кампаниях и во вновь создаваемых кооперативах. В ноябре 1971 г. стала законом опубликованная еще ранее Хартия социалистического управления предприятиями. Она распространила на все предприятия госсектора принципы демократического рабочего контроля выборных ассамблей трудящихся. Эти ассамблеи в 1975 г. были учреждены на 500 предприятиях, а в 1979 г. — почти на 900 государственных предприятиях, на которых было занято свыше 300 тыс. рабочих и служащих [16].

Хартия аграрной революции, также готовившаяся много лет, начала осуществляться с ноября 1971 г. Она вводила ограничение крупной земельной собственности, предоставление земли бедным и малоземельным крестьянам с одновременным вступлением их в кооперативы различного уровня. К ноябрю 1981 г. 97 тыс. крестьян, получивших по закону об аграрной революции примерно 140 тыс. га земли, были объединены в 6 тыс. кооперативов, из них 5 тыс. производственных кооперативов объединили более 62 тыс. крестьян. Большое распространение

получили "образцовые социалистические деревни", около сотни которых в 1978 г. уже функционировали. Всего от аграрной реформы выгадали 110 тыс. крестьян. Однако они составили 12% нуждавшихся в земле, к тому же, вследствие истощения или засаливания почв, разрушения их полезного слоя, заболачивания и других неблагоприятных явлений площадь пригодных к обработке земель сократилась с 0,63 га на душу населения в 1967 г. до 0,29 га в 1985 г. Тем самым оказалась недостижимой она из главных целей аграрной революции — решение продовольственной проблемы, не говоря уже о проблеме социальной справедливости в деревне [17].

Правительством АНДР в 70-е годы были предприняты энергичные меры по ликвидации безработицы и повышению жизненного уровня трудящихся масс, утвержден ряд специальных программ по развитию отсталых районов страны. Количество рабочих мест выросло с 600 тыс. чел. в 1966 г. до 1900 тыс. в 1978 г., вследствие чего практически безработица "перестала быть национальной драмой" [18]. В 1974 г. в Алжире было введено бесплатное медицинское обслуживание, усовершенствована система социального страхования, освобождены от уплаты налогов беднейшие слои трудящихся, существенно повышена заработная плата [19]. В дальнейшем она росла достаточно заметно. Ее минимум вырос в 1975-1980 гг. с 553 до 1 тыс. динаров [20].

Социально-экономические преобразования, прежде всего аграрные, резко ускорили поляризацию политических сил в стране. Если ПСА, оставляя за собой право критики действий правительства, поддерживала его прогрессивные реформы, то феодалы, часть традиционной буржуазии, правые клерикалы, консервативная фракция чиновничества и прозападные элементы организовали скрытое сопротивление политике Революционного Совета. Оно выразилось в саботаже экономических мероприятий правительства АНДР, нагромождении искусственно созданных трудностей в снабжении населения и сбыте продукции госсектора и сектора самоуправления, сеянии панических слухов и т.п. Кое-где противники революционных преобразований пытались выступить открыто. В частности, в 1976 г. антиправительственный манифест подписали Фархат Аббас, Бен Юсеф Бен Хедда, бывший деятель Ассоциации улемов шейх Хайраддин и другие деятели, давно сошедшие с политической сцены. Однако Революционный Совет дал отпор всем попыткам прервать или обратить вспять политический курс АНДР, отвечавший национальным интересам страны.

Политика правительства и лично его главы пользовалась с 1971 г. (после отстранения А.Каида) полной поддержкой со стороны широких масс алжирского народа. Возобновился возникший еще в первые годы после независимости "волонтариат" – движение добровольцев из рядов молодежи и студенчества, помогающих работе "кооперативов аграрной революции" и ведущих среди крестьян разъяснительно-просветительную работу. Профсоюзы и массовые общественные организации стали организовывать "социалистические воскресники" по оказанию помощи сельским кооператорам. Все это создало на деле фактический союз всех патриотических сил страны. После начала осуществления в стране закона об аграрной революции ПСА обратилась к председателю Революционного совета и главе правительства Хуари Бумедьену с новым предложением о сотрудничестве. Ни для кого в Алжире не было секретом, что именно находившееся под влиянием ПСА студенчество приняло наиболее активное участие в подготовке и проведении аграрной революции.

Наращивание мощи госсектора в экономике Алжира, ликвидация крупного землевладения и феодальной эксплуатации, национализация собственности иностранного капитала, глубокие социальные преобразования во всех сферах народного хозяйства и жизни общества создали объективные условия для политической консолидации всех патриотических и демократических сил АНДР. Это не могло не сказаться на эволюции правящей в стране элиты, в том числе – и партии ФНО, которая, как отмечал Х.Бумедьен 30 октября 1974 г., должна была стать "революционной партией с социалистической идеологией и ясными целями" [21].

В определении идеологической ориентации партии ФНО важную роль сыграли 1975-1976 годы, в течение которых специально созданной комиссией был разработан проект нового программного документа алжирской революции – Национальной Хартии. Текст Хартии был представлен на всенародное обсуждение, в котором приняли участие в общей сложности до 4 млн. алжирцев. Основные положения Хартии активно поддержали профсоюзы и массовые общественные организации. В ходе обсуждения, широко освещавшегося (особенно весной и летом 1976 г.) в прессе, по радио и телевидению, представители трудящихся внесли немало поправок и дополнений, потребовав более строгого ограничения частного сектора, чистки госаппарата от коррумпированных элементов и скрытых противников революционных преобразований. В то же время в

ходе развернувшейся полемики (особенно по вопросам ислама, социалистической перспективы строительства нового общества, частной собственности и национальных традиций) в стране оживилась оппозиция справа – группы феодалов, реакционной бюрократии и клерикалов.

Некоторые контрреволюционеры даже планировали, по данным алжирских властей, развернуть террористическую деятельность в городах Алжира (что было пресечено спецслужбами АНДР) и пытались использовать в своих целях экономический саботаж части крупных торговцев и подрывные действия отдельных подкупленных врагами АНДР чиновников, а также - эмигрировавших за рубеж раскольников и ренегатов ФНО. Однако все они получили решительный отпор со стороны правительства Хуари Бумедьена. Прогрессивные силы АНДР выдвинули лозунг: "Преградить путь реакции и буржуазии". Характерно, что среди тех, кто пытался распространять антиправительственные листовки, оказался и отстраненный бывший руководитель ФНО Ахмед Каид. Бумедьен, зная о непопулярности Каида среди молодежи, решил пожертвовать им, тем более, что взгляды Каида противоречили новому курсу президента на фактическое единство действий с левыми силами.

Специальная общенациональная конференция, суммировав и проанализировав результаты массового обсуждения проекта Национальной Хартии, внесла соответствовавшие этим результатам изменения в окончательный текст, который был представлен на референдум 27 июня 1956 г. В голосовании приняли участие около 7 млн. алжирцев (почти 92% официально зарегистрированных в АНДР избирателей). Из них свыше 98% проголосовали за утверждение Национальной Хартии [22].

Хартия творчески освоила теоретическое наследие предыдущих программных документов ФНО от его первого манифеста (распространенного в ноябре 1954 г.) вплоть до Триполийской программы 1962 г., Алжирской Хартии 1964 г. и воззвания Революционного Совета 19 июня 1965 г. И хотя ряд положений Национальной Хартии носили компромиссный или противоречивый характер (что определялось сложным соотношением классово-политических сил в АНДР и пестротой социальной базы революционной демократии – главной опоры власти ФНО), в целом это был важный исторический документ, обосновывавший идеологическую и политическую ориентацию Революционного совета Алжира середины 70-х годов.

Наиболее важные положения Хартии свидетельствовали об определенном сдвиге влево не только в практике, но и в идейной эволюции режима Бумедьена, о все возраставшем влиянии на него принципов социализма и опыта социалистических стран. Хартия признавала движущими силами алжирской революции наемных работников физического и умственного труда, а также крестьян, солдат, молодежь и все "революционно-патриотические элементы". За партией ФНО закреплялась роль "направляющего, руководящего и вдохновляющего" авангарда революции, главное место в рядах которого отводилась "трудящимся и крестьянам", как представителям подавляющего большинства населения. В то же время на руководящие посты в партии ФНО, согласно Хартии, можно было выдвигать только "бескорыстных активистов, подчиняющих свои эгоистические интересы интересам революции, живущих только на получаемую ими заработную плату и не занимающихся ни прямо, ни через подставных лиц никакой деятельностью, приносящей нетрудовой доход". Хартия указывала, что "невозможно быть владельцем доходного дела или быть в нем заинтересованным... и работать для победы социалистической революции". Перед партией ФНО ставилась сложная задача реализации всех этих принципов, что встретило скрытое сопротивление консервативных кругов страны и внутри самого ФНО.

Примечательна в Хартии критика капитализма как общественного строя, признающего "только один закон — закон прибыли", превращающего человека в товар и не давшего народам целых континентов ничего, кроме нищеты и отсталости. По мнению авторов Хартии, социализм "дает наиболее полный ответ на жгучие вопросы нашей эпохи". В то же время, выступая против буржуазии, авторы Хартии допускали "частную собственность, не связанную с эксплуатацией", уточняя, что речь при этом идет о собственности ремесленников, крестьян, мелких предпринимателей. Вместе с тем Хартия предписывала необходимость строгого контроля государства над частнособственнической стихией. Особая забота при этом уделялась развитию производительных сил, составляющих "материальную основу социализма", так как "переход к исторически более высокой, чем капитализм, общественной формации — к социализму, не может опираться на экономическую отсталость". Наряду с этим Хартия выступала за утверждение национальной самобытности Алжира и возрождение в ходе кампании за арабизацию "арабо-мусульманских культурных ценностей" [23].

На основе Национальной Хартии был разработан проект новой Конституции АНДР, также утвержденный 19 ноября 1976 г. всенародным голосованием. В соответствии с этой конституцией, вступившей в силу 22 ноября 1976 г., Алжир был объявлен "народной и демократической республикой", государство алжирское – "социалистическим", ислам – государственной религией, а Национальная Хартия – "основным источником политики нации и законов Государства". Конституция указывала, что "обобществление средств производства составляет основную базу социализма", провозглашала принцип "от каждого по способностям, каждому по труду". В ней излагались основные права и обязанности граждан АНДР независимо от расовой, половой или профессиональной принадлежности. Свобода слова и собраний по конституции гарантировалась, но не должна была "использоваться в целях подрыва основ социалистической революции". Право голоса предоставлялось всем алжирцам, достигшим 18 лет.

Исполнительная власть возлагалась на президента республики, избираемого всеобщим, прямым и тайным голосованием на 6 лет с правом переизбрания. Его кандидатура должна была быть одобрена съездом партии ФНО. Законодательная власть по конституции принадлежала Национальному народному собранию, избираемому всеобщим, прямым и тайным голосованием на 5 лет. В нем, как и в народных собраниях вилай (областей) и коммун (общин), большинство должно было принадлежать "трудящимся и крестьянам" [24].

В соответствии с новой конституцией президентом АНДР был избран 10 декабря 1976 г. Хуари Бумедьен. После выборов 25 февраля 1977 г. в Национальное народное собрание его председателем стал один из основателей ФНО Рабах Битат, а среди депутатов было немало ветеранов революции, бывших муджахидов, мусабилей и фидаев, функционеров обновленной партии ФНО, профсоюзов и массовых организаций, офицеров армии. Переходный период, длившийся в чрезвычайных условиях более 11 лет, закончился.

К этому времени окончательно определилось новое лицо Алжира. Почти все иностранные наблюдатели отмечали изменение социального и даже духовного облика страны, небывалое ранее распространение среди алжирцев, особенно – среди предпринимателей и служащих как частного, так и государственного сектора, в целом не присущих арабам рационализма, прагматизма и "технологизма". Несмотря на обычные в таких случаях преувеличения, все же следует явления такого рода

отнести на счет роста в стране новых социальных слоев — квалифицированных рабочих, технической интеллигенции, хорошо подготовленных служащих, получивших современное образование. К середине 70-х годов рабочие уже составляли почти треть всего трудящегося населения (701 тыс. из 2337 тыс. чел.), причем их профессиональный уровень, техническая и общая грамотность значительно возросли. По количеству студентов на 10 тыс. чел. населения (42) Алжир 1976 г. был на уровне Италии 1970 г. Численность учителей-алжирцев (ибо в стране еще немало было преподавателей-иностранцев) за 1962-1979 гг. увеличилась с 700 чел. до 110 тыс. чел. (!), врачей и медперсонала только в 1969-1978 гг. — с 500 до 5700 чел., студентов — с 1 тыс. в 1962 г. до 65500 чел. в 1978 г. На образование и подготовку кадров в Алжире тратилось в 1975 г. 32,8% расходов госбюджета. Любопытно, что доля ВНП, шедшая в Алжире только на образование (10%) превышала таковую в США середины 70-х годов (7%).

Национальное честолюбие алжирцев именно тогда, после 1976 г., поднялось до наивысшей отметки, когда в стране любили повторять: "Мы будем японцами Африки и Средиземноморья". И дело было не в абсолютных цифрах, по которым Алжиру и тогда было трудно угнаться за Японией. Дело было в ощущении (как потом стало ясно, обманчивом) преодоления барьера колониальной отсталости и прорыва в ряды наиболее экономически развитых стран, образцом среди которых для всего Третьего мира в XX в. всегда была Япония. Алжирцы (на непривычную для восточных людей жесткость которых в 70-е годы стали жаловаться не только соседи-арабы, но и русские) не скрывали желания быть наиболее образованными, знающими новейшую технологию, энергичными и предприимчивыми средиземноморцами, жаждущими обогнать всю Африку (в том числе арабскую), да и часть Европы, например, Грецию и Португалию [25].

В какой-то мере эти грезы имели под собой основание (по ряду показателей Алжир действительно догонял наименее развитые страны Европы), но в основном, конечно, были связаны не с реальностью, а с мифологией алжирского национализма. Он усилился за годы "исторического исправления", т.е. за 10 лет после переворота 19 июня 1965 г. Заслуги Алжира в этот период подчеркивались по любому поводу и даже без повода, прошлое страны идеализировалось, любая критика со стороны иностранцев воспринималась крайне болезненно. Нормой поведения "среднего" алжирца стали вызывающий тон по

отношению ко всем чужеземцам, но особенно — немусульманам, подозрительное отношение ко всем "не своим" (включая арабов Египта ввиду претензий его на общеарабское лидерство, арабов Марокко и Туниса — ввиду наличия с ними территориальных споров и особенно поддержки Бумедьеном фронта Полисарио, боровшегося с 1976 г. против присоединения к Марокко Западной Сахары). Всякая "импортная идеология", будь то западный неоколониализм или восточный марксизм (даже в китайской или вьетнамской форме), вызывала у алжирцев аллергию.

Частично это было реакцией на 132 года французского господства, на стремление алжирцев избавиться от навязанной им "офранцуженности" (хотя привилегированное положение Франции в экономической и культурной жизни Алжира сохранялось). Но были здесь и издержки процесса экономического и политического усиления Алжира за годы правления Бумедьена, роста его успехов в самых разных областях, а особенно — его международного авторитета. Этому способствовали также сложившаяся постепенно еще в 50-60 годы традиция высокой оценки алжирской революции 1954-1962 годов и умелая дипломатия АНДР, решительно и последовательно (но одновременно — гибко и практично) отстаивавшая общие интересы освободившихся молодых государств. В результате Алжир примерно с 1973 г. стал одним из бесспорных лидеров всего афро-азиатского мира, принципиальным и эффективным организатором борьбы этого мира против неоколониализма. Это выдвижение Алжира не могло не сказаться на взглядах и настроениях руководителей и народа Алжира, порождая иногда излишнюю самоуверенность и настроения своего рода "великодержавия" в миниатюре.

Алжир ожесточенно конкурировал с Египтом за первое место в арабском мире, особенно — после поражения Египта в войне с Израилем в июне 1967 г., не упуская ни одного случая подорвать позиции Садата (а до него — Насера) и поддерживая против Египта Сирию, а против союзной Египту Саудовской Аравии — Южный Йемен. Алжир всегда делал ставку на Палестинское движение сопротивления, наиболее последовательно поддерживая его в борьбе против режимов в Иордании и Ливане. В Алжире проходили подготовку бойцы палестинского, ангольского и прочих освободительных движений, в которых алжирцы видели не только патриотов своих стран, но и разносчиков особого "африканского" или "мусульманского" и т.п. "призвания" Алжира, которое вызывало беспокойство у

его соседей: Тунис опасался поглощения своей небольшой страны более мощным Алжиром, а монархическое Марокко само претендовало на гегемонию в регионе и надеялось побороть Алжир с помощью США и Франции. Даже союзная Алжиру с 1970 г. Ливия противопоставила алжирской идее единства Магриба более широкую идею всеарабского единства. Неудачи в осуществлении претензий на лидерство, как и сознание своего преимущества перед другими по численности населения, природным богатствам, организованности, экономической и военной мощи, лишь подстегивали в Алжире неудержимо растущие настроения "малого великодержавия".

Они сочетались со специфически крестьянским мировоззрением большинства алжирцев, включая выдвинувшихся за годы революции лидеров и служащих госаппарата. Бумедьен, в частности, даже оправдывал это в 1974 г. тем, что рабочий класс представляет собой в Алжире "бесконечно малую" величину в сравнении с крестьянством, что города вообще больше подверглись влиянию Европы и "вирусу европейских концепций", в то время как в деревне алжирское общество сохранило свою "национальную подлинность". Поэтому единство действий и союз всех тружеников мыслился Бумедьеном как своеобразное возвращение (по крайней мере, идеологическое) "заблудшего" города к "сельскому революционному обществу", рассматриваемому как "источник национальной подлинности" и кладезь всех добродетелей. При этом не только рабочий класс должен быть избавлен от "болезней городского окружения", но также интеллигенция и молодежь. Добровольческое движение рабочей и студенческой молодежи в помощь аграрной реформе понималось, таким образом, как "мост между трудящимися и интеллигенцией", как исполнение горожанами своего долга перед деревней и моральный "возврат к истокам", т.е. в лоно крестьянского миропонимания и крестьянских проблем. Эта политическая философия была разработана еще в годы партизанской войны в Алжире и получила законченное выражение в трудах очень чтимого в Алжире и за его пределами идеолога ФНО (хотя и антильца по происхождению) Франца Фанона. В 1965-1970 гг. (т.е. в период некоторого сближения Алжира с КНР) она была подкреплена в известной мере влиянием китайских или полукитайских теорий об "окружении мирового города мировой деревней", "противоборстве богатого Севера и бедного Юга", "опоре на собственные силы". Однако это влияние в Алжире всегда было второстепенным. Главную роль в закреплении крестьянской идеологии в качестве основы

мировоззрения правящего слоя в АНДР сыграли само происхождение этого слоя (из деревни прежде всего) и его убежденность вследствие этого, что именно крестьянство (согласно высказываниям Бумедьена в разные годы) - "единственная реальность", "источник" и даже "тело революции" [26].

Но крестьянское миропонимание, став господствующим, неизбежно вело к ограничению социальных преобразований рамками антифеодализма, ослабляя, а иногда и выхолащивая их антикапиталистический потенциал (все попытки охватить в 1972-1978 гг. аграрной реформой земли агропредпринимателей встречали ожесточенное сопротивление, вплоть до вооруженного). В этих условиях национализм играл роль идеологического пресса, как бы смазывавшего социальные противоречия, сливавшего социальных антагонистов в "едином народе", что вполне отвечало и теоретическим концепциям, и практическим нуждам режима. Заодно он выполнял роль дополнительного рычага воздействия на массы наряду с "подтягиванием", "дисциплинированием" и силовыми мерами. Национализм также несколько смягчал (а больше вуалировал) новые противоречия в деревне, рожденные аграрной реформой: крестьяне (и получившие землю, и те, кто имел ее раньше, но был оттеснен феодалами и особенно скупавшими земли абсентеистами — горожанами из рядов буржуазии и бюрократии) больше не были заинтересованы в опеке государства, их облагодетельствовавшего, тяготились ею и жаждали свободы частной инициативы, а не подчинения государственным кооперативам и внедрявшимся сверху "порядку, организованности и дисциплине".

Таким образом, объективно усилилась сельская буржуазия (главным образом, за счет роста численности потенциальных кандидатов в ее ряды). В то же время основная масса крестьян (неимущих бедняков) либо оставалась пассивной, либо проявляла недовольство усилением буржуазных тенденций. Разнообразные враги режима (феодалы, буржуазия, политические противники Революционного Совета и лично Бумедьена) стремились использовать в своих интересах все формы нараставшего недовольства в Алжире. В этих условиях одним из лучших способов глушения недовольства, хотя бы временного объединения всех классов и течений под национальной крышей стала пропаганда национализма, лозунгов "национального единства" и "национального достоинства", "революционного призвания" Алжира, его особого места в Африке и арабском

мире, даже "исторического величия" алжирского народа и его выдающихся качеств.

После 1965 г. армия оставалась главной опорой Бумедьена, а командиры военных округов иногда значили больше, чем министры. ННА постоянно стремилась к еще большему увеличению своих позиций и престижа, практически контролируя все серьезные мероприятия в стране (включая аграрную реформу) и не хотела уступать свое место партии ФНО. В то же время встревоженная расхождениями Бумедьена с некоторыми бывшими друзьями по руководству армией (устранением бывшего министра внутренних дел Медегри, изгнанием Ахмеда Каида, эмигрировавшего в Марокко), верхушка ННА и ее политкомиссариат особенно упирали на национализм как средство возрождения монолитности рядов руководства и наведения "порядка" в стране.

С 1966 г. в Алжире усиливались позиции двух социальных групп – государственной бюрократии и "новой" алжирской буржуазии. Первая долго еще была сильнее второй. Ее антибуржуазные элементы связывали свою судьбу с сохранением преобладания госсектора в экономике, с известной опорой на трудящихся и мелких собственников, совершенствованием хозяйственной организации, управления и планирования. Но темпы роста численности и влияния бюрократии были таковы, что с 1974 г. Бумедьен официально начал кампанию по борьбе с этой, по его словам, "грозящей революции растущей опасностью". Разумеется, основная часть чиновничества была против ограничения своих прав и привилегий, за дальнейшее усиление влияния госаппарата, за авторитарное подавление воли низов и полное подчинение профсоюзов и других общественных организаций. Поэтому контакты Бумедьена с рабочими и студентами вызвали тревогу бюрократии, а официальная кампания против нее - злобу и страх. Вместе с "новой" буржуазией (среди которой -немало бывших партизан, офицеров, чиновников и даже политических деятелей с громкими в прошлом именами) бюрократия искала средство парализовать антибюрократические усилия Революционного Совета, не допустить изоляции и ослабления чиновничества. И в этом случае национализм оказывался наилучшим средством, как нейтрализации, так и маскировки данного противоречия.

Рост национализма был вызван также и обострением конфликта с Марокко из-за Западной Сахары. Алжирцы были убеждены, что после захвата Западной Сахары Марокко попытается поглотить Мавританию, а затем - возобновит претензии

на богатые полезными ископаемыми районы западного Алжира. Поэтому Алжир хотел любой ценой пресечь марокканскую экспансию на юг и, добившись утверждения в Западной Сахаре дружественного ему правительства, получить кратчайший выход к побережью Атлантического океана. В этом случае богатства недр западного Алжира можно было бы не разрабатывать совместно с Марокко (что мало перспективно ввиду плохих отношений и слабой заинтересованности марокканцев), а использовать исключительно к выгоде Алжира.

После 1976 г. Бумедьен сосредоточился в основном на защите интересов Третьего Мира в ООН, а во внутреннем плане - на реорганизации и консолидации всей общественно-политической структуры страны. Это затронуло и партию ФНО, роль которой в первой половине 70-х годов несколько снизилась ввиду отсутствия четкой политико-идеологической платформы и засорения ее рядов реакционно-консервативными и случайными элементами. С назначением в октябре 1977 г. ответственным за аппарат партии видного члена Революционного Совета Мухаммеда Салаха Яхьяуи деятельности ФНО и контролируемых им массовых общественных организаций были приданы необходимые динамизм, размах, деловитость и целенаправленность. В центральный аппарат ФНО и его местные федерации пришли новые активисты из рядов ННА, профсоюзов и других общественных организаций. С февраля 1978 г. во главе парторганизаций вилай встали советы национальных комиссариатов, возглавляемые, как правило, ветеранами ФНО. В их состав включались представители администрации во главе с вали (губернаторами), офицеры ННА, председатели народных собраний вилай, депутаты и партийные работники. С весны 1976 г. начали создаваться постоянные комиссии ФНО по основным направлениям деятельности партии с участием ведущих общественных, политических и хозяйственных деятелей страны. 1978 г. был также примечателен национальными съездами всех массовых организаций, их интенсивной подготовкой к 4-му (после Суммамского в 1956 г., Триполийского в 1962 г. и Алжирского в 1964 г.) съезду ФНО.

В целом период правления Бумедьена можно охарактеризовать как своего рода национал-бонапартизм. По мнению французского историка Даниэля Ривэ, Бумедьен хотел быть "народным султаном" и создать "государство-учителя". На деле все было не так просто. В отличие от Бен Беллы, ориентировавшегося на трудящиеся и обездоленные слои общества, Бумедьен, не забывая о нуждах и проблемах этих слоев, все же

старался поддерживать, в соответствии с классической схемой бонапартизма, равноудаленность власти от всех классов и прослоек и, одновременно, равную близость с ними со всеми. Он хорошо знал, в отличие от Бен Беллы, механизм функционирования власти и делал все чтобы не допустить сбоя в его работе. Как выпускник Аль-Азхара, он лучше Бен Беллы знал арабский язык и культуру, но почти этим не пользовался и говорил всегда не больше, чем это было необходимо. Он полностью сменил имидж лидера страны: алжирцы после 1965 г. увидели перед собой вместо открытого, эмоционального оратора, обладавшего несомненным обаянием и магнетизмом, совсем другого человека — замкнутого, немногословного, суховатого и почти не улыбавшегося, своего рода "труженика власти", внешне почти ничем не подчеркивавшего, что он венчает собой пирамиду, образованную армией, "превратившейся в государственную знать, стоящей над номенклатурой, но сохранившей народный ореол... по образцу лозунга: "Армия, народ, аграрная реформа" [27].

Этот сдержанный, не похожий на араба рыжеватый шатен, которого друзья за угрюмую молчаливость и невосточную внешность прозвали "Шведом", а враги — "Желтым Скорпионом" за властность, непримиримость и безжалостность, на самом деле умел отлично владеть собой и казаться именно таким, каким надо было в данную минуту. И конкуренты, и журналисты часто попадались на это, называя его то "экстремистом", то "прагматиком", то "насеровцем", то "прокитайцем", то "панисламистом", то "монахом в полковничьем мундире", тогда как все это были лишь маски, нужные в тот или иной момент. Он был холоден, энергичен, принципиален, щепетилен. Его личная скромность и нетребовательность были общепризнанны и на вопрос об отсутствии у него популярности, присущей Бен Белле, он охотно отвечал: "Не все могут нравиться женщинам". Впрочем, он тщательно скрывал от публики свою частную жизнь. Единственно, что бесспорно, это был человек, созданный повелевать, фанатик власти, но стремившийся придать ей смысл и целеустремленность. Его политический талант не бросался в глаза, как у Бен Беллы, но был гораздо опаснее для противников.

Смерть президента Бумедьена в декабре 1978 г. (от редкой болезни мозга, а по мнению А.Бензина — от яда) явилась тяжелым ударом для всех алжирцев, независимо от личных симпатий или политических разногласий с ним. Все алжирцы признавали заслуги Бумедьена, как подлинного лидера страны,

хотя за рубежом некоторые считали, что он был не "вождь (заим)", как Бен Белла, а "командир, предводитель (раис)" [28]. Сначала предполагалось, что его сменит Абд аль-Азиз Бутефлика, наиболее энергичный и предприимчивый из его соратников. Однако он слишком далеко отошел от элиты ННА, которая как всегда, сказала свое решающее слово.

В соответствии с Национальной Хартией и Конституцией АНДР 27-31 января 1979 г. состоялся 4-й съезд ФНО. В нем участвовали 3296 делегатов, из которых 1216 представляли местные организации партии, 491 - массовые общественные организации, 640 — армию, 537 — администрацию и госаппарат, 354 — депутатов Национального собрания, народных собраний коммун и вилай. Соотношение сил в обществе тем самым было выражено достаточно четко, ибо ННА (115 тыс. чел.) имела на съезде в 12 раз больше голосов, чем профсоюзы, представлявшие 1 млн. трудящихся. Съезд подтвердил верность ФНО Национальной Хартии и политическому курсу Бумедьена, принял устав ФНО, провозгласивший Национальную Хартию основополагающим идеологическим документом партии. Решения съезда предусматривали также конкретизацию и реализацию положений Хартии, укрепление роли госсектора, углубление аграрных преобразований, усиление политической бдительности и отпора всем замыслам и интригам врагов революции. На съезде был избран Центральный комитет (160 членов и 40 кандидатов в члены ЦК) и Политбюро ФНО в составе 17 человек. Политбюро возглавил избранный генеральным секретарем ФНО полковник Шадли Бенджедид, выходец из бедных крестьян восточного Алжира, участник войны 1954-1962 г., поднявшийся от командира файлака (батальона) АНО в 1960 г. до командира военного округа Орана в 1964 г., член Революционного Совета, исполнявший обязанности министра обороны с начала болезни Бумедьена в октябре 1978 г. В связи с избранием высших органов ФНО прекратил свою деятельность Революционный Совет, управлявший страной в 1965-1976 гг., а после введения конституции 1976 г. оставшийся руководящей инстанцией ФНО. 7 февраля 1979 г. Шадли Бенджедид был избран президентом АНДР [29].

Новый генсек — президент завершил процесс государственно-партийной реорганизации. По новому уставу ФНО, принятому 4-м съездом, были введены территориально-производственный принцип партийного строительства и выборность всех руководящих органов снизу доверху. Роль партии явно возрастала, что было заметно особенно в 1979-1984 гг. по

перемещению многих высших офицеров на различные посты в иерархии ФНО. Большое внимание новое руководство стало уделять укреплению связей с рядовыми активистами, демократизации методов работы партийного аппарата, повышению роли общественных организаций. Члены Политбюро возглавили наиболее важные из постоянных комиссий при ЦК ФНО: экономической, юридической, по социальным вопросам, по кадрам, по образованию, по выборам, по вопросам молодежи. Другие вошли в состав правительства, сформированного вскоре после выборов президента (в марте 1979 г.) и состоявшего из 24 министров.

Проходивший в июне 1980 г. внеочередной съезд ФНО главное внимание уделил экономике. В его работе приняли участие 3998 делегатов (на 702 делегата больше, чем в работе предшествовавшего 4-го съезда в январе 1979 г.), обсудивших наиболее острые для народного хозяйства АНДР проблемы занятости, строительства жилья, возвращения эмигрантов из Европы, обучения, охраны здоровья граждан, повышения их покупательной способности, снабжения продовольствием и товарами широкого потребления. Обсуждались, кроме того, децентрализация управления экономикой, проблема новых инвестиций в отсталых горных и пустынных областях. В утвержденном на съезде новом 5-летнем плане на 1980-1985 гг. основной упор был сделан преимущественно на подъем сельского хозяйства, ускоренное строительство гидротехнических сооружений, экономию гидроресурсов. Из 400 млрд. динаров, выделенных на капиталовложения по новому плану, 60 млрд. (15%) должны были быть использованы на ликвидацию жилищного кризиса, вызванного массовой миграцией в города за 1969-1979 гг. 1300 тыс. сельчан. Основная же часть (154,5 млрд.) предназначалась промышленности. Это была, пожалуй, последняя попытка сохранить господство госсектора в экономике, где доля частных инвестиций неуклонно возрастала с конца 60-х годов и в 1977 г. составляла 31% в промышленности, свыше 58% — в строительстве, 75% — в торговом обороте. Уже возникли, особенно в легкой промышленности, частные предприятия, имевшие до 300-800 рабочих и служащих [30].

Не обладая харизмой и авторитетом Бумедьена, Шадли должен был осторожно подходить к решению всех острых проблем, особенно экономических. В частности, при нем стали упирать на то, что принуждение в экономике приводит к "бюрократизации, которая представляет собой отрицание социализма", критиковали волюнтаризм многих хозяйственных

мер до 1979 г. и "эйфорию" по поводу якобы неисчерпаемости ресурсов нефти и газа, а также – крайне низкие темпы роста аграрной продукции (3,8% в 1981 г., впоследствии – еще ниже). Это ощущалось особенно болезненно в условиях убыстрившегося роста населения с 17 млн. в 1975 г. до 23,8 млн. человек в 1985 г. "Алжирская экономика в 1980 г. - писал видный экономист М.Бенисад – характеризуется многими диспропорциями, которые являются причинами инфляции, нищеты, спекуляции, низкой производительности труда и недоиспользования производственных мощностей".

После июньского съезда 1980 г. продолжалась перестройка партии ФНО в соответствии с новым уставом, принципами Национальной Хартии и принятыми на съезде критериями рационального подбора кадров по принципу "нужный человек на нужном месте". С конца 1980 г. правые силы старались обострить обстановку, организовав нападки на решения съезда и политику руководства ФНО, а также пытаясь внести раскол в ряды патриотических сил путем применения статьи 121-й нового устава ФНО. Эта статья разрешала избирать в руководство массовых организаций только членов ФНО. Тем самым правые надеялись отстранить многих, привлеченных Яхьяуи еще с 1977 г., прогрессивных деятелей (в том числе марксистов), не вступивших в ряды ФНО по тем или иным причинам, от участия в работе профсоюзов и других общественных организаций.

Перед Шадли встала трудная задача противостоять давлению разных фракций элиты ФНО. "Враги питали надежду, что в стране произойдет взрыв... – говорил он в 1980 г. – Но алжирский народ, его преданные кадры и борцы продемонстрировали политическую зрелость и в критический момент теснее сплотили свои ряды" [31]. Первым из этих "преданных кадров" стал Мухаммед Шериф Месаадия, ветеран революции и сподвижник Бумедьена, способный организатор, занявший вновь созданный пост председателя Постоянного секретариата ФНО и введенный в этом качестве в Политбюро ФНО.

С июля 1981 г. Политбюро ФНО состояло из 10 членов, назначаемых отныне генеральным секретарем партии. Шадли в ходе кампании "оздоровления", т.е. борьбы с коррупцией, вывел из Политбюро и Бутефлику (как выходец из богатой купеческой семьи Тлемсена, тот считался лидером "правого крыла" бумедьеновцев), и Яхьяуи (главу "левых" бумедьеновцев, связанных с прогрессивно настроенной частью офицерства, партаппарата ФНО и профсоюзов). Одновременно из ЦК

ФНО были удалены 4 политика, в том числе – ранее всемогущий министр энергетики Сид Ахмед Гозали [32]. Несколько позже началась кампания против еще более известного министра промышленности Белаида Абд ас-Саляма, виднейшего представителя кабильской интеллигенции в алжирской политической элите, бывшего при Бумедьене, как говорили тогда, "экономическим диктатором страны".

Некоторые поторопились приписать тогда Шадли, избавлявшемуся от "сильных людей" прошлого, намерение "дебумедьенизировать" Алжир. Это было неверно. Удаляя потенциальных конкурентов, Шадли скорее пытался продолжить то, что Бумедьен начал, причем – опираясь на те же силы, прежде всего армию, и в основном теми же методами. Но он действовал уже в другой обстановке. В экономическую политику необходимо было внести коррективы, ибо начавшиеся трудности со снабжением настоятельно требовали более широкого применения рыночных методов хозяйствования. Сейчас трудно решить, насколько начавшаяся в 1979 г. борьба в верхах была связана с принципиальными разногласиями, а насколько – с личным и групповым соперничеством. Очевидно имели место и то, и другое. Кроме того, стиль Шадли при всем его желании продолжать дело своего предшественника был иным. Он был не "солдат-монах", твердый и непримиримый, а склонный к компромиссам любитель "хорошо пожить". И одним из первых его актов было частичное, а затем и полное освобождение Бен Беллы, а также помилование Тахара Збири [33].

Шадли не случайно решил перенести центр тяжести политической жизни в ряды партии. Он пытался тем самым получить реальный козырь, противопоставив выдвинувшей его и рассчитывавшей его контролировать армейской элите свое полновластие и в госаппарате, и в партии. Поэтому с 1981 г. партийные должности в официальной титулатуре стали указываться раньше административных и военных. Еще раньше, в декабре 1980 г., было решено, что все секретари мухафаз (т.е. главы бывших комиссариатов ФНО) должны быть членами ЦК ФНО. Они тем самым превращались в ключевые политические фигуры на местах, ибо не все вали (губернаторы вилай) были членами ЦК ФНО. Таким образом укрепление и реорганизация аппарата ФНО сопровождались повышением авторитета и значения его инстанций, что реально (хоть и незаметно на первый взгляд) вводили ведущее положение партии ФНО по сравнению с представителями местных властей, ННА и массовых организаций. В соответствии с изменениями в уставе ФНО

он был объявлен "единственной партией страны", цель которой - "строительство социализма в рамках ислама и национальных ценностей". При этом Шадли Бенджедид подчеркивал, что "ислам - религия прогресса и социальной справедливости, которая отвергает фанатизм и борется против эксплуатации человека человеком" [34]. Синтезируя подобным образом "правые" и "левые" идеи, Шадли пытался таким путем на первых порах всех удовлетворить и продолжить игру Бумедьена в "отца всей нации" и надклассового арбитра.

Однако политическая и социально-экономическая эволюция Алжира не оставляла Шадли подобного шанса. Начавшееся еще в 70-е годы падение цен на нефть на мировом рынке совпало с заметным истощением природных запасов алжирской нефти и снижением ее добычи только в 1979-1981 гг. с 57 до 46,5 млн. т [35], что ставило под вопрос основной источник получения валюты и главное средство относительного процветания страны при Бумедьене (прибыли от нефти и газа составляли в 1978 г. более 50% ВНП Алжира) [36]. Подоспели и сроки погашения займов и кредитов, полученных Алжиром после 1965 г., причем внешние долги, как в силу безответственности и бесхозяйственности некоторых менеджеров алжирской экономики, так и ввиду махинаций международных монополий, фондов и банков, оказались гораздо более значительными, чем ожидалось. Все это сужало поле маневра президента, вынуждало резко ограничить социальные расходы и открывало дорогу быстрому нарастанию и обострению противоречий в обществе. В своих обращениях к народу Шадли стал призывать его "уже сейчас готовиться к "посленефтяному" этапу", который он определил как "настоящую битву за выживание нации" [37].

Наряду с этим Алжир в конце 70-х годов опять оказался на распутье. Доля госсектора в общем объеме производства оставалась здесь очень высокой (70%, в то время как в Сирии она составила 50%, Южном Йемене — 30%, в Ираке — 29%) [38]. Однако рост частного сектора в торговле, легкой промышленности, сфере услуг и строительства, но особенно в сельском хозяйстве, также был заметным. Численность предпринимателей только вне аграрной сферы в 1966-1977 гг. выросла, примерно, с 6200 до 10400 чел. [39]. В 1980 г. в частном секторе было занято 892 тыс. из 2337 тыс. человек самодеятельного населения (более 1/3), в госсекторе — 693 тыс. чел., в администрации — 430 тыс. чел., в секторе самоуправления — 178 тыс. чел. (из них 157 тыс. — в сельском хозяйстве), в

кооперативном секторе — 96 тыс. чел. [40]. При этом в 70-е годы отток квалифицированных кадров из госсектора в частный сектор (ввиду лучшей оплаты) был так высок, что государству пришлось вводить особые формы "материальной помощи" и "социального обеспечения", дабы удержать нужных работников [41].

"Национальная алжирская буржуазия — писала в 1985 г. В.И.Комар — не исчезла... Более того, в ходе строительства независимой национальной экономики ее позиции в некоторых областях даже усилились. Резко возросла численность "новой буржуазии" (бюрократической и технократической), которая устанавливает связи с местными частным сектором и международной монополистической буржуазией" [42]. Совместно с быстро усиливавшейся агробуржуазией (в среде которой появились уже "куриные магнаты" и "яичные короли"), частью духовенства и прозападной интеллигенции "новая буржуазия" ожесточенно сопротивлялась курсу на продолжение социальных преобразований. Это находило свое выражение и в саботаже аграрной реформы, и в организации волнений в Кабилии (откуда родом были многие буржуа и бюрократы), и в скрытом поощрении действий "братьев-мусульман", т.е. появившихся в стране в 1979 г. исламских фундаменталистов, провоцировавших беспорядки и столкновения. Сама логика этой борьбы побудила 6-й пленум ЦК ФНО (22-24 декабря 1981 г.) подчеркнуть решающую роль "социалистического сектора" (под которым в АНДР понимался госсектор и контролируемые им сектор самоуправления и кооперативы) как "определяющего орудия руководства и организации экономики и главного двигателя экономического развития и социального прогресса", одновременно осудив "погоню за незаконной прибылью, паразитическую деятельность и коррупцию". Пленум указал на приоритет госсектора по сравнению с частным сектором, вся активность и развитие которого "должны быть включены в планы развития" при сохранении за госсектором стратегических позиций. По словам самого Шадли, частный сектор должен был "дополнить и, возможно, стимулировать общественный сектор, но никак не заменять его" [43].

Борьба шла и внутри госаппарата АНДР и партийного аппарата ФНО, которые с конца 1980 г. были подвергнуты чистке. Однако применявшиеся при этом критерии не были ясны и менялись в зависимости от конъюнктуры: то необходимо было выдвинуть на первый план сторонников полной арабизации образования и культуры, то приверженцев

французского языка и "западной" цивилизации (сам Шадли плохо знал арабский литературный язык, а его окружение было связано с французским крупным капиталом), то устранить старых бумедьеновцев, то просто "порадеть родному человечку". В этих условиях процветали фаворитизм, кумовство, коррупция и казнокрадство при формальном развертывании "беспощадной борьбы" с ними на словах.

Это было время деградации с трудом сколоченного Бумедьеном "единого общества единой нации". В Алжире все больше не хватало предметов первой необходимости для социальных низов, но все больше появлялось "новых богачей", ни в чем себя не ограничивавших и ориентировавшихся на "западную модель потребления". Внешний долг Алжира рос гигантскими темпами (к 1991 г. он достиг 27,3 млрд. долларов, т.е. 3/4 валового национального продукта!). Только его обслуживание и выплаты процентов по нему поглощали до 70% поступлений от экспорта в 1980-1988 гг. Меры руководившего экономикой премьер-министра Абд аль-Хамида Брахими (когда-то связанного с движением улемов) напоминали "инфитах" Садата в Египте, т.е. максимальное содействие иностранному капиталу.

Тем же позднее занималась и команда "реформаторов" во главе с Мулудом Хамрушем (генеральным секретарем администрации президента в 1986-1989 гг., премьер-министром в 1989-1991 гг.). Но попытки и того, и другого предоставить самостоятельность предприятиям госсектора и либерализовать внешнюю торговлю ни к чему не привели ввиду сопротивления либерализации экономики со стороны руководства армии, а также - "предательства" западных партнеров, не только не оценивших усердие Брахими и Хамруша в деле "строительства капитализма по-алжирски", но еще и пытавшихся навязать Алжиру кабальные условия погашения задолженности. В поисках выхода из тупика правящая госбюрократия во главе с Шадли вынуждена была пойти на сближение с Францией и с Марокко, что способствовало падению престижа Шадли в глазах алжирских националистов, возмущавшихся "неоколониальным порабощением" и отступлением от линии Бумедьена, не уступавшего Марокко в споре о границах и в вопросе о Западной Сахаре. В народе заговорили о "золоченых куртках расплодившейся номенклатуры", о ее миллиардных спекуляциях лекарствами, зерном и сахаром, о коммерческом центре столицы "Риад аль-Фатх" (Сады победы), который надо бы назвать "Риад аль-Фадх" (Сады скандала)!

В подобных обстоятельствах Шадли взял курс на постепенное свертывание наиболее раздражавших частный капитал "социалистических преобразований", в первую очередь – самоуправления, особенно – "аграрной революции". Производственная кооперация в деревне все более вытеснялась частным хозяйствованием, а различные формы кооперации, главным образом снабженческо-сбытовые кооперативы и по оказанию различных услуг, превращались в государственные организации по стимулированию частного агропредпринимательства. С 1983 г. началась, на первых порах ограниченная, продажа госземель в частное владение (впервые в независимом Алжире). В 1983-1985 гг. все самоуправляемые сельские хозяйства и кооперативы, были объединены в 3398 аграрных "соцпредприятий". Более 4900 кооперативов были ликвидированы, а их земли (453859 га) переданы частному сектору, который в 1985 г. давал уже 80% всей агропродукции. Позднее, в 1987 г., практически все земли аграрных "соцпредприятий" были распределены среди крестьян на правах долгосрочной аренды (на 99 лет) [44].

В декабре 1983 г. состоялся 5-й съезд ФНО, в котором участвовало 4950 делегатов. Показателен его лозунг: "Труд и требовательность – гарантия будущего" [45]. И того, и другого Шадли требовал буквально с первых дней своего прихода к власти, делая ставку на близкие сердцу элиты ННА "порядок" и "дисциплину", с помощью которых надеялся пресечь все ростки смуты и в партии, и стране. На съезде поэтому много говорилось об укреплении "социальной базы революции", о внедрении партячеек на предприятиях, о "преемственности" политической линии ФНО. Тем самым Шадли старался, чтобы авторитет Бумедьена работал на него. Кстати, именно тогда имя покойного президента было присвоено аэропорту столицы, многим учреждениям и предприятиям, а также Научно-техническому университету в Баб аз-Зуаре (пригороде столицы), где 13 тыс. студентов обучались 22 специальностям [46]. Но, говоря о преемственности, Шадли не забывал и о необходимости совместить ее с национализмом и исламизмом, роль которых в стране возрастала одновременно с ростом городской и сельской буржуазии, с настроениями национальной исключительности и социального эгоизма правящей бюрократии, экономической технократии и военной касты. Поэтому на 5-м съезде Шадли, вновь избранный генсеком, говорил о "социальной справедливости", корни которой "кроются в глубине

ислама", а также – о "социализме" в Алжире, который "не копируется с какой-либо чужой доктрины" [47].

Официальная пропаганда, однако, все более воспринималась народом как демагогия и обман. Этому способствовал значительно возросший уровень социального и гражданского самосознания алжирцев.

Продолжавшийся процесс европеизации части алжирцев, отправлявшихся на заработки, на учебу или стажировку во Францию (а затем – также в СССР, ГДР, Бельгию, Швейцарию, ФРГ, Италию, США и Канаду), несомненно играл при этом существенную роль: только во Франции алжирская диаспора постоянно насчитывала более 900 тыс .чел., несмотря на ежегодное возвращение на родину, начиная с 1973 г., до 40 тыс. алжирцев [48]. Однако, еще более важна была внутренняя эволюция Алжира – урбанизация населения (с 1980 г. более 52% его жили в городах), увеличение в нем доли рабочих (более 1/3 всех экономически активных алжирцев уже к середине 70-х годов), повышение грамотности и образованности всех жителей страны: начальную школу в 1982 г. посещали 3179 тыс. детей (78% всех детей до 13 лет), в средней школе тогда же было 1140 тыс. человек (из них 39,5% – девушки), в высшей школе – 79 тыс. студентов [49]. Рост квалифицированных прослоек рабочих, служащих и мастеров, появление совершенно нового для страны слоя технической интеллигенции, получившей современное образование, в том числе – за рубежом или у работавших в Алжире профессоров из Франции, Италии, СССР, Болгарии, США, Канады, Румынии, имели для страны положительное значение в условиях форсированной индустриализации и культурного подъема, способности государства при Бумедьене заботиться о занятости и прочих социальных нуждах населения. Но в условиях стагнации и даже промышленного спада, сокращения инвестиций и расходов на социальные нужды, те же явления приобретали негативный характер. Оставшаяся без работы образованная или просто грамотная молодежь (в 1982 г. лица 15-34 лет составляли более 1/3 алжирцев) острее реагировала на социальные трудности. Эта своего рода безработная полуинтеллигенция вместе с социальными низами города образовала горючую смесь, крайне болезненно воспринимавшую все проявления общественного неравенства и несправедливости, все случаи скандального использования привилегий, бюрократизма, кумовства и коррупции.

Чувствуя нарастание недовольства в стране, Шадли старался консолидировать свою власть, усиливая полномочия Постоянного секретариата ФНО и расширяя функции его главы Месаадии, лично преданного президенту, ужесточая принцип партийности при формировании всех органов власти. Из 281 депутата Национального собрания, избранного в 1982 г. 55 были служащими аппарата ФНО, а 142 – рядовыми членами партии [50]. На съездах профсоюзов и союза молодежи в 1982 г. из их руководства были удалены все, кто подозревался в принадлежности к ПСА. Подобному же "оздоровлению" подверглось и среднее звено этих и других общественных организаций, дабы не дать "превратить их в независимые центры идеологического влияния" или, чего опасался сам Шадли, "во вторую партию – соперницу ФНО" [51]. Доля активистов ФНО в рядах профсоюзов была увеличена на 10,5% (а делегаты съездов на 90% подбирались из членов правящей партии), в крестьянском союзе – на 3 с лишним процента, в союзе молодежи – на 12%, в союзе женщин – на 16%. Число партячеек ФНО на предприятиях Алжира увеличилось с 1260 в 1981 г. до 2005 в 1983 г., а численность активистов в них – с 25808 до 42445. Увеличилось и количество кандидатов в члены партии среди рабочих и служащих – с 1903 до 2354. Особое внимание уделялось пополнению ФНО за счет лиц 18-30 лет: в 1980 г. их было 38141, в 1983 г. – 51944 [52].

Цементируя режим организационно, Шадли пытался обновить его и идеологически, пересмотрев Национальную Хартию 1976 г. Специальная комиссия во главе с М.Ш.Месаадией занялась "обогащением" текста Хартии и разработкой ее "соответствия новым задачам и потребностям страны". По всему Алжиру было организовано до 29 тыс. собраний, обсуждавших новый вариант Хартии. Окончательно он стал программой ФНО после его утверждения на референдуме в январе 1986 г. В новом тексте гораздо больше упора делалось на исламе и национализме, были устранены слишком "социалистические" формулировки и термины варианта 1976 г., хотя и остались упоминания о "коллективной собственности на средства производства". Но это было лишь словесным прикрытием реального курса на создание иной, чем при Бен Белле и Бумедьене социально-экономической модели [53].

М.Харби (бывший советник и друг Бен Беллы, его соавтор по Триполийской программе и Алжирской Хартии 1964 г., работающий во Франции) еще до 1965 г. считал верхушку ННА сторонницей "бюрократического капитализма" [54]. Примерно

так же характеризовали взгляды армейской элиты Алжира работавшие в Алжире французские журналисты Жерар Шальян, Даниэль Герэн, экономисты М.Раффино и П.Жакмо. После июня 1965 г. военный режим много сделал для осуществления своих концепций, хотя и вынужден был маневрировать первое время, а затем, в 70-е годы, примирился с необходимостью сохранения многоукладности алжирской экономики, в лоне которой наряду с жестко контролируемым (и господствующим) госсектором допускалось существование частного, самоуправляемого и кооперативного секторов. Однако бюрократическая централизация и полное огосударствление экономики, наряду с фактической приватизацией ее наиболее доходных сфер, оставались идеалом офицерства. Поэтому на деле в Алжире к началу 80-х годов все же оформилась своеобразная система бюрократического капитализма, выражавшаяся, с одной стороны, во всемерном поощрении частного сектора, критериев прибыльности, рентабельности, экономической эффективности, а с другой — в жесткой централизации и этатизации ключевых сфер экономики, директивном планировании сверху, истощавшей народное хозяйство сверхвысокой норме накопления, доходившей иногда до 50% [55].

Доминирующей силой в этой системе были не частнопредпринимательская буржуазия, а "крупные госчиновники", "технократия или государственная буржуазия", которая "господствовала над частнособственнической буржуазией, что не исключало между ними семейных и даже деловых уз". Водораздел, по мнению детально изучивших ситуацию Поля Бальты и Клодин Рюлло, "проходил... не между владельцами средств производства и всеми остальными, а между теми, кто решал, и теми, кто не имел такой возможности". Госбуржуазия, формально не владея государственной собственностью, фактически ею распоряжалась и пользовалась, получая высокие оклады, премии (до 70% окладов), машины, виллы и значительные привилегии (квартирные, транспортные, в выездах за границу и т.п.), не говоря уже о возможностях незаконного обогащения путем казнокрадства, взяток, прямых хищений, фактического рэкета частных предприятий, большинство которых (особенно в столице) числили своими "консультантами", "акционерами", "почетными председателями" высших сановников государства или просто влиятельных в верхах полковников и майоров. За непременное взимание с иностранных предпринимателей 10% стоимости заключаемой с государством сделки высших бюрократов называли в Алжире "месье диз" (господин десять) [56].

Конечно, такой порядок с его иерархией подчиненности, логикой карьеризма, связями патрон-клиент и коррумпированностью на всех уровнях сложился не сразу. Бумедьен с его авторитетом харизматического лидера, твердой волей и целеустремленностью смог противостоять корпоративному эгоизму офицерской касты, ибо, по-своему понимая идеалы алжирской революции, был им верен и все делал для цементирования национального единства. Ему было ясно, что реализация своекорыстных, узко понятых интересов любой социальной группы будет означать конец революции, которого он не хотел. Он лишь стремился заменить революционный романтизм Бен Беллы революционным прагматизмом.

Принципиально другая ситуация возникла при Шадли. Малообразованный, с чисто крестьянской сметкой и хитрецой, гибкий оппортунист, не лишенный политических способностей, Шадли был все же как личность и лидер на голову ниже и Бен Беллы, и Бумедьена. Он не умел зажигать толпы речами, как первый, и жестко повелевать людьми, как второй. Умело интригуя, он всегда все же вел дело к соглашению, к консенсусу. Желая избавиться от контроля верхушки ННА, он ее в то же время побаивался и, даже пытаясь ей противоречить, в конечном счете шел у нее на поводу. Половинчатость, недоговоренность были типичны для Шадли, всегда либо оставлявшего за собой запасный выход из любой ситуации, либо не стеснявшегося "поступиться принципами" и отменить собственное же решение. Про него рассказывали анекдот, что каждое утро он смеялся, читая свой дневник ученика 3-го класса, в котором учителем было написано, что ученик бесперспективен и далее учиться ему нет смысла. Все знали, что президент не только подвержен влиянию своего хищного и коррумпированного окружения, связанного с верхушкой буржуазии Орании (запада Алжира), но и сам причастен коррупции.

Возглавляя в 1964-1978 гг. 2-й военный округ с центром в Оране, он неимоверно обогатился, женившись на представительнице богатейшего рода марабутов в г.Мостаганем, обзавелся кирпичным заводом и земельной собственностью, вследствие чего оттягивал всеми правдами и неправдами проведение аграрной реформы в Орании. Уже став президентом, он не отказывался от того, чем владел, не гнушаясь, например, даже официально быть хозяином самого крупного в Оране отеля и ресторана. Вследствие всего этого авторитет Шадли в народе всегда был намного ниже авторитета Бен Беллы и Бумедьена. К тому же, именно при нем "партийное чиновничество

превратилось в номенклатуру", "активист стал влиятельным человеком, а бывший муджахид — предпринимателем". Для народа Шадли и был прежде всего главой номенклатуры, бизнесменов и "влиятельных людей", при котором "для всех социальных слоев и возрастных групп разрыв межу ФНО историческим и ФНО политическим, уже непоправимый, стал еще и нетерпимым" [57].

Некоторое время Шадли прилагал отчаянные усилия по "исправлению" своего образа в глазах народа. В его обращениях к народу, особенно — по телевидению или во время массовых церемоний, превалировали интонации заботливого "отца" и даже "мудреца", спокойного и рассудительного, вызывающего симпатию своей благородной сединой и манерами "простого человека", враждебного "бюрократии", "технократам и интриганам", сочетающего солидный возраст (он пришел к власти в 50 лет) и спортивность, скромность и набожность (в 1979-1981 гг. он дважды совершил паломничество в Мекку и всячески рекламировал свое содействие выполнению мусульманами Алжира этого обряда). Телекамеры сопровождали его всюду — на различные церемонии и приемы, на заводы и фермы, на совещания генштаба ННА, заседания правительства и Политбюро ФНО, сессии парламента и руководства массовых организаций, на стройки, торжественные закладки первого камня, открытие памятников, выставок, фестивалей, съездов, при посещении рынков, мастерских, станций обслуживания и т.п. Ни один из его предшественников не появлялся так часто на телеэкране, не заботился так регулярно о рекламе собственного имиджа, как можно более привлекательного в глазах народа. И первые годы правления Шадли все это действовало на массы. Тем более, что президент умело использовал еще сохранявшиеся тогда результаты социальных завоеваний эпохи Бумедьена, пропаганду в прессе, по радио и на телевидении достижений Алжира в деле "всеобщего благосостояния" соотечественников, успехи Алжира на международной арене (в примирении Ирана и Ирака, защите интересов палестинцев, оказавшихся почти в изоляции на Ближнем Востоке после 1982 г., сближении с Марокко, Тунисом и Ливией, на фоне лидеров которых — "монарха маккиавелистского толка" Хасана II, престарелого Бургибы и непредсказуемого и фанатичного Каддафи — Шадли выступал как "уравновешенный" политик, искусный посредник и дипломат). Даже победа сборной Алжира по футболу в 1982 г. (кстати с помощью советского тренера) над неоднократным чемпионом мира

командой ФРГ была максимально использована Шадли: Алжир не знал столь массовых и восторженных манифестаций национальной гордости со времен празднования провозглашения независимости страны [58].

Однако уже события лета 1980 г. показали, что усердно рекламируемый Шадли образ "счастливой страны" во главе с "достойным президентом" фальшив. В сахарском оазисе Лагуат возникло тайное общество молодежи, забросившей учебу и обратившейся к жизни "первых мусульман": отпустив бороды и одевшись в тюрбаны и джеллябы (традиционные кафтаны), юноши питались лишь молоком и финиками, отвергали телевидение, мебель и вообще современный быт, требовали вернуть женщин с работы "домой". У них быстро нашлись подражатели по всей стране. Возглавивший их бывший учитель Бенсайях изгнал имама из мечети и превратил ее в свою ставку, где творил суд и расправу над инакомыслящими почти полтора года. Лишь в сентябре 1981 г. он был арестован, что вызвало демонстрацию его сторонников и вооруженное столкновение с полицией, во время которого были убитые и раненые, а 40 чел. арестовано [59]. Еще раньше, в мае 1981 г., в университетах Алжира, Аннабы и Беджайи произошли столкновения исламистов и "прогрессистов", т.е. сторонников ФНО и ПСА, во время которых были ранены 50 и арестованы 78 чел. Из них 21 чел. были преданы суду [60].

Но тогда эта оппозиция справа еще не считалась серьезной угрозой режиму, гораздо более опасавшемуся врагов "слева". Бумедьен в свое время серьезно ослабил наиболее решительно настроенную часть оппозиции, разгромив вооруженные отряды ФСС в Кабилии, а также физически устранив столь опасных конкурентов как оперировавший за рубежом значительными суммами в швейцарских банках М.Хидер (убит в 1967 г. в Мадриде) и чрезвычайно популярный в Кабилии и лично богатый Белькасем Крим (убит в 1969 г. во Франкфурте). Но за границей продолжали действовать два других "исторических вождя" алжирской революции – высланный еще Бен Беллой в 1963 г. в Марокко Мухаммед Будиаф и бежавший в 1966 г. из заключения за границу Хосин Айт Ахмед. Первый, остро критиковавший и Бен Беллу, и Бумедьена, и Шадли, возглавлял небольшую Партию социалистической революции и издавал распространявшуюся во Франции газету "Аль-Джарида". Второй, также всех критиковавший, был лидером ФСС и ставку делал на кабильский партикуляризм.

Более серьезную угрозу Шадли создал для себя сам, освободив в 1980 г. из заключения Ахмеда Бен Беллу. Поселившийся сначала в столице, Бен Белла совершил в 1981 г. паломничество в Мекку, откуда вернулся не на родину, а во Францию. Здесь он стал формировать и засылать в Алжир вооруженные группы своих сторонников, в 1984 г. объединившихся в "Движение за демократию в Алжире" (ДДА). Высланный из Франции, не желавшей ссориться с Шадли, Бен Белла продолжал руководить ДДА из Швейцарии. Но Бен Белла 80-х годов отличался от Бен Беллы 60-х годов. Ему было уже за 60, его разочарованность в идеях социализма, перехваченных у него Бумедьеном и другими соперниками, за время его заключения все более усиливалась, как вследствие поведения компартий и социалистических стран, как он считал, отступившихся от него, так и вследствие возросшей его религиозности (14 лет в заключении он мог читать только Коран). Он многое пересмотрел и от многого отказался, начав осуждать то, что ранее защищал, и защищать то, что до 1969 г. безоговорочно осуждал. Так, критикуя правление Шадли с сугубо исламистских позиций, Бен Белла одновременно выступал против "однопартийного режима" (вопреки тому, что он сам говорил и делал, находясь у власти в 1962-1965 гг.), а заодно – призывал "переходить к плюрализму и учиться демократии" [61].

Но Бен Белла, когда-то чрезвычайно популярный в Алжире, в 80-е годы был почти забыт. Это и неудивительно: 75% из 23 млн. алжирцев в то время были моложе 30 лет, т.е. они либо еще не родились, либо были детьми дошкольного возраста, когда Бен Белла был отстранен от власти [62]. Не способствовал росту его престижа и пересмотр им по конъюнктурным соображениям своих прежних установок. В частности, именуя правителей Алжира "плохими мусульманами", он в то же самое время не находил общего языка с исламскими экстремистами, которые не могли забыть его былой дружбы с коммунистами и СССР, а также – отождествления им в свое время "алжирского социализма" в его экономическом аспекте с марксизмом. Выступая в 1963 г. против ФСС и своих соперников по руководству ФНО, большинство которых были берберами (Мухаммед Будиаф, Белькасем Крим, Хосин Айт Ахмед), Бен Белла без конца повторял: "Мы – арабы, арабы, арабы". А в сентябре 1981 г., находясь во Франции, где большинство алжирских эмигрантов были берберами, он заявил: "Арабов с арабской кровью среди нас очень мало. Мы – берберы и Бен Белла – бербер" [63].

С одной стороны, это вызывало законное недоверие со стороны берберов, ибо живы были многие представители старшего поколения, которые помнили давнюю вражду Бен Беллы с их наиболее видными лидерами, обвинявшимися в "кабильском регионализме". С другой стороны, это не прибавляло Бен Белле авторитета и с точки зрения исламистов, так как они издавна традиционно противопоставляли подлинного "араба-мусульманина" якобы прозападно настроенному "берберо-материалисту". До 1983 г. всякое выступление в защиту самобытности берберов трактовалось в Алжире как регионализм, трибализм, даже "расизм" и "берберитюд" (по аналогии с "негритюдом" Л.Сенгора в Сенегале), нарушающий "целостность" Магриба [64]. Была даже ликвидирована кафедра берберского языка и культуры, а возглавляющий ее известный писатель Мулуд Маммери эмигрировал, потом в 1979 г. вернулся, выступив на нескольких тайных собраниях, за что был опять выслан. Это привело к ряду публичных акций берберистов в столице (вроде исполнения хором кабильских песен, вывешивания флага Кабилии) и к беспорядкам в университете Тизи-Узу (центра Кабилии) в апреле 1980 г., которые сопровождались, по данным Комитета защиты культурных прав в Алжире (организации кабильских интеллигентов, издавшей в Париже в 1981 г. сборник "Берберская весна"), вооруженными столкновениями [65].

Правительство Алжира, долгое время занимавшее непримиримую позицию в отношении требований берберистов покончить с "мистификаторскими и угнетательскими тенденциями арабо-исламизма", постепенно пересмотрело свою точку зрения. С середины 1982 г. проблемам языка, культуры и фольклора берберов стало уделяться внимание в главных университетах страны. Сказалось, очевидно, и влияние Франции, где еще в 70-е годы была создана Берберская академия. На 5-м съезде ФНО в декабре 1983 г. главой государства была официально признана роль берберов как предков современных алжирцев. Шадли сказал, что "история Алжира началась... не со времен колониального завоевания или прихода арабов. Она насчитывает более двадцати пяти веков с тех пор, как наш народ вышел на историческую арену и назвал себя "амазиг", т.е. "свободные люди" [66].

Однако проблема берберов в Алжире была не столько культурной, сколько социально-политической. Во многом она была следствием борьбы молодых провинциалов, особенно из арабской "глубинки" Алжира, к тому же — получивших образо-

вание на арабском языке, со старшим поколением интеллигенции, бюрократии и буржуазии, преимущественно — обладателей дипломов о французском образовании. Среди последних кабилы всегда составляли большинство. Социальные преобразования в Алжире с 1963 г. в известной мере подорвали позиции кабильской буржуазии, а неуклонно проводившийся с тех пор курс на арабизацию (особенно — с 1971 г., когда арабский язык стал обязательным в делопроизводстве государственных учреждений) серьезно ослабили позиции чиновников-кабилов. Наконец, крестьяне — кабилы, став с конца 70-х годов жертвой спекуляций и махинаций покровительствуемых властями скупщиков-оптовиков, главным образом — из арабоязычных районов, также внесли свой вклад в стимулирование настроений недовольства, регионализма и партикуляризма.

Кабильской буржуазии необходимо было это поддерживать для сохранения еще крепких у кабилов клановых, патриархально-общинных и других традиционных связей. Она старалась, умело используя эти связи, увлекать за собой кабилов всех слоев и классов всякий раз, как только ее интересам грозила опасность. Характерно, что "берберизм" в Алжире начал было ослабевать именно с начала 80-х годов, когда власти Алжира, наряду с уступками берберистам в области языка и культуры (в том числе - фактически не требуя от государственных чиновников пользоваться лишь арабским языком, что формально было обязательно, но на деле трудноосуществимо, особенно — с учетом ежегодных стажировок во Франции элиты госаппарата Алжира), стали поощрять частный сектор. Среди новых предпринимателей было немало кабилов, в том числе - из бывших эмигрантов, скопивших деньги во Франции. "Наибольшая опасность — писал в 1980 г. первый секретарь ЦК ПСА Садек Хаджерес - в союзе крупного частного предпринимателя Орана, который финансирует и направляет реакционную организацию Братьев-мусульман в своей местности, с богатым дельцом из Тизи-Узу, оплачивающим и подстрекающим изо всех сил некоторые правые тенденции "берберистского" движения... И тот, и другой знают, на какие круги бюрократической буржуазии они могут рассчитывать в аппарате государства, дабы заставить замолчать органы информации в нашей стране, сфабриковать провокацию, поощрить раскол и репрессии" [67]. На некоторое время властям АНДР удалось в целом, если не решить, то хотя бы нейтрализовать проблему "берберизма". Но дальнейший ход событий показал зыбкость и

ненадежность позиций правительства как в этом, так и в других вопросах.

Серьезной проблемой для властей было исламистское движение. Оно финансировалось и направлялось арабской буржуазией преимущественно западного Алжира, но исламистов было немало и среди берберов, особенно — на востоке страны, в районах их совместного проживания с арабами. Возникло это движение в Алжире, как антизападное и эгалитаристское. Основной его ударной силой стала молодежь, разочарованная в деятельности правящей партии ФНО и склонная обвинять среднее и старшее поколение в невыполнении обещаний, содержащихся в программах ФНО и речах его лидеров. Определенную роль при этом сыграло и то, что ввиду нехватки преподавателей арабского литературного языка в Алжир были приглашены из Египта (93 - только из каирского Аль-Азхара), а также из Сирии и Судана, а в 1966 г. - даже из Ирана, многие знатоки языка. Тон среди них задавали уволенные, высланные или сами уехавшие приверженцы панарабизма и исламизма, такие как, например, активисты египетской Ассоциации братьев-мусульман Газзали и Кардауи. Содействуя арабизации и исламизации алжирской культуры и системы образования, они в течение 70-80-х годов оказывали большое влияние на настроения молодежи, ранее в Алжире весьма равнодушной к религии. Некоторое значение имело и постоянное расширение религиозного образования: число исламских институтов (модернизированных медресе) в стране выросло только в 1965-1976 гг. с 16 до 21, число студентов в них — с 3453 до 40800 чел. Они в дальнейшем пополнили ряды имамов (настоятелей мечетей), хаззабов (чтецов Корана), мударрисов (учителей), заинтересованных в дальнейшей "реисламизации" общества, особенно молодежи.

Кроме того, социальной базой исламо-экстремизма явились социальные низы города, состоящие в основном из раскрестьяненных пауперов и люмпенов, ушедших из деревни, но в городе не сумевших найти себе занятие. Их численность только в 1967-1977 гг. увеличилась на 1,7 млн. человек. [68]. Они, потеряв почву под ногами, искали утешения в религии, объясняя все свои беды нарушением власть имущими предписаний Корана и шариата. В "возврате к истокам" первоначального ислама надеялись они обрести решение своих проблем и социальную справедливость в ее наиболее доступной им форме. В 60-70-е годы наиболее ярые исламисты группировались вокруг еще сохранявшихся в Алжире 227 завий (обителей) 15

религиозных братств и клерикальной ассоциации “Аль-Кыям”, дважды распускавшейся и Бен Беллой, и Бумедьеном [69]. Подъем исламизма после революции в Иране 1978-1979 гг. нашел выражение в Алжире в избиениях марксистов и “берберистов”, вооруженных стычках с полицией, захватах мечетей, организации собраний и шествий под антиправительственными лозунгами.

Массовыми арестами в 1981-1982 гг. власти серьезно ослабили исламистов, среди которых преобладающим стало движение “братьев-мусульман” (а также “сестер-мусульманок”), ориентировавшееся преимущественно на методы пассивного сопротивления (уход из городов в пустыню, ношение лишь традиционной мусульманской одежды, строгое соблюдение всех обрядов ислама, моральная изоляция “отступников”). Практически власти этому не препятствовали, ибо одной из форм борьбы с бунтарями-исламистами избрали метод их “обхода справа”, т.е. для обоснования своего курса стали широко прибегать к ссылкам на Коран и шариат, к включению исламских догм в идеологию ФНО, в систему воспитания молодежи (с 1979 г. занятия в университетах Алжира стали начинаться с обязательной молитвы), в официальные представления о морали, духовных ценностях, культуре. Ислам был объявлен средством “утверждения национальной индивидуальности алжирского народа”.

Отсюда проистекала и известная непоследовательность властей в борьбе с исламистами: их арестовывали, пытали и судили, но книги их издавались и даже продавались в контролируемых ФНО книжных магазинах; в стычках с ними были убитые и раненые, в том числе — среди полиции, но ни один экстремист не был приговорен к смерти. Более того, в мае 1984 г. в числе освобожденных 91 политзаключенного оказались лидеры исламистов шейх Ахмед Сахнун и профессор Аббаси Мадани [70].

Власти смотрели сквозь пальцы на рост религиозности населения и даже поощряли его: количество только официальных мечетей, в том числе — возводившихся “ударными методами народной стройки”, выросло в стране с 800 в 1962 г. до 5 тыс. в 1982 г. Еще больше, особенно с 1979 г., увеличилось количество незарегистрированных частных мечетей. В 1979 г. возник ряд фундаменталистских организаций (крупнейшей среди них была “Ахль ад-Даава” — “Люди призыва”), имевших сильные позиции в гг.Алжир, Константина, Медеа, Гардайя и располагавших значительными средствами, которые тратились на

реставрацию мечетей, организацию диспутов и пропаганду идей иранской революции 1978-1979 гг. Фундаменталисты стремились совместить идеи Бен Бадиса и имама Хомейни (теоретически несовместимые), подвергали остракизму или "суду народных трибуналов" всех несогласных. В ноябре 1982 г. их сторонники организовали в центре столицы 10-тысячную манифестацию, не разрешенную властями. Многие ее участники оказались в тюрьме. Однако в похоронах одного из лидеров исламистов в апреле 1984 г. приняло участие уже 25 тыс. чел. [71].

Создавалось впечатление, что Шадли даже потворствует деятельности фундаменталистов, делая это на фоне преследований, которым они тогда подвергались в Марокко, Тунисе и Египте. Однако никакого "взаимопонимания" с ними (против которого Шадли, возможно, и не возражал бы) не сложилось. Шадли явно пытался "уравновесить" влияние берберистов и исламистов, противопоставив их друг другу. "Берберы этнически и культурно происходят от арабов" – писал в 1981 г. орган ФНО [72]. Однако, по мере уступок берберам течение берберизма становилось все менее однозначным и борьба против него теряла смысл. В то же время стычки с исламистами все учащались.

ГЛАВА 9

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕСНА" 1988–1991 гг.

И религиозный фанатизм, и этнический партикуляризм второй половины 80-х годов были частными проявлениями все возраставшего недовольства масс ухудшением экономического положения, поляризацией доходов, ростом пропасти между верхами и низами. Поощрение властями частного сектора, наряду с позитивными результатами, имело и свою изнанку. Поэтому очень спорен тезис Наджи Сафира о том, что в 80-е годы в Алжире "шли два главных и взаимодополняющих процесса перехода.. к рыночной экономике и политическому плюрализму", которым мешали "два десятилетия господства глубоко популистской идеологии, враждебной, среди прочего, принципам рентабельности, конкуренции и индивидуализма" [1]. Жизнь была намного сложнее этой рожденной задним числом и слишком упрощенной формулы.

Усилившаяся после 1978 г. буржуазия была недовольна сохранявшимся всевластием бюрократии и военной касты, а господство госсектора в промышленности (несмотря на льготы частникам в 1982-1984 гг.) сохранялось и ограничивало действие рыночного механизма. Шадли слишком поздно — в конце 1987 г. - пошел на децентрализацию хозяйственных гигантов: 60 государственных кампаний ("национальных обществ") были раздроблены на 500 более мелких предприятий [2]. Но это не привело к усилению рыночных механизмов из-за плохой работы банков и "привычек, унаследованных за 15 лет социализма по советскому образцу, давивших на администрацию, для которой рентабельность вовсе не была главной заботой" [3]. По мнению французского социополитолога Дени Берже, это вело к росту дефицита, который неизбежно рождал инфляцию и удорожание жизни. Бесконечные реорганизации 1983-1987 гг. в сельском хозяйстве, имевшие целью максимальное развитие индивидуального производства, аренды и рентабельности, одновременно увеличивали отток в города сельской бедноты. Она неизбежно оставалась за бортом вследствие "укрупнения", "слияния" и "перераспределения" (а фактически — ликвидации) кооперативов аграрной революции [4].

Способность государства нести бремя социальных расходов резко уменьшилась к середине 80-х годов вследствие сокраще-

ния доходов от нефти (с 12,8 млрд. долларов до 6 млрд. только в 1985-1986 гг.) при одновременном росте внешнего долга (19 млрд. долларов в 1986 г.), по которому, к тому же, надо было выплачивать проценты. Но именно в это время страна остро нуждалась в капиталовложениях с целью расширения производства и занятости, в средствах для пособий безработным, доля которых превысила к 1988 г. 22% трудоспособного населения страны [5]. Основную массу безработных составляла молодежь, но, как правило, имевшая какой-то минимум образованности, информации о внешнем мире и политической ситуации внутри страны, о жизни верхов и положении низов. Выступления учащихся в ноябре 1986 г. в Константине, поддержанные городской беднотой, а также студенческие забастовки в октябре 1987 г. были серьезными сигналами долго зревшего недовольства молодежи. В мае 1988 г. во время демонстрации молодежи в Оране был убит полицейский, в июле – разогнана манифестация шахтеров в Уэнзе, многие из которых были арестованы и приговорены к тюремному заключению. В сентябре в Аннабе произошла стычка полиции с рабочими, разбившими холодильники, предназначенные для экспорта в Тунис. Арестованные потом объясняли свой поступок просто: "Мы не можем купить даже один холодильник. На это не хватит зарплаты" [6].

В подпольной прессе ПСА приводились примеры возросшей дороговизны жизни в Алжире, незаконных увольнений, запретов стачек, судебных преследований рабочих, нарушений трудового законодательства только в июне-августе 1986 г. в разных районах страны. Особенно отмечались неуважение законных прав граждан, расправ с профсоюзными активистами, запугивания трудящихся, финансовые махинации властей, фактическая недоступность образования, которое становилось фикцией при наличии в институтах 1 места на 40 претендентов. Это подтверждалось широким размахом стачек и трудовых конфликтов в сентябре 1988 г., когда даже официальный профцентр, связанный с ФНО, не только выдвинул лозунг "борьбы трудящихся против дороговизны", но и стал тайно распространять листовки с призывом ко всеобщей забастовке на предприятиях госсектора.

24-28 сентября начался конфликт на автосборочном заводе в Руибе (недалеко от столицы). Не добившись от рабочих уступок в вопросе о распределении прибылей предприятия (этот вопрос должно было решать общее собрание работников) и о праве рабочих свободно выбирать их представителей, власти

вызвали полицию. Когда аресты и давление не дали результата, член постоянного секретариата ЦК ФНО Гозали заявил рабочим, что "ими манипулируют" политические партии в целях "дестабилизации страны". В ответ рабочие сказали: "Нами манипулируют тяжесть и дороговизна жизни". Прибывший на завод министр труда был встречен криками: "Долой капитализм! Да здравствует социализм!" Движение на заводе в Руибе быстро захватило и соседние предприятия, а также — предприятия других пригородов столицы. Солидарность с бастующими выразили также студенты и учащиеся лицеев, которые вместе с ними участвовали в стычках с полицией 28 сентября. Население окрестных кварталов укрывало раненых в стычках, доставляло пищу и воду тем, кто проводил сидячие забастовки на территории предприятий. Власти ответили на это репрессиями, массовыми арестами и пытками, особенно в ночь с 3-го на 4-е октября.

Однако остановить неумолимо накатывавшуюся волну народного возмущения было уже невозможно. 4 октября начавшееся довольно мирно шествие примерно 100-200 молодых людей в столичном квартале Баб эль-Уэд вылилось в многотысячную демонстрацию рабочих, учащихся и молодых безработных (составивших, по свидетельству многих наблюдателей, большинство). Они начали с разгрома продуктового магазина, где нашли сыр, макароны, сгущенное молоко и "тысячи пакетов масла", которые не видели уже много месяцев. Товары были спрятаны для продажи на "черном" рынке. Попытки полиции предотвратить разгром магазина кончились неудачей: манифестантам пришли на помощь жители ближайших домов, забросавшие полицию цветочными горшками, консервными банками и прочим мусором. Воодушевленные успехом, толпы молодежи двинулись в другие кварталы, присоединяя к себе всех недовольных. Пройдя по всему городу, они стекались к центру, сокрушая на своем пути конторы, полицейские комиссариаты, здания администрации и партии ФНО. "Шадли — убийца", — кричали демонстранты, забрасывая камнями полицию, которая была не в силах справиться с десятками тысяч разъяренных молодых людей. На следующий день беспорядки возобновились: молодые бунтари вдребезги разбивали палками и железными прутьями телефонные будки, переворачивали и жгли автомашины, возводили баррикады. Волнения перекинулись 6-8 октября в Оран, Мостаганем, Аннабу и другие города, где жгли государственные магазины, нападали на здания суда,

мэрии, различные агентства. Как писал журнал "Экспресс", "разрушалось все, что представляло власть и номенклатуру".

Против манифестантов были брошены танки и воинские части, беспощадно расстреливавшие всех, кто им попадался. Были введены осадное положение и комендантский час. Солдаты, по свидетельству очевидцев, добивали раненых автоматными очередями, стреляли без предупреждения по любой появлявшейся группе подростков, даже – по родителям убитых, просивших выдать им тела погибших сыновей. По данным журнала "Нувель Обсерватёр", погибло от 200 до 500 чел., по данным "Экспресс" – более 1 тыс. было убито и несколько тысяч ранено. Эта неожиданная ожесточенность обеих сторон свидетельствовала о том, что конфликт давно созрел. Один из очевидцев событий, 17-летний парень, участвовавший, по его словам, в поджоге трех министерств и полдюжины полицейских комиссариатов, сказал через неделю: "Алжир больше не будет таким, как раньше. Они нас убивают, потому что боятся нас, а боятся нас потому, что нам нечего терять".

Столкновения 4-5 октября никто не готовил. Они поразили и потрясли большинство алжирцев, не сразу оценивших в полной мере все их значение. "Эти манифестации, – отмечало руководство ПСА в листовке от 5 октября 1986 г., – стихийные действия значительной части нашей молодежи, выражают прежде всего глубокое недовольство народных масс, их неприятие определенной практики госаппарата и партии ФНО. Они кое-где вылились в акты разрушения и грабежа. Мы сожалеем о совершенных эксцессах, особенно разрушении автобусов, грузовиков, частных машин и торговых точек. Эти эксцессы объясняются главным образом невозможностью для народных масс спокойно обсудить свои проблемы и бороться за их решение". Представительство ПСА в эмиграции, 9 октября объявив о "сотнях убитых и раненых в основном среди молодежи и даже детей", подчеркнуло, что нечто подобное за последние годы уже происходило в Оране, Константине, Тизи-Узу, Сайде, Сетифе, Аннабе и Беджайе, а ныне начавшись в столице, распространилось также на Блиду, Тиарет, Батну, Шлеф, Мостаганем и другие города.

Около 10 тыс. человек были арестованы. Жестокое обращение с ними вызвало многочисленные протесты в Алжире и за рубежом. Характерно при этом, что протестовали и коммунисты, призывавшие в своих листовках "прекратить бойню" и "найти демократический выход из кризиса", и исламисты, лидер которых шейх Ахмед Сахнун направил 13 октября 1988 г.

открытое письмо президенту Шадли, сопроводив его “Призывом к осуждению пыток” 28 октября и “Призывом к солидарности с жертвами пыток” 4 ноября 1988 г. “Пусть служба безопасности поостережется наказания Священного Суда, санкции со стороны народа и суда истории, который ничего не прощает”, — писал Сахнун в первом “Призыве”, завершая его стихом из Корана: “Те, кто совершает несправедливость, познают последствия своих действий”.

Исламисты пытались организовать манифестацию в Баб эль-Уэде 6 октября после похорон первых жертв стычек, выйдя на улицу во главе с имамом местной мечети Айсой аль-Хаджем (ранее уже отбывшим тюремное заключение за свою политическую деятельность) под лозунгами: “Нет бога кроме аллаха! Исламская республика!” Имам аль-Хадж шел, окруженный своими сторонниками в белых джеллябах (длинных кафтанах) и традиционных фесках, впереди толпы в несколько тысяч человек. Имея поддержку и со стороны люмпенов, и со стороны крупных торговцев, он и на этот раз попытался направить возмущение молодежи несправедливостью, коррупцией, нечестностью и жестокостью властей в русло приверженности шариату. Однако, манифестация была рассеяна танками [7].

Армия опять, как и в 1962 г. и 1965 г., овладела положением. Но ее верхушка не была единой: долгое время бывший начальником генерального штаба армии Мустафа Бенлусиф, смещенный в ноябре 1986 г., находился под надзором, сменивший его генерал Абдаллах Бельхушет среди военных не пользовался авторитетом, несмотря на его заслуги революционных лет, командовавший разгоном демонстрантов командир 1-го военного округа генерал Аттайлиа выступал, тем не менее, за “необходимые реформы”, как и 50-летний Халед Неззар, интеллигентный технократ, закончивший в СССР военную академию имени Фрунзе и тогда занимавший пост заместителя начальника генштаба ННА. Позиция всех этих лиц значила очень много, хотя моральный престиж армии в Алжире после октябрьских событий резко упал, тем более, что назначенные Шадли генералы (до него этого чина в армии вообще не было) “были обязаны ему своими звездами и... своим образом жизни, более чем комфортабельным”. Все это бросало тень и на самого Шадли: “До репрессий, — писал давний знаток Алжира - его обвиняли лишь в том, что он был их заложником и практиковал семейственность. Его близких обвиняли в коррупции, но не его самого. После репрессий его обвиняют во всем”. Следует уточнить, что и до репрессий Шадли приписывали

личное обогащение, а преследование им за коррупцию некоторых сановников злые языки ("арабский телефон", как называют в Алжире мгновенное распространение самых разных слухов) представляли всего лишь устранением бывших сотрудников Бумедьена с целью заменить их своими людьми [8].

Но и "свои люди", в частности — из элиты ННА, были недовольны Шадли и саботировали его попытки "либерализовать" режим, поддерживаемые в этом сторонником "сильной власти" — претендовавшим на многое могущественным главой исполнительного секретариата партии Мухаммедом Шерифом Месаадией. События 4-5 октября, однако, изменили соотношение сил в верхах, облегчив движение к "либерализации".

10 октября президент выступил по национальному радио и телевидению. Он осудил "акты вандализма и саботажа", подчеркнул необходимость принятых мер, указав, что страна оказалась на грани гражданской войны, упомянул экономические трудности и намеченные реформы (контроль над ценами, обеспечение продовольствием, повышение благосостояния, особенно — лиц с низкими доходами). Но главное — Шадли выступил за политические реформы и пересмотр конституции. Характерно, что он говорил об этом вечером, а днем в Алжире была распространена новая листовка ПСА "Патриоты, вместе добьемся прекращения кровопролития и найдем демократическое решение кризиса, которое укрепит независимость страны". Отвергая "систему единственной партии и ее монополию на политическую жизнь", ПСА выступала за "политический плюрализм, соответствующий реальностям нашего нынешнего общества" [9].

Последующий ход событий — одобрение на референдуме 3 ноября первого проекта реформ и формирование 11 ноября 1988 г. нового правительства, полностью ответственного перед парламентом, бурное обсуждение (впервые с голосованием "против" более 20 депутатов) правительственной программы чрезвычайных мер в сфере занятости, жилищного строительства, здравоохранения и образования, 6-й съезд ФНО 27-28 ноября 1988 г., фактически отменивший однопартийный режим в Алжире и наметивший основные направления демократических преобразований, утверждение в феврале 1989 г. новой конституции — свидетельствовал, что октябрь 1988 г. явился важным рубежом алжирской истории. Новая конституция предусматривала разделение исполнительной, законодательной и судебной власти. Президент, ответственный за внешнюю политику и оборону, назначал главу правительства, но тот был

полностью подотчетен парламенту. Отказ от упоминания социализма в конституции лишь фиксировал реальность: фактически в Алжире (и это давно было ясно) речь о социализме не шла. В то же время статья 40-я конституции гарантировала право на создание политических ассоциаций [10]. Вопреки негативным прогнозам на Западе, Шадли в декабре 1988 г. был в третий раз (после 1979 г. и 1985 г.) избран президентом, причем – при активной поддержке левых (включая ПСА) и умеренных сил, опасавшихся усиления исламо-экстремистов.

Так началась в Алжире "политическая весна". К началу 1989 г. в Алжире насчитывалось уже 19 политических партий. Кроме правящего ФНО и оппозиционной ПСА, а также упоминавшихся выше ФСС и ДДА, они ничем себя не проявили. В феврале-марте 1989 г. возникло еще 8 партий. Среди них – "Объединение за культуру и демократию" (ОКД) в Тизи-Узу, берберистская организация, определившая свое место "левее исламистов и правее ПСА, т.е. как позицию централистскую и социал-демократическую". Кредо ОКД – утверждение "исторической и культурной самобытности алжирцев как амазиг", "социальная, культурная и политическая демократия", уважение прав человека и равноправие женщин, активное участие частных предпринимателей в экономическом развитии. Близка к ОКД была Социал-демократическая партия (СДП), определившая себя как "центристскую и стремящуюся к социальной справедливости". Она выступала за "сильное и стабильное государство" и поощрение частной инициативы, "исходящей из исламского либерализма", путем поддержки мелких и средних предприятий.

10 марта 1989 г. в мечети Ибн Бадис в Кубе (район г.Алжир) был создан Исламский фронт спасения (ИФС). Он требовал единства всех мусульман и "полного осуществления глобальной исламской альтернативы всем импортированным политическим, экономическим и социальным идеологиям". Почти все секции ИФС формировались при мечетях, посещение которых было для членов ИФС обязательным (как и взнос 100 динаров и участие в мероприятиях ИФС). Во главе ИФС встал совет из 13 представителей разных областей Алжира. Наиболее известны из них были уже упоминавшийся 58-летний профессор университета Аббаси Мадани, проповедник Али Бенхадж, имам столичной мечети Беназзуз Зебда и радиожурналист Осман Амокран. Кроме того, в совет входили еще шесть имамов различных мечетей. Наиболее значителен из них был, конечно, Аббаси Мадани, узник французской тюрьмы в 1955-

1962 гг., учившийся потом в Алжире и в Англии, знаток не только Корана, шариата, концепций Бен Бадиса и других мыслителей ислама, но и Адама Смита, Прудона, Маркса и Вебера. "Мы хотим, — говорил он, — создания в Алжире исламского государства, далекого от коммунистического Востока и капиталистического Запада".

Почти одновременно с ИФС (1 марта) было объявлено о создании Лиги исламского призыва (ЛИП) во главе с шейхом Мустафой Сахнуном. Она тоже выступала за единство всех мусульман и реформы "в сфере экономики, культуры, образования и информации в соответствии с принципами исламского шариата". Но ЛИП все же признавала законность существования других партий и была согласна даже сотрудничать с ними "во всем, что не противоречит целям Лиги".

Эти, как и возникшие впоследствии другие исламские партии, имели возможность, по наблюдению известного исламоведа Оливье Руа, использовать "люмпенизацию интеллигенции", т.е. окончание вузов "новой категорией воспитанников, плохо знавших и язык, и другие предметы, противостоявших офранцуженной элите. Исламизация стала почти автоматическим способом выдвижения арабизированных элит". Язык и религия стали орудиями в политической и социокультурной борьбе, особенно если противостояли друг другу молодежь и старики, арабы и берберы, бедные и богатые.

В печати упоминались еще и другие организации, в частности, "Национально-демократический фронт Хуари Бумедьена", считавший, что "алжирский народ имеет право жить в условиях демократии" и что было бы иллюзией "навязывать революцию сверху с помощью любых хороших текстов". На деле фронт ограничивался лишь "политическим анализом бумедьеновского опыта". Объявлено было также о создании Исламской демократической партии (ИДП) и о "намерении группы известных дельцов", "адвокатов и журналистов" создать "Алжирскую либеральную партию" (АЛП) [11].

Ажиотаж возрождения многопартийности с самого начала вызывал скептическое отношение. В частности, известный историк Махфуд Каддаш, в принципе выступая за "легальную и конструктивную оппозицию" правящей партии, еще в ноябре 1988 г. предостерегал против "неограниченного плюрализма, при котором господствуют власть денег, дух регионализма и клановость". По его мнению, "значительное число партий" неизбежно приводит к анархии и краху демократической перспективы, что "позволит врагам демократии

установить диктатуру, худшую, чем таковая единственной партии" [12]. К сожалению, пророчество Каддаша во многом оправдалось в дальнейшем.

Из 24 партий, действовавших в Алжире летом 1990 г., четыре были исламистскими: ИФС, ЛИП, "Рабита" ("Связь") и "Умма" ("Община"). И хотя светские организации активно им противодействовали (ОКД даже провел 25 января 1990 г. 100-тысячную демонстрацию в столице с требованием ввести преподавание берберского языка по всей стране и не допустить "установления любого государства теократического типа"), страна переживала новый бум исламизма, который так или иначе, с оговорками или без них, фигурировал в идеологическом арсенале почти всех партий, кроме ПСА. Крах прежней идеологии и фактически начавшийся демонтаж старого режима (после того, как президент, несколько позже — премьер и другие министры, официально вышли из ФНО) создали вакуум, который торопились заполнить исламисты [13].

Возникновению идейно-политического вакуума способствовало обнаружившееся в октябре 1988 г. банкротство ФНО, утратившего контроль за событиями и во многом — влияние в массах. Вместо авторитарного Месаадии его генсеком в ноябре 1988 г. стал 62-летний Абд аль-Хамид Мехри, старый интеллигент еще дореволюционной формации, сторонник либерализма и плюрализма. Сам ФНО превратился из единой и единственной правящей партии в аморфное "объединение всех патриотических сил" под формальным (до конца 1989 г.) председательством Шадли. Воспользовавшиеся этим многие технократы и военные стали покидать ФНО, утративший авторитет в глазах масс, считавших ФНО ответственным за все ошибки и провалы 26 лет его правления, но особенно — за экономический кризис 80-х годов, снижение жизненного уровня, падение производства, коррупцию госаппарата. Шадли еще маневрировал, заменив в 1989 г. связанного с левым крылом ФНО Касди Мербаха на посту премьера своим доверенным лицом Мулудом Хамрушем, максимально облегчив условия для деятельности частного, особенно (с апреля 1990 г.) иностранного, капитала, добившись роста ВНП в 1989 г. на 2,5% (при отрицательных показателях предшествующих лет), переводя предприятия госсектора (128 из 2351 к марту 1989 г.) на новые условия рыночного хозяйствования, повысив почти вдвое в 1990 г. минимальную заработную плату — с 1 тыс. до 1800 динаров. Более того, начался рост производства пшеницы: 614

тыс. т в 1988 г. 850 тыс. т в 1989 г., 1005 тыс. т в 1990 г., 1741 тыс. т — в 1991 г. [14].

Но было уже поздно. Противники режима не удовлетворялись ни его обновлением, ни экономической и политической либерализацией, а сам ФНО терял последние остатки авторитета. Все это побудило Шадли восстановить роль ФНО как партии. В ноябре 1989 г. чрезвычайный съезд ФНО формально узаконил эту очередную "метаморфозу" ФНО, но с целью его "либерализации" отменил принцип демократического централизма. В руководство ФНО были вновь включены многие сотрудники Бумедьена, в частности Б.Абд ас-Салям, А.Бутефлика, К.Мербах, Ш.Месаадия и М.С.Яхьяуи. Но эти популярные имена уже не могли восстановить былой популярности самого ФНО.

Напряженность в стране в 1990 г. возрастала по мере приближения даты выборов в местные народные собрания. В конце апреля 1990 г. ИФС организовал в столице 60-тысячную манифестацию. В ответ ОКД и еще три левых партии провели контрманифестацию, собравшую до 200 тыс. участников. 31 мая более 15 тыс. сторонников собрал в столице возглавляемый Х.Айт Ахмедом ФСС, призвавший к бойкоту выборов и созыву Учредительного собрания для пересмотра конституции. Демонстранты несли и скандировали лозунги: "Нет нетерпимости! Нет политизации ислама! Долой ФНО! За подлинно демократическую альтернативу!". Выдвигались также требования демократизации и уважения берберской культуры [15].

Однако, вопреки ожиданиям ФНО и левых партий, победу на выборах 12 июня одержал ИФС, получивший 55,42% голосов и большинство мест в 32 вилайях (областях), а ФНО — 31,54% и большинство в 14 вилайях, ОКД — менее 6% и большинство в одной вилайе. Учитывая, что в голосовании участвовали около 65% всех избирателей, ИФС получил чуть более трети голосов всех имевших право голосовать. Во многом это определилось бойкотом со стороны ФСС: в районах его влияния голосовало не более 1/5 избирателей. Борьба была упорной. В частности, в кабильских вилайях Тизи-Узу и Беджайя (где и бойкот был значителен) ОКД завоевало 75 мест (из 134), ФНО — 34, а остальные достались независимым кандидатам, которые также преуспели, собрав 38% в области Мзаб в Сахаре, населенной берберами-мзабитами. С другой стороны, в густонаселенной полуберберской области Сетиф ИФС завоевал 260 мест (из 532), ФНО — 160, ОКД — 33, независимые — 68, различные группы социал-демократического толка — 11 [16].

Итоги выборов вызвали шок в стране. Тем более, что вновь избранные исламистские муниципалитеты стали вводить свои порядки. Например, в июле 1990 г. они предписали на курорте в Типазе (80 км к западу от столицы) "в целях сохранения арабо-исламских традиций и укрепления общественной морали" носить одежду мужчинам на пляже "до колен", а женщинам — "намного ниже колен", не допуская при этом ничего "просвечивающего или облегающего". Глава ИФС шейх Аббаси Мадани сразу же после 12 июня потребовал роспуска парламента, надеясь с ходу завоевать и его путем досрочных выборов с целью "изменения режима в Алжире" [17].

Многие алжирцы в июне 1990 г. голосовали не столько за ИФС, сколько против ФНО. Наряду с ИФС в то время росло также влияние ФСС и партии Бен Беллы ДДА, проводившей манифестации с 1989 г. и издававшей с 1990 г. 130-тысячным тиражом свою газету "Аль-Бадиль". 5-тысячная демонстрация в поддержку Бен Беллы в Аннабе 12 июля, недельная голодовка его сторонников с требованием разрешить ему вернуться в страну и, наконец, триумфальная встреча его 20-тысячной толпой в порту Алжира 27 сентября 1990 г. убедительно это подтверждали [18].

ФНО вынужден был объявить о предстоящем роспуске парламента, где все места принадлежали ему. Этого требовали и левые, и правые. ИФС требовал также утверждения в жизни общества норм шариата, гарантии религиозных прав и исламского образования, изъятия прессы и судов из-под контроля ФНО, роспуска верных ФНО профсоюзов. Оппозиция всерьез надеялась на победу. Но внешний фактор уже начал властно вмешиваться в ход событий в стране. В частности, во Франции потребовали от Алжира в качестве условия получения финансовой помощи "абсолютного уважения... прав женщины" и осудили "режим морали", установленный ИФС после победы на выборах. Внутри страны все более выдвигался Бен Белла, который "хотел быть и являлся объединителем" и, "избрав за образец де Голля", никого от себя не отталкивал. Его стремление стать над партиями и течениями вызывало опасения у ФНО. Недаром официоз ФНО пытался сбить Бен Беллу с его позиций, заявив ему: "Вы не имеете права говорить как президент алжирцев". Но шансы Бен Беллы говорить именно в этом качестве возрастали с каждым днем [19]. Сам он заявлял по этому поводу: "Я не верю, что люди, в течение 15-20 лет правившие страной известным образом, вдруг станут демократами и великими реформаторами". В феврале 1991 г. он совершил

поездку в Ирак, только что подвергшийся ударам США, и говорил по возвращении о "высоком моральном духе" иракцев, способных "выдержать даже ядерный удар". Это прибавило ему симпатий в Алжире, где большинство сочувствовало Ираку [20].

По мере приближения официально назначенной даты выборов в Национальное народное собрание — 27 июня 1991 г. — исламисты решили как бы вновь подтвердить свои претензии на власть в стране и заодно показать свою силу. Накаливанию обстановки способствовали кувейтский кризис 1990 г. и война в Персидском заливе в начале 1991 г. Антиамериканские демонстрации, критика в адрес СССР, не заступившегося за Ирак, были использованы ИФС, чтобы призвать всех арабов и мусульман выступить против США и других стран Запада ради "отражения иностранного посягательства на священную землю ислама". ИФС даже требовал создать в Алжире лагеря для военной подготовки добровольцев "джихада", но власти отвергли это требование, сообщив, что в стране и так прошли службу в армии до 1 млн. чел.

Антиимпериализм ИФС подкреплял фанатизмом и насилием. С конца 1990 г. стычки и случаи избиения идейных оппонентов ИФС, драки и покушения стали в Алжире обычным делом. В мае 1991 г. исламисты (при участии прибывших в страну своих единомышленников из Туниса и Судана) стали провоцировать стычки вполне сознательно. Их подтолкнул к этому разгром весной 1991 г. в соседнем Тунисе нелегальной исламистской организации "Ан-Нахда" ("Возрождение"), около 300 членов которой были арестованы по обвинению в заговоре с целью установления "исламской республики". В конце мая — начале июня эскалация актов насилия в столице была доведена ИФС до массовых демонстраций десятков тысяч своих сторонников с требованиями немедленной отставки президента и провозглашения "исламской республики". Почти две недели в городе шли митинги, забастовки, манифестации, возводились баррикады. "Если армия выйдет из казарм, — заявил А.Мадани, — мы призовем три миллиона наших сторонников в народную армию ислама, которая не оставит камня на камне от режима ФНО". Как показало будущее, это была не пустая угроза.

Но армия в Алжире все же "вышла из казарм". Иначе и быть не могло: ННА не хотела допустить падения власти своей элиты и выдвинутого ею президента. 3 июня в столицу были введены войска. В закипевших схватках с силами охраны

порядка с обеих сторон погибли 201 и были ранены 200 человек. Лидеры ИФС вначале призвали продолжать борьбу, но вскоре отступили, когда Шадли провозгласил чрезвычайное положение и отложил выборы на неопределенное время. 7 июня А.Мадани призвал прекратить забастовку и все акты неповиновения в связи с достигнутым соглашением о переносе выборов президента и парламента на полгода. Ушедшее в отставку правительство Мулуда Хамруша был заменено новым после консультаций его премьера Сид Ахмеда Гозали со всеми политическими силами [21].

Однако и после этого продолжались стычки, аресты, изъятия оружия. В тюрьме 30 июня оказались и лидеры ИФС Али Бенхадж и Аббаси Мадани. Разумеется, верхушка армии, слово которой в Алжире более 30 лет было решающим, не могла оставить без внимания брошенный ей вызов. Кроме того, многие политические партии и организации стали требовать судебного расследования деятельности лидеров ИФС, надеясь если не устранить, то хотя бы ослабить грозного конкурента. Однако, добиться этого не удалось по многим причинам. Отметим из них важнейшие: социально-экономическое положение продолжало оставаться сверхтяжелым (в 1989-1991 гг. цены на питание выросли в 4-5 раз, а число безработных – с 2,5 млн. до 4 млн. чел.), всеобщее недовольство режимом ничуть не ослабло, несмотря на выход президента, премьера и ряда министров из рядов ФНО, наконец – политические партии страны продолжали оставаться разъединенными, ожесточенно критикуя друг друга, а больше всех – ФНО, стремительно терявшего и былую популярность, и многочисленных сторонников.

В этих условиях ИФС, несмотря на арест своих лидеров и ограничения чрезвычайного положения, продолжал набирать очки. Основной его опорой стала безработная молодежь: юноши 16-23 лет составляли в 1990 г. 75% всех безработных. На их глазах произошли октябрьские события 1988 г., падение авторитета ФНО и престижа руководства страны, началась алжирская "политическая весна" и сопровождавшая ее ожесточенная (временами - преувеличенная и не всегда справедливая) критика минувших десятилетий. Среди них было уже гораздо меньше, чем в 60-70-е годы, образованных и просто грамотных людей, ввиду снижения в 80-е годы расходов на просвещение, культуру, школьное строительство. Они росли в обстановке все усиливавшегося с 1979 г. влияния исламистов и привыкли их слушать. Поэтому ИФС неуклонно наращивал среди них свое

влияние, играя на массовом осуждении антидемократизма и коррупции правящей бюрократии, ее связей с Западом и былой ориентации на СССР, противоречивости ее позиции поощрения "фасадной" демократии при сохранении на деле старых структур власти. К тому же, еще до лета 1991 г. ИФС достиг взаимопонимания с лидером ЛИП шейхом Сахнуном, умножил контакты с шейхом Махфудом Нахнахом, создавшим в июне 1991 г. новую партию - Движение исламского общества (сокращенно – "Хамас", от арабского названия "Харакат муджтамаа исламийя"). Исламский еженедельник "Аль-Мункыз" требовал покончить с "монополией ФНО" на власть. Был образован также Исламский союз профсоюзов, не ограничивавшийся только политической поддержкой ИФС: в ноябре 1991 г. 14 боевиков союза были арестованы за вооруженное нападение на солдат [22].

26 декабря 1991 г. в Алжире состоялся первый тур выборов в парламент. В них приняли участие 49 партий, но всего лишь 7822625 из 13258554 (т.е. 58,55%) избирателей. ИФС получил 47,27% всех голосов, ФНО – 23,38%, ФСС – 7,4%, ОКД – 2,9%. Однако, в силу несовершенств алжирской избирательной системы из 430 мест депутатов ИФС завоевал 188, ФСС – 25, ФНО – 16. Ни у кого не вызывала сомнений победа ИФС во втором туре, назначенном на 16 января, причем предсказывали, что ИФС может завоевать 287 мест, т.е. 2/3 их числа, что дало бы ему возможность изменить конституцию, провозгласив Алжир исламской республикой. По всей стране начались демонстрации под лозунгом: "Спасем алжирскую демократию". Некоторые из проигравших, например, ОКД, выступили за отмену второго тура выборов. 60 организаций образовали "Национальный комитет спасения Алжира", объявив, что к ним будто бы примкнули "три миллиона" членов профсоюзов. Всюду происходили стычки с исламистами, хотя ИФС, предвкушая победу, заявил заранее о согласии на сотрудничество с Шадли и призвал своих сторонников к "умеренности" и "согласию". 2 января 1992 г. ФСС организовал крупнейшую демонстрацию, в которой, по его (явно преувеличенным) данным, приняли участие 300 тыс. чел. После этого демонстрация нескольких сот женщин против ИФС 9 января уже не произвела особого впечатления. Но антиисламистское движение в стране действительно нарастало, выражаясь в создании "комитетов защиты республиканских институтов". Многие надеялись, что во втором туре примут участие большинство из 41% воздержавшихся в декабре. Ходили слухи, что конституци-

онный совет, получивший 174 жалобы на нарушение порядка выборов от ФНО (а также – 34 от ДДА Бен Беллы, 30 от ФСС и всего 17 от ИФС), просто лишит ИФС большинства завоеванных мандатов [23].

В верхах, однако, распространялись панические настроения, ибо стало известно о колебаниях в армии, среди рядового состава которой кое-кто уже склонялся к ИФС, за поддержку которого выступили также "Хамас", получивший 26 декабря 2,8% голосов, и шейх Абдаллах Джибала, лидер партии "Ан-Нахда", получившей более 1% голосов. В скрытых симпатиях к исламистам (возможно, несправедливо) подозревали и самого Шадли. Несмотря на отсутствие точных данных, можно предположить, что Шадли, как всегда, надеялся закончить дело компромиссом с тем, кто был тогда сильнее, т.е. с ИФС, независимо от каких-либо симпатий или антипатий. Однако армия не хотела терять реальную власть и становиться лишь противовесом в споре с ИФС, предоставляя Шадли роль арбитра. Ведь в Алжире, по меткому выражению М.Харби, не государство имело армию, а "армия имела свое государство" [24].

То, что произошло дальше, до сих пор неясно и довольно неожиданно. 11 января 1992 г. президент Шадли Бенджедид внезапно ушел в отставку, успев перед этим (4 января) распустить парламент и заявить в своем прощальном послании, что он "не в состоянии" выполнять свою миссию и что процесс демократизации может привести к кровопролитию. 13 января ИФС объявил отставку Шадли "противоречащей конституции". Срочно собравшийся Совет национальной безопасности (премьер, министры обороны, юстиции, внутренних дел, начальник генштаба армии) заявил об отмене второго тура выборов и взял на себя поддержание порядка. Снова в столицу были введены танки и бронетранспортеры, войска взяли под охрану стратегические объекты. ИФС немедленно заявил, что "не позволит исказить народный выбор", а ФНО и ФСС выступили с протестами, причем генсек ФСС Айт Ахмед осудил "переворот, направленный на прекращение демократического процесса". Озабоченность выразили Иран, Египет, Ливия. Но события шли своим чередом. Во главе Алжира встал Высший государственный совет (ВГС) во главе с 72-летним Мухаммедом Будиафом, одним из основателей ФНО и "исторических вождей" алжирской революции. В состав ВГС вошли 5 человек, включая Будиафа, министра обороны (с 1990 г.) генерала Халеда Неззара, министра по правам человека Али Харуна, генерального секретаря Национальной организации

муджахидов Али Кяфи, имама парижской мечети (бывшего еще при Бумедьене министром по делам религии) Тиджани Хаддама. ВГС, получив власть до декабря 1993 г., ввел 9 февраля 1992 г. чрезвычайное положение и начал аресты исламистов, обвиняя их в провокационных действиях. Лидер ИФС Абд аль-Кадир Хашани был схвачен еще 22 января. Все это вызвало соответствующую реакцию в странах ислама [25].

Вопреки расчетам ИФС, армия бросила "вызов шариату, народному выбору и конституции", заключив под стражу в общей сложности восемь высших деятелей ИФС и запретив ведение в мечетях политической пропаганды. Попытки ИФС добиться своего силой потерпели крах: армия и полиция решительно применяли оружие при разгоне запрещенных демонстраций ИФС и в ответ на террористические акты и нападения исламских боевиков: только 7-9 февраля в столице и г.Батне были убиты более 40 и ранены около 300 чел. Свыше 20 тыс. чел. (включая многих депутатов от ИФС) были арестованы, многие из них депортированы в Сахару, преданы суду военных трибуналов. За подстрекательство армии к мятежу деятельность ИФС была запрещена, а ряд контролируемых им муниципалитетов – распущен. 22 февраля было сформировано новое правительство, в котором ключевые посты сохранили прежние министры во главе с С.А.Гозали (его и Неззара считали инициаторами переворота), но – с добавлением бывших деятелей ИФС во главе с министром по вопросам занятости С.Геши, как считают в Алжире – умеренных исламистов-демократов прогрессивного толка. Представлен в кабинете был и ФСС. Таким образом как бы реализовалась выдвинутая М.Будиафом идея Национального патриотического объединения (НПО), которое должно было заменить собой дискредитированный ФНО. Кроме того, кабинет заявил о намерении подготовить новые выборы и решить экономические вопросы путем увеличения занятости и привлечения иностранного капитала [26].

ВГС и стоявший за ним Совет национальной безопасности очень удачно использовали опасения значительной части населения Алжира по поводу возможного прихода исламистов к власти. "Избирательный процесс прерван, так как он представлял угрозу будущему страны", – так объяснил М.Будиаф в феврале 1992 г. причины создания и действий ВГС [27]. Решительность и эффективность этих действий объяснялась тем, что угроза торжества исламо-экстремизма сплотила самые разные силы страны, которые не желали такого результата начавшейся в 1988 г. "алжирской весны".

Первая и главная из них – армия, привыкшая быть, как утверждали всегда алжирские военные, гарантом завоеваний революции. К ней примыкали бюрократия и технократия госаппарата и солидного в Алжире госсектора, которые понимали, что в случае победы исламистов будут лишены власти и положения, а многие - свободы, родины и даже жизни. К тому же, большинство из них были связаны с Западом образованием, деловыми контактами, используемым языком (французским), часто – культурной общностью, политической ориентацией или образом жизни. То же самое относится к большинству алжирской интеллигенции и буржуазии, прямо заинтересованной в займах, кредитах, товарах и технологии Запада. Наконец, четвертая сила – берберы. Это – не только осуждаемые исламистами "берберо-материалисты" или актив берберистского движения. Это – преимущественно крестьяне горных районов Кабилии, Ауреса, Дахры и Уарсениса, которые хотят говорить на своем языке, придерживаться своих обычаев и не давать в обиду своих земляков в городах. Именно они были важной опорой партизан в годы революции 1954-1962 гг., от их позиции также много зависело, особенно – в случае необходимости скрываться в обжитых берберами горах.

Вместе с тем единство всех противостоявших ИФС сил было весьма относительным. Не только ИФС, но и почти все остальные главные партии страны – ФСС, ФНО, ДДА – выступали против "незаконного" ВГС и против отмены выборов. Среди бюрократии ФНО, в первую очередь - ее традиционалистски и консервативно мыслившей группы, среди учившейся в Египте, Сирии и Ираке фракции офицерства ННА, части буржуазии (особенно в сельских районах "арабской глубинки") и интеллигенции, получившей образование на арабском языке, ИФС имел некоторое влияние. Кроме того, "политическая весна" в Алжире, толкнувшая в политику самые широкие слои народа, надолго обеспечила исламистов социальной опорой среди малооплачиваемого большинства рабочих, неимущих городских низов, безработных, молодежи и традиционно религиозных зажиточных средних крестьян. Имея столь солидную базу, исламисты сумели ответить на репрессии властей вооруженным насилием, к которому оказались достаточно хорошо подготовлены.

12 февраля 1992 г. 8 полицейских были убиты в Касбе г.Алжир. Через день 7 военных погибли при налете боевиков на адмиралтейство в центре столицы. Бои и покушения, акты саботажа и террора чередовались с акциями гражданского

неповиновения: например, в марте почти 2 недели бастовали студенты трех университетов, требовавшие отмены санкций против их товарищей, исключенных за сочувствие ИФС. Несмотря на постоянные обыски, проверки документов, облавы и аресты, сторонники ИФС открыто говорили о своей "верности исламу", носили бороды "под Хомейни", слушали "каждую среду и субботу" подпольную радиостанцию "Аль-Вафа" ("Верность"). По официальным алжирским данным, в 1991 г. в распоряжении ИФС было около 2 тыс. подготовленных террористов. ННА, полиция, жандармерия, службы безопасности и военной разведки боролись с ними весьма эффективно: за 1,5 года 1800 террористов были убиты, 9 тыс. – арестованы. Однако, по признанию самих властей, к ноябрю 1993 г. в стране действовало не менее 6 тыс. исламских боевиков [28]. Бесперспективность чисто силового решения при почти открытом сообщничестве населения выявилась достаточно быстро.

Опубликованный в марте 1992 г. "план восстановления" был разработан Будиафом и предусматривал: наведение порядка в управлении, вывод страны из экономического кризиса, улучшение положения молодежи, борьбу с безработицей, создание новых стимулов для производства и удовлетворения насущных потребностей населения, а также – "более справедливые условия жизни для всех". На заседании правительства еще 22 января Будиаф изложил намерения ВГС, сводившиеся к "сохранению национального единства, ислама как основополагающего элемента алжирской личности и осуществлению подлинной демократии". Тогда же было сказано о необходимости "положить конец вторжению политики в мечети, школы и общественную администрацию". Запрещение агитации в мечетях, отстранение и аресты строптивых имамов, чистка госаппарата и системы образования от приверженцев ИФС (в 1992 г. за симпатии к ИФС были арестованы 1224 учителя) говорили о том, что у ВГС слова не расходятся с делами. Впрочем все это делал не столько ВГС, сколько входивший в его состав министр обороны генерал Неззар и связанные с ним министр внутренних дел генерал Л.Бельхейр и премьер Сид Ахмед Гозали, действовавшие в интересах и в привычном стиле военной элиты Алжира. К этой элите относился и член ВГС бывший полковник АНО Али Кяфи. Другие члены ВГС – А.Харун и Т.Хаддам – существенной роли не играли, лишь формально представляя "гражданское" общество.

Иначе обстояло дело с Будиафом. Старый революционер, еще ветеран ППА и подпольщик ОС 50-х годов, лидер ФНО и

“министр-узник” ВПАР в годы революции, успевший просидеть полгода в тюрьме уже независимого Алжира, непримиримый оппозиционер 1962-1992 гг., политэмигрант, почти 29 лет проживший в Кенитре (Марокко), Будиаф был самостоятельной фигурой с большим опытом легальной и тайной политической деятельности. Его военные и союзная с ними технобюрократия пригласили, в сущности, скрепя сердце, вынужденно. Во-первых, он был непричастен ко всем ошибкам и преступлениям властей 1963-1991 гг. и оставался одним из немногих политиков, у кого были “чистые руки”. Будучи врагом всякой диктатуры, Будиаф пользовался популярностью у левых кругов и демократов Алжира. Выходец из кабильской знати, он мог привлечь на свою сторону берберов. Парадокс его сближения с верхушкой армии, которую он постоянно и резко критиковал с 1962 г., объяснялся просто: столь же сильно, если не более, Будиаф неизменно критиковал панарабизм и исламизм, т.е. основы идеологии ИФС. Наконец, он был чуть ли не единственным антиклерикальным лидером общенационального масштаба, за которым могли пойти обездоленные низы общества, среди которых ИФС был наиболее влиятелен.

На первых порах армию и бюрократию Будиаф устраивал. Он освятил своим авторитетом репрессии против ИФС, подтвердил в выступлении по телевидению 10 февраля самые разные обвинения в адрес Шадли, в том числе — в разрешении им деятельности ИФС, несмотря на запрещение конституцией 1989 г. образования партий на религиозной основе. Это было важным аргументом, оправдывавшим отстранение президента. Впрочем, само возникновение ВГС формально не противоречило конституции, согласно которой в случае отставки президента его заменяет председатель Национального собрания. Но оно было распущено тем же Шадли. Будиаф в дальнейшем отклонял претензии ИФС на власть еще в декабре 1991 г. и потому, что за него проголосовало всего 3,2 млн. из 13 млн. зарегистрированных алжирских избирателей. В устах прочих политиков и особенно военных этот аргумент не звучал. Но Будиафу, известному приверженностью к демократии, пострадавшему за нее, верили.

Однако, далеко не все в действиях Будиафа устраивало правящую элиту. Он действительно следовал правилам демократии, не препятствуя деятельности примерно 60 политических партий, уважая свободу печати и слова. В частности, он терпел выпады своего старого противника Бен Беллы (который изгнал его из страны в 1963 г.) против самой идеи НПО, его требова-

ния "освободить политзаключенных и создать переходное коалиционное правительство национального примирения". Он принимал как должное резолюции исполкома ФСС (партии своего товарища по заключению в 1956-1962 гг. и по эмиграции 1964-1991 гг. Айт Ахмеда), осуждавшие ВГС за то, что "прикрываясь репрессиями и чрезвычайным положением, власти стремятся... предать забвению прерванный демократический процесс". Он сохранял спокойствие, даже когда ФСС обвинял ВГС в стремлении "задушить демократическую оппозицию и всю политическую жизнь в стране". Более остро он реагировал на критику со стороны ФНО, тем более, что генсек ФНО Мехри, начиная с 14 января, не раз встречался с лидерами ИФС Рабахом Кебиром и Абд аль-Кадиром Хашани. Будиаф говорил, что союз ФНО-ИФС его не удивляет, ибо "обе партии добиваются власти, а не блага народа". И хотя внутри ФНО многие резко критиковали Мехри и его единомышленника экс-премьера Хамруша, все же ЦК ФНО 20 февраля 1992 г. призвал "срочно восстановить конституционный порядок и возобновить демократический процесс, ставший народным выбором". Конечно, такая позиция ФНО создавала благоприятные условия для пропаганды и расширения влияния ИФС. Поэтому в начале июня 1992 г. Будиаф, потеряв терпение, сказал: "ФНО ожидает та же судьба, что и Исламский фронт спасения".

В целом, однако, Будиаф пытался сохранить завоевания "алжирской весны" 1989 г. даже в условиях чрезвычайного положения. Можно согласиться с С.Э.Бабкиным и Е.И.Мироновой: "Многопартийный режим и деятельность многочисленных средств массовой информации создали в Алжире Будиафа такой демократический фон, которого нет и не было во многих арабских странах" [29].

Для подхода Будиафа к решению политических проблем была характерна даже некоторая выжидательная позиция и терпимость в отношении ИФС. Понимая объективное значение этой партии, Будиаф требовал от нее 4 февраля 1992 г. лишь "соблюдать правила игры и не использовать демократию для ее же уничтожения". Однако ИФС ответил призывом к международному сообществу не заключать никаких соглашений с "правящей в стране хунтой" и угрозой "вырвать свои права и свободу любой ценой". Требуя 6 февраля прекратить преследования имамов и проповедников, ИФС указал, что его выбор "основан на исламе и шариате в противовес прогнившему марксизму западного образца". Это была не столько

критика былого “социализма” ФНО, который исламисты без особых на то оснований считали основанным на “импортной идеологии”, сколько взглядов самого Будиафа, считавшегося в Алжире и во Франции, где у него было немало сторонников среди алжирских рабочих-эмигрантов, приверженцем своего рода “национал-марксизма”. Но решающим доводом в пользу запрета ИФС 4 марта послужили не идеологические соображения, а террор – 103 убитых (в том числе 31 полицейский) и 400 раненых в январе-феврале 1992 г. И хотя накал борьбы не спадал (всего в 1992 г. было убито до 1,5 тыс. чел.), Будиаф всячески стремился его смягчить, например, освободив из заключения 2 тыс. чел. по случаю мусульманского праздника Ид аль-адха 9 июня 1992 г. и закрыв 3 из 5 “лагерей безопасности” на юге страны. К концу июня была освобождена половина заключенных этих лагерей.

Иногда меры, принимавшиеся против ИФС, одновременно били и по ФНО. В марте-апреле 1992 г. правительство Гозали распустило 520 муниципалитетов, из которых 485 контролировались ИФС, 29 – ФНО и 7 – независимыми. Официально их признали “недееспособными”. После этого ВГС создал комиссию по инвентаризации имущества и зданий, захваченных у государства политическими организациям. Прежде всего это коснулось ИФС, присвоившего после июня 1990 г. немало имущества и помещений в условиях краха ФНО. Однако и “новый” ФНО сохранял многое из наследия “старого” ФНО, имевшего 3200 отделений по стране со своими зданиями и оснащением, автопарк в 3 тыс. машин, крупнейшее в стране издательство и другую собственность. Для подрыва былого влияния ФНО и претензий ИФС на легитимность только его депутатов был создан 22 апреля 1992 г. Национальный консультативный совет (НКС) из 35, потом 60 человек. В основном подбирали в него тех, кто не занимал никаких постов после 1962 г. Но были и исключения. Например, председателем НКС стал Реда Малек, бывший министр информации и культуры, до этого – посол в Югославии, Франции и СССР.

Активен был ВГС и на международной арене: успешные поездки членов ВГС А.Харуна (по Западной Европе) и Т.Хаддама (в Египет), министра внутренних дел Ларби Бельхейра (в Марокко), контакты ВГС с США выявили “заинтересованность в стабильности в Алжире” почти всех стран, нуждавшихся в поставках алжирской нефти и газа, а также – имевших на своей территории алжирскую диаспору. ВГС продолжил начатую еще Шадли линию на создание Союза

Арабского Магриба (САМ) в составе Марокко, Алжира, Мавритании, Туниса и Ливии, а также - на их экономическую связь с Европой через газопровод из алжирского месторождения Хаси Рмель и далее по территории Марокко и дну Гибралтарского пролива в Испанию. Этот давно задуманный проект заодно мыслился и как основа системы безопасности на западе Средиземноморья ("пять плюс пять") с участием стран САМ, Испании, Португалии, Франции, Италии и Мальты.

В связи со всеми этими проектами Будиаф (как считали многие, из симпатий к долго укрывавшему его Марокко) более решительно взял курс на прекращение поддержки западносахарских повстанцев. Их фронт Полисарио активно поддерживался Бумедьеном и, гораздо более робко и непоследовательно, Шадли, который после 1985 г. практически прекратил помогать Полисарио, но еще не решался его разоружить, опасаясь, с одной стороны, потерять рычаг воздействия на сильного и неудобного соседа, а с другой – боясь недовольства верхушки ННА, считавшей Марокко своим постоянным противником со времен пограничного конфликта 1963 г. Будиаф покончил со всеми колебаниями в этом вопросе, с февраля 1992 г. неоднократно высказываясь за "восстановление доверия" между двумя странами, о чем он говорил и во время своего визита в Марокко в мае 1992 г. Помимо личных симпатий и антипатий, Будиаф учитывал и невозможность для Алжира нести финансовое бремя помощи Полисарио, и фактическую победу марокканской армии (с помощью американской техники, кредитов и инструкторов США) в Западной Сахаре, и потребность ВГС в скорейшем разоружении Полисарио, который, не имея денежных средств, уже начал распродажу своего оружия, которое могло попасть к исламистам.

Возможно, Будиаф также искал пути к ликвидации какихлибо трений с США и Саудовской Аравией, поддерживавших Марокко, ибо марокканская пресса еще до декабря 1991 г. писала, что исламистами в Алжире "манипулируют американцы и саудовцы, пытающиеся таким образом отомстить Алжиру за его позицию, занятую во время кризиса в Персидском заливе". Характерно, что саудовцы признали свои контакты с ИФС, но якобы лишь для того, чтобы "приглушить экстремистские тенденции" в его рядах. Вполне возможно, что их влияние было вытеснено хомейнистским Ираном, открыто поддерживавшим ИФС и после января 1992 г., что привело к разрыву отношений между Ираном и Алжиром [30].

29 июня 1992 г. Будиаф выступал на открытии культурного центра города Аннаба. Когда он сказал слово "ислам", в него дважды выстрелил офицер его охраны 26-летний Бумаараф и убил наповал. Подозрение, естественно пало на исламистов, тем более, что 27 июня начался процесс над лидерами ИФС Мадани и Бенхаджем, в связи с чем к приезду Будиафа на некоторых мечетях Аннабы появились предупреждения от имени ИФС: "Мы заставим вас скоро заплатить за это". А в самой столице сразу после убийства исламисты писали на стенах домов: "Правосудие свершилось! Мы вгоним страх под ваши одежды!" Начался новый виток противостояния. Но известно было и другое. Еще в феврале ИФС предупреждал Будиафа о том, что им хотят "воспользоваться в качестве прикрытия". Иными словами, ИФС не считал Будиафа, по крайней мере, своим главным врагом, более того, мог рассчитывать при нем хотя бы на минимум законности и уважения прав заключенных. Официальное сообщение, что Бумаараф совершил убийство "по религиозным соображениям", у большинства алжирцев вызвало недоверие. Скорее Будиаф был бельмом на глазу коррумпированных и дискредитированных деятелей "старого режима" Шадли, у продажных и безответственных бюрократов, которым Будиаф объявил беспощадную борьбу. Эта, по его словам, "политико-финансовая мафия" пользовалась с лета 1991 г. созданной ИФС обстановкой террора и хаоса, дабы проворачивать свои сомнительные дела, в том числе криминальные, вплоть до заказных убийств, которые легко было приписать исламистам. Вряд ли довольна Будиафом была и верхушка армии: предание гласности материалов следствия по делу генерала М.Бенлусифа, бывшего начальника генштаба ННА в 1982-1986 гг., должно было напугать военных, привыкших в Алжире к исключительности и неприкосновенности.

Нельзя исключить также причастности к убийству Будиафа боевиков фронта Полисарио, которому грозили, в случае реализации Будиафом его плана, полное разоружение и прекращение всякой политической деятельности, перевод на статус беженцев с размещением в лагерях или же высылка из Алжира. И хотя ИФС был враждебен Полисарио, общие интересы в противостоянии ВГС могли их сблизить. К тому же, нельзя исключить и наличия тайного сговора против Будиафа ИФС, Полисарио и ФНО, если учесть контакты ФНО с ИФС (по поводу которых некоторые лидеры ФНО даже допрашивались следователями) и заявление генсека ФНО А.Мехри о безусловной поддержке его партией "законных требований" Полиса-

рио. Разумеется, ФНО 1992 г. был лишь тенью былого ФНО, но старые связи, особенно с “политико-финансовой мафией”, могли сработать. Характерно, что комиссия по расследованию убийства сочла, что оно не было “изолированным актом” фанатика, т.е. усомнилась в причастности к убийству ИФС. Да и жена Будиафа Фатиха сказала: “Покушение подготовлено слишком хорошо, чтобы быть делом рук ИФС”. В любом случае, многолетнее оттягивание суда над убийцей Будиафа доказывало заинтересованность в устранении этого “последнего из могикан” алжирской революции весьма влиятельных сил, не желающих обнародования всех обстоятельств дела [31].

Смерть Будиафа означала конец алжирской “политической весны”. Хотя формально этот конец был положен образованием ВГС и введением чрезвычайного положения, а фактически еще раньше — взрывом вооруженного насилия ИФС в 1991 г., наличие во главе ВГС Будиафа было солидной гарантией уважения демократии и оставляло надежду на продолжение основных завоеваний “политической весны” — свободы слова и печати, разоблачения несостоятельности и коррупции “старого режима”, отстранения обанкротившейся бюрократии и отказа от ее методов управления, изживших себя. “Неподкупный и неисправимый”, Будиаф, пожалуй, единственный руководитель, которому простые алжирцы благодарны за то, что он “думал о народе”. Поэтому довольно короткий, менее полугода, период его правления вполне заслужил название “эпохи Будиафа”. Эта эпоха явилась как бы заключительным аккордом “политической весны”, ее попыткой избежать тоталитарного клерикализма, едва избавившись (да и то далеко не полностью) от авторитарного бюрократизма. В конечном счете алжирскому обществу это оказалось не под силу. Но исключительно могучая политическая фигура Будиафа, пусть на короткое время, но все же породила у многих алжирцев, особенно ветеранов революции, надежду на возможность реализации идеалов и надежд 1954-1962 гг., давно забытых и искаженных, на возвращение Алжиру его былого имиджа маяка прогресса в Африке [32].

ГЛАВА 10

СТРАНА НА ФИНИШЕ СТОЛЕТИЯ

В последнее десятилетие XX века Алжир оказался втянутым фактически в гражданскую войну. Формально ВГС, пополнивший свои ряды председателем НКС Редой Малеком, продолжил линию Будиафа, избрав на его место 64-летнего Али Кяфи. Выходец из крестьян, ветеран АНО и неоднократно посол в ряде арабских стран, Али Кяфи был всегда противником исламизма. Поэтому он фактически отклонил требования ИФС о возобновлении "демократического избирательного процесса", включив убийство Будиафа "в ужасный цикл насилия, терроризма, саботажа и заговора, проводимый несколькими партиями, целью которых является дестабилизация страны". Перестрелки, акты террора и саботажа, массовые аресты и "зачистки" целых кварталов и поселков, известных своей приверженностью к ИФС, возобновились с новой силой (в последний месяц правления Будиафа казалось, что все стихло, а освобождение многих заключенных в марте-июне даже создавало впечатление начавшегося примирения сторон).

Новым премьером вместо Гозали был назначен 64-летний Белаид Абд ас-Салям, сторонник жесткой централизации экономики, бывший в 1965-1977 гг. министром промышленности и энергетики, резко критиковавший в 80-е годы "либерализацию" Шадли. Его назначение свидетельствовало о возврате к главенствующей роли государства в народном хозяйстве и "старым" методам руководства, о реабилитации отстраненных при Шадли и Будиафе бумедьеновских кадров, а также — о желании элиты ННА и в гражданском аппарате "подтянуть" дисциплину. Кроме того, новый премьер был кабилом, что также учитывалось в целях противопоставления исламистам основной массы берберов, и технократом западной школы, способным привлечь к ВГС интеллигенцию франкоязычной формации и деловые круги Европы, давно знавшие Б.Абд ас-Салямa [1].

Новому руководству не хватало, однако, ни авторитета погибшего Будиафа, ни его понимания всей глубины переживаемого страной кризиса. Разрешить этот кризис полумерами, обещаниями "демократического диалога" с оппозицией, псевдоподачками, вроде сравнительно "мягкого" (от 11 до 12 лет тюрьмы) приговора лидерам ИФС в июле 1992 г., было

нельзя. К тому же, обе стороны ужесточили свою позицию: в августе 1992 г. ВГС закрыл три газеты, критиковавшие его действия, а новое руководство ИФС объявило о намерении создать параллельное ВГС и кабинету министров "временное правительство".

Власти явно рассчитывали, что наиболее смелые боевики и их лидеры погибнут, эмигрируют или будут схвачены, а остальные смирятся и найдут себе место в новых партиях. Однако этого не произошло. Наоборот, по мере продолжения вооруженной борьбы позиция всех, даже самых умеренных исламских партий (впрочем, как и левых) становилась все более критической по отношению к властям. Даже армия, решительно противостоявшая ИФС, требовала от правительства решить проблему путем сближения с лояльными (пока) политическими силами, в том числе - исламской ориентации, тогда как ПСА в сентябре 1992 г. осудила контакты ВГС с партией Хамас.

Постепенно выяснилось довольно пассивное отношение большинства народа к борьбе властей и ИФС. Выступая 21 декабря 1992 г. перед офицерами жандармерии, премьер-министр Белаид Абд ас-Салям выразил сожаление по поводу "безразличия алжирцев в отношении актов террора" и призвал их оказать поддержку силам порядка, "постоянно доказывающим, что государство еще существует". Но это мало что изменило, как и разрыв отношений с Ираном и Суданом, финансировавшими боевиков, согласно официальной точке зрения Алжира. С начала 1993 г. правительство резко активизировало борьбу с боевиками (19 боевиков были убиты только в первые недели года в городах Алжир и Блида). Для ускорения судебных разбирательств по делам арестованных членов ИФС были учреждены специальные трибуналы, а для вооруженной борьбы с боевиками - специальный контингент из антитеррористических подразделений полиции и жандармерии и отрядов армейских коммандос общей численностью в 20 тыс. чел., оснащенных новейшим вооружением и техникой, замаскированных, мобильных и наносивших обычно внезапные удары, основываясь на агентурных данных.

Однако все более четко стала выявляться бесперспективность чисто силового решения проблемы. Правительство и ВГС, не будучи в состоянии навести порядок в экономике (производство зерна в 1991-1993 гг. сократилось с 1741 тыс. т до 1100 тыс. т, производство на душу населения - с 2020 долларов в 1991 г. до 1940 в 1992 г.), ликвидировать безра-

ботицу и все возрастающую нехватку жилья, стали терять авторитет. В ходе постоянных стычек, боев, покушений, налетов на казармы и военные объекты гибло все большее количество людей, не имевших отношения к борьбе, включая некоторых франкоязычных писателей и ученых, что вызывало раздражение не столько непримиримостью ИФС, сколько беспомощностью властей. С осени 1992 г. у боевиков ИФС появилось современное стрелковое вооружение, включая гранатометы. Только за первую неделю июля 1993 г. погибли 38 человек, включая полковника Сари — первую жертву боевиков ИФС среди высших офицеров армии (ранее ими были организованы неудачные покушения на генерала Неззара).

Мало-помалу в Алжире стало пробивать себе дорогу убеждение в необходимости прямых переговоров ИФС с армией, а не ВГС, который "занимается непонятно чем". Однако и армия, и правительство, да и сторонники демократических реформ, замороженных в условиях чрезвычайного положения, отвергали возможность переговоров с ИФС. "Никакие переговоры не будут вестись с теми, кто поднял оружие против своего народа", — сказал в июле 1993 г. министр внутренних дел М.Харди. Вместе с тем, член ВГС Али Харун высказал мнение относительно намечающегося в алжирском обществе согласия по поводу необходимости создать в стране новое государство, основами действия которого будут "плюралистская демократия, принцип чередования властей, гарантия основных свобод, отказ от насилия и от использования религии в политических целях" [2].

Впрочем, ВГС вел себя достаточно противоречиво, начав с октября 1992 г. сочетать подавление ИФС и меры против легальной оппозиции. Снова страну вынуждены были (уже в четвертый раз!) покинуть "исторические вожди" революции Айт Ахмед и Бен Белла, а в ноябре 1992 г. была конфискована собственность всех политических партий. С 5 декабря 1992 г. в семи центральных провинциях страны был введен комендантский час, начали действовать специальные суды и цензура на любую информацию о положении в стране. Тогда же суд в Бешаре над 90 бывшими военнослужащими, включая нескольких офицеров, впервые обвинил представителей ННА в терроризме и антиправительственной пропаганде. 19 из них (15 заочно) были приговорены к смерти. Тем самым власти вынуждены были признать, что давние усилия ИФС по разложению армии в конце концов оказались не бесплодны [3].

Наряду с продолжением военных операций и преследованием строптивых газет и журналистов, ВГС стремился расширить свои политические связи. Была вновь сделана ставка на поддержку Полисарио (возможно, чтобы оттолкнуть его от ИФС), но и на сближение с США, в связи с чем министром иностранных дел стал бывший посол в США Реда Малек. Был возобновлен диалог с партиями оппозиции, а когда это вызвало вспышку террора исламистов против политических деятелей, 22 марта 1993 г. был организован "марш против терроризма" примерно 100 тысяч человек. Ответом исламистов была атака на армейскую казарму в тот же день в провинции Медеа, где погибли 18 военнослужащих и 23 террориста.

Летом 1993 г. среди части генералитета возникла тенденция начать диалог с умеренным крылом ИФС. Еще раньше за это же выступил Кяфи, натолкнувшийся, однако, на отпор Неззара и генерала Ламари, командовавшего спецконтингентом коммандос. Очевидно, следствием этих трений явилась замена Неззара на посту министра обороны 10 июля 1993 г. генералом Лиамином Зеруалем, 52-летним сыном сапожника из Кабилии, учившимся в Египте, СССР и Франции, но ушедшим в отставку при Шадли из-за разногласий с ним [4]. Одновременно Зеруаль возглавил ВГС, а назначенный начальником генштаба генерал Ламари настоял на замене Б.Абд ас-Саляма, "ортодокса бумедьеновских лет", не сумевшего, по мнению П.Эвено, "освободить цены, приватизировать предприятия и привлечь иностранные инвестиции". Премьером стал Реда Малек, что приветствовали и Франция, и США. Министром экономики в новом кабинете стал Мурад Бенашенху, "либеральный технократ, выступающий за рыночную экономику и отсрочку погашения внешнего долга". Однако, сущность режима не изменилась: на решающие посты были назначены 30 сторонников "либерализации", но — из числа молодых генералов ННА. Не изменились и методы режима — генерал Ламари и новый министр внутренних дел полковник Саади сместили более 500 судей (за излишнюю "мягкость") и настояли на приведении в исполнение 20 смертных приговоров. Возможно, они мстили за убийство исламистами в день формирования нового правительства (21 августа) полковника Касди Мербаха, бывшего премьера, министра и начальника службы военной безопасности, влиятельного лидера левого крыла армии, пользовавшегося авторитетом в стране [5].

Важной экономической проблемой еще со времен Шадли была проблема внешнего долга, выросшего в 1990-1992 гг. с 24

до 27 млрд. долларов, т.е. с 50,4% до 66,4% ВНП, причем проценты по нему в 1993 г. составили 9 млрд., поглотив 75% валютных поступлений от экспорта нефти и газа (12 млрд. долларов), в то время как Алжир ежегодно вынужден был тратить 2 млрд. долларов на импорт продовольствия и столько же на модернизацию заводов, закупку оборудования, запчастей и т.п. Абд ас-Салям, понимая, что отсрочка выплаты долга доведет его до размеров, при которых страна будет закабалена навечно, пытался найти выход в режиме жесткой экономии и резком сокращении импорта (с 11 млрд. до 8 млрд. долларов). Но это лишь усугубило падение производства, вызвав недовольство частного капитала и в Алжире, и на Западе. К тому же, сильная засуха сделала рецепты Абд ас-Саляма нереальными, да и социальная обстановка никак не позволяла экономить. Поэтому после отставки "ортодокса", пытавшегося спасти экономический суверенитет Алжира, новый кабинет вынужден был согласиться с требованиями МВФ об отсрочке выплат по внешнему долгу, девальвации динара на 50%, приватизации госсектора, освобождении цен и полной открытости внешнего рынка Алжира. "Вся страна превратилась в гигантский базар, — говорили алжирцы. — Теневой рынок стал экономической властью. Завтра он станет властью политической" [6].

Вместе с тем проблема безопасности стала важнее всех прочих. К осени 1993 г. в Алжире от рук исламистов погибло около 3 тыс. чел., включая 28 иностранцев (в Алжире постоянно проживают до 70 тыс. иностранцев, из них 25 тыс. французов). Возможно, что на самом деле погибло гораздо больше, ибо через полтора года количество жертв войны (включая исламистов) составляло уже 30-40 тыс. человек. Все это заставляло правящие круги искать новые формы политического урегулирования. В октябре 1993 г. была создана "Комиссия национального диалога" из 5 генералов и 3 гражданских лиц, вступивших в переговоры с различными партиями, в том числе — с находившимися в тюрьме Аббаси Мадани и Али Бенхаджем, но безрезультатно. В этих переговорах отказалось участвовать даже умеренное "зарубежное руководство" ИФС во главе с Рабахом Кебиром, находившееся с сентября 1993 г. в Германии, несмотря на такие жесты ВГС, как предварительное освобождение 50, а затем еще 60 исламистов [7]. ВГС натолкнулся также на отказ со стороны ФНО, ФСС и ОКД. Однако в Национальной конференции 20-25 января 1994 г. приняли участие такие исламские партии, как Хамас и "Ан-Нахда"

(Движение исламского возрождения), занимавшие обычно позицию посредника между ИФС и властями.

Конференция приняла Платформу политических действий (власть на 3 года — временному президенту, правительству и Национальному переходному совету из 200 человек, включая 30 представителей от государственных структур и 170 — от партий, профсоюзов и общественных организаций). 1 февраля 1994 г. ВГС прекратил существование, а президентом стал Лиамин Зеруаль, не входивший ни в один из политических (в том числе внутриармейских) кланов, от которых он отошел, долгое время находясь в отставке, но известный как сторонник профессиональной (т.е. технически оснащенной, подготовленной в соответствии с современными требованиями и формируемой по контракту) армии и противник исламо-экстремизма. Первым его заявлением было: "Я ставлю себя на службу высшим интересам страны с тем, чтобы объединить всех уроженцев Алжира". Впрочем, сделать это было тогда невозможно: на все требования демократии со стороны большинства алжирских партий исламисты отвечали, что "такого понятия нет ни в одном словаре арабского языка" и выдвигали лозунг: "Ни Хартия, ни конституция, только Коран!" [8].

Еще в качестве главы ВГС Зеруаль вел секретные переговоры с лидерами ИФС, периодически освобождал заключенных из концлагерей (тем более, что там было много задержанных только "по подозрению"), шел навстречу требованиям ФНО, ФСС, ДДА, Хамас и Ан-Нахды, возвращая из ссылки видных исламистов, не причастных к террору. Но ИФС не шел на компромисс, особенно Али Бенхадж, рассылавший из тюрьмы свои открытые письма с осуждением "военной хунты" и подписанные "узником несправедливости и диктатуры". Непримиримость ИФС только усилилась после попыток властей сформировать параллельное "контр-руководство" ИФС из отколовшихся от партии или исключенных из нее "умеренных" исламистов. Все это происходило на фоне все возраставшего ожесточения борьбы. Помимо полиции, армии и сил безопасности, с марта 1993 г. исламистам в столице противостояли сформированные наиболее ярыми противниками исламизма две "милиции самообороны" — Организация свободной алжирской молодежи (ОСАМ) и Организация защиты Алжирской республики (ОЗАР). Они особенно активизировались после участившихся с октября 1993 г. убийств иностранцев, включая служащих посольств (к апрелю 1994 г. были убиты 34 иностранца, в том числе 8 французов и 4 русских, из них двое

были инструкторами военных летчиков) и призыва лидера ОКД Саида Саади к "вооруженному сопротивлению насилию исламистов". Исключительно бесчеловечный характер приняли убийства женщин: исламисты убивали женщин без хиджаба (покрывала), а их противники — женщин, одетых по-мусульмански. ОСАМ в своей листовке даже пригрозил за каждую убитую без хиджаба "мстить простой ликвидацией двадцати женщин, носящих хиджаб, и двадцати бородатых интегристов" (т.е. исламистов, обычно носивших бороду) [9].

Разжиганию ненависти способствовало, несомненно, систематическое истребление исламистами представителей алжирской интеллигенции французской школы. Исламисты официально объявили, что те, кто "не хочет признать выбор народа в декабре 1991 г.", будут "казнены во имя спасения Алжира". Убив в мае 1993 г. писателя и поэта Тахара Джаута, террористы оправдывали это тем, что он был "экстремистом офранцуживания, ярым врагом языка Корана, исламской религии и национальных традиций". Под этим же предлогом были убиты только в марте-декабре 1993 г. бывший министр Джиляли Лиабес, писатель Лаади Флиси, социолог Мухаммед Бухобза, журналист телевидения Рабах Зенати, профессор педиатрии Джиляли Бельхеншир, бывший директор телевидения Мустафа Абада, поэт и агроном Юсуф Себти, психиатр Махфуд Бусебси и десятки других известных в стране деятелей культуры. "Те, кто сражается пером, падут от меча" - грозили террористы тем, кого обвиняли в "коллаборационизме" с военными властями. В частности, с января 1992 г. по июнь 1997 г. ими были убиты 78 журналистов, включая главных редакторов ведущих газет "Эль-Муджахид" и "Матэн" — Мухаммеда Абдаррахмани и Саида Мекбеля, что вызвало бегство за рубеж примерно 200 журналистов. Только в 1994 г. 2300 алжирцев просили их принять во Франции как "политических беженцев". Всего в 1992-1997 гг. в Европу бежали 400 тыс. алжирцев, в основном представителей интеллигенции. Писатель Рашид Буджедра в изданной в Париже книге "Фронт ненависти" призвал "противостоять нашествию зеленого фашизма, который и расцветает, и размножается как раз в условиях варварства, порождая жестокость, сея насилие".

Войне не было видно конца, и западные державы стали опасаться, что ее затягивание в конце концов приведет ИФС к власти. Пресса Франции считала, что исламисты "широко пользуются промахами, ошибками и неумелостью" правящей элиты, "некомпетентной и устаревшей". 28 марта 1994 г. в

Алжире было опубликовано выступление заместителя госсекретаря США Пэрриса в подкомиссии Конгресса, сказавшего, что "алжирские руководители не могут положить конец кризису, злоупотребляя репрессиями, а насилие при отсутствии значительных политических перемен лишь угрожает стабильности Алжира". Пэррис выразил "согласие" госдепартамента США "с основными алжирскими партиями", которые требуют "политического участия всех течений, включая руководителей исламистов, отвергающих терроризм". Он же констатировал, что усилия армии "по разгрому исламской оппозиции провалились", а нарушения прав человека "всеми сторонами" умножаются. В то время как "бесчисленные жестокости экстремистов... установили обстановку страха и запугивания", власти поощряют или терпят "пытки и убийства", произвольные аресты "более двух тысяч людей, подозреваемых в симпатиях и содействии исламистам". США отвергали "любую попытку оправдать все это" [10].

Но даже это, в сущности, открытое вмешательство во внутренние дела Алжира не могло подвигнуть власти на существенное изменение ситуации. Запад не отступал от жестких условий погашения внешнего долга в 27 млрд. долларов, выплаты по которому в 1994 г. уже съедали всю валютную выручку Алжира от нефти и газа (9,5 млрд.), четверть трудоспособного населения оставалась без работы, а инфляция к марту 1994 г. достигла 30% в месяц! При продолжавшемся росте населения (27,3 млн. чел в 1993 г.) ситуация, вызвавшая в 1988 г. острый социальный кризис, не просто сохранялась, но неуклонно ухудшалась. До 12% населения, т.е. алжирцы 15-20 лет, оставались на улице: 400 тыс. из 8 млн. школьников ежегодно покидали школу, не кончая ее. Снизившийся уровень преподавания после 1980 г. приводил к тому, что лишь 10% учеников завершали начальное образование, а из них получали среднее (т.е. диплом бакалавра) не более 12,5% [11].

Безработная молодежь склонялась к исламистам не столько в силу идеологического выбора, страха перед террором (ибо властей опасались не меньше) или сочувствия преследуемому и несправедливо лишенному своей победы на выборах ИФС, сколько по экономическим, социальным и моральным соображениям: жизненный уровень большинства алжирцев неуклонно снижался, власть военных все больше воспринималась как реванш старой обанкротившейся бюрократии периода "до 1989 г.", жестокости и репрессии были особенно нетерпимы после 3 лет "политической весны". Поэтому война продолжа-

лась, причем исламисты все более расширяли сферу террора, распространяя его на функционеров не только полиции и госаппарата, но и общественных организаций и партий, поддерживавших правительство, особенно партии Ат-Тахадди ("Вызов"), как стала называть себя с 1992 г. ПСА.

Мишенью террористов стали также дипломаты и вообще иностранцы, которым ИФС предложил покинуть Алжир, рассчитывая тем самым изолировать военный режим на международной арене и лишить его технической помощи. Кое-чего им удалось добиться. После боя у посольства Италии, в котором погибли 2 полицейских и два боевика в июле 1994 г., посольства Франции и Италии объявили о намерении вывезти из Алжира всех своих граждан и часть персонала. Впрочем, в августе 1994 г., после убийства 5 французов (3 жандармов и двух служащих консульства) Франция заявила, что не поддастся шантажу и не прекратит помощи Алжиру. С сентября 1993 г. по июль 1994 г. были убиты 56 иностранцев (к июню 1997 г. - около 100). Исламисты обстреливали машины дипломатов и работавших в стране специалистов, нападали даже на арабских послов и похищали их (например, послов Йемена и Омана 18 июля 1994 г.). В декабре 1994 г. 4 исламиста-камикадзе захватили самолет "Эр Франс" со 170 пассажирами и, по данным министра внутренних дел Франции, собирались обрушить его на центр Парижа. Однако в Марселе французские жандармы, руководимые лично премьером Балладюром, отбили самолет и уничтожили террористов. Исламский фундаментализм стал проблемой и во Франции, где среди 3 млн. мусульман из Магриба в 1994 г. были обнаружены и арестованы 300 исламо-экстремистов, у которых во время обысков и облав нашли много оружия, боеприпасов, агитлитературы и целую типографию [12].

В апреле-июне 1994 г. Алжир в обмен на кредит МВФ в 1 млрд. долларов и сокращение на 5 млрд. долларов суммы внешнего долга девальвировал динар на 40%, пошел на либерализацию цен и внешней торговли, что привело к еще большему снижению жизненного уровня большинства населения. Уже 58% алжирцев 18-25 лет оказались без работы. В фактически безработных превратились те, кто занят на предприятии около 2 часов в день. Сокращение еще при Шадли, а еще больше — после него, расходов на образование привело к неграмотности и бескультурью слишком многих молодых алжирцев, уделом которых становились занятия контрабандой, спекуляция на черном рынке, разные виды преступности, в

лучшем случае — времяпровождение в мечети, открывавшее путь в отряды исламистов. Ежегодно 30-40 тыс. юношей пополняли ННА, но многие уклонялись от службы в армии, дезертировали, десятками уходили к исламистам. С другой стороны, многие соглашались служить в привилегированных (и лучше оплачиваемых) подразделениях коммандос, отрядах безопасности и антитеррористических бригадах, но были не очень надежны, так как хорошо видели все пороки режима, особенно — привилегии и коррупцию генералитета (около 50 высших офицеров), продолжавшего концентрировать в своих руках всю власть и контроль над богатствами страны. В сущности, после Будиафа никто не пытался вести борьбу с коррупцией военной элиты и "политико-финансовой мафии". В какой-то мере это объяснялось перенапряжением сил большинства народа в борьбе за выживание в тяжелых условиях многолетнего кризиса и гражданской войны, усталостью от бесконечных стычек, покушений, актов террора и саботажа, беспредела преступности, сознательной дезинформации и назойливой пропаганды различных политических сил. Многие считали, что "неизвестно, кому сейчас больше на руку сохранение напряженности в стране — находящейся у власти военной мафии, активно действующей подпольной мафии или исламистам, полностью контролирующим черный рынок". Журналисты же, пытавшиеся противостоять цензуре влас тей и клевете исламистов, считавших всех "писак" предателями, констатировали по свидетельству Б.Лагутина, что алжирцы "больше озабочены условиями своей повседневной жизни, нежели счетами в швейцарских банках генералов-казнокрадов".

С начала 1994 г. в Алжире вновь стало усиливаться берберистское движение, выступавшее против убийств исламистами берберских деятелей (в частности, национального секретаря ОКД Рашида Тигзири, многих ученых и журналистов) и против попыток Зеруаля идти на уступки ИФС (генерал, в течение 1994 г. продолжая секретные контакты с Мадани и Бенхаджем, неизменно выступал за "диалог со всеми"). Берберисты, сопротивляясь стремлению исламистов подчинить себе Кабилию, ревниво охраняли свою самобытность и не желали ее неизбежного подавления в исламском государстве. Поэтому с 17 января 1994 г. в Тизи-Узу и Беджайе начались массовые манифестации против терроризма и за признание кабильского языка официальным. Против маневров Зеруаля выступили также профсоюзы, Национальное объединение

предпринимателей и женские организации. В самой Кабилии стали самочинно создаваться "комитеты бдительности" в городах, а в селах — "советы деревень" и отряды самообороны, очищавшие свои районы от исламистов. Возглавляли их обычно бывшие офицеры ННА. Кабилы возмущались наличием среди боевиков множества иностранцев, говорящих "не по-арабски". К тому же, все алжирцы убеждены в помощи США исламистам.

Поскольку убийства, особенно в городах Кабилии, продолжались, нажим кабилов на правительство становился все сильнее, вылившись в октябре 1994 г. в 100-тысячную манифестацию протеста в Тиги-Узу и всеобщую забастовку, парализовавшую Кабилию. 1 ноября президент Зеруаль вынужден был отказаться от "диалога" с ИФС и заявить о своей решимости "уничтожить террористов", которых он объявил "насильниками". К тому времени ни для кого не была тайной открытая помощь исламистам со стороны Ирана, предоставившего боевикам еще в 1992 г. 20 млн. долларов, и Судана, подготовившего до 600 алжирских террористов, а также скрытая их поддержка со стороны США, рассчитывавших вытеснить Францию из Алжира [13].

Определенное воздействие на ситуацию в Алжире в 1995 г. оказали встречи представителей оппозиции в Риме, организованные католической общиной Сант-Эжидио. Первая встреча лидеров ФСС, ФНО, ИФС, ДДА, Хамас, Ан-Нахды, Партии арабского возрождения и троцкистской Партии трудящихся состоялась 21-22 ноября 1994 г. и носила предварительный характер, вызвав, однако, крайне негативную реакцию властей, так как участники встречи возложили вину за "провал намеченного Лиамином Зеруалем диалога... не на одних исламистов, но и на сам режим". Вторая встреча 8-13 января 1995 г. привела к выработке "Платформы по мирному и политическому урегулированию алжирского кризиса", которую в прессе назвали "еще не миром, но началом надежды", так как в ней предлагалось с помощью мировой общественности побудить правительство "взять на себя инициативу подлинного диалога с участием всех партий". Лидеры ИФС сочли платформу "рукой, протянутой мудрым людям внутри режима". Однако власти оттолкнули эту руку, тем более, что акты террора и саботажа продолжались: 30 января 1995 г. от взрыва начиненной тротилом машины у столичной штаб-квартиры полиции 42 человека погибло и 280 были ранены, 11 февраля убиты 6 пограничников, 13 февраля — директор Национального

театра Алжира Азеддин Меджуби. Ответ властей был не менее жесток: 22 февраля при подавлении бунта в тюрьме Саркаджи были убиты более ста заключенных; несколько сот исламистов погибли на западе страны в ходе широкомасштабной операции армии 18-24 марта. Журнал ННА в мае 1995 г. объявил исламистам "тотальную войну", подтвердив решимость "полностью искоренить преступные силы". Тем не менее, сторонники римской платформы продолжали бороться за возобновление диалога и сумели 10 июня организовать 15-тысячную демонстрацию [14].

Противостояние властей и исламистов в Алжире создало как бы патовую ситуацию. Фактически, помимо всех экономических, политических, религиозных, социальных, культурно-этнических и даже лингвистических конфликтов, завязавшихся в Алжире в тугой узел, надо принять во внимание и конфликт цивилизационный, а именно – между прошлым и будущим, между традиционным и современным. Даже идеолог исламистов Судана шейх Хасан ат-Тураби признал: "Если ИФС придет к власти, Алжир может взорваться: его покинут три, может быть четыре миллиона алжирцев". Идея необходимости национального примирения в связи с этим все более и более овладевала уставшим от войны народом. Это настроение сумели использовать власти: на выборах президента в ноябре 1995 г. 68% голосов уже в первом туре получил Лиамин Зеруаль, намного опередивший трех соперников, в том числе лидера Хамас М.Нахнаха. Несмотря на угрозы исламистов, 75% избирателей явились к урнам. ИФС назвал это "маскарадом под дулами автоматов", утверждая, что явилась лишь треть избирателей и что результаты голосования фальсифицированы. Действительно, избирательные участки охраняли до 300 тыс. военных и полицейских. Но это вполне оправдывалось обстановкой. Кроме того, в основном независимые наблюдатели сходились в том, что выборы были свободными и прошли без инцидентов, а их результаты объясняются тем, что страна хочет решать свои проблемы не стрельбой, а демократическим путем [15].

Особенно дружно за Зеруаля проголосовали более 600 тыс. алжирских избирателей во Франции, свободные в своем выборе, что выбивало у исламистов их козырь относительно фальсификации выборов. Исламисты еще весной 1994 г. пытались установить контроль над алжирской диаспорой в Европе, но встретили сопротивление. Добиться хотя бы "нейтральной" позиции властей Франции тоже не удалось.

Тогда начался террор, достигший апогея при взрыве в парижском метро 26 августа 1995 г., когда погибло 7 и было ранено 80 человек. Соединенными усилиями полиции нескольких стран Европы удалось раскрыть международную сеть алжирских террористов, действовавших во Франции, Англии, Швеции и Польше. В Лондоне, где в 1995 г. действовали 4 тыс. исламских ассоциаций, издававших 30 газет и журналов, включая орган исламо-экстремистов Алжира "Аль-Ансар" (Партизаны) был раскрыт штаб алжирских террористов во главе с Абу Фаресом, заочно приговоренным в Алжире к смерти и управлявшим боевиками во Франции, а также в Бельгии и Италии. Был арестован и главный организатор взрывов во Франции Буалем Бенсаид. В мае 1996 г. еще более широкая сеть была раскрыта в районе Парижа, где были арестованы 35 человек во главе с физиком Салимом Нассахом, занимавшимся совместно с единомышленниками в Алжире, Италии и Германии тайной доставкой оружия и снаряжения боевикам в Европе, пропагандой исламизма и спекуляцией поддельными документами для иммигрантов-нелегалов.

Твердая позиция Франции по отношению к исламо-экстремистам (соглашавшимся прекратить террор только тогда, когда президент Франции примет ислам!) лишила их возможности воздействовать на позицию Запада, за исключением США, где явно склонны были прислушиваться к официальному представителю ИФС Анвару Хаддаму, изображавшему исламистов как "ангелов во плоти" [16].

Позиции Зеруаля, помимо поддержки Франции, "европейский взлет" которой невозможен "без ее средиземноморских союзов", и большинства стран Запада, были крепки еще и потому, что алжирцы видели единственный барьер на пути исламистов к власти в нем, а не в "демократах, обреченных на бесплодие тридцатью годами господства одной партии и неспособных забыть свои разногласия". Партии, существовавшие до 1962 г., исчезли. ФСС и ОКД, да и другие, сохранившие жизнеспособность, имели лишь ограниченное влияние среди берберов или тонкого слоя офранцуженной элиты интеллигенции и служащих. ДДА осталась крайне малочисленной, а ее кумир Бен Белла проиграл выборы в декабре 1991 г. даже в своем родном городе Марния. Влияние умеренных исламистов из партий Ан-Нахда, Хамас, Уль-Умма, ЛИП практически сводилось к личной популярности их лидеров и не шло ни в какое сравнение с влиянием ИФС. Наконец, Зеруаль как бы воплощал идею порядка и безопасности, так как, наряду с террором

исламистов и ответными репрессиями властей, широкий размах в Алжире получили и чисто криминальные действия банд грабителей, вымогателей и никем не контролируемых фанатиков, убивавших католических священнослужителей, а также — просто иностранцев и "плохих" мусульман. Исламисты неоднократно отвергали попытки приписать им эти убийства, а некоторые из них даже объявили провокациями властей, как это было при гибели двух испанских монахинь в августе 1994 г. и семи французских монахов в мае 1996 г. [17].

Так или иначе, победа Зеруаля на выборах активизировала политику властей. Они даже стали больше внимания проявлять к экономике: премьер Ахмед Уяхья (после отставки в апреле 1994 г. Р.Малека, смененного Моктаром Сифи, а затем Уяхьей, пост премьера в Алжире потерял свое прежнее значение, ибо вся полнота власти перешла к президенту) в мае 1996 г. заявил о необходимости расширить экспорт страны за счет промышленной продукции, а не только нефти и газа, и о нетерпимости убыточности импорта, в котором растет доля средств потребления, а не средств производства, причем импортом занимаются 1694 государственных и 5532 частных предприятия, что ведет к "беспокоящей" власти "дезорганизации". Однако главной заботой, по-прежнему, оставалась война с исламистами: в начале мая взрывом бомбы в Тизи-Узу были убиты двое и ранены 15 человек; в столице тогда же убит бывший министр Харди, а при освобождении заложников — полицейский, заложник и 16 исламистов; в конце мая 1996 г. в жестоком бою близ Тлемсена погибли 40 военнослужащих и 200 исламистов. По данным испанской газеты "Эль Паис", к лету 1996 г. потери Алжира в гражданской войне составили "более 50 тыс. убитых, не считая сотен пропавших без вести и тысяч высланных". Не забывало правительство и об обуздании легальной оппозиции, запретив 20 мая 1996 г. еженедельник "Мисмар" (Гвоздь) за публикацию карикатуры и сатирического текста о Зеруале и его министрах, за что сотрудникам "Мисмара" было предъявлено обвинение в "оскорблении государственных учреждений и диффамации по отношению к символам государства".

Однако продление нетерпимой ситуации грозит размыванием по крайней мере двух главных опор режима — армии и берберов. Дезертирство из армии, особенно новобранцев, но также — офицеров и даже кадетов привилегированной военной академии в Шершелле, перестало быть "отдельными случаями". Кроме того, проведенный в июне 1995 г. призыв в армию резервистов в какой-то мере разбавил ее прежде кастово-

корпоративную среду, привыкшую к престижу и привилегированному положению, политически не всегда надежной молодежью, настроенной либо происламистски, либо нейтрально, очень часто склонной к бунтарству и недисциплинированности. Что же касается берберов, то, несмотря на их приверженность в основном своей самобытной культуре, своему языку и своему клану, что отталкивает их от исламистов, неспособность властей решить острые проблемы страны, в том числе — преимущественно бедных берберских областей, все более настраивает их против правительства независимо от того, входят в него их соплеменники или нет. К тому же, не менее половины видных деятелей ИФС и особенно основателей подпольных групп боевиков — берберы по происхождению. Это обстоятельство, особенно культ погибших "шахидов"-берберов, может привлечь какую-то часть берберов на сторону исламистов.

15 мая 1996 г. Belуаль объявил о намерении провести в начале 1997 г. выборы в парламент, затем — референдум об изменениях конституции, и до конца 1997 г. — муниципальные выборы. Одновременно он сказал, что ситуация "постоянно улучшается" благодаря "ударам, нанесенным силами порядка террористам и реализации закона рахмы (милосердия), что привело к сдаче тысячи человек и закрытию последних центров безопасности" (т.е. концлагерей). Но, во-первых, война продолжалась, а коммандос из антитеррористических групп, эти, как называли их алжирцы, "ниндзя" в масках, врывавшиеся в любое время в любой дом, устраивавшие погромы, произвольные аресты и пытки, наводили ужас на всю страну и практически заставили замолчать оппозиционную прессу (к тому времени, за 4 года в Алжире погибло до 50 журналистов самых разных взглядов и ориентаций). Даже власти признали, что сокращение на 10% промышленного производства в 1992-1996 гг. вызвано "отсутствием безопасности". Во-вторых, предложения Зеруаля по изменению конституции — учреждение двухпалатного парламента, введение пропорционального (а не мажоритарного, оказавшегося выгодным для ИФС в 1991 г.) голосования, запрещение использовать в политической пропаганде и конкуренции ислам, арабский язык и берберскую культуру — не устраивали ни ИФС, ни берберистов.

ИФС 29 мая назвал проект Зеруаля попыткой "легализовать свою диктатуру", а ФСС — стремлением втиснуть "национальный диалог" в рамки "авторитарного перехода с плюралистическим фасадом", удобного для военных и "управляемого,

контролируемого и предоставляемого по их желанию". Трудной дилеммой для всех партий стало "решить, включаться ли в связывающий им руки процесс или смело отказаться от участия в нем с риском для собственного выживания". Еще раньше, 20 мая 1996 г. газета "Аль-Ватан" опубликовала результаты опроса алжирцев. Из них 18,9% заявили, что "не удовлетворены" политикой Зеруаля, а 42,8% — "мало удовлетворены". И хотя 78,8% были готовы участвовать в новых выборах, все же 60,7% считали "национальный диалог абсолютной необходимостью" [18].

Помимо всех изложенных выше причин ожесточенности и затягивания гражданской войны в Алжире, следует учесть еще два фактора: 1) историческую укорененность в Алжире методов вооруженного насилия и, особенно, традиций боевого патриотического подполья и партизанской войны 1945-1964 гг.; 2) включенность алжирского исламизма в исламский бум, не прекращающийся во всем мусульманском мире с 1979 г.

Речь идет, как писал Омар Карлье, о "мифологии смерти, изгнания и крови", укоренившейся в сознании патриотов Алжира после кровавой драмы в мае 1945 г., в которой, по последним данным, погибло 65-85 тыс. чел. Эта мифология, питаемая вековым сопротивлением колониальному режиму, наложилась на противостояние тому, что называлось "партией Франции" и что включало в себя не только колониализм с его репрессиями, эксплуатацией и угнетением, но и всех алжирцев, причастных к французской культуре и политической жизни, хотя таковыми были также и многие националисты. Воспитанные в подполье "идеал действия" и "культ силы" в 1954-1962 гг. превратили политическое насилие в "революционную законность", что облегчило внедрение культуры священной войны (джихада) и в политическую практику независимого Алжира, особенно армии и религиозных вождей. Поэтому на всех крутых поворотах — при провозглашении независимости 1962 г., перевороте 1965 г., даже при мирной "тройственной революции" (аграрной, промышленной, культурной) 1972 г., арабизации 1980-1982 гг., "политической весне" 1988-1989 гг. — активным участникам событий всегда "грезились разрыв, очищение, искоренение" и прочие радикальные действия. И каждый раз возникали вопросы: "Что делать с офранцуженными..., с кабилами..., с неверующими?" [19].

В то же время исламизм в Алжире, питаемый изнутри, поднимался и как часть "исламского интернационала", фактически существовавшего всегда то ли в форме панисламизма

под эгидой османских султанов, то ли движения халифатистов, то ли всемирных мусульманских конгрессов и транснациональных ассоциаций братьев-мусульман на Ближнем Востоке, Джамаат – и - Ислами на Индийском субконтиненте. С победой Хомейни в Иране произошла "централизация исламской революции", оказавшей огромное влияние на мусульман не только сопредельных с Ираном, но и других стран ислама. Тем более, что в идеалах эгалитаризма, антиимпериализма и антизападничества, в социоструктуре "нефтегазовой" экономики между Ираном и Алжиром было много общего. Еще больше сходства было в социальной опоре исламского неофундаментализма в обеих странах [20]. Кроме того, обострение отношений Запада, прежде всего США, с противостоявшими Израилю арабами Палестины и со столь идеологически влиятельными государствами Востока, как Иран, Ирак, Ливия, позднее – Судан, Ливан, Сомали, создало в 80-90-е годы XX в. ситуацию перманентной напряженности в отношениях Восток-Запад, что также создало благоприятный фон для формирования фундаменталистского исламизма во всем мире ислама, в том числе в Алжире.

На протяжении 80-х годов в Алжире действовало подпольное Алжирское исламское движение (АИД) во главе с Мустафой Буяли, ветераном "внутренней" АНО, который, отвергая "марксистскую" Триполийскую программу, выступил против "безбожного государства" уже в 1963 г. Пылкий и фанатичный мусульманин (хотя и кабил по происхождению, что лишний раз доказывает несправедливость антиберберских высказываний исламистов), Буяли в дальнейшем служил в низших звеньях аппарата ФНО в Кабилии, откуда был изгнан за критику Национальной Хартии 1976 г. Устроившись в охрану электропредприятия, он с 1979 г. организовал сбор денег, закупку оружия и первые подпольные кружки, принявшие участие в стычках с полицией и "плохими мусульманами". Сторонники Буяли вдохновлялись теориями египетского фундаменталиста Сайида Кутба, в соответствии с которыми они всюду создавали вооруженные группы ("джамаат") для участия в священной войне (джихаде) как в Алжире, так и за его пределами. В частности, ими были направлены первые добровольцы из Алжира в Афганистан, где они сражались против советских войск.

Преследования властей (группа в Сиди-Бель-Аббесе в 1981 г. была осуждена Судом государственной безопасности) только ускорили объединение "джамаат" центра и запада

страны в рамках АИД, "эмиром" которого стал Буяли, провозгласивший борьбу против "зла" и "социальных пороков". Арестованный в 1981 г., он после освобождения в апреле 1982 г. уходит в подполье и скрывается в лесах. В ноябре 1982 г. он убил жандарма. Наряду с вооруженными стычками его "добровольцы Аллаха" занимались также тайной агитацией и распространяли листовки, в одной из которых они даже "рекомендовали" посольству СССР покинуть Алжир и не вмешиваться в его дела, как в Афганистане. В марте 1985 г. полиция раскрыла замысел их покушения на премьера Абдельгани и секретаря ФНО Ш.Месаадию, за что 3 помощника Буяли и 158 рядовых "добровольцов" были осуждены. Сам Буяли бежал, ограбив кассу одного предприятия, потом захватил 120 единиц оружия в школе полиции, убив охранника. После этого с Буяли стали искать соглашения и шеф полиции, и начальник жандармерии Алжира. Однако, следившая за ними всеми военная разведка застрелила Буяли 3 января 1987 г. Через несколько недель были схвачены и его "добровольцы". В июне 1987 г. из них четверо были приговорены к смерти, а 123 — к разным срокам тюремного заключения.

Большинство исламистов тогда во главе с Аббаси Мадани осуждали действия Буяли, выступая за "мирное" завоевание власти. Но в глазах молодежи Буяли стал романтическим героем-мучеником, "исламским Робин Гудом", примером для подражания. Среди постоянно его вспоминавших были и некоторые основатели ИФС, особенно Али Бенхадж. Даже в руководстве ННА были такие люди, подобные генералу Аль-Хашеми Хаджересу, потребовавшему в 1986 г. создания "исламского государства", за что его вывели из ЦК ФНО. В ИФС среди низового актива всегда преобладали приверженцы Буяли, осуждавшие "консервативные позиции" официального руководства. Естественно они возобладали после того, как это руководство, проиграв политически, оказалось, к тому же в тюрьме почти в полном составе. Решительно настроенные молодые энтузиасты из ИФС немедленно создали в подполье множество небольших боевых групп - "Армию пророка Мухаммеда", "Джихад 54", "Верных клятве", "Мировые исламские силы бойцов Аллаха", "Объединенный совет исламского действия", "Движение исламского джихада в Алжире", "Организацию мусульманских офицеров" и другие. Однако основные силы исламских боевиков сконцентрировались в двух организациях — Вооруженное исламское движение (ВИД) и Вооруженные исламские группы (ВИГ).

ВИД возникло еще в мае-июне 1991 г. Его создали осужденные на смерть в 1987 г., но освобожденные в 1990 г. сподвижники Буяли, 35-летний бродячий торговец Абд аль-Кадир Шебути и 46-летний шофер Мансури Мелиани с 15 другими ветеранами АИД, отбывавшими заключение вместе с ними. Шебути с самого начала не верил в "мирный путь" Аббаси Мадани, но решил ничего не предпринимать до выборов. Переворот 11 января развязал ему руки. Впрочем драки и нападения на полицию и солдат боевики Шебути все равно устраивали. Но после 11 января они образовали Движение за исламское государство (ДИГ), выдвинувшее лозунг: "Создавать группы повсюду, в том числе в казармах, чтобы свергнуть правительство". По сведениям Франсуа Бюрга, эти "радикалы" фактически взяли в свои руки руководство ИФС на его съезде в Батне в июле 1991 г. после ареста Мадани и Бенхаджа. Кроме Шебути, видным лидером ДИГ стал служащий кооператива Мухаммед Арезки Хумен, бывший глава бюро ИФС и "эмир" АИД в вилайе Бумердес. После июня 1991 г. он заменил Бенхаджа в качестве имама мечети Бен Бадиса в столице, где за свои зажигательные проповеди получил прозвище "Хомейни". С января он возглавил боевиков в Бумердесе и стал одним из главных врагов ВГС. Арестованный в сентябре 1993 г., он умер под пыткой, официально же — "убит в перестрелке" в лесу под Тизи-Узу.

Возможно, ВИД-ДИГ не сумело бы противостоять властям, питаясь лишь внутренними источниками пополнения, учитывая решительность ВГС и его поддержку значительной частью алжирцев (особенно при Будиафе), высокий уровень подготовки и беспощадность ННА, традиционную эффективность алжирских спецслужб.Но у него с января 1993 г. (по другим данным — с лета 1993 г.) появился собрат-конкурент ВИГ, провозгласивший своей целью "восстановление халифата" путем ликвидации в Алжире "евреев, христиан, всех неверующих на мусульманской земле". Именно ВИГ отличала с первых же его акций особая беспощадность в отношении интеллигенции, иностранцев и женщин с открытыми лицами. Основу ВИГ составили алжирские "солдаты удачи", сражавшиеся "за победу ислама" в Афганистане против советских войск, получая за это (главным образом — из отчислений "на борьбу с коммунизмом" США и Саудовской Аравии) не менее 1500 долларов в месяц. Прошедшие спецподготовку в военных лагерях Пакистана, овладевшие современной военной техникой, получившие хороший заряд идеологической обработки в духе

воинствующего исламизма и многолетний опыт афганской войны, эти "афганцы" (всего их было до 10 тыс. чел. из Алжира, Египта, Ливии, Туниса, Иордании, Йемена) в дальнейшем, фактически став профессиональными ландскнехтами, приняли участие в межафганских конфликтах после 1989 г. (около 2 тыс. чел.), в действиях проиранских сил, особенно — на юге Ливана (около 1 тыс. чел.), в подготовке переворота (неудавшегося) в Йемене, в деятельности фундаменталистов Судана и Туниса, а также — в военных действиях в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне и Боснии. Практически во всех этих местах были замечены алжирские "афганцы", которых насчитывалось более 2 тыс. чел. В большинстве они вернулись в Алжир, где и вступили в ВИГ, с самого начала не подчинявшийся ИФС. Они были крайне жестоки и дерзки до безрассудности. "Ненависть посеяна в их душах, и она выплескивается наружу через варварские акты, не поддающиеся описанию" — говорил о них министр Харди, впоследствии ими же убитый [21].

К весне 1994 г. контроль ИФС над боевиками стал достаточно эфемерен, ибо они были разбросаны по стране в примерно 650 группах, каждая из которых, насчитывая не более 10 бойцов, была на деле неуловима, устраивая взрывы, засады, внезапные налеты на казармы, контролируя целые кварталы в городах (особенно ночью) и деревни. Но возросшие потери заставили исламистов навести порядок в своих рядах. В мае 1994 г., особенно - после соглашений в Риме в январе 1995 г., часть отрядов ВИД примкнула к ВИГ, пополнив ряды непримиримых. Оставшиеся верными ИФС отряды ВИД в июне 1994 г. реорганизовались в Исламскую армию спасения (ИАС), официально объявившую себя военным крылом ИФС. Характерно, что на подписание соглашений в Риме ответ ВИГ был краток — сражаться до конца с "коррумпированным незаконным режимом". ИАС же отклонила соглашения потому, что "они сводят на нет роль фронта" и "убирают его таким образом с политической арены". Таким образом, возможность достижения компромисса в Алжире зависит не только от хода противоборства режима с ИФС, но и от наличия согласия тех, кто реально с режимом сражается и не склонен слушать гражданских политиков, а также и друг друга.

Пестрота исламизма в Алжире несколько облегчает властям борьбу с ними. Множество соперничающих друг с другом мелких групп, при решении спорных вопросов без колебаний прибегающих к насилию, создает возможность их противо-

поставления, а также – проникновения в их ряды агентов военной разведки, всегда работавшей в Алжире очень результативно. В частности, наметилось со стороны ВИГ стремление монополизировать руководство вооруженной и пропагандистской войной, объявив город Медеа "столицей исламского халифата", на деле не существующего, и установив свой контроль над горами Атласа к югу от столицы. Однако, будучи наиболее активным среди исламистов, ВИГ несет и наибольшие потери: 4 его руководителя погибли один за другим в первый же год, а в марте 1995 г. армия уничтожила сразу 160 командиров ВИГ, собравшихся на совещание. С помощью авиации, вертолетов и десантов генерал Ламари буквально утюжил все предполагаемые районы влияния ИАС и ВИГ, стремясь к их ликвидации "ценой любых жертв". Вместе с тем 17 бригадам и сотне автономных батальонов 120-тысячной армии, кроме полиции и других репрессивных органов, существенную помощь оказывают получающие оружие от правительства "группы гражданской самообороны", ныне существующие не только в Кабилии. Многие считают их "подлинной армией", сражающейся против исламистов [22].

К осени 1996 г. согласие в Алжире достигнуто не было. Однако, резервы продолжения силового противостояния, кажется, подходят к концу. В прессе и литературе рассматриваются разные варианты предполагаемой эволюции событий, в основном – "суданский" (т.е. компромисс военных с исламистами при идеологическом доминировании последних), "афганский" (победа исламистов с выходом на новый виток войны "всех против всех") и "чилийский" (удержание власти военными с последующей демократизацией режима после "нормализации" экономического положения). В самом Алжире считают необходимым прежде всего достижение "социального консенсуса" в рамках "комплексного перехода" от кризисной стадии к рыночной экономике и делают ставку на "социальную группу предпринимателей, носителей современной экономической рациональности, способных сыграть роль гегемона в обществе и осуществить историческую миссию по развитию рыночной логики и структурных отношений в связи с мировым рынком". Во Франции в 1995-1996 гг. также поговаривали о примирении исламистов и военных либо при политическом первенстве первых ("иранский" вариант), либо подчинении и тех, и других гражданской власти ("иорданский" вариант).

Собственно уже сейчас существует возможность сближения военных с наиболее влиятельной фракцией политического руководства ИФС – "технократами", приверженцами исламского "модернизаторства". Признавая необходимость светских государственных учреждений и современной экономики, науки и техники, они готовы ради власти "поступиться принципами", т.е. фактически не настаивать на обязательности утопии "исламского государства" с конституцией в виде Корана и законами только шариата. В то же время другая фракция исламистов – "теократы" – яростно отстаивает все эти принципы исламского пуританства и понимает лозунги ИФС сугубо буквально. Однако "технократы" ("оппортунисты", по мнению "теократов"), боясь потерять влияние в массах вследствие возможных обвинений в предательстве и беспринципности, не торопятся идти на сделку с военными. Более того, они даже сблизились с "теократами" по мере усиления ВИГ, считающего обе фракции погрязшими в "реформизме" и "политиканстве" [23].

В соответствии с программой Зеруаля и платформой "Национального соглашения" 28 ноября 1996 г. в Алжире был проведен референдум по новой конституции, в котором участвовало 79,8% (свыше 13 млн. чел) избирателей, из которых 10 945 тыс. чел. сказали "да", 1 809 тыс. – "нет" (по данным посольства АНДР в России от 11 декабря 1996 г.). Согласно утвержденной конституции, ислам объявлен государственной религией, арабский – официальным языком. Недра, шахты, леса, источники энергии, ресурсы воды и минералов объявлены общественной собственностью. Всякие покушения на права, свободы, физическую и моральную неприкосновенность личности преследуются законом. Политические партии не могут создаваться на "религиозной, языковой, половой, корпоративной или региональной основе" (тем самым ставятся вне закона все объединения исламистов, берберистов, а заодно женщин и студентов, если они носят политический характер). "Ни одна политическая партия, – гласит статья 42-я, – не может прибегать к насилию и принуждению любого характера и в любой форме". Президент избирается на 5 лет с правом переизбрания, назначает правительство и ведает вопросами обороны, назначением всех высших должностных лиц. Вместе с тем правительство ответственно и перед Национальным народным собранием. Парламент включает также вторую Палату – Совет Нации – на 2/3 избираемый из членов народных

собраний вилай и коммун, на 1/3 — назначаемый президентом на 6 лет (с обновлением на половину каждые 3 года) [24].

5 июня 1997 г. 39 политических партий и около 66% (10 983 985 чел.) избирателей Алжира приняли участие в выборах Национального народного собрания. Наибольшее число голосов получило правительственное Национально-демократическое объединение - 3 533 762 голоса (155 мест), за ним следуют Движение общества мира (партия М.Нахнаха) - 1 553 185 голосов (69 мест) и ФНО - 1 489 561 голос (64 места). Умеренно-исламистская Ан-Нахда получила 915 066 голосов (34 места), ФСС - 465 957 голосов (19 мест)), ОКД - 444 586 голосов (19) мест). Еще четыре партии получили в общей сложности 8 мест и независимые кандидаты - 11. Результаты выборов свидетельствовали и о сохранении в Алжире, несмотря на войну, определенного политического плюрализма, и о поддержке основной частью населения идеи мира в Алжире. Характерно, что сразу после выборов стали расти зарубежные инвестиции в экономику Алжира, при этом США, ФРГ и Южная Корея стремились потеснить Францию [25].

Тем не менее война продолжалась. В конце 1997 г. - начале 1998 г. боевики ВИГ, потеряв своего лидера Антара Зуабри (погибшего в полицейской засаде в июле 1997 г.), вырезали население нескольких деревень на западе и в центре (иногда по 300-400 чел. за раз). Это были одновременно акции "возмездия", запугивания населения и попытки подорвать доверие к властям зарубежных инвесторов. Одновременно в Алжир были направлены в январе-феврале 1998 г. комиссии ЕС по расследованию положения в стране, в том числе жалоб правозащитников на репрессии правительства. Но эксперты вернулись с убеждением, что погибающие в Алжире - в основном жертвы террористов, финансируемых извне и стремящихся "установить в стране теократический исламский режим". По разным данным, к началу 1998 г. в Алжире погибло уже до 100 тыс. чел. [26].

И в Алжире, и за его пределами пытаются найти выход из трагического противостояния, явно зашедшего в тупик и во многом подпитываемого извне как международными оплотами исламского фундаментализма, так и конкурентами Франции в Алжире. Но очевидно, что при любой схеме мирного урегулирования должны быть учтены историко-политическая роль армии в Алжире и социально-идеологический феномен исламизма, ставшего с конца 70-х годов главным выразителем народных чаяний и массового протеста. Многое также будет

зависеть от развития (или стагнации, что тоже возможно) новейших форм экономики и технологии, общей и политической культуры, норм и требований гражданского общества, неразвитость которого в Алжире стала главной причиной выдвижения на политическую авансцену как армии, так и исламистов.

АЛЖИР И РОССИЯ

Особого рассмотрения заслуживают отношения Алжира и России. "Мы схожи – и народы, и государства. Близки издавна" – писал в 1991 г. наш соотечественник, проработавший в Алжире более 7 лет. Давняя история российско-алжирских отношений восходит к 1720 г., когда русские корабли стали посещать порты Алжира. Россия долго официально не признавала захвата Алжира Францией. Национальный герой Алжира эмир Абд аль-Кадир был награжден российским орденом Белого Орла за спасение жизни 10 тыс. христиан в Дамаске в 1860 г. Алжир посещали русские моряки, офицеры, ученые, путешественники, оставившие свидетельства своего пребывания в этой стране. Уже в 1906 г. Россия вышла на 5-е место во внешней торговле Алжира. В 1912 г. генеральный консул России в Алжире сообщал: "Во время официальных визитов и путем сношения с представителями алжирского населения и местной прессы я мог убедиться, что все слои общества с чувствами глубокой симпатии относятся ко всему русскому" [1].

Труды известного русского географа Петра Чихачева посвященные Алжиру, были известны в этой стране раньше, чем в России, ибо писались сначала по-французски. В Алжире хорошо помнят русского врача Александра Елисеева, бегло говорившего по-арабски и бесплатно лечившего алжирцев на стыке XIX-XX вв. [2].

Октябрьская революция 1917 г. в России оказала на Алжир влияние, возможно, меньшее, чем на другие арабские страны. Даже один из лидеров алжирских коммунистов писал в 1957 г.: "Вследствие большой отдаленности, скудных в то время средств информации и, наконец, строгости колониального режима, державшего наш народ в состоянии изоляции, было бы преувеличением утверждать, что Октябрьская революция оказала в Алжире немедленное и прямое влияние" [3]. Тем не менее, революция в России стала детонатором социальных взрывов и небывалой политической активизации в Алжире, которые привели к подъему антиколониального движения в стране и рождению алжирского коммунизма. С 1924 г., после официального признания СССР Францией, возобновились торгово-экономические связи нашей страны с Алжиром. В

1931-1932 гг. из СССР в Алжир, Тунис и Марокко, например, были вывезены 207 тыс. т нефтепродуктов и значительное количество лесоматериалов [4].

Не прекращались и человеческие контакты между нашими странами: многие алжирцы учились в Москве, например, известный революционер Бен Лакхаль, скрывавшийся в СССР в 1922-1923 гг. от преследований французских властей, а затем ставший "героем Майнца", где он вел антивоенную пропаганду среди алжирцев-солдат французских оккупационных войск в Рурской области. Бен Лакхаль был одним из первых алжирских коммунистов и основателей САЗ. В 30-е годы учился в Москве и Ларби Бухали, будущий лидер АКП в 1947-1962 гг. Посещали СССР тогда и алжирцы, бывшие делегатами конгрессов или участниками пленумов Коминтерна и Профинтерна, среди них — Мессали Хадж. В 1926 г. Алжир посетил во время своей длительной поездки по Средиземноморью великий русский ученый, агроном, ботаник и генетик Николай Вавилов, которому "кабильские поселки напоминали греческие деревни", а местная культура земледелия — "знакомые нам азиатские формы, распространенные в Иране, Средней Азии и Афганистане". В Алжире Вавилов увидел "своего рода реликты, свидетельствующие о прошлых далеких связях поселенцев горных районов Северной Африки с земледельческими народностями, заселявшими Юго-Западную Азию" [5].

В годы второй мировой войны народы СССР и Алжира были вместе в рядах антигитлеровской коалиции. Из 134 тыс. алжирцев, сражавшихся против фашизма в 1943-1945 гг., 32 тыс. чел. погибли в Северной Африке и Европе. Среди уничтоженных гитлеровцами 80 тыс. чел в лагере смерти под Каунасом были и алжирцы, попавшие к немцам в плен как солдаты французской армии. Есть и в Алжире (в частности, в Дели Ибрахим, недалеко от столицы) могилы наших соотечественников, погибших в Алжире в годы второй мировой войны [6]. После окончания войны не только АКП, но и некоторые лидеры националистов Алжира возлагали надежды на помощь СССР в деле освобождения страны. В программных документах УДМА, например, в 1948 г. констатировалось: "Советский опыт оказался, возможно, наиболее решительным в истории и наиболее богатым для изучения. Народы, долгое время подчинявшиеся колониальному игу, с тех пор объединены на основе полного равенства, совместно пользуясь своими неисчерпаемыми богатствами и согласовывая свои усилия по созданию нового мира" [7]. По свидетельству бывшего гене-

рального консула СССР в Алжире П.Костягина, его посещали представители МТЛД и УДМА, выяснявшие, в какой мере они могли бы рассчитывать на конкретную поддержку их борьбы, в том числе – вооруженной. Фархат Аббас еще в 40-е годы восхищался тем, что в СССР грузин Сталин и украинец Тимошенко смогли занять самые высокие посты в государстве, где большинство населения составляли русские. Руководство УДМА не скрывало, что именно опыт СССР заставил его серьезно отнестись к марксизму и взять его на вооружение [8].

С началом революции 1954-1962 гг. СССР выступил в поддержку справедливой борьбы народа Алжира. Делегация нашей страны высказалась еще в октябре 1955 г. за включение алжирского вопроса в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН. Алжирский вопрос поднимался в Москве и во время визита премьер-министра Франции Ги Молле летом 1956 г., на форуме ООН в 1957 г. "Утверждать в настоящее время, – говорил тогда представитель СССР в ООН, – что алжирский вопрос является внутренним делом Франции, когда к нему приковано внимание всего мира, – это значит закрывать глаза на факты". По его словам, "правильное решение алжирского вопроса может и должно быть найдено в духе времени, в интересах алжирского народа. Такое решение отвечало бы и интересам Франции". Руководитель СССР Н.С.Хрущев в марте 1958 г. заявил: "Совесть человечества не может мириться с положением, которое сложилось в Алжире" [9]. Помимо поддержки алжирских патриотов в ООН и других международных организациях, СССР неизменно выступал за независимость Алжира на международных форумах общественных организаций - профсоюзов, молодежи, женщин, студентов, сторонников мира, на конференциях солидарности стран Азии и Африки.

Президиум Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в феврале-июне 1958 г. отправил алжирским беженцам в Тунис продовольствия, промтоваров и медикаментов на 1 млн. рублей. Также профсоюзы СССР направили идентичный дар алжирским беженцам в Египте (летом 1958 г.) и руководству алжирских профсоюзов в Тунисе в марте 1959 г. Еще в сентябре 1958 г. профсоюзы СССР выступили инициаторами образования в Каире Международного профсоюзного комитета солидарности с трудящимися и народом Алжира. В оказании помощи Алжиру участвовали также Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Комитет молодежных организаций СССР и другие общественные объединения [10]. По просьбе Красного Полумесяца

Алжира в 1959-1960 гг. СССР принял на лечение значительную группу раненых алжирских бойцов. В известном пионерлагере "Артек" был организован отдых для нескольких групп алжирских детей, потерявших родителей во время освободительной войны.

30 марта 1958 г. в СССР был проведен День солидарности с Алжиром, 30 марта - 7 апреля 1959 г. — Неделя солидарности с Алжиром. В эти и последующие дни широко освещалось в печати положение в этой стране, устраивались многочисленные публичные лекции о борьбе алжирских патриотов (нередко — с участием алжирских студентов, ветеранов революции и политических деятелей, например, Ларби Бухали), на предприятиях и в учреждениях проводились митинги солидарности с алжирским народом. В это же время были заложены основы культурных и научных связей наших стран, что выразилось в переводах на русский язык романов и публицистики алжирских писателей и общественных деятелей, визитах в СССР алжирских ученых (историков, биохимиков), позднее — в постановках алжирских пьес и гастролях в СССР Национального ансамбля Алжира [11].

Важнейшей частью помощи СССР Алжиру была военная помощь, поставки оружия, а также его перевозка из Чехословакии, Болгарии и других стран Восточной Европы. При освоении этого вооружения кадрами "внешней" АНО встал вопрос о знатоках военной технологии, которые могли бы умело ею пользоваться в боевых условиях. Предоставление стипендий алжирским студентам для учебы в СССР облегчало (хотя и не решало полностью) эту задачу. В 1960-1962 гг. в СССР и других странах Восточной Европы учились 545 алжирцев, из них 249 — различным военным специальностям. Но известно, что только в СССР алжирские студенты были и раньше. К тому же, профессиональное офицерство "внешней" АНО стало складываться уже в 1958-1959 гг., а тон в его среде задавали воспитанники вузов восточной Европы и арабского мира [12]. Частично этим объяснялась приверженность многих офицеров АНО идеям (но далеко не всем) марксизма, хотя в качестве образца они обычно все же предпочитали Кубу или Югославию, а не СССР. Были и сторонники заимствования опыта СССР, но в "китаизированной" форме, за что, например, Бен Хедду называли в 1959 г. "китайцем", а Бумедьена — представлявшим в Алжире "китайский генеральный штаб" [13].

После завоевания Алжиром независимости сближение межу СССР и АНДР стало еще более значительным. "Современная

эпоха родилась в грохоте канонады Октябрьской революции" – писал в 1964 г. первый президент АНДР Бен Белла. Тогда же он сказал, что "наши отношения могут, по-моему, служить примером того искреннего и бескорыстного сотрудничества, какое должно существовать между страной, только что добившейся независимости, страной слаборазвитой и стоящей перед гигантскими задачами строительства, и страной, которая хочет помочь ей в этом строительстве". Эта мысль так или иначе повторялась и другими руководителями независимого Алжира при всем различии их взглядов и концепций развития АНДР. Всего между СССР и АНДР в 1962-1986 гг. было подписано более 180 договоров, соглашений, протоколов, планов сотрудничества и других дипломатических документов, определявших характер и направления советско-алжирского сотрудничества в самых разных сферах двусторонних отношений [14].

Буквально через несколько месяцев после провозглашения Алжира самостоятельным государством в страну прибыли советские дипломаты, врачи, инженеры (еще до юридического оформления этой помощи) решать насущные проблемы борьбы с болезнями, восстановления производства, упорядочения пришедшего в упадок хозяйственного управления. С июня 1963 г. 100 саперов из СССР ликвидировали в Алжире 600 км заграждений, уничтожив при этом 1,5 млн. различных мин, поставленных до 1962 г. французскими войсками на границах с Тунисом и Марокко. Во время операций по разминированию 5 советских военных саперов были ранены, один погиб. Бумедьен, занимавший тогда пост министра обороны, заявил: "Мы... имели возможность воочию убедиться в искреннем советском сотрудничестве, когда советские военные специалисты проявили подлинный героизм, очищая от мин алжирскую землю". В результате не только исчезла угроза жизни алжирцев, но и несколько тысяч гектаров плодородных земель были возвращены крестьянам. Приглашение участника этого разминирования М.П.Ломакина в 1984 г. (через 20 лет после этого) на празднование 30-летия алжирской революции явилось свидетельством того, что алжирцы помнят о подвиге советских саперов [15].

Поддержка СССР помогла Алжиру особенно в первые годы, когда Франция еще оставалась для Алжира главным партнером, кредитором и финансистом. Однако даже тогда она вынуждена была, оглядываясь на СССР, либо вообще отказаться от политического давления на Алжир, либо прибегать к нему в сверхскрытой форме. В еще большей степени это относилось

тогда к США и другим странам Запада, имевшим интересы в Алжире, особенно – после заключения в декабре 1963 г. соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве СССР-АНДР. После национализации в мае 1966 г. шахт и рудников Алжира, советские инженеры и техники обеспечили их бесперебойную работу, заменив уехавших французских специалистов. Тогда же СССР поставил АНДР 200 тыс. тонн зерна в связи с постигшей страну засухой, не дав США шантажировать Алжир угрозой непредоставления помощи продовольствием. Руководство Алжира признало тогда: "Помощь Советского Союза дает нам возможность сохранить наше национальное достоинство, которое у нас хотели отнять американцы".

Когда власти АНДР в июне 1967 г. взяли под контроль англо-американские нефтяные кампании в Алжире (в связи с поддержкой США и Великобританией агрессии Израиля против Египта, Иордании и Сирии), СССР направил в Алжир 98 нефтяников, что побудило американцев и англичан не отзывать из Алжира своих специалистов. Еще до этого в СССР и в Алжире с помощью преподавателей из СССР была налажена подготовка квалифицированных кадров нефтяников из самих алжирцев. Это позволило АНДР после национализации нефти и газа в Алжире в 1971 г. обеспечить эти важнейшие для страны отрасли национальными специалистами (на 72% в высшем и на 84% в среднем звене). Благодаря этому установление контроля над нефтегазовой промышленностью прошло в Алжире без потерь, усилило его позиции на международной арене и явилось примером для других нефтедобывающих стран. Только в 1969-1970 гг. торговый оборот АНДР-СССР вырос с 12-13 млн. до 125 млн. долларов. По соглашению 1968 г. началось сотрудничество в модернизации шахт Алжира, разведке его ресурсов, строительстве предприятий, плотин, институтов [16].

Внешнеполитические ориентации Алжира, в соответствии с положениями Триполийской программы 1962 г. и Национальной Хартии 1976 г. всегда были близки к позициям стран Азии, Африки и Восточной Европы, но особенно СССР. Они совпадали, несмотря на многие идеологические расхождения, по таким важнейшим вопросам, как борьба за мир, безопасность в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке, противостояние США на Ближнем Востоке, за устранение очагов международной напряженности и прекращение гонки вооружений, в защиту суверенитета молодых афро-азиатских государств. "С

Алжиром у нас давняя дружба, – отмечалось 9 июня 1981 г. во время встречи руководства СССР с президентом Алжира в Москве. – Основы ее были заложены в трудные годы героической борьбы алжирского народа за независимость. Она крепла из года в год, когда свободный Алжир, ... пошел по пути глубоких общественных преобразований в интересах народных масс. Вместе с алжирским народом мы радуемся его достижениям в создании современной промышленности и проведении аграрной реформы, в решении важных социальных и культурных проблем".

За годы независимости Алжира его связи с СССР значительно расширились и укрепились. В 26 городах страны, практически всюду в Алжире работали советские врачи, преподаватели, геологи, инженеры, специалисты в самых разных сферах, от балета до военного дела. "Высокий уровень советско-алжирского сотрудничества, – подчеркивал президент Шадли, – развивающегося в духе взаимного уважения, поистине вызывает наше справедливое удовлетворение. За многие годы оно раскрыло, как об этом свидетельствует металлургический комплекс в Аннабе – первенец алжирской промышленности, большие возможности совместных свершений наших народов, которые научились трудиться сообща в духе дружбы и взаимопонимания. Каждый день на стройках, на заводах, в институтах или в больницах советские специалисты и их алжирские коллеги трудятся бок о бок и совместно ведут начатую Алжиром битву за развитие" [17].

Уже в первые годы независимости Алжира с помощью СССР были восстановлены 30 предприятий госсектора, созданы машино-тракторные станции, уничтожены следы пребывания на алжирской земле армии колонизаторов, начаты восстановление разрушенных селений, разведка полезных ископаемых, строительство новых заводов, бурение колодцев. К концу 80-х годов советские специалисты в Алжире выстроили ряд плотин, пробурили 150 скважин в пустыне, завершили или почти завершили около 170 проектов, в основном – в промышленности, включая расширение до 2 млн. тонн стали в год мощностей металлургического комбината в Эль-Хаджаре. Советскими геологами обнаружены в Алжире самое большое в Африке месторождение ртути, а также - запасы железа, вольфрама, золота. В 1983 г. в Алжире работали 900 наших преподавателей, 840 строителей и нефтяников, 650 врачей, тысячи инженеров, мелиораторов, металлургов, железнодорожников, электриков, шоферов, стеклодувов и других. СССР также по-

могал Алжиру готовить национальные кадры: с помощью Советского Союза в 4 институтах, 3 техникумах и 39 проф-центрах Алжира было подготовлено до 12 тыс. инженеров и техников, 48 тыс. квалифицированных рабочих [18].

Искренность советско-алжирской дружбы была ярко продемонстрирована при ликвидации последствий обрушившегося на Алжир в октябре 1980 г. стихийного бедствия — землетрясения в Эль-Аснаме (Шлефе) и его окрестностях. СССР немедленно оказал жителям пострадавших районов помощь продовольствием, палатками, медикаментами. В городе до сих пор с благодарностью вспоминают работу медиков советского полевого передвижного госпиталя. За два месяца в госпитале прошли курс лечения 12345 алжирцев. Всего же за 1980 г. советские врачи и медицинские работники, которые трудились тогда в 40 больницах Алжира, оказали помощь 1800 тыс. алжирцев. Советские врачи, следовательно, лечили в 1980 г. каждого десятого жителя Алжира. Недаром в Лахдарии с помощью СССР был сооружен "Госпиталь дружбы", который стал символом братской помощи советских врачей алжирскому народу.

Традицией стал культурный обмен между нашими странами. В СССР приезжали алжирские художники, артисты, музыкальные коллективы (особенно исполнители андалусско-мавританской музыки и народных песен "шааби"), в то время как в Алжире гастролировали оперные и балетные труппы из СССР, народно-фольклорные ансамбли союзных республик, исполнители-виртуозы (певцы, скрипачи, пианисты), композиторы, исполнявшие свои произведения на алжирские темы. Устраивались также выставки советских книг, фотографий, прикладного искусства и народных промыслов, фестивали и просмотры советских фильмов в Алжире и алжирских фильмов в СССР. Большое распространение в Алжире получило изучение русского языка.

Неуклонно крепли партийные и государственные связи между СССР и Алжиром. На праздновании 50-летия образования СССР в 1972 г. присутствовала делегация АНДР во главе с Шадли Бенджедидом (тогда - членом Революционного Совета и командующим военным округом Орана). Делегации ФНО участвовали в работе съездов КПСС в 1976 г. (во главе с Мухаммедом Бен Яхьей, впоследствии — членом Политбюро ФНО и министром иностранных дел АНДР) и в 1981 г. (во главе с членом Политбюро ФНО Мохаммедом-Саидом Мазузи). В октябре 1979 г. был подписан протокол о связях между

КПСС и партией ФНО на 1980-1981 гг., в рамках которого в марте 1981 г. официально нанесла визит в Алжир делегация КПСС весьма высокого уровня. Во время переговоров между делегациями КПСС и партией ФНО, которые проходили в дружественной атмосфере, обсуждались проблемы отношений между обеими партиями, всестороннего сотрудничества между СССР и Алжиром. На этой и последующих встречах было подтверждено стремление КПСС и партии ФНО к укреплению межпартийных связей.

Выступая от имени партии ФНО на XXYI съезде КПСС, член Политбюро ФНО М.С.Мазузи, один из наиболее последовательных в алжирском руководстве сторонников сближения с СССР, сказал: "Особый характер алжиро-советское сотрудничество приобрело после достижения Алжиром независимости, когда обмен визитами и консультации между КПСС и партией ФНО, различными общественными организациями, правительствами двух стран превратились в устойчивую традицию. Результаты этого сотрудничества налицо. Советский Союз участвует в подготовке наших научных и технических кадров, реализации ряда экономических, социальных и научных проектов, в нашей широкой работе по охране здоровья алжирцев... Мы твердо верим в это сотрудничество и работаем над его развитием, стремясь к укреплению уз дружбы между нашими партиями и народами, к повышению эффективности нашей совместной борьбы за мир и разрядку международной напряженности".

В дальнейшем встречи в верхах лидеров СССР и Алжира продолжались. При этом всегда отмечалось "успешное расширение экономического, технического и культурного сотрудничества, которое последовательно и гармонично развивается между двумя странами в их взаимных интересах и на основе равенства и взаимной выгоды", а также высказывалась готовность "придать новый импульс" двустороннему сотрудничеству во всех областях. Неизменно подтверждалось стремление к дальнейшему расширению и углублению межпартийных связей между КПСС и ФНО, а также решимость "способствовать завершению процесса деколонизации, установлению нового международного экономического порядка, демократизации международных отношений" [19].

Обо всем этом говорилось во время официальных визитов Шадли в 1981 г. и 1986 г., а также – трех визитов в Москву (в октябре 1983 г., марте и декабре 1985 г.) Мухаммеда Шерифа Месаадии. Это объективно отражало рост значения в полити-

ческой системе Алжира партаппарата ФНО, который при всех его структурных, идеологических и других особенностях все же пытался копировать методы агитационно-пропагандистской и иной работы КПСС. В конечном итоге это привело к тому, что ФНО, наряду с техникой властвования и организации, воспринял от КПСС и многие ее недостатки, особенно – бюрократизм, административно-командный стиль, стремление к монополизации власти, авторитаризм и отсутствие обратной связи верхушки с партийными низами. Замена во многом воплощавшего эти недостатки (а также и сильные стороны элиты ФНО) М.-Ш.Месаадии в 1988 г., как и вообще смена "модели поведения" ФНО с началом "алжирской весны", несколько запоздали, Практически ФНО постигла судьба КПСС, хотя и в иных условиях и при других обстоятельствах. Он просто стал одной из партий Алжира, при этом далеко не самой влиятельной.

Отношение алжирцев к России на финише XX в. изменилось не в лучшую сторону. Оно стало меняться еще после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Правда, позиция официальных властей и большинства алжирцев еще долго оставалась дружественной, но на бытовом уровне уже можно было столкнуться с неприязнью и обвинениями русских в "убийстве мусульман". Следующим этапом была война 1990-1991 гг., в которой большинство алжирцев было на стороне Ирака и осудило тогда позицию СССР и лично Горбачева. Но и тогда еще не были зачеркнуты 30 лет сотрудничества, работа 12,5 тысяч наших специалистов, хотя количество их в 80-е годы постепенно сокращалось (до 3 тыс. в 1994 г.) по чисто финансовым причинам: из-за кризиса в экономке страна уже не могла оплачивать в валюте труд большого количества иностранных помощников. "Долгие годы, – писал С.Филатов в мае 1991 г. – СССР, соцстраны были для нее надежной опорой и во внешней, и во внутренней политике. Опора треснула... Республике нужно находить новый тон в диалоге с бывшими членами Варшавского договора". Тем не менее, еще не было ни открытых выпадов в адрес СССР, ни терактов против нашего посольства (хотя и то, и другое наблюдалось по отношению к гражданам и представительствам других держав в связи с войной в Персидском заливе). "Об СССР пишут сейчас много, подробно разбирают ситуацию, в которой мы оказались, но не злорадствуют, наоборот, надеются на то, что мы из кризиса выйдем" – так оценивал С.Филатов отношение к СССР алжирцев в последний год "политической вес-

ны", во многом схожей с нашей перестройкой, особенно 1989-1991 гг. То, что случилось потом во многом напомнило судьбу "отца перестройки" в СССР, ибо результат его действий был столь же непредсказуемым и разочаровывающим.

Определенное сходство процессов в Алжире и СССР после 1989 г. (впрочем иногда - с точностью "до наоборот"), как это ни парадоксально, способствовало деградации столь многосторонних и взаимообогащающих отношений, каковыми они были в 60-80-х годах. И там, и тут резко ухудшалось экономическое положение, падало производство, росли социальная напряженность , внешняя задолженность, дискредитация власти и разочарование в идеалах социализма. И там, и тут отказ от однопартийности и порыв к свободе породили не реальную демократию, хотя все клялись ее именем, а дезориентацию, растерянность, лихорадочные попытки заменить старые иллюзии новыми, не столько прагматический, сколько эмоциональный подход к решению остро обозначившихся проблем экономики, политики, идеологии. Отвергая негативный опыт прошлого, противоборствовавшие стороны политического процесса во многом его повторяли, проявляя нетерпимость, склонность к силовым решениям, признавая правила демократии и правовые нормы только как средство борьбы с противником, а не как закон, одинаковый и обязательный для всех. Сходство между событиями у нас и в Алжире некоторые журналисты даже видели в сравнении ГКЧП августа 1991 г. и ВГС января 1992 г. Это вряд ли стоит делать, "хотя бы потому, что придется сравнивать и силы, им противостоящие, – российских демократов и алжирских исламистов". Действительно, эта аналогия хромает, но некоторые основания для нее есть: в противостоянии ВГС и исламистов был элемент борьбы старого и нового, привилегированной верхушки и обездоленных низов, авторитаризма силовиков и демократического выбора народа. Однако происходило это все в иных исторически сложившихся условиях социальной и политической культуры, в ином цивилизационном климате и при решающей роли совершенно других идеологических и психологических факторов [20].

Взаимное ожесточение сторон в гражданской войне, распространяемые экстремистами нетерпимость и ненависть, страх и сосредоточенность людей на проблемах выживания создали в Алжире после 1992 г. моральный климат, в котором были забыты во многом и дружба между нашими народами, и другие достижения наших совместных усилий. Это и сделало возможным поставить россиян в глазах алжирцев на одну доску с

прочими "христианами и неверными", представить их просто гражданами одной из сверхдержав, да еще к которой у алжирцев поднакопилось претензий со времен существования СССР (кстати, с 1990 г. в Алжире "не учитывается" долг бывшему СССР в 4 млрд. долларов). Нападения на иностранцев, участившиеся с осени 1993 г., в основном — со стороны ВИГ, обрушились и на граждан России. "Если будет угодно Аллаху, все иностранцы, русские и французы, будут зарезаны как бараны" — гласило послание террористов, присланное в декабре 1993 г. в российское торгпредство. К этому времени уже были убиты трое россиян, в том числе два офицера-инструктора летной школы в Лагуате. Власти искали убийц среди "афганцев" в жилом комплексе близ столицы, прозванном "Пешавар" за обилие среди его жителей исламистов, обучавшихся в Пакистане и сражавшихся впоследствии в рядах афганских моджахедов. Большинство россиян осталось на месте, но убийства продолжались. Поэтому в августе 1994 г. МИД России призвал ускорить отъезд российских специалистов и их семей. 2600 из 3 тыс. чел уехали. Все три русские школы были закрыты. К этому времени уже погибли 9 россиян, 2 белоруса и 1 украинец, 5 россиян получили тяжелые ранения [21].

Однако, несмотря на крайне тяжелые условия российско-алжирское сотрудничество продолжается. Наши специалисты продолжают трудится на металлургическом комбинате Эль-Хаджар, на химическом комбинате Асмидаль и плотине Зит-Эмба на востоке Алжира, на строительстве плотины Тилездит, которая обеспечит не двухразовое в неделю, как сейчас, а ежедневное снабжение водой столицы Алжира. В 1996-1997 гг. российская колония в Алжире даже увеличилась с 400 до 650 чел. В Алжире также живут 950 гражданок СНГ (в основном России), ранее вышедшие замуж за алжирцев. И хотя объем сотрудничества и торговли ныне - минимальный, стоит помнить, что алжирская армия на 90% оснащена советской техникой, следовательно испытывает постоянную потребность в российских инструкторах и советниках, в поддержании квалификации своих специалистов, в поставках запчастей и модернизации имеющегося вооружения. По данным прессы, военное сотрудничество значительно превышает по объему прочие внешнеторговые связи России и Алжира [22].

Нынешний трудный этап ранее столь плодотворно развивавшихся отношений между нашими странами — явление временное. Не только все правительства и правители независимого Алжира, но и многие деятели оппозиции, в частности —

вождь ИФС Аббаси Мадани, всегда высказывались за развитие и укрепление двусторонних связей. Думается, что каким бы ни был исход нынешней борьбы в Алжире, любая власть в этой стране, руководствующаяся национальными интересами, будет объективно стремится к налаживанию взаимодействия с Россией. Это определяется долгой историей наших отношений, наработанным потенциалом нашего экономического, культурного и военного сотрудничества, географией, исключающей какую-либо почву для территориальных или иных претензий и опасений, заинтересованностью Алжира в опоре на великую державу, не имеющую гегемонистских замыслов или колониальных поползновений в регионе Средиземноморья, заинтересованностью России в восстановлении своего исторического влияния в арабских странах, особенно - имеющих богатый опыт сотрудничества с нами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Алжира XX в. – это сложный путь большой и многообразной страны, принадлежащей к арабо-исламской цивилизации, от бесправной колонии Франции к суверенному государству, играющему значительную роль в арабском мире, мире ислама, в Африке и бассейне Средиземноморья. Степень колониального подчинения Алжира в течение 132 лет, в том числе 62 лет XX в., была столь абсолютна, что заселившие Алжир в XIX в. европейцы "алжирцами" называли себя, а не коренных жителей. Даже накануне падения колониального режима, они считали, что в Алжире они – "у себя дома" и что, как говорил сам де Голль, "независимость – это насмешка... и мы хотим, чтобы здесь не было никакой независимости" [1]. Культура алжиро-европейцев, несмотря на преобладание среди них испанцев, итальянцев, евреев, мальтийцев, швейцарцев, в меньшей степени – эльзасцев, корсиканцев и басков, была все же специфической частью французской культуры. Сами они, даже сохраняя в быту язык предков и другие этносоциальные особенности, считали себя не только "французами в полной мере" (как по соображениям политической тактики назвал алжирцев в 1958 г. де Голль), но и "лучшей" их частью, всегда рьяно отстаивая свои права именно французских граждан.

Примерно к началу XX в. алжиро-европейцы консолидировались в особую этническую группу, существование которой само по себе явилось любопытным примером и результатом межцивилизационных контактов, характерных для Средиземноморья еще с древности. Самовыражение этой группы в литературе и искусстве, особенно в творчестве писателей "алжирианистов", провозглашавших свою "эстетическую автономию" в рамках т.н. Североафриканской школы 20-30-х годов, обогатило французскую литературу, дав ей Альбера Камю, Эммануэля Роблеса, Робера Рандо ("французского Киплинга"), Жюля Руа. Вместе с тем "алжирианисты" объективно (а некоторые и лично) помогли становлению национальной литературы Алжира на французском языке, сыгравшей значительную роль в развитии национального и гражданского самосознания алжирцев, их взгляда на мир, их приобщения к идеалам свободы, демократии, гуманности и прогресса. Впоследствии отмечалось, что эта "антифранцузская литература на французском языке..., литература протеста и возмущения, хотя и вдохновляется французской литературной традицией, ...

глубоко оппозиционна французскому политическому и культурному колониализму" [2].

Однако это выяснилось позже, в 50-60-е годы, а в начале этого процесса, в 20-30-е годы, никто не ставил под сомнение укорененности европейцев в Алжире. Тогда многие из них с детства знали алжирский диалект арабского языка (особенно испанцы и итальянцы — в сельской местности, евреи и мальтийцы — в городах), французский язык становился языком образованных алжирцев, а в Орании многие из них знали еще и испанский, тем более что здесь были нередки смешанные браки алжирцев и испанцев. "Ныне 500 тыс. туземцев, — писал в 1930 г. алжиро-европеец Ф.Редон, — бегло говорят, читают, пишут по-французски, осваивают наши привычки, инструменты, даже лекарства". Всего же французским так или иначе владело не менее 1/6 алжирцев. Все это рождало иллюзии, подобные формуле 1935 г. алжиро-европейского литератора Габриэля Одизио о том, что в Алжире "создана Франция" из "синтеза прибрежных рас, скрепленных французской культурой", к каковым он относил "лангедокцев, провансальцев, каталонцев, корсиканцев, андалусцев, неаполитанцев, мальтийцев, арабов и берберов" [3]. Эта среда продолжала формироваться и далее, по мере распространения среди алжирцев франкоязычного образования. Она послужила если не основой, то каким-то оправданием упоминавшейся теории М.Тореза о якобы "единой алжирской нации", складывающейся "на основе двух десятков рас", в числе которых упоминались как арабы, берберы и турки, так и французы, испанцы и итальянцы. В 30-40-е годы эта теория даже играла объективно положительную роль, подчеркивая самобытность алжирской нации (от которой тогда открещивались по тактическим соображениям многие будущие лидеры националистов типа Ф.Аббаса) и отвергая тезис: "Алжир — это Франция". К тому же она, как считала АКП даже в 1958 г., "открывала... оригинальный путь к решению проблемы европейского меньшинства" [4]. Однако жизнь показала, что такой путь избрали для себя после 1962 г. менее 8% алжиро-европейцев [5].

Тем не менее, длительное их пребывание на алжирской земле, а Алжира — в орбите многообразного влияния Франции, так же, как возникшие вследствие этого вполне реальные элементы культурного синтеза, не прошли даром. Степень ассимилированности французским влиянием для интеллигенции и вообще образованных алжирцев оказалась значительно выше, чем в соседних Тунисе и Марокко, где все французское усваи-

валось без утраты своего культурного наследия, своих традиций и связей с арабо-исламской цивилизацией. Читать и писать в 1962-1963 гг. по-французски могли 400 тыс. человек, а по-арабски 200 тыс. человек. Даже в 1970 г. среди грамотных алжирцев были 712 тыс. франкоязычных, 466 тыс. арабоязычных и 841 тыс. двуязычных. Это не удивительно: только к 1980 г. удалось на 98,7% "алжиризировать" кадры учителей начальной школы, однако иностранцы продолжали составлять 23% преподавателей средней школы и 47% — высшей. В 1981-1982 гг. обучение на арабском языке в начальной школе вели 66704 человек (из 94216), в средней школе — 23516 человек (из 46196), в вузах — 1388 человек (из 9778) [6]. Иными словами, даже через 20 лет после получения независимости арабский литературный язык, в колониальные времена считавшийся "иностранным", так и не стал господствовать в культурной жизни страны и оставался недоступным как для получавших франкоязычное образование, так и для неграмотного большинства (75% населения в 1965 г., 63% — в 1975 г., 50% — в 1985 г.), говорившего на различных арабских (или берберских) диалектах и практически почти не понимавшего литературный арабский. В то же время функции языка межрегионального (например, уроженцев запада и востока, гор и пустынь) или межэтнического (арабов и берберов, алжирцев и неалжирцев) общения выполнял французский язык, на котором (не всегда правильно) говорила и часть неграмотного или малограмотного населения страны (в 1966 г. не менее 6 млн. из 11,5 млн. человек), еще чаще прибегавшая к "сабиру", т.е. к смеси арабо-алжирского диалекта с французским языком, иногда — с дополнением кабильских, испанских, итальянских слов и фраз [7].

Все это, безусловно, создавало у алжирцев своего рода комплекс "офранцуженности", от которого все они — от главы государства до человека с улицы — стремились избавиться с первых дней обретения независимости. Но реализовать это было не просто. За тридцать с небольшим лет нельзя было изжить последствия 132-летнего господства Франции. К тому же, весь период после 1962 г. был ознаменован лишь политической независимостью. Экономическая зависимость от Франции сохранялась, хотя и слабела. Даже в 1990 г. на долю Франции приходилось 24,7% импорта и 13,5% экспорта Алжира. Причем уменьшение доли Франции в основном шло за счет увеличения доли Италии (14,5% импорта и 20,3% экспорта Алжира в 1990 г.) и других партнеров Франции по Европейскому сообществу, которые в общем итоге контролировали

62,1% импорта и 61,7% экспорта Алжира, т.е. почти столько же, сколько контролировала Франция до 1962 г. Характерно, что на Восточную Европу, включая СССР, приходилось в 1990 г. всего 3,6% импорта и 0,5% экспорта (в 1980 г. – соответственно 4,16% и 2,8%) [8].

Франция умело использовала сохранившиеся позиции французского языка и французской культуры в Алжире, добившись особого статуса для своей прессы (пресса в Алжире делилась на национальную, французскую и иностранную), широко распространяя в Алжире свою литературу, газеты, кинофильмы, телепередачи, присылая в страну своих специалистов, преподавателей, экспертов и советников, военных и полицейских инструкторов, одновременно уделяя большое внимание обучению, стажировке и переподготовке во Франции алжирских руководящих (и не только) кадров в таких решающих областях, как администрация, полиция, экономический менеджмент и военное дело, образование, искусство.

Таким образом, алжирцам не удалось избавиться от комплекса "офранцуженности", который слишком многие в стране воспринимали только как негативное "наследие колониализма", замалчивая позитивные аспекты роли французской культуры в Алжире. Только обладатели французских дипломов помнили, что благодаря Франции и французскому языку алжирцы познакомились с достижениями европейской культуры, науки и техники, открыли для себя многое в мировой цивилизации, что помогло им, кстати, осознать и свое место в мире. "Алжирская революция – говорил в 1984 г. министр культуры А.Мезиан – не только революция алжирцев, но и достояние всего человечества" [9]. Этот мондиалистский подход, противопоставлявшийся узкому национализму, был связан и с революционным романтизмом Бен Беллы, и с национал-прагматизмом Бумедьена и с гибким оппортунизмом Шадли. "Речь не идет о том, чтобы отвергнуть французский язык, который Алжир считает окном в мир" – так изложил эту позицию видный идеолог исламского реформаторства и министр Ахмед Талеб аль-Ибрахими в 1970 г. Еще более откровенно руководство АНДР высказалось в 1975 г.: "Арабизация не ставит целью лишить средств к существованию целую категорию граждан, т.е. получивших образование на французском языке" [10].

Правящие круги Алжира, желая арабизации и в целом проводя ее, в то же время старались занимать взвешенную позицию, исходя из влиятельности франкоязычия в верхах

буржуазии и интеллигенции, его явного преобладания среди бюрократии и офицерства, хозяйственных и технических кадров, заинтересованности Алжира в быстрейшем усвоении достижений НТР и вообще современной техногенной цивилизации. Правда, были попытки использования в этой связи английского и русского языка, но они большого распространения не получили, ограничившись узкими сферами применения. Более того, в 70-е годы примирять универсализм и национализм, традиции и современность стало все более сложно. "Речь идет о том, чтобы... утвердить одновременно нашу приверженность к собственному культурному наследию и нашу веру в способность алжирского народа к адаптации и все более смелому восприятию современного мира" - провозглашала Национальная Хартия 1976 г. Однако реализовать этот тезис становилось все труднее по мере вытеснения насаждавшегося сверху национал-прагматизма более понятным социальным низам исламизмом снизу. При этом мало помогали попытки интерпретации ислама в духе "культурного прогрессизма" (например, высказывания министра по делам религии Мулуда Касима: "надо вернуть мечети ее главную функцию распространителя культуры и науки") [11].

Бумедьен еще мог противостоять исламизму, в том числе – упирая на враждебность мусульманских низов к спекулировавшим на исламизме представителям феодально-клерикальной и буржуазно-бюрократической элиты типа шейха Хайраддина (главы фундаменталистской ассоциации "Аль-Кыям") или Ахмеда Каида. "Если мечеть, – говорил Бумедьен, – используется для защиты несправедливости, эксплуатации и рабства, то она будет не мечетью ислама, а мечетью, разрушающей ислам". Шадли этого делать уже не мог, в основном ограничиваясь разговорами о "провозглашенной исламом социальной справедливости" [12]. К тому же, его непоследовательность и метания от попыток приспособиться к исламизму и даже обойти его "справа" к открытому с ним противоборству, лишь способствовали дальнейшему размыванию позиций официальной идеологии, и без того подорванных экономическим, политическим и моральным крахом режима.

Дальнейшее развитие событий окончательно дискредитировало ФНО, а вместе с ним – ту политическую модель общества, которую ФНО создал и называл "социализмом", в рамках которого, однако, авторитарный централизм возродившегося национального государства последовательно смещал акценты социальной ориентации с революционного демократизма к

национал-бонапартизму и, наконец, к бюрократическому капитализму. Образовавшийся вследствие банкротства ФНО идейный вакуум в обстановке все возраставшей социальной напряженности, экономического хаоса и политической дезориентации привел к небывалому и во многом неоправданному обострению противоречий между современной и традиционной частями общества, между стариной и новью в его духовной жизни, между наследием предков и надеждами потомков. Результатом такого обострения и стала предельная поляризация, достигшее высочайшего накала черно-белое размежевание социокультурных составляющих алжирского общества, выразившееся в непримиримом антагонизме исламизма и модернизма в Алжире.

Речь идет именно о модернизме, ибо противостоящая исламистам часть алжирского общества включает в себя не только "офранцуженных", но и армию, значительная часть кадров которой обучена арабскими специалистами (в Алжире и за рубежом), а также все возрастающую фракцию народа, получившую двуязычное арабо-французское образование. В то же время исламизм в Алжире, как выясняется, тоже не един не только в политическом, но и в социокультурном плане, охватывая, наряду с арабо-мусульманами, также и часть берберов, и часть (особенно неграмотную) обездоленных, не имеющих представления об арабской культуре и шариате, но пользующихся в быту "сабиром" и испорченным французским, а также – вполне современных и широко образованных людей, владеющих многими языками и дипломами университетов Европы и Америки.

Все это говорит о том, что гражданская война в Алжире – не классовая, не этническая, не религиозная и даже не "культурно-лингвистическая", как ее иногда представляют. Это – лишь по форме (и то не всегда и не во всем) конфликт культур. На деле – это доведенный до апогея ожесточения конфликт двух социальных блоков, конфликт идей, выражающих (а иногда вуалирующих) интересы элиты этих блоков. Каждый из них отстаивает свое политическое будущее, свою политическую модель общества. Но трагизм ситуации – в том, что алжирское общество конца XX в. не может существовать в рамках только одной из предлагаемых ему двух взаимоисключающих моделей, ибо ее реализация приведет к отторжению, маргинализации, ликвидации (по крайней мере, социокультурной и моральной) приверженцев другой модели. Поскольку это

катастрофично, да и вряд ли возможно, необходима интеграция обоих социальных блоков в единое общество.

Мучительные поиски форм и механизмов такой интеграции — важнейший аспект социально-политического кризиса Алжира последнего десятилетия. На исходе века, как и в его начале, Алжир снова ищет свое лицо, надеясь обрести гражданский мир и политическую стабильность в новом равновесии социокультурных, этносоциальных, экономических и конфессиональных структур. Само возникновение этого равновесия будет еще одним шагом к обновлению политической культуры страны, ее постепенного избавления от негативных традиций политического насилия, конфронтационного мышления и экстремизма любой направленности.

Осознание этого постепенно пробивает себе дорогу. Об этом свидетельствует встреча 12-13 апреля 1997 г. в Мадриде партий алжирской оппозиции, включая ИФС, призвавших "создать условия для диалога в Алжире". В сентябре 1997 г. к "немедленному прекращению кровопролития и подготовке серьезного диалога" призвал освобожденный из тюрьмы лидер ИФС Аббаси Мадани [13]. Конечно, остановить войну гораздо труднее, чем ее начать. Тем не менее, важно то, что все стороны понимают все более острую необходимость примирения и, каждая по-своему, заинтересована в нем.

К введению

1. Африка. Энциклопедический справочник. М., 1986, т.1, с.299.
2. История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992, с.5; Eveno P. L'Algérie. P., 1994, p.100.
3. Шпажников Г.А. Религии стран Африки. М., 1981, с.54.
4. El Moudjahid. Alger. 21.12.1983.
5. Мусульманский мир. М., 1981, с.169.
6. Pečar Z. Alžir do nezavisnosti. Beograd. 1967, s.139.
7. Ruedy J. Land Policy in colonial Algeria. Los Angeles, 1967, p.7.
8. Monlaü J. Les Etats barbaresques. P., 1973, p.37.
9. Boyer P. La vie quotidienne à Alger à la veille de l'intervention française. P., 1963, pp.49, 245.
10. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine. P., 1974, pp.6,8.
11. Омар А.А. Западноевропейское политико-культурное влияние на развитие стран Магриба в новейшее время и этнокультурный фактор. М., 1994, с.24-25.
12. Julien Ch.-A. Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1966, t.II, p.264; Revue d'histoire et de civilisation du Maghreb. Alger. 1974, № 11, p.48.
13. Majallat Et-Tarikh. Alger. 1985, № 20, pp.11,19.
14. Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A. L'Algérie: passé et présent. P., 1960, pp.219-220.

К главе 1

1. Hanotaux J. et Martineau A. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde. P., 1930, t.2, p.107.
2. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965, с.149.
3. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine, p.9.
4. Эгрето М. Алжирская нация существует. М., 1958, с. 42-43.
5. Ageron Ch.-R. Op.cit., p.10.
6. Жансон К. и Ф. Алжир вне закона. М., 1957, с.36.
7. Ageron Ch.-R. Op.cit., p.10.
8. Жансон К. и Ф. Указ. соч., с.40-41.
9. Pečar Z. Alžir do nezavisnosti, s.140.
10. Journal of African history. Cambridge (USA), 1964, № 2, p.229.
11. Арабские страны. История. М., 1963, с.199.
12. Богданович М.Н. Алжирия в новейшее время. СПб, 1849, с.24.
13. Луцкий В.Б. Указ.соч., с.152.
14. Куропаткин А.Н. Алжирия. СПб., 1877, с.31.
15. Эгрето М. Указ.соч., с.47.

16. Lacoste Y.L'Afrique du Nord. Chambéry. 1957, p.41.
17. Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830-1918). М., 1976, с.72.
18. Там же, с.76.
19. Llamo R.C. Euralgérie ou de la naissance d'un peuple original. Alger, 1956, p.10.
20. Чихачев П. Испания, Алжир, Тунис. М., 1975, с.230-231.
21. Эгрето М. Указ.соч., с.73; Lacoste Y. Op.cit., p.44.
22. Journal of African history, 1964, № 2, p.233.
23. Llamo R.C. Op.cit., p.28, 233.
24. Bourdieu P. Sociologie de l'Algérie. P., 1963, p.115.
25. Gordon D. North Africa's French Legacy. Cambridge (Mass), 1962, p.24.
26. Nora P. Les Français d'Algérie. P., 1961, p.144.
27. Laçoste Y. L'Afrique du Nord, p.45.
28. Ланда Р.Г. Указ.соч., с.194.
29. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans et la France (1871-1919). P., 1968, pp. 554, 559, 689.
30. Саадаллах Б. Алжирское национальное движение (на араб.яз.). Бейрут, 1969, с.127.
31. Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A. L'Algérie. Passé et présent. P., 1960, pp.397-399.
32. L'Indigénat. Code d'esclavage. P., 1928, pp.9-14.
33. Yacono X. La colonisation des plaines du Chéliff. Alger, 1955, t.1, p.304-315.
34. Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М, 1879, с.197, 204.
35. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie..., p.59.
36. Annuaire statistique de l'Algérie, Alger, 1936, p.184-185.

К главе 2

1. Aron R., Lavagne F., Fellier J., Garnier-Riset J. Les origines de la guerre d'Algérie. P., 1962, p.220.
2. Ibid., p.215; Lettrés, intellectuels et militants en Algérie. 1880-1950. Alger, 1988, pp.4-16.
3. Bourdieu P. Op.cit., p.106.
4. Tableaux de l'économie algérienne. Alger, 1960, p.22.
5. Gautier E.F. Evolution de l'Algérie de 1830 à 1930. Alger, 1930, p.72.
6. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans... p.848.
7. Etudes méditerranéennes. Szeged (Hongrie). 1987, p.12.
8. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans... p. 823, 851.
9. Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX-XX вв. М., 1985, с.56.
10. Bernard A. L'Algérie. P., 1929, p.485-487.

11. Ajam M. Problémes algériens. P., 1913, p.29,66.
12. Études méditerranéennes, p.14.
13. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans..., p.1048.
14. Дьяков Н.Н. Указ.соч., с.58.
15. Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа..., с.221.
16. Lacheraf M. L'Algérie: nation et société. P., 1965, pp.185-186.
17. Favrod Ch.-H. La révolution algérienne. P., 1959, p.48.
18. Жансон К. и Ф. Указ.соч., с.78.
19. Cahiers Internationaux, 1956, № 78, p.55.
20. Confer V. France and Algeria. The Problem of Civil and Political Reform 1870-1920. Siracuse, 1966, p.35.
21. Annuaire Statistique de l'Algérie. 1956-1957, p.19.
22. Nora P., Op. cit., p.15.
23. Bourdieu P., Op. cit.,, p.109.
24. Ajam M., Op. cit., p. 116-119.
25. Peyrouton M. Histoire générale du Maghreb, P., 1966, p.268.
26. Bouayed M. Histoire par la bande. Alger, 1974, pp.64-67.
27. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans..., p.1029-1032.
28. Ibid., p.1030.
29. Дьяков Н.Н. Указ.соч., с.69,170-171.
30. Morsly T. Contribution à la question indigéne en Algérie. Constantine, 1894, p.97.
31. Саадаллах Б. Указ.соч., с.113.
32. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans..., p.1031.
33. Bernard A. L'Algérie, p.386.
34. Etudes maghrébines. P., 1964, p.219.
35. Саадаллах Б. Указ.соч., с.162-163.
36. Там же, с.161; Etudes maghrébines, 1964, p.226.
37. Саадаллах Б. Указ. соч., с.160-163; Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans..., p.1034.
38. Ajam V., Op. cit., p.74.
39. Дьяков Н.Н. Указ соч., с.174-175; Confer V. Op.cit., p.63.
40. Vatin J.-C. L'Algérie politique: histoire et société. P., 1974, p.169.
41. Ageron Ch.-R. Op.cit., p.1032; Foucault H. L'Algérie fille de France. P., 1935, pp.203-204; Merad A. Le reformisme musulman en l'Algérie de 1925 à 1940. Paris-La Haye. 1967, p.48.
42. Journal of African History. Cambridge, 1964, № 2, p.232.
43. Courriére Y. Le temps des Léopards. P., 1969, p.56.

К главе 3

1. Эррио Э. Из прошлого. М. 1958, с.38-41.
2. Bernard A. L'Algérie, p.295.
3. Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A. Op.cit., p.436.
4. Spielmann V. Critique et commentaires de l'entente et de la cooperation des races. Alger, 1923, p.20.

5. L'Afrique française. 1919, № 7-8, p.221.
6. Abbas F. De la colonie vers la province. Le Jeune Algérien. P., 1931, p.16.
7. Аль-Фаси, Алляль. Освободительные движения в Арабском Магрибе (на араб.яз.). Танжер, 1950, с.10.
8. Bennabi M. Mémoires d'un témoin du siécle. Alger, 1965, p.35.
9. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans..., p.1167.
10. Martin C. Histore de l'Algérie française. P., 1962, p.259.
11. Depont O. L'Algérie du Centenaire. P., 1928, p.119.
12. Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа..., с.244-246.
13. Nouschi A. La naissance du nationalisme algérien. P., 1962, p.27.
14. Там же, с.25; Аль-Хатыб, Ахмед. Алжирская революция (на араб.яз.). Бейрут, 1958, с.76.
15. Саадаллах Б. Указ.соч., с.76, 251; Ohneck W. Die französische Algerienpolitik von 1919-1939. Köln-Opladen. 1967, s.32.
16. L'Afrique française. 1919, № 7-8, pp. 241-242.
17. Саадаллах Б. Указ.соч., с.236; Bennabi M. Op. cit., pp.30-35; Nouschi A., Op. cit., p.27.
18. Bernard A. A. L'Afrique du Nord pendant la guerre. P., 1927, p.8.
19. Tunisien und Algerien. Ein Protest gegen französische Gewaltherrschaft. Berlin, 1916, ss. 5,7,21-30.
20. Nouschi A. Op.cit., p.28.
21. Ohneck W. Op.cit., s.38.
22. Un Africain. Manuel de politique musulmane. P., 1925, p.88.
23. Peyrouton M. Op. cit., p.64; Steeg T. La Paix française en Afrique du Nord. P., 1926, p.24.
24. Kaddache M. La vie politique à Alger de 1919 à 1939. Alger, 1970, p.34.
25. Ланда Р.Г. Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918-1931 гг. М., 1977, с.55-56.
26. Les revendications du peuple algéro-tunisien. Mémoire présenté au Congrés de la Paix par le Comité algéro-tunisien. Génève, 1919, p.11.
27. Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920-1961. P., 1962, p.304.
28. Саадаллах Б. Указ.соч., с.315; Ganiage J. Les affaires d'Afrique du Nord. P., 1972, p.12.
29. Kaddache M. Op. cit., p.65.
30. Дьяков Н.Н. Указ. соч., с.156.
31. Charte d'Alger. Alger, 1964, p.14.
32. Kaddache M. Histoire du nationalisme algérien. Alger, 1980, t.1, p.120.
33. Spielmann V. L'Émir Khaled. Son action politique et sociale en Algérie de 1920 à 1923. Un aspect de la question indigène. Alger, 1938, p.21.
34. Koulakssis A., Meynier G. L'Émir Khaled. Premier Zaim? Identité algérienne et colonialisme française. P., 1987, p.348.

35. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.63-65.
36. Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P., 1972, pp.188-194.
37. Бухали Л. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957, с.17.
38. Kaddache M. La vie politique à Alger, p.95; Le Parti. Alger, 1947, p.3.
39. Саадаллах Б. Указ. соч., с.377.
40. Красный Интернационал профсоюзов. М., 1926, №5(64), с.712.
41. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания Конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919-1932 гг. М., 1979, с.488.
42. Саадаллах Б. Указ. соч., с.387; Vatin J.-C. L'Algérie politique: nation et société. P., 1983, p.222.
43. Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. P., 1952, p.117.
44. Африка. Энциклопедический справочник. М., 1986, т.1, с.346.
45. Соркин Г.З. Антиимпериалистическая Лига (1927-1935). М., 1965, с.30.
46. L'Afrique française. 1927, №5, p.184; Nouschi A. Op. cit., pp.61-62.

К главе 4

1. Ланда Р.Г. Национально-освободительное движение в Алжире. М., 1962, с.17-18.
2. Liberté. Alger. 12.8.1954.
3. Новейшая история арабских стран. М., 1968, с.538.
4. Annuaire statistique de l'Algérie. 1939-1947, p.26.
5. Aron R. et autres. Les origines de la guerre d'Algérie. p.225.
6. Annuaire statistique de l'Algérie. 1929, p.141.
7. Ланда Р.Г. Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918-1931 гг., с.38.
8. Annuaire statistique de l'Algérie. 1929, p.141.
9. Ibid., 1939-1947, p.26.
10. Révolution Africaine. Alger, 1975, №591, p.10.
11. Koulakssis A., Meynier G. L'Émir Khaled..., p.54.
12. Mélia J. Le triste sort des Indigènes musulmans d'Algérie. P., 1935, pp.208-209.
13. Alleg H., Bonis J. de, Douzon H.J. La guerre d'Algérie. P., t.1, 1981, p.174.
14. Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. P., 1969, p.312.
15. Траскунова А.М. Печать алжирской революции. М., 1979, с.20.
16. Ланда Р.Г. Кризис колониального режима в Алжире. 1931-1954. М., 1980, с.185.
17. Colonna F. Instituteurs algériens: 1883-1939. Alger, 1975, p.189.
18. Mélia J. Op. cit., p.208-209; Abbas F. Op. cit., p.92; Kessous M. el-A. La vérité sur le malaise algérien. Bône, 1935, pp.3, 52, 57-58.

19. Nouschi A. Op. cit., pp.75-76; Cahiers du Bolchevisme. P., 1934, №16, pp. 943-948.
20. Nouschi A. Op. cit., p.68.
21. Турки Рабах. Шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис, его философия и деятельность в области воспитания и образования (на арабском языке). Алжир, 1969, с.111-115.
22. Alleg H., Bonis J.de, Douzon H.J. Op. cit., p.189.
23. Berque J. Op. cit., p.312.
24. L'Afrique française. 1933, №9, p.542.
25. Ланда Р.Г. Кризис колониального режима, с.144.
26. Les Mémoires de Messali Hadj. 1898-1938. P., 1982, p.171.
27. Ibid., pp.174, 196, 211, 219.
28. Alleg H., Bonis J.de, Douzon H.J. Op. cit., p.209.
29. Ibid., pp.202; Gallissot R., Badia G. Marxisme et l'Algérie. P., 1976, p.415; Sivan E. Communisme et nationalisme en Algérie. P., 1976, pp.70-85.
30. N. d'Orient et M.Loew. La question algérienne. P., 1936, pp.227-229.
31. Cahiers du Bolchevisme. 1930, №4, pp.368-369.
32. Gallisot R., Badia G. Op. cit., p.415.
33. Essai sur l'histoire du mouvement ouvrier algérien de 1920 à 1954. S.l., S.d., p.13.
34. Nouschi A. Op. cit., p.77.
35. Дюкло Ж. Мемуары. М., 1974, т.1, с.248.
36. Berque J. Op. cit., p.322-323.
37. Турки Рабах. Указ. соч., с.74-75; Kaddache M. La vie politique à Alger, p.299; Le Tourneau R., Op. cit., p.326.
38. Kaddache M. Op. cit., pp.302-303.
39. Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. P., 1952, p.118.
40. Kaddache M. Op. cit., p.350.
41. Ouzegane A. Le Meilleur Combat. P., 1962, p.185.
42. Lettrés, intellectuells et militants en Algérie..., pp.17, 20, 22, 158-164.

К главе 5

1. Ланда Р.Г. Кризис колониального режима, с.203.
2. Безыменский Л.А. Разгаданные загадки третьего рейха. М., 1984, с.28.
3. Мировое хозяйство и мировая политика. М., 1938, №3, с.81.
4. Harbi M. Aux origines du FLN: le populisme révolutionnaire en Algerie. P., 1975, p.14.
5. Гренье Ф. Из жизни французского коммуниста. М., 1977, с.270.
6. Там же, с.267.
7. Gallisot R., Badia G. Op. cit., p.94.
8. Cahiers Internationaux, 1957, №83, p.68.

9. Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции. М., 1973, с.371.
10. Schmitz-Kairo P. Frankreich in Nord-Afrika. Leipzig, 1938, s.77-78.
11. Рава Э. Северная Африка на пути к независимости. М., 1960, с.80.
12. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.102, 207.
13. Народы Азии и Африки, 1985, №1, с.64-65.
14. Serigny A.de. Échos d'Alger. P., 1972, t.1, pp.62, 67.
15. Ibid., pp.40-41.
16. Danan Y.-M. La vie politique à Alger de 1940 à 1944. P., 1963, pp.23, 32.
17. Abbas F. La nuit coloniale. P., 1962, p.138.
18. Новейшая история арабских стран. М., 1968, с.544.
19. Народы Азии и Африки, 1985, №1, с.65.
20. Aboulker M. Alger et ses complots. P., 1945, p.68.
21. Abbas F. Op. cit., p.138.
22. Paillat Cl. L'échiquier d'Alger. P., 1966, t.1, p.145.
23. Ibid., pp.157-160.
24. Ibid., pp.135-137.
25. Juin A. Mémoires: Alger-Tunis-Rome. P., 1959, p.137.
26. Danan Y.-M. Op. cit., p.16.
27. Lentin A.-P. L'Algérie des colonels. P., 1959, p.7-8.
28. Danan Y.-M. Op. cit., p.31; Esquer G. Histoire de l'Algérie. P., 1960, p.52, 66.
29. Serigny A.de. Op. cit., pp.228; Cahiers Internationaux, 1957, №83, p.70.
30. Ouzegane A. Le Meilleur Combat. P., 1962, p.94.
31. Lacouture J. Cinq hommes et la France. P., 1961, pp.278-283.
32. Naroun A. Ferhat Abbas ou les chemins de la souveraineté. P., 1961, p.84.
33. Cahiers Internationaux, 1957, №83, p.73.
34. Bénazet H. L'Afrique française en danger. P., 1947, pp.47.
35. Paillat Cl. Op. cit., p.164.
36. Revue politique et parlementaire. P., 1945, №547, p.155.
37. Danan Y.-M. Op. cit., p.2.
38. Réalités algériennes. Alger, 1953, p.126; Harbi M. Op. cit., p.16.
39. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.109, 211-212.
40. Danan Y.-M. Op. cit., p.19.
41. Duclos Y. La France et l'Algérie. P., 1955, p.6.
42. Ibid., p.7.
43. Бонт Ф. Дорога чести. М., 1949, с.321; Essai sur l'histoire du mouvement ouvrier algérien. p.7-14.
44. Danan Y.-M. Op. cit., p.127.
45. Juin A. Op. cit., p.68.
46. Де Голль Ш. Военные мемуары. М., 1960, т.2, с.55-57.
47. Paillat Cl. Op. cit., t.2, pp.126, 133.

48. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1957, т.1, с.77-78; т.2, с.43.
49. Бонт Ф. Указ. соч., с.352; Giraud, gén. Un seul but, la victoire. Alger, 1941-1944. P., 1949, p.76; Juin A. Op. cit., p.361.
50. Paillat Cl. Op. cit., pp.362-363.
51. Giraud, gén. Op. cit., p.163.
52. Ibid., p.116; De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. Le renouveau. P., 1970, p.128.
53. Giraud, gén. Op. cit., pp.117, 163.
54. Рубакин А. В водовороте событий. М., 1960, с.220.
55. Cahiers Internationaux, 1957, №83, p.78.
56. Giraud, gén. Op. cit., pp.32, 173, 283.
57. Juin A. Le Maghreb en feu. P., 1957, p.45.
58. Le Tourneau R. Op. cit., p.339.
59. Vingtième siècle. P., 1984, №4, pp.24-25.
60. Du Manifeste à la République Algérienne. Alger, 1948, pp.25-43.
61. Ibid., pp.42-43.
62. Harbi M. Op. cit., p.17.
63. Du Manifeste à la République Algérienne. Alger, 1948, pp.45-54.
64. Культура современного Алжира. М., 1961, с.35-37.
65. Oriente Moderno. Roma, 1954, №11, p.462.
66. Де Голль Ш. Военные мемуары. т.2, с.654-655.
67. Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. P., 1952, p.277.
68. Sivan E. Op. cit., p.119.
69. Khalfa B., Alleg H., Benzine A. La grande aventure d'Alger républicain. P., 1987, pp.35.
70. Vatin J.-C. L'Algérie pollitique: nation et société. P., 1983, p.212; Cahiers Internationaux, 1957, №83, p.81.
71. Julien Ch.-A. Op. cit., p.297; Sarrasin P.-E. La crise algérienne. P., 1949, p.428.
72. Du Manifeste a la République Algérienne. Alger, 1948, pp.61-63; Abbas F. Op. cit., p.150.
73. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine. De l'insurrection de 1871 au declenchement de la guerre de libération. P., 1979, t.2, p.570; Réalités algériennes, p.127.
74. Vingtième siècle. P., 1984, №4, pp.27.
75. Harbi M. Op. cit., p.20; Julien Ch.-A. Op. cit., p.301; Réalités algériennes, p.102.
76. Khalfa B., Alleg H., Benzine A. Op. cit., p.39; Sérigny A.de. Op. cit., pp.274.
77. Hanin Ch. Algérie... terre de lumière. P., 1950, p.106; Julien Ch.-A. Op. cit., p.379; Nouschi A. Op. cit., p.141; Sarrasin P.-E. Op. cit., p.12-13; Réalités algériennes, p.103-104.

78. Julien Ch.-A. Op. cit., p.304; Cahiers du Communisme. 1946, №8, p.679; Du Manifeste à la République Algérienne. p.68; Réalités algériennes, p.105; Naroun A. Op. cit., p.107.
79. Harbi M. Op. cit., p.22; Le Tourneau R. Op. cit., p.351; Initiation à l'Algérie. P., 1957, pp.305.
80. Khalfa B., Alleg H., Benzine A. Op. cit., p.37.
81. Vingtième siècle. P., 1984, №4, pp.26, 30.
82. Ibid. pp.38; Harbi M. Op. cit., p.678.
83. Vatin J.-C. L'Algérie politique: histoire et société. P., 1974, p.255; Cahiers du Communisme. 1946, №1, p.77.
84. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.130.
85. Le Tourneau R. Op. cit., p.356-358.
86. Ibid. p.357; Bénazet H. Op. cit., p.59; Harbi M. Op. cit., p.25.
87. Du Manifeste à la République Algérienne, pp.73-93.
88. Bénazet H. Op. cit., p.59; Julien Ch.-A. Op. cit., p.315; Oriente Moderno. Roma, 1954, №11, p.467.
89. Аль-Фаси А. Указ. соч., с.36; Ageron Ch.-R. Op. cit., t.2, p.582-588; Information et documentation. P., 1948, №217, p.16.
90. La République Algérienne. Alger, 16.04.1954.
91. Esprit. 1948, №10, p.541; Le Problème Algérien. Le mouvement national algérien. Alger, 1951, p.42.
92. Eveno P. L'Algérie. Sarthe, 1994, pp.21-22; Cahiers Internationaux, 1956, №77, p.138; The Islamic Review. Woking (England), 1952, July, p.32; Le Problème Algérien. Violation des libertés individuelles. Alger, 1951, pp.14-18, 40; Liberté, 2.09.1954, 29.12.1954.
93. Merle R. Ahmed Ben Bella. P., 1965, p.81; Naegelen M.-E. Mission en Algérie. P., 1962, pp.173-174.
94. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.156-160.
95. Bouhali L. Action unie sur le sol national pour une Algérie libre et independante. Hussein-Dey, 1952, pp.36.
96. Жансон К. и Ф. Указ. соч., с.136; Du Manifeste a la République Algérienne. p.119.
97. Deuxème Congrès National du Mouvement pour le triomphe des libertés démocratiques. Alger, 1953, pp.29-30.
98. Harbi M. Op. cit., pp.53-57, 125-132, 221-230.
99. Ibid., pp.98, 148; Ланда Р.Г. Указ. соч., с.237.
100. Le Tourneau R. Op. cit., p.372.
101. Abbas F. La nuit coloniale. p.189.
102. Clark M. Algeria in turmoil. New York, 1959, p.76.
103. Турки Р. Указ. соч., с.364; Fontaine P. Alger-Tunis-Rabat. Les dessous du drame nord-africain. P., 1953, p.187.
104. Courrière Y. Les fils de la Toussaint. P., 1968, pp.95-96.

К главе 6

1. Ланда Р.Г. Алжир сбрасывает оковы. М., 1961, с.46.

2. Récits du feu. Témoignages sur la guerre de liberation nationale. Alger, 1977, p.16.
3. Le Tourneau R. Op. cit., p.379.
4. Quandt W. Revolution and Political Leadership: Algeria. 1954-1968. Cambridge (Mass.), 1969, p.92.
5. Ланда Р.Г. История алжирской революции. 1954-1962. М., 1983, с.39-40.
6. Quandt W. Op. cit., p.93; Soustelle J. Aimée et soufrante Algérie. P., 1956, p.224.
7. Уболди З. Запрещенный репортаж. М., 1959, с.87-88.
8. Récits du feu. pp.28-29.
9. Тауфик аль-Мадани А. Жизнь в борьбе (на араб. яз.). Алжир, 1978, ч.2, с.412; Courrière Y. Le temps de Léopards. P., 1969, p.76.
10. Bromberger S. Les rebelles algérienns. P., 1958, p.70.
11. Courrière Y. Op. cit., p.211-214.
12. De l'ALN a l'ANP. Alger, 1974, p.100.
13. Жансон К. и Ф. Указ. соч., с.235-237, 241; Аль-Ахрам (на араб. яз.) Каир, 20.01.1956.
14. Ланда Р.Г. Алжир сбрасывает оковы. с.63-64, 67-68.
15. Ланда Р.Г. История алжирской революции. с.61-62.
16. Merle R. Ahmed Ben Bella. P., 1965, p.94.
17. Les Mémoires de Messali Hadj. P., 1982, pp.14, 267, 290-296, 307, 311, 313.
18. Жансон К. и Ф. Указ. соч., с.297.
19. Алжирский народ победит (брошюра АКП) М., 1961, с.38.
20. Там же, с.33; Аллег А. Бойцы в плену. М., 1962, с.58-197.
21. Alleg H., de Bonis J., Douzon H.J. et aut. La guerre d'Algérie. P., 1981, t.II, pp.11-112.
22. Teguia M. L'Algérie en guerre. Alger [1981], pp.276, 293.
23. Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость (брошюра АКП). М., 1961, с.29; L'ère des dècolonisations. Actes du colloque d'Aix-en-Provence. P., 1995, pp.58-59.
24. El Moudjahid. Tunis. 19.09.1958; L'ère des dècolonisations, p.61.
25. Кондратьев Г.С. Армия алжирской революции. М., 1979, с.53; L'ère des dècolonisations, p.61.
26. Аль-мукавама аль-джазаирийя (Алжирское сопротивление). Тунис. 15.11.1956, 18.03-18.04 1957 (на араб. яз.); El Moudjahid (numero spécial). 1957, p.14-16, 22-30; L'ère des dècolonisations, p.60.
27. Alleg H., de Bonis J., Douzon H.J. et aut. Op. cit., p.194.
28. Pečar Z. Alžir do nezavisnosti. Beograd, 1967, str.758-759.
29. Merle R. Ahmed Ben Bella. p.113.
30. Francos A., Séréni J.-P. Un Algérien nommé Boumediène. P., 1976, p.66.
31. Charte d'Alger. Alger. 1964, p.29.

32. Revue de défense nationale. P., 1958, №1, p.22.
33. Heggoy A.A. Insurgency and Counterinsurgency in Algeria. Bloomington-London, 1972, pp.111-127.
34. Новейшая история арабских стран. 1968, с.555; L'ère des dècolonisations, p.62-64.
35. Аргентов В.А. Алжир на новом пути. М., 1982, с.19; Позднее в Алжире были опубликованы совершенно иные цифры потерь: 152863 "военных и гражданских борцов", в том числе 71395 солдат и офицеров АНО (L'ère des dècolonisations, p.65).
36. Clark M. Op. cit., p.124; Gillespie J. Algeria: Rebellion and Revolution. London, 1960, p.147.
37. Revue politique et parlementaire. 1956, №656, p.331.
38. Alleg H., de Bonis J., Douzon H.J. et aut. Op. cit., pp.38, 268.
39. Ibid., p.485.
40. Bromberger S. Les rebelles algériens. P., 1958, p.107.
41. Heggoy A.A. Insurgency and Counterinsurgency in Algeria. Bloomington-London, 1972, pp.160.
42. Ланда Р.Г. История алжирской революции. с.94; По данным Ш.-Р.Ажерона, всего в Алжире французская армия потеряла около 25 тыс. чел., в том числе 3,5 тыс. служивших в ее рядах алжирцев (L'ère des dècolonisations, p.65).
43. Проблемы мира и социализма. 1965, Прага, №1, с.55.
44. Kapuscinski R. Gdyby cała Afrika... Warszawa, 1971, p.252; Bourdieu P., Sayad A. Le déracinement. P., 1964, p.13; Problémes de l'Algérie independante. P., 1963, p.9.
45. Нерушимая дружба и братство. М., 1964, с.52.
46. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine (1830-1973). P., 1974, p.105.
47. Le Tourneau R. Op. cit., p.412.
48. Kelly J.A. The Lost Soldiers. Cambridge (Mass.) , 1965, p.117.
49. Heggoy A.A. Op. cit., pp.112, 121-122.
50. Faucher J.A. L'Algérie rebelle. P., 1957, p.202.
51. Генчев Н. Алжирската национална революция. София, 1967, с.172.
52. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.112.
53. Essai sur la Nation Algérienne (edition PCA). 1958, p.20.
54. История Франции. М., 1973, т.3, с.405.
55. De Sérigny A. La révolution du 13 mai. P., 1958, pp.131, 166-168.
56. De Sérigny A. Echos d'Alger. P., t.2, 1974, pp.288, 293.
57. Lebjaoui M. Verités sur la révolution algérienne. P., 1970, p.155.
58. Les archives de la révolution algérienne. Sous la direction de M.Harbi. P., 1981, pp.178-179.
59. Lebjaoui M. Op. cit., p.145.
60. De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. P., 1970, p.44.
61. История Франции. М., 1973, т.3, с.427; Черкасов П.П. Агония империи. М., 1979, с.113.

62. De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. P., 1970, p.42.
63. Alleg H., de Bonis J., Douzon H.J. et aut. Op. cit., pp.30-38.
64. Дюкло Ж. Мемуары. М., 1975, т.2, с.263.
65. De Sérigny A. Op. cit., p.331.
66. История Франции, т.3, с.427.
67. De Sérigny A. Op. cit., pp.296-297; Eveno P. L'Algérie, p.27; Cahiers Internationaux, 1958, №98, p.23.
68. De Gaulle Ch. Op. cit, p.49.
69. Генчев Н. Указ. соч., с.214.
70. Кондратьев Г.С. Указ. соч., с.107.
71. Ланда Р.Г. История алжирской революции. с.121-122.
72. Le Monde, 25.10.1958.
73. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.127-129.
74. La Pensée. P., 1958, №84, p.15.
75. Purtschet Ch., Valentino A. Sociologie electorale en Afrique du Nord. P., 1966, pp.79-89; Journal d'Alger. Alger. 28.04.1959, 30.05.1959, 29-31.05.1960.
76. История Франции, т.3, с.428.
77. Кондратьев Г.С. Указ. соч., с.121.
78. Ланда Р.Г. Алжир сбрасывает оковы. с.112.
79. Paris Jour. 5.09.1960. Данные этой газеты расходятся с цифрами, приведенными Ш.-Р.Ажероном в 1993 г. на коллоквиуме в Экс-ан-Провансе и названными выше (см. сноску №24).
80. Ланда Р.Г. История алжирской революции. с.146-147; Teguia M. Op. cit., pp.450-451.
81. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.147-148, 245.
82. Francos A., Séréni J.-P. Un Algérien nommé Boumediène. P., 1976, p.87-88.
83. Eveno P. Op. cit., p.29.
84. L'ère des dècolonisations, p.61, 64; El Moudjahid. Tunis. 19.12.1960; L'Humanité. 13-16.12.1960.
85. Правда. 17.12.1960.
86. L'Humanité. 6.07.1964.
87. Генчев Н. Указ. соч., с.267-269.
88. El Moudjahid. Tunis. 19.03.1962; L'Humanité. 19.03.1962.
89. Francos A., Séréni J.-P. Op. cit., p.102.
90. Merle R. Op. cit., p.128.
91. Черкасов П.П. Указ. соч., с.232-239.
92. Duchemin J. Histoire du FLN. P., 1962, p.275.
93. Генчев Н. Указ. соч., с.277.
94. Pečar Z. Op. cit., str.552.
95. L'Humanité. 21.05.1962.
96. Генчев Н. Указ. соч., с.286.
97. Courrière Y. Les feux du désespoir. P., 1971, p.25; Gordon D. The passing of French Algeria. London, 1966, p.69.
98. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.187.

99. Le Monde. 20.04.1962.
100. Opluštil V. Zakruty alžirske revoluce. Praha, 1966, str.44.
101. Time. Chicago. 20.09.1963.
102. El Moudjahid. 11.04.1962.
103. Национальная Хартия Алжирской Народной Демократической Республики. М., 1979, с.24.
104. Alger républicain. Alger, 2-3.09.1962.
105. Ланда Р.Г. Указ. соч., с.198.

К главе 7

1. Аргентов В.А. Алжир на новом пути. М., 1982, с.22; Le Peuple. Alger, 17.04.1964.
2. Alger républicain. Alger, 2.09.1962.
3. Ахбар аль-Яум (на араб. яз.). Каир, 31.03.1962.
4. Аргентов В.А. Указ. соч., с.25.
5. Бен Белла Ахмед. Речи и выступления. М., 1964, с.73.
6. Le Monde. 20-21.06.1965.
7. За рубежом. М., 17.11.1962, с.26; Les Arabes, du Message a l'Histoire. Mesnil-sur-l'Estrée. 1995, pp.569.
8. Аргентов В.А. Указ. соч., с.25; Бен Белла Ахмед. Указ. соч., с.77.
9. Бен Белла Ахмед. Указ. соч., с.77.
10. Carlier O. Entre Nation et Jihad. Histoire sociale des radicalismes algériens. P., 1995, pp.313.
11. Бен Белла Ахмед. Указ. соч., с.77.
12. Народы Азии и Африки. 1965, №4, с.14-15.
13. Time. Chicago. 20.09.1963, p.4.
14. Бен Белла Ахмед. Указ. соч., с.47.
15. Merle R. Ahmed Ben Bella. p.152.
16. Drapeau Rouge. Bruxelles. 8.10.1963.
17. Alger républicain. Alger, 29-30.07.1962.
18. Quandt W.B. Revolution and Political Leadership: Algeria. 1954-1968. Cambridge (Mass.), 1969, p.167.
19. Discours du président Boumediène. Alger, 1975, t.IV, p.72.
20. Конституции государств Африки. М., 1966, т.2,с.7-14.
21. Démocratie Nouvelle. P., 1965, №6, p.91.
22. Alger républicain. Alger, 24.11.1964.
23. Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990, с.234.
24. Бен Белла Ахмед. Указ. соч., с.152; La révolution socialiste triomphera en Algérie. ed. PAGS, p.53.
25. Charte d'Alger. Alger. 1964, pp.39-42, 170.
26. Нерушимая дружба и братство. М., 1964, с.48.
27. Humbaraci A. Algeria: a Revolution that failed. London, 1966, p.92.
28. Bourgès H. L'Algérie a l'épreuve du pouvoir. P., 1967, p.94.
29. Buy F. La République Algérienne Démocratique et Populaire. P., 1965, p.53.

30. Нерушимая дружба и братство. М., 1964, с.49.
31. Démocratie Nouvelle. P., 1965, №6, p.65.
32. France Nouvelle. P., 23-29.06.1965.
33. Аль-Ахрам (на араб. яз.). Каир, 9.07.1965.
34. Merle R. Op. cit., pp.181-182.
35. Guerin D. L'Algérie caporalisée. P., 1965, p.2
36. Аль-Ахрам (на араб. яз.). Каир, 9.07.1965; Révolution Africaine. Alger, 1965, №1, p.3.
37. Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990, с.236-237.
38. Le Monde, 13.07.1965.
39. Bourgès H. Op. cit., pp.118-119.
40. La révolution socialiste triomphera en Algérie. S.l., S.d., p.55.
41. Khalfa B., Alleg H., Benzine A. La grande aventure d'Alger républicain. P., 1987, p.245.
42. Annuaire de l'Afrique du Nord. Aix-en-Provence. 1966, t.IV, pp.627-629.
43. Drapeau Rouge. Bruxelles. 28.06.1965; Le Figaro. 1-5.07.1965; L'Humanité. 24.06.1965.
44. Hadj Ali, Bachir. L'arbitraire. P., 1966, p.16-18; El Moudjahid. 25.09.1965; Le Monde. 23-25.09.1965.

К главе 8

1. Le Monde. 1.07.1965.
2. Ланда Р.Г. Алжир на распутье: от Бен Беллы к Бумедьену (Специальный бюллетень №8/113 ИВАН СССР) М., 1970, с.134.
3. Новейшая история арабских стран Африки. 1990, с.238.
4. Annuaire de l'Afrique du Nord. Aix-en-Provence. 1966, t.IV, pp.634-657.
5. Известия, 25.05.1968; Правда, 1.11.1968; Journal officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire (JORADP), Alger, 1966, №№36, 43,60; 1968, №№39, 41,48,61.
6. Humbaraci A. Op. cit., p.119; El Moudjahid, 22.03.1968.
7. Народы Азии и Африки. 1970, №1, с.18.
8. Правда. 24.03.1969.
9. Algérie 19 juin 1965. Alger, 1965, p.38.
10. Ланда Р.Г. Алжир на распутье... с.176.
11. Bourgès H. Op. cit., p.189.
12. Algérie 19 juin 1965. Alger, 1965, pp.89-90.
13. Ibid., pp.9-11; Démocratie Nouvelle. P., 1968, №3, p.65; Humanité-Dimanche, 4.07.1965.
14. Алжир (справочник). М., 1977. с.76-77.
15. Аргентов В.А. Указ. соч., с.32.
16. Новейшая история арабских стран Африки. 1990, с.239-240.
17. Арабский мир: три десятилетия независимого развития. М., 1990, с.237; Révolution Africaine. 1981, №903, p.18.

18. История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992, с.252.
19. Аргентов В.А. Указ. соч., с.39.
20. Révolution Africaine. 1980, №830, p.17.
21. El Moudjahid, 31.10.1974.
22. Национальная Хартия Алжирской Народной Демократической Республики. М., 1979, с.5-6.
23. Там же, с.19-111.
24. Конституция Алжирской Народной Демократической Республики – приложение к справочнику "Алжир". М., 1977, с.313-341; Humanité, 12.06.1967.
25. Аргентов В.А. Указ. соч., с.36-37.
26. Подробнее см. Discours du président Boumediune. Alger, 1975, tt.IV-V, Alger-Constantine, 1975; Balta P., Rulleau C. La stratégie de Boumediène. P., 1978; Les citations du président Boumediène. Alger, 1975.
27. Carlier O. Op. cit., p.321; Peuples Méditerranéens. P., 1984, №27-28, pp.223-224.
28. Le Monde. 28.12.1978.
29. Eveno P., L'Algérie. Sarthe, 1994, pp.67-68; Jeune Afrique, 1979, №944, p.16; L'Humanité. 31.01.1979.
30. Révolution Africaine. 1979, №804, pp.14-18; 1980, №855, pp.23-30.
31. Шадли Бенджадид. Речи президента (на араб. яз.). Алжир, 1980, с.59: Benissad M.E. Économie du développment de l'Algérie. 1962-1982. P., 1982, pp.20, 308-309; Eveno P. Op. cit., p.92.
32. Eveno P. Op. cit., p.68.
33. Ibid., pp.68-69; Balta R., Rulleau C. L'Algérie des Algériens vingt ans après. P., 1981, pp.50-51.
34. Новейшая история арабских стран Африки. 1990, с.250.
35. L'Algérie en quelques chiffres. Alger, 1982, p.13.
36. The Middle East and North Africa 1978-1979. London, 1979, p.371.
37. Послание президента республики молодежи по поводу 5 июля (на араб. яз.). [Алжир, 1984], с.9.
38. Monthly Bulletin of Statistics. Bangkok, 1979, pp.107-115.
39. Смирнов И.К. Алжир: индустриализация и социально-экономический прогресс. М., 1981, с.145, 152.
40. Annuaire Statistique de l'Algérie. 1980, Alger [1981], p.81.
41. Révolution Africaine. 1980, №837, p.21.
42. Комар В.И. Идейно-политическое развитие ФНО Алжира (1954-1984). М., 1985, с.125.
43. Новейшая история арабских стран Африки. 1990, с.247.
44. Labat S. Les islamistes algériens. P., 1995, pp.27-32; Peuples Méditerranéens, 1990, №52-53, p.233; El Moudjahid, 19.03.1985; Révolution Africaine, 1983, №1028, p.27.
45. Комар В.И. Указ. соч., с.116.
46. Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991, с.17.
47. Révolution Africaine. 1984, №1036, p.18.

48. Брук С.И. Население мира. М., 1986, с.462.
49. L'Algérie en quelques chiffres. Alger, 1982, p.8.
50. Marchés tropicaux et méditerranéens. P., 1982, №1895, p.829.
51. Révolution Africaine. 1982, №947, p.17.
52. История Алжира в новое и новейшее время, с.267-268; Révolution Africaine. 1983, №1034, p.15.
53. Révolution Africaine. 1985, №1122, p.21; 1986, numero spécial, pp.43-47.
54. Ланда Р.Г. Алжир на распутье..., с.175.
55. Мельянцев В.А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с.101.
56. Balta R., Rulleau C. L'Algérie des Algériens vingt ans après, pp.146-148; Labat S. Op.cit., pp.44-45.
57. Carlier O. Op. cit., pp.347-348.
58. Ibid., pp.333-334.
59. Algérie — Actualité. Alger, 8-14.10.1981, pp.4-5.
60. L'Humanité. 6.06.1981.
61. Le Monde. 28.05.1984.
62. За рубежом, 1988, №43, с.15.
63. Dejeux J. Identité nationale, idéologie arabo-islamique et revendication berbérophone en Algérie. Turku (Finlande), 1983, p.29.
64. El Moudjahid, 9.10.1976.
65. Le Printemps Berbère. P., 1981, p.408.
66. El Moudjahid, 21.12.1983.
67. Hadjeres S. Culture, Indépendance et Révolution en Algérie. P., 1981, p.86.
68. Annuaire de l'Afrique du Nord. P., 1973, p.98; Révolution Africaine. 1979, №776, p.59; El Moudjahid, 29.02.1980.
69. Шпажников Г.А. Религии стран Африки. М., 1981, с.55; Roy O. Généalogie de l'islamisme. P., 1995, pp.37-38.
70. Marchés tropicaux et méditerranéens. P., 1984, №2010, p.1246.
71. Islam: State and Society. London-Riverdale, 1988, p.191; Maghreb-Machreq. P., 1980, №88, p.60.
72. Аш-Шааб (на араб. яз.), Алжир, 4-5.04.1981.

К главе 9

1. Les Arabes, du Message à l'Histoire, pp.575-576.
2. Le Monde. 16.11.1987.
3. Eveno P. Op. cit., p.69.
4. Nouvel Observateur, 1988, №2228, p.45.
5. Ibid., p.47; За рубежом, 1988, №43, с.15; Правда, 24.11.1988.
6. Saût el Cha'b, 14.9.1988.
7. Halte au massacre en Algérie (Parti de l'Avant-Garde Socialiste d'Algérie. Emigration, le 9 octobre 1988); Patriotes, agissons tous ensemble. Alger, le 10 octobre 1988, Parti de l'Avant-Garde

Socialiste; L'Express, P., 1988, №1722, pp.54-56; Nouvel Observateur, P., 1988, №2228, p.42.
8. L'Express, P., 1988, №1722, p.60; Nouvel Observateur, №2228, p.40.
9. Правда, 12.10.1988; Patriotes, agissons tous ensemble...; Communique de la Prèsidence de la République. Alger, 1988.
10. 6-ème Congrès du Front de Liberation Nationale. Alger, 27-28.11. 1988, pp.1-20; El Moudjahid, 30.10.1988 – 30.03.1989.
11. Азия и Африка сегодня. 1991, №12, с.27; Roy O. Généalogie de l'islamisme, pp.79-80; El Moudjahid, 13-18.03.1989.
12. El Moudjahid, 28.11.1988.
13. Русская мысль. Париж, 2.02.1990; El Moudjahid, 9.07.1990.
14. Национализм и "национальный социализм" в арабских странах: теория и практика. М., 1996, с.84, 89; Eveno P. Op. cit., p.86; Le Monde. 30.10.1990.
15. Правда, 13.06.1990; Al Bayane. Casablanca, 2.06.1990.
16. El Moudjahid, 25.06-1.07.1990.
17. Правда, 17.06.1990; Le Monde. 12.07.1990.
18. Правда, 30.09.1990; Le Monde. 14-21.07, 28.09.1990.
19. El Moudjahid, 30.09.1990; Le Monde, 26.07-28.09.1990.
20. Известия, 18.10.1990; Правда, 11.02.1991.
21. Азия и Африка сегодня, 1991, №12, с.29; Восток, 1993, №1, с.146; Algérie – Actualité. Alger, 30.02.1991, p.3.
22. Азия и Африка сегодня, 1991, №12, с.29; Maghreb-Machreq, 1990, №1286, p.78; El Moudjahid, 10.03.1991.
23. Восток, 1993, №1, с.146-147; Burgat F. L'islamisme en face. P., 1995, pp.158-159.
24. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: три года на грани гражданской войны. М., 1995, с.23; Le Monde, 8.10.1988.
25. Восток, 1993, №1, с.147; El Moudjahid, 5.05.1992.
26. Восток, 1993, №1, с.146-147; Burgat F. Op. cit., p.159.
27. Правда, 22.02.1992.
28. Eveno P. Op. cit., p.128; Le Monde, 1.06.1993; El Moudjahid, 23.11.1993.
29. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.16-22; Burgat F. Op. cit., p.165; Le Monde, 1.06.1993; El Moudjahid, 4.04.1992.
30. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.27-40; Labat S. Op. cit., p.323; Le Monde, 1.06.1993.
31. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.16-19, 40, 47-49; Правда, 30.07.1992; Известия, 30.06-3.07.1992; Labat S. Op. cit., p.266.
32. Eveno P. Op. cit., pp.89, 127; Labat S. Op. cit., p.224-225; Le Monde, 8.05.1993.

К главе 10

1. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.52-53; Известия, 9.07.1992.
2. Eveno P. Op. cit., pp.86, 92; Арабский мир. М., 1993, №2, с.6; За рубежом, 1993, №15, с.2; Известия, 9.07.1993.
3. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.61-65.
4. Там же, с.69-70; Известия, 16.11.1995; Eveno P. Op. cit., pp.181-185; Carlier O. Op. cit., p.388.
5. Национализм и "национальный социализм" в арабских странах: теория и практика. М., 1996, с.101-102; Сегодня, 24.08.1993; Eveno P. Op. cit., pp.138-139; Le Monde, 13.07.1993.
6. Сегодня, 24.08.1993; Eveno P. Op. cit., pp.92-97; Le Monde, 30.11.1993.
7. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.73; El Moudjahid, 18.09.1993; Le Monde, 25.01.1994.
8. El Moudjahid, 27.01-5.02.1994; Le Monde, 29.10.1993.
9. Labat S. Op. cit., p.244-249; Le Figaro, 30.03.1994; Le Monde, 30.03-1.04.1994.
10. Азия и Африка сегодня, 1995, №1, с.20-22; Известия, 29.03.1995 и 19.06.1997; Le Monde, 11.08.1993, 1.04.1994; Monde Diplomatique, 1994, №479, p.1.
11. Eveno P. Op. cit., pp.92, 100-107; El Moudjahid, 23.12.1993, 2.03.1994; Le Monde, 30.11.1993.
12. Известия, 14.07-6.08.1994, 28-29.12.1994, 19.06.1997.
13. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.40, 65, 69; Азия и Африка сегодня, 1995, №7, с.36-39; Известия, 20.06.1997; Labat S. Op. cit., pp.326-330; Le Monde, 8.02.1994.
14. Азия и Африка сегодня, 1995, №7, с.39; Labat S. Op. cit., pp.285-286, 330-332; La Croix, 21.01.1995.
15. Известия, 16-18.11.1995; Le Figaro, 25.1.1994; Monde Diplomatique, 1994, №479, p.1.
16. Азия и Африка сегодня, 1995, №7, с.32; Известия, 24.08-5.11.1995; Labat S. Op. cit., pp.332; Le Monde, 11.05.1996.
17. Carlier O. Entre Nation et Jihad, pp.382, 389; Burgat F. L'islamisme en face, pp.160-162, 171-175; Les Arabes, du Message à l'Histoire, p.617; Le Figaro, 25-26.05.1996.
18. Le Figaro, 22.05.1996; Le Monde, 7-31.05.1995.
19. Carlier O. Op. cit., pp.18-28; Le Monde, 14-15.05.1995.
20. Roy O. Généalogie de l'islamisme. P., 1995, pp.91-92, 96-100.
21. Азия и Африка сегодня, 1993, №12, с.33-34; Известия, 24.08-5.11.1995; Labat S. Op. cit., pp.90-94, 97, 227-231.
22. Азия и Африка сегодня, 1995, №7, с.39; Burgat F. Op. cit., pp.161-162; Monde Diplomatique, 1994, №479, p.1; Le Monde, 19-20.05.1996.

23. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Указ. соч., с.75-77; Les Arabes, du Message à l'Histoire, pp.581-585; Labat S. Op. cit., pp.292-299.
24. Ambassade d'Algérie en federation de Russie. №58/Amb/96/IE; Texte du projet de revision de la Constitution. Referendum du 28 novembre 1996, pp.5-52.
25. Известия, 03.09.1997; Русская мысль. Париж, 04.09-23.10.1997; Resumé de l'actualité nationale. Alger, 07.06.1997, APS, p.1.
26. Известия. 29.07-03.09.1997; Независимая газета, 13.01.1998; Русская мысль, 15.01-04.03.1998..

К главе 11

1. Шведов А.А., Подцероб А.Б. Советско-алжирские отношения. М., 1986, с.18-25; Правда, 31.05.1991.
2. Fetissov B. URSS-Maghreb: la cooperation se renforce. M., 1979, pp.11-12.
3. Бухали Л. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957, с.15.
4. Шведов А.А., Подцероб А.Б. Указ. соч., с.31.
5. Вавилов Н.И. Пять континентов. Ленинград, 1987, с.125-126.
6. Шведов А.А., Подцероб А.Б. Указ. соч., с.32-33.
7. Du Manifeste a la République Algérienne. p.119.
8. Жансон К. и Ф. Алжир вне закона, с.129-137.
9. Правда, 11.02.1957, 15.03.1958.
10. Комсомольская правда, 19.06.1958; Труд, 5.04.1959; Правда, 17.09.1958.
11. Советско-арабские дружественные отношения. М., 1961, с.139-140.
12. Шведов А.А., Подцероб А.Б. Указ. соч., с.40-41; L'Avant-garde. P., 1961, №297; Daily Telegraph, 5.10.1960.
13. Favrod Ch.-H. La révolution algérienne. P., 1959, p.108; Zartman W. Goverment and Politics in Northern Africa. New York. 1963, p.47; Le Figaro, 1.07.1962.
14. Бен Белла Ахмед. Речи и выступления, с.9, 176; Шведов А.А., Подцероб А.Б. Указ. соч., с.78-79.
15. Новиков М., Сгибнев А. Подвиг на земле Алжира. М., 1965, с.11-118; Шведов А.А., Подцероб А.Б. Указ. соч., с.84.
16. Шведов А.А., Подцероб А.Б. Указ. соч., с.81-82, 85; Révolution Africaine. 1971, №378, pp.5-6.
17. Визит Шадли Бенджедида в Советский Союз. М., 1981, с.10-11, 14-15; Правда, 10.06.1981; Fetissov B., Op. cit., p.71.
18. Аргентов В.А. Алжир на новом пути, с.60-61; Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. с.14-15; История Алжира в новое и новейшее время, с.342-344.
19. Новейшая история арабских стран Африки. 1990, с.253-256; Fetissov B. Op. cit., pp.70-75; El Moudjahid, 25-31.10.1983.

20. Известия, 25.01.1992; 20.06.1997; Правда, 31.05.1991, 22.02.1992, 11.09.1992.
21. Известия, 11.12.1993, 6.08.1994; 20.06.1997; Eveno P. Op.cit., p.92; Le Monde, 30.03.1994.
22. Известия, 20-21.06.1997.

К заключению

1. Chevallier J. Nous, Algériens... P., 1958, pp.12-19, 187; Journal d'Alger. Alger, 4.03.1960.
2. Прожогина С.В. Франкоязычная литература стран Магриба. М., 1973, с.32-33; Gordon D. North Africa's French Legacy. Cambridge, 1962, p.47.
3. Gordon D. The Passing of French Algeria. London, 1966, pp.29-30; Redon F. L'Algérie en 1930. Alger, 1930, p.129; Tous Algériens. Tunis, 1961, pp.3-10.
4. Thorez M. Oeuvres. P., t.16, 1951, pp.183-184; Réalité algérienne et marxisme. Alger, 1958, №2, p.16.
5. Алжир (справочник). 1977, с.17.
6. Аргентов В.А. Указ.соч., с.42; Африка: культура и общественное развитие. М., 1984, с.9; L'Algérie en quelques chiffres. Alger, 1982, p.8; Viratelle G. L'Algérie algérienne. P., 1970, p.241.
7. Eveno P. Op. cit., p.92; Language Problems of Developing Nations. New York, 1968, p.134.
8. Annuaire Statistique de l'Algérie. 1980, Alger. 1981, p.349; Eveno P. Op.cit., p.147.
9. El Moudjahid, 28.11.1984.
10. Куприн А.И. Франция и страны Магриба. М., 1980, с.34, 39.
11. Национальная Хартия Алжирской Народной Демократической Республики, с.76; El Moudjahid, 28.0.8.1970.
12. Ланда Р.Г. Страны Магриба: Общество и традиции. М., 1988, с.33; Les citations du président Boumediène. Alger, 1975, p.64.
13. Русская мысль, 17.04-10.09.1997.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

1902 г. — создание в г.Алжир ассоциации "Рашидийя"
1907-1912 гг. — возникновение в городах страны "Кружка Салах-бея", "Садыкийи" и других обществ младоалжирцев
1908 г. — лидеры младоалжирцев Бентами и Бен Брихмат избраны в муниципалитет г.Алжир
1911 г. — начало издания газеты "Рашиди"
1914 г. — восстание в Бени Шугран и Милиане
1915 г. — восстание в Аурссе
1916 г. — образование в Берлине Комитета за независимость Алжира и Туниса
1915-1917 гг. — планы Клемансо-Лейга и Альбэна Розэ
1919 г. — реформа колониального режима
1919-1923 гг. — деятельность эмира Халида
1920 г. — рождение первых секций коммунистов в Алжире
1926 г. — образование Североафриканской Звезды (САЗ)
1927 г. — возникновение Федерации туземных избранников (ФТН)
1930 г. — столетие завоевания Алжира
1931 г. — создание Ассоциации алжирских улемов-реформаторов
1934 г. — оформление коммунистов в самостоятельную партию (АКП)
1936 г. — Народный фронт и Мусульманский конгресс в Алжире
1937 г. — реорганизация САЗ в Партию алжирского народа (ППА)
1938 г. — распад Мусульманского конгресса
1939 г. — запрещение АКП и ППА
1940 г. — поражение Франции и режим Виши в Алжире
1942 г. — оккупация Алжира союзными войсками и "Послание мусульманских представителей"
1943 г. — Манифест алжирского народа и Проект реформ. Образование в Алжире Французского комитета национального освобождения
1944 г. — Ассоциация "Друзья Манифеста и свободы". Переезд Временного правительства Франции из Алжира в Париж
1945 г. — Майское восстание в Алжире. Выборы в Учредительное собрание Франции
1946 г. — создание Демократического Союза Алжирского Манифеста (УДМА) и его проект автономии Алжира. Образование на базе ППА Движения за торжество демократических свобод (МТЛД)
1947 г. — Органический статут Алжира
1948 г. — фальсификация выборов в Алжирское собрание и наступление колониальной реакции
1950 г. — разгром Специальной Организации (ОС)
1951 г. — Алжирский фронт защиты и уважения свободы
1953-1954 гг. — раскол МТЛД на "мессалистов" и "централистов"
1954 г. — создание Фронта национального освобождения (ФНО) и начало алжирской революции
1954-1955 гг. — запрещение политических партий и присоединение их к ФНО
1956 г. — съезд ФНО в Суммаме. Первый программный документ ФНО — Суммамская платформа. Арест зарубежных лидеров ФНО во главе с Бен Беллой

1957 г.	— "Битва за город Алжир". Гибель Ларби Бен Мхиди и Аббана Рамдана
1958 г.	— Конференция в Танжере и первый мятеж "ультра" в мае. Приход де Голля к власти и формирование в эмиграции Временного правительства Алжирской Республики (ВПАР)
1959 г.	— признание де Голлем права Алжира на самоопределение
1960 г.	— второй мятеж "ультра" ("неделя баррикад") в январе и "второе дыхание" революции в декабре
1961 г.	— Апрельский путч генералов и начало переговоров в Эвиане. Террор "Организации секретной армии" (ОАС) в Алжире и во Франции
1962 г.	— Эвианские соглашения и крах ОАС. Триполийская программа ФНО, референдум о независимости и провозглашение Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР)
1963 г.	— Мартовские декреты о введении самоуправления на предприятиях и фермах, брошенных европейцами. Утверждение в августе первой конституции АНДР. Избрание в сентябре Бен Беллы президентом
1964 г.	— съезд ФНО в апреле и принятие Алжирской Хартии. Государственный визит первого президента АНДР в СССР. Разгром ФСС и пленение Айт Ахмеда
1965 г.	— переворот 19 июня и замена Бен Беллы Революционным советом во главе с Хуари Бумедьеном
1966 г.	— создание в январе Партии социалистического авангарда (ПСА). Национализация шахт и рудников
1967 г.	— попытка переворота Тахара Збири и назначение Ахмеда Каида "ответственным за партию"
1968 г.	— национализация промышленности и банков, принадлежавших иностранному капиталу
1969 г.	— Хартия вилай и выборы в народные собрания вилай
1970 г.	— Хартия аграрной революции. Начало 1-го четырехлетнего плана развития
1971 г.	— национализация нефти и газа. Введение Хартии социалистического управления предприятиями
1972 г.	— первая фаза аграрной реформы. Отстранение Ахмеда Каида от руководства партаппаратом ФНО
1973 г.	— Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире. Арабское совещание в верхах в Алжире
1974 г.	— национализация последних иностранных кампаний в Алжире. Начало борьбы Алжира "за новый мировой экономический порядок"
1976 г.	— Национальная Хартия и новая конституция АНДР. Роспуск Революционного совета и избрание Бумедьена президентом АНДР
1977 г.	— выборы в Национальное народное собрание
1978 г.	— смерть Хуари Бумедьена
1979 г.	— Четвертый съезд ФНО. Избрание Шадли Бенджедида генеральным секретарем ФНО и президентом АНДР
1980 г.	— реорганизация ФНО и начало пересмотра экономической политики. Освобождение Бен Беллы
1981 г.	— визит Шадли в СССР. Подтверждение руководством ФНО ведущей роли госсектора. Первые стычки с исламистами

1982 г.	— Съезд профсоюзов Алжира. Конференция прогрессивных сил Средиземноморья в Алжире. Массовые аресты исламистов
1983 г.	— визит в СССР делегации ФНО во главе с М.-Ш.Месаадией. Пятый съезд ФНО
1984 г.	— курс на привлечение "национального неэксплуататорского капитала"
1985 г.	— визиты Шадли в США и Месаадии в СССР. Внеочередной съезд ФНО и утверждение новой "менее социалистической" редакции Национальной Хартии
1986 г.	— последний визит Шадли в СССР. Беспорядки в Константине, организованные исламистами
1987 г.	— визит Месаадии в СССР. Студенческие волнения в Алжире. Встреча Шадли-Хасан II.
1988 г.	— подтверждение "договора братства и согласия" с Тунисом в ходе визита в Алжир нового тунисского лидера Бен Али. Молодежный бунт и его подавление армией. Ноябрьский референдум об изменениях в конституции. Переизбрание Шадли президентом на третий срок
1990 г.	— победа ИФС на муниципальных выборах. Возвращение Бен Беллы в Алжир
1991 г.	— Июньские столкновения в столице, смена правительства и арест лидеров ИФС. Победа ИФС в первом туре выборов в парламент
1992 г., январь	— отставка президента Шадли, аннулирование выборов в парламент и образование Высшего государственного совета (ВГС) во главе с Мухаммедом Будиафом
февраль	— начало вооруженной борьбы ИФС и алжирской армии
апрель	— создание Национального консультативного совета (НКС)
июнь	— убийство Будиафа
июль	— Али Кяфи во главе ВГС, Белаид Абд ас-Салям во главе правительства
1993 г., июль	— назначение генерала Мухаммеда Лиамина Зеруаля министром обороны
август	— Реда Малек во главе правительства. Убийство Касди Мербаха
октябрь	— начало террора против иностранцев в Алжире
1994 г. январь	— платформа политических действий Национальной конференции
февраль	— избрание Зеруаля временным президентом Алжира
март	— выступление США с критикой политики правительства Алжира
апрель	— замена Малека на посту премьера М.Сиффи. Девальвация динара, либерализация цен и внешней торговли в обмен на кредит МВФ в 1 млрд. долларов
октябрь	— новый подъем берберистского движения
ноябрь	— первая встреча политических партий Алжира в Риме
1995 г., январь	— вторая встреча партий Алжира в Риме
март	— крупная операция алжирской армии на западе Алжира, ликвидировавшая несколько сот исламистов
июнь	— манифестации в поддержку диалога в Риме. Призыв резервистов в алжирскую армию
ноябрь	— победа Зеруаля на всенародных выборах — первых в Алжире с 1991 г.

1996 г., май — план президента Зеруаля на 1997 г.: замена мажоритарного голосования на выборах пропорциональным, запрещение использовать ислам в политической пропаганде, учреждение двухпалатного парламента, проведение референдума об изменениях конституции, а также — выборов в парламент и муниципалитеты

ноябрь — референдум об изменении конституции АНДР. Из 13 114 477 голосовавших (79,8% избирателей) 10 945 321 сказали "да", 1 809 793 — "нет". Новая конституция утверждена 85,81 процентами участников референдума.

1997 г., ноябрь - выборы в Национальное народное собрание Алжира с участием 66% (10 983 985 чел.) избирателей и 39 (из примерно 50 существующих в стране)) политических партий. Победило Национально-демократическое объединение, получившее 3 533 762 голоса и 155 депутатских мандатов, а также - выступающие за прекращение войны Движение общества мира (1 553 185 голосов и 69 мандатов), ФНО (1 489 561 голос и 64 мандата), Ан-Нахда (915 066 голосов и 34 мандата).

1. Аваков Р.М. Французский монополистический капитал в Северной Африке. М., 1958.
2. Алжир (справочник). М., 1977.
3. Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость. М., 1961.
4. Алжирский народ победит. М., 1961.
5. Аллег А. Бойцы в плену. М., 1962.
6. Аллег А. Допрос под пыткой. М., 1957.
7. Аргентов В.А. Алжир на новом пути. М., 1982.
8. Аргентов В.А. Старина и новь Магриба. М., 1985.
9. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: три года на грани гражданской войны. М., 1995.
10. Бен Белла А. Речи и выступления. М., 1964.
11. Бензин А. Походный дневник. М., 1968.
12. Биро П. и Дреш Ж. Средиземноморье. М., 1960, т.1.
13. Бухали Л. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957.
14. Визит Шадли Бенджедида в Советский Союз. М., 1981.
15. Вирабов А.Г. Очерки экономического и социального развития Алжира. М., 1981.
16. Волянский В.Ф., Траскунова А.М. Алжир: от национального освобождения к социальному. М., 1976.
17. Генчев Н. Алжирската национална революция. София, 1967.
18. Горнунг М. Алжирия. М., 1958.
19. Де Голль Ш. Военные мемуары. М., т.1-2, 1957-1960.
20. Джугашвили Г.Я. Алжирский франкоязычный роман. М., 1976.
21. Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX-XX вв. М., 1985.
22. Дюкло Ж. Мемуары. М., 1975. т.2.
23. Егоров И.А. Социально-экономическая структура Алжира. М., 1976.
24. Жансон К. и Ф. Алжир вне закона. М., 1957.
25. Завадовский Ю.Н. Арабские диалекты Магриба. М., 1962.
26. Загладин В.В. Алжирская проблема. М., 1956.
27. Злобин А.А. Алжирская проблема в политике Франции (1958-1962). М., 1965 (канд.дисс.).
28. История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992.
29. Кирей Н.И. Алжир и Франция. М., 1973.
30. Комар В.И. Идейно-политическое развитие ФНО в Алжире (1954-1984). М., 1985.
31. Кондратьев Г.С. Армия алжирской революции. М., 1979.

32. Косолапов Б.Е. Алжир. М., 1959.
33. Культура современного Алжира. М., 1961.
34. Куприн А.И. Франция и страны Магриба. М., 1980.
35. Ланда Р.Г. Алжир на распутье: от Бен Беллы к Бумедьену. М., 1970 (издано спец. бюллетенем ИВ АН СССР № 8/113).
36. Ланда Р.Г. Алжир сбрасывает оковы. М., 1961.
37. Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830-1918). М., 1976.
38. Ланда Р.Г. История алжирской революции. 1954-1962. М., 1983.
39. Ланда Р.Г. Кризис колониального режима в Алжире. 1931-1954. М., 1980.
40. Ланда Р.Г. Национально-освободительное движение в Алжире (1939-1962). М., 1962.
41. Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991.
42. Ланда Р.Г. Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918-1931 гг. М., 1977.
43. Ланда Р.Г. Положение в Алжире. М., 1965.
44. Ланда Р.Г. Страны Магриба: общество и традиции. М., 1988.
45. Максименко В.И. Интеллигенция в странах Магриба. М., 1980.
46. Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе: Марокко, Алжир, Тунис. 20-80-е годы XX в. М., 1985.
47. Мельянцев В.А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984.
48. Национализм и "национальный социализм" в арабских странах: теория и практика. М., 1996.
49. Национальная Хартия Алжирской Народной Демократической Республики. М., 1979.
50. Нерушимая дружба и братство. М., 1964.
51. Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990.
52. Омар А.А. Западноевропейское политико-культурное влияние на развитие стран Магриба в новейшее время и этнокультурный фактор. М., 1994.
53. Потемкин Ю.В. Алжир: проблемы развития. М., 1978.
54. Потемкин Ю.В. Алжирский народ в борьбе за независимость. М., 1962.
55. Прожогина С.В. Франкоязычная литература стран Магриба. М., 1973.
56. Рава Э. Северная Африка на пути к независимости. М., 1960.
57. Риффо М. От вашего специального корреспондента. М., 1965.
58. Руа Ж. Алжирская война. М., 1961.
59. Рубакин А.И. В водовороте событий. М., 1960.
60. Смирнов И.К. Алжир: индустриализация и социально-экономический прогресс. М., 1981.
61. Траскунова А.М. Печать алжирской революции. М., 1979.
62. Уболди Р. Запрещенный репортаж. М., 1959.
63. Фролкин Н.М. Крестьянство в алжирской революции. Киев, 1967.

64. Черкасов П.П. Агония империи. М., 1979.
65. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. М., 1985.
66. Чоаре И. Сахара - не только песок. М., 1961.
67. Шведов А.А., Подцероб А.Б. Советско-алжирские отношения. М., 1986.
68. Шевелев В.Н. Алжир: история, культура. Ростов-на-Дону, 1986.
69. Эгрето М. Алжирская нация существует. М., 1958.
70. Эренбург И.Г. Французские тетради. М., 1958.
71. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914-1936. М., 1958.
72. Эррио Э. Эпизоды 1940-1944. М., 1961.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Résumé

La monographie “Histoire de l’Algérie. 20-ème siècle” se compose de l’introduction, 11 chapitres et la conclusion. L’introduction comprend les données générales sur le pays et l’exposé des étapes principales de l’évolution de l’Algérie des temps anciens jusqu’à la fin du 18-ème siècle. Le chapitre 1 fait le récit de l’assujettisement colonial de l’Algérie, de la spécificité de la colonisation européenne et de la résistance des Algériens au 19-ème siècle. Dans le chapitre 2 il s’agit de l’étape “jeune-algérienne” (1900-1914), marquée par des tentatives d’une libération pacifique de l’Algérie avec l’aide de la France et dans la cadre de la souveraineté de cette dernière. Le chapitre 3 analyse l’effet produit sur l’Algerie par la première guerre mondiale et la décennie qui l’a suivi, en notant plusieurs changements dans sa vie économique, politique et sociale. Le chapitre 4 décrit la montée du mouvement anticolonial et les processus sociaux, culturels et politiques bien compliqués en Algérie. Le chapitre 5 examine l’évolution de la société algérienne durant la deuxième guerre mondiale et les années postérieures en montrant la formation des conditions très variées de la revolution algérienne - économiques, internationales etc.

Le chapitre 6 suit le développement difficile et tortueux de la révolution algérienne et de la guerre libératrice des années 1954-1962. Le chapitre 7 embrasse en générale la periode du gouvernement du premier président Ben Bella (1962-1965), y compris la renaissance de l’Etat national et la définition des directions principales de l’édification post-révolutionnaire. Le chapitre 8 décrit principalement la “triple révolution” (industrielle, agraire et culturelle) et la formation du pouvoir de la bureaucratie autoritaire à l’époque du président Boumediène (1965-1978) et à celle du président Chadli (1979-1991); “le printemps politique” des annèes 1988-1991 est la sujet du chapitre 9. Dans le chapitre suivant il s’agit de l’Algérie de la fin du siècle, plongés dans le gouffre de la guerre civile. L’auteur analyse en détail ses causes, son courant et ses particularités. Enfin, le dernier chapitre (11-ème) est consacré à l’examen des relations entre l’Algérie et la Russie. Dans la conclusion l’auteur expose ses opinions concernant les changements civilisationnels, socio-historiques et socio-culturels que l’Algérie a connues pendant le siècle qui s’achève.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное и учебное издание

Ланда Роберт Григорьевич

История Алжира. XX век

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской Академии Наук

Компьютерный набор, верстка
и редактирование издания
Г.В.Миронова
Эмблема серии — А. Е. Жуков

ЛР №040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 16.03.98 Подписано к печати 15.07.98.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 19,25
Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 800 экз. Зак. № 177

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, Ул.Рождественка, 12

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом Ю.В.Чудодеев

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6